

ISSN 2307-2539 (Print)
ISSN 2712-8202 (Online)

Том 37 №4 • 2025

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор (Россия)

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора), д-р ист. наук, доцент (Россия);

А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);

У. Бросседер, Ph.D., профессор (Германия);

Т.Р. Гермес, Ph.D. (США);

Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Россия);

А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Россия);

Н.Н. Серегин, д-р ист. наук, доцент (Россия);

М.Д. Фрачетти, Ph.D., профессор (США);

А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор (Россия);

Л. Чжан, Ph.D., профессор (Китай)

Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор (Монголия)

Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук (Россия);

Т.С. Паршикова (отв. секретарь), канд. ист. наук (Россия)

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук, профессор (Россия);

Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор (Великобритания);

С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент (Россия);

А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Россия);

И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);

Д.С. Коробов, д-р ист. наук, профессор (Россия);

А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент (Россия);

Л.С. Марсадолов, д-р культурологии (Россия);

П. Линь, Ph.D., профессор (Китай);

А.В. Поляков, д-р ист. наук, профессор (Россия);

А.Г. Ситдииков, д-р ист. наук, профессор (Россия);

К.Ш. Табалдиев, доктор ист. наук, профессор (Кыргызстан);

С.С. Тур, канд. ист. наук (Россия);

Ц. Турбат, Ph.D., доцент (Монголия);

Ц. Фан, Ph.D., профессор (Китай);

Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);

М.В. Шуньков, д-р ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Россия)

Журнал основан в 2005 г., с 2016 г. выходит 4 раза в год.

Учредителем издания является ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет».

Адрес редакции и издателя:

656049, Алтайский край, Барнаул,

пр-т Ленина, 61, каб. 211,

телефон: 8 (3852) 291-256.

E-mail: tishkin210@mail.ru

Утвержден к печати Объединенным научно-техническим советом АГУ.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Печатное издание — журнал «Теория и практика археологических исследований»

© Алтайский государственный университет, 2005–2025.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер

ПИ № ФС77-80671

от 07 апреля 2021 г.

ISSN 2307–2539 (Print)
ISSN 2712–8202 (Online)

Vol. 37 (4) • 2025

THEORY AND PRACTICE OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Barnaul
Publishing house
of Altai State University
2025

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor (Russia)

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief), Doctor of History, Associate Professor (Russia);

A. Beisenov, Candidate of History (Kazakhstan);

U. Brosseder, Ph.D., Professor (Germany);

T.R. Hermes, Ph.D. (USA);

N.N. Kradin, Doctor of History, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

A.I. Krivoshapkin, Doctor of History, Professor, Corresponding Member Russian Academy of Sciences (Russia);

N.N. Seregin, Doctor of History, Associate Professor (Russia);

M.D. Frachetti, Ph.D., Professor (USA);

A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor (Russia);

L. Zhang, Ph.D., Professor (China);

D. Erdenebaatar, Candidate of History, Professor (Mongolia)

D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History (Russia);

T.S. Parshikova (Assistant Editor) Candidate of History (Russia)

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Doctor of History, Professor (Russia);

D.D. Anderson, Ph.D., Professor (Great Britain);

S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor (Russia);

A.P. Derevianko, Doctor of History, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

I.V. Kovtun, Doctor of History (Russia);

D.S. Korobov, Doctor of History, Professor (Russia);

A.L. Kungurov, Candidate of History, Associate Professor (Russia);

P. Ling, Ph.D., Professor (China);

L.S. Marsadolov, Doctor of Culturology (Russia);

A.V. Polyakov, Doctor of History, Professor (Russia);

A.G. Sitdikov, Doctor of History, Professor (Russia);

K.Sh. Tabaldiev, Doctor of History, Professor (Kyrgyzstan);

S.S. Tur, Candidate of History (Russia);

Ts. Turbat, Ph.D., Associate Professor (Mongolia);

Q. Fang, Ph.D., Professor (China);

T.A. Chikisheva, Doctor of History (Russia);

M.V. Shunkov, Doctor of History, Professor, Corresponding Member Russian Academy of Sciences (Russia)

The journal was founded in 2005.

Since 2016 the journal has been published 4 times a year.

The founder of the journal is Altai State University.

The address of the publisher and the publishing house:

office 211, Lenina av., 61, Barnaul,

Altai region, 656049, Russia,

tel.: (3852) 291-256.

E-mail: tishkin210@mail.ru

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher

Print Edition of the journal "The Theory and Practice of Archaeological Research"

© Altai State University, 2005–2025.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications:

PI Registration number No. FS 77-80671 dated April 7, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

В.Г. Котов

Методология изучения орудий каменного века.....9

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е.В. Барсуков, А.С. Зинченко, Б.С. Попова

Усть-Киргизский монастырь, Архимандритская заимка, могильник
близ Томска: результаты археологических исследований в устье реки
Большая Киргизка в 2023 г. (ЗАТО Северск, Томская область).....26

И.И. Бахшиев, М.М. Румянцев, Е.В. Берсенёв

Каменные орудия круглопланового поселения эпохи бронзы Улак-1
(Южный Урал)47

К.Е. Бояринцева

Опыт систематизации перстней из памятников сrostкинской культуры юга
Западной Сибири64

Д.С. Коробов, Е.В. Романенко, Ю.М. Свойский,

А.А. Пичугина, А.Н. Уральская, А.П. Гирич

Цифровое документирование могильника эпохи Великого переселения
народов Левоподкумский-1 в Кисловодской котловине: от фотограмметрии
к трехмерной ГИС.....79

Ж.В. Марченко, С.П. Грушин, А.Е. Гришин, О.А. Позднякова,

Д.А. Кулешов, И.А. Вальков, Н.Д. Евменов

Новые данные к археологической карте эпохи бронзы долины р. Алей
(по результатам работ 2023–2025 гг.) 100

Н.Ф. Степанова

Керамика и проблемы хронологии афанасьевской культуры 118

А.Н. Телегин, А.В. Бекетов

Образы животных в изобразительном искусстве пазырыкской
археологической культуры как маркер половой принадлежности и социального
статуса ее носителей 138

О.А. Федорук, А.С. Федорук

К характеристике керамического комплекса поселения Новоильинка
(Северная Кулунда).....159

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Ю.Н. Гаркуша, О.А. Митько, И.Ю. Слюсаренко

Могильник таштыкской культуры Тесинский Залив-3: археологический
контекст и дендрохронологические исследования.....177

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Н.М. Зиняков

Ремесло и торговля средневековых городов Южного Казахстана и Семиречья
по археологическим данным201

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

С.М. Киреев, Т.В. Тишкина, А.А. Тишкин

Археологическая коллекция Н.С. Гуляева в Национальном музее Республики
Алтай им. А.В. Анохина: история поступления и современное состояние.....219

Н.В. Цыденова

Алтанбулаг — стоянка в Северной Монголии..... 238

ПЕРСОНАЛИИ

В.Ю. Ганенок

Ю.Ф. Кирюшин как организатор и лидер барнаульской научной
археологической школы252

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ..... 269

CONTENTS

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

<i>V.G. Kotov</i> Methodology of Studying Stone Age Tools.....	9
---	---

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>E.V. Barsukov, A.S. Zinchenko, B.S. Popova</i> Monastery at the Estuary of the Kirghizka, Archimandrite's Small Settlement, Burial Ground Near Tomsk: Results of Archaeological Research at the Estuary of the Bolshaya Kirghizka River in 2023 (ZATO Seversk, Tomsk Oblast)	26
<i>I.I. Bakhshiev, M.M. Rumiantsev, E.V. Bersenev</i> Stone Tools from the Circular-Plan Bronze Age Settlement of Ulak-1 (Southern Urals, Russia).....	47
<i>X.E. Boyarintseva</i> The Experience of Systematization of Rings from the Sites of the Srostki Culture of the South of Western Siberia	64
<i>D.S. Korobov, E.V. Romanenko, Yu.M. Svoysky, A.A. Pichugina, A.N. Uralskaya, A.P. Girich</i> Digital Documentation of the Levopodkumsky-1 Burial Ground of the Great Migration Period in the Kislovodsk Basin: from Photogrammetry to 3D GIS	79
<i>Zh.V. Marchenko, S.P. Grushin, A.E. Grishin, O.A. Pozdnyakova, D.A. Kuleshov, I.A. Valkov, N.D. Evmenov</i> New Evidence to the Bronze Age Archaeological Map of the Aley River Valley (based on the results of work in 2023–2025)	100
<i>N.F. Stepanova</i> Ceramics and Problems of Chronology of the Afanasievo Culture	118
<i>A.N. Telegin, A.V. Beketov</i> Animal Images in the Visual Arts of the Pazyryk Archaeological Culture as a Marker of the Gender and Social Status of Its Bearers	138
<i>O.A. Fedoruk, A.S. Fedoruk</i> The Characteristics of the Ceramic Complex of the Novoilinka Settlement (North Kulunda).....	159

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

- Yu.N. Garkusha, O.A. Mitko, I.Yu. Slyusarenko*
Burial Ground of the Tashtyk Culture Tesinsky Zaliv-3:
Archaeological Context and Dendrochronological Research.....177

HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL DISCOVERY AND RESEARCH

- N.M. Zinyakov*
Crafts and Trade in the Medieval Towns of Southern Kazakhstan
and Semirechye Based on Archaeological Evidence201

FROM MUSEUM COLLECTIONS

- S.M. Kireev, T.V. Tishkina, A.A. Tishkin*
N.S. Gulyaev's Archaeological Collection at the A.V. Anokhin National Museum
of the Altai Republic: History of Acquisition and Current State 219
- N.V. Tsydenova*
Altanbulag — a Site in Northern Mongolia 238

PERSONNEL

- V.Yu. Ganenok*
Yu.F. Kiryushin as the Founder and Leader of the Barnaul
Scientific Archaeological School252

- ABBREVIATIONS**..... 269

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Дискуссионная статья / Discussion Article

УДК 903.21

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-01)

EDN: QZEXGJ

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОРУДИЙ КАМЕННОГО ВЕКА

Вячеслав Георгиевич Котов

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН;

Историко-культурный музей-заповедник «Пещера Шульган-Таш», Уфа, Россия;

[koslav1@yandex.ru](mailto:kotavl@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-3510-0058>

Резюме. Методология изучения каменных орудий заключается в философском анализе роли орудия труда в структуре человеческой деятельности. Потребность в свойствах орудия труда детерминируется его использованием, через которое оцениваются все этапы производства этого инструмента. Данная оценка формирует новую потребность уже производственного характера, которая становится источником дальнейшей деятельности уже как некий внутренний образ — «идея орудия». На основе представлений о системности орудийной деятельности и самого орудия труда как системного явления изучение (палеолитических) орудий по возможности должно осуществляться в направлении постижения смысловых установок их производства и употребления («идеи орудия»). Для лучшего понимания этих процессов технико-морфологический анализ орудий необходимо сопровождать трасологическим анализом артефактов, а также экспериментами по моделированию процессов изготовления этих предметов и их использованию по конкретным материалам. В ходе изучения индустрий первичная классификация должна учитывать типы орудий из тип-листа Ф. Борда, а конкретное описание орудий должно быть направлено на выделение рабочих элементов и установление их взаимосвязи с аккомодационными участками.

Ключевые слова: орудие труда, методология, системный подход, технико-морфологический анализ, функциональный анализ

Для цитирования: Котов В.Г. Методология изучения орудий каменного века // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 4. С. 9–25. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-01)

METHODOLOGY OF STUDYING STONE AGE TOOLS

Vyacheslav G. Kotov

Ufa Federal Research Center Russian Academy of Sciences;
Historical and cultural museum-reserve "Shulgan-Tash Cave", Ufa, Russia;
kslav1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3510-0058>

Abstract. The methodology of studying stone tools consists of a philosophical analysis of the role of tools in the structure of human activity. The need for the properties of a tool is determined by its use, through which all stages of its production are evaluated. This evaluation creates a new need of a production nature, which becomes the source of further activity as a kind of internal image — the "idea of a tool". Based on the concepts of the systematic nature of tool activity and the tool itself as a systemic phenomenon, the study of (Paleolithic) tools should be carried out in the direction of understanding the semantic principles of their production and use. Hence, the identification of tool types should be based on technical-morphological and functional analysis ("idea of a tool"). For a better understanding of these processes, technical-morphological analysis of tools must be accompanied by trace analysis of artifacts, as well as experiments on modeling the processes of manufacturing these objects and their use on specific materials. In the course of studying industries, the primary classification should take into account the types of tools from F. Borde's type list, and the specific description of the tools should be aimed at identifying the working elements and establishing their relationship with the accommodative areas.

Keywords: tool, methodology, systems approach, technical and morphological analysis, functional analysis

For citation: Kotov V.G. Methodology of Studying Stone Age Tools. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(4):9–25. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-01)

Введение

Цель работы состоит в обозначении места орудия труда в системе жизнедеятельности древнего человека в палеолите. На этом основывается необходимость системного анализа каменных орудий и индустрий нижнего, среднего и верхнего палеолита. Именно в эти периоды роль орудий труда в становлении социума и человека была особенно важной. В начальные периоды человеческой истории именно в индустриальном комплексе воплощались наиболее существенные проявления человеческой природы и социальной сферы в целом. Отсюда задача исторического анализа должна быть направлена к приближению понимания «идеи орудия» каждого изделия в восприятии древним человеком в ту или иную эпоху. Под «идеями орудий» понимается не попытка угадать, что думал древний человек о конкретном орудии, а установление комплексной связи той или иной устойчивой формы орудий с конкретным набором операций по изготовлению и использованию предмета, реконструируемых различными научными аналитическими методами. Понятно, что этому должны быть подчинены различные методы анализа «орудий труда» каменного века: технологический, типологический, экспериментальный, трасологический.

Отсутствие последовательного системного подхода у ряда исследователей приводит к выделению в индустриях нижнего и среднего палеолита не свойственных данной эпохе изделий, таких как, например, «резцы». Прием обработки рабочих участков орудий узкими торцевыми (резцовыми) снятиями появляется еще в нижнем па-

леолите (Bordes, 1988, p. 49–51, 97). Между тем специализированные орудия для прорезания пазов у вкладышевых изделий — это изобретение верхнего палеолита. Кроме того, некоторые авторы сохраняют убеждение в том, что каждому периоду каменного века должен быть свойствен соответствующий набор «ведущих форм» орудий, который должен исчезать в последующую эпоху. Однако существуют многочисленные примеры появления тех или иных орудийных форм в индустриях предшествующего этапа, например концевые скребки, проколки и резчики в среднем и даже нижнем палеолите (Bordes, 1988). Большие сомнения вызывает и методика составления сводных таблиц из материалов различных памятников для обоснования археологических культур в верхнем палеолите. С учетом субъективизма в отборе изделий эта практика вызывает часто справедливую критику со стороны исследователей. В этом же ключе нередко следует воспринимать случаи отбора из какой-либо единой коллекции группы «подлинных» артефактов, под которыми понимаются исключительно каменные изделия со сложной структурой и «узнаваемых» форм. В результате остальные предметы остаются вне поля научного анализа. Все эти и многие другие задачи требуют постоянного обращения к методологическим принципам изучения индустрий древнекаменного века.

Орудия каменного века как философский феномен

Методологические принципы изучения любого социального явления должны основываться на выявлении его места в системе человеческой деятельности (Ильенков, 1961, с. 105). Впервые полноценный анализ деятельности был предпринят в классической немецкой философии К. Марксом и Ф. Энгельсом. Сущностным проявлением человеческой деятельности является производство, которое, по К. Марксу, предстает как такое присвоение индивидом предметов природы, в ходе которого он приспособливает последние к своим потребностям (Маркс, Энгельс, 1960, с. 23–25). В самом феномене приспособления природы (пускай даже ее части в виде отдельных предметов) и состоит важнейшее отличие жизнедеятельности человека от жизнедеятельности животных (Маркс, Энгельс, 1956, с. 565, 566).

Деятельность, как процесс преобразования природы, основана на применении различных посредников-орудий, которые человек помещает между собой для преодоления сопротивления, оказываемого природными предметами в процессе их изменения сообразно человеческим потребностям (Гегель, 1935, с. 227; Маркс, Энгельс, 1960, с. 25). В результате деятельность изначально выступает как способ опосредованного удовлетворения человеческих потребностей (Николов, 1984, с. 75), который имеет свою опосредованную логику — «логику посредника» (Сабуро, 1985, с. 50).

Поскольку человеческая деятельность может осуществляться только при наличии посредников, производство орудий труда является такой предпосылкой, которая порождает все остальные формы человеческой жизнедеятельности (Ильенков, 1961, с. 88).

В отличие от абстракции животных, в ходе человеческой практики не просто выделяются из общей массы естественных предметов предметы с полезными свойствами, а эти свойства видоизменяются для получения других свойств, имеющих в представлении как потребность или цель. Это значит, что производство изначально носит целесообразный характер. В этом случае знания о свойствах обрабатываемого предмета

выделяются как средство своего последующего изменения в ходе обработки, которые объективируются прежде всего в средствах труда. Поэтому в какой-то мере можно сказать, что орудия труда являются вершиной разума формирующегося человека, или своеобразными «символами», «смысловые значения» которых были неразрывно связаны с контекстом их непосредственного использования, а «предметные значения» — с их формой. Форма орудия диктует определенные свойства и употребление инструмента.

Потребность в свойствах орудия труда определяется его использованием, через которое оценивается весь цикл производства этой вещи. Эта оценка формирует новую потребность уже производственного характера, которая становится источником дальнейшей деятельности уже «как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 28). Этот внутренний образ орудия, или «идея орудия», определяется теми свойствами, которые в совокупности приданы предмету производством, а значит, производством же создается и идеальная предпосылка своего существования — цель, или «влечение к потреблению» свойств орудия труда (Маркс, Энгельс, 1960, с. 30).

Философский анализ места и роли орудия труда в структуре человеческой деятельности показывает необходимость изучения каменных орудий как системных явлений в единстве их производства и употребления.

Системность орудия труда как посредника проявляется и в том, что оно вступает в контакт как с субъектом, так и с объектом производства, и форма орудия является результатом «приспособления» к свойствам субъекта и объекта. На практике это проявляется в том, что приспособление к захвату рукой производится в связи с оформлением рабочих участков. От того, как орудие труда приспособлено к субъекту, зависит точность и эффективность производимых операций. Непосредственно в контакт с объектом входят рабочие лезвия орудия, при этом под встречным воздействием материала происходит их деформация. Таким образом, формирование рабочих лезвий орудия предполагает разрешение двух взаимоисключающих друг друга целей: создать условия для потребления формы/свойств объекта при этом сохранив форму/свойства орудия труда. Данное противоречие обычно разрешается изготовлением той устойчивой формы лезвия, которую оно получило «через утилизацию в конкретных технологических циклах» (Филиппов, 19776, с. 11). Между тем эффективность рабочих участков любой орудийной формы оценивается по затратам мускульной энергии при достижении необходимого результата (Бонч-Осмоловский, 1940, с. 82; Семенов, 1957, с. 233). Производство и потребление орудия труда имеет взаимообусловленный характер, поэтому повторяемость его использования в каком-либо производстве обуславливает устойчивую форму инструментов. С другой стороны, стабильность формы базировалась на системном соединении рукояточных и рабочих элементов инструмента (Филиппов, 19776, с. 13; Анисюткин, Филиппов, 1986, с. 63).

Исходя из этого, при анализе конкретной формы орудия мы должны руководствоваться задачей реконструкции структуры древнего инструмента через воссоздание на основе морфологических характеристик процесса его изготовления. Понимание структуры орудия в ходе обобщения данных по изделиям в каждой индустрии позволит отделить общие характеристики процесса их производства от случайных, связанных с особенностями сырья, субъекта и пр. и в конечном итоге даст возможность реконструировать вероятную обобщенную «функцию» каждой орудийной формы.

Изучением конкретных функций орудий занимается трасология. Трасологическое исследование всегда начинается с морфологического изучения изделия для реконструкции процесса его изготовления и в целях обнаружения видимых глазом повреждений поверхности и заканчивается сопоставлением выявленных микроследов использования с морфологией лезвия и орудия в целом. При этом трасология может только «...проверить и уточнить функциональные определения орудий по признакам формы и обработки» (Щелинский, 1983, с. 132). Ряд трасологов полагают, что для орудий нижнего и среднего палеолита часто характерно совпадение формы и функций и «главные» функции орудий можно реконструировать по «признакам формы и обработки» (Щелинский, 1983, с. 117, 132, 133; Филиппов, 1977б, с. 11). Некоторые исследователи считают, что в устойчивой форме какого-либо орудия воплощается обобщенное представление о ее устойчивом употреблении при осуществлении конкретного вида деятельности в рамках какого-либо круга операций, объединенных одним предметом обработки (обработка шкур, разделка туш, обработка деревянных и костяных предметов и др.) (Щелинский, 1983, с. 110; Анисюткин, Филиппов, 1986, с. 63). По мнению А.К. Филиппова, «... в динамике употребления различных активных элементов возникают устойчивые сопряжения: лезвия и острия, лезвия и скребковой кромки; или — лезвия, режущего угла и скребковой кромки, наконеч, лезвия, острия и обушка» (Филиппов, 1977б, с. 7–8). Это проявляется в разнообразии устойчивых форм орудий, обладающих «развитой формой целостности», которая выступает как осознанная «опозиционная» связь «рабочей и рукояточных частей» (Филиппов, 1977б, с. 10).

Для определения функциональной интерпретации орудийной формы определяющее значение имеет выделение рабочей или активной части инструмента. В качестве активной рабочей кромки могут выступать как формы лезвия, образованные раскалыванием, так и различные формы кромок и острий, сформированные с помощью ретуши. Кроме формы лезвия функциональную значимость имеет угол заострения, характер вторичной обработки, степень выровненности, забитость лезвия и другие формальные характеристики (Щелинский, 1983, с. 132).

На форму и пропорции орудий могут влиять также размеры руки и заготовок (Филиппов, 1977б, с. 10), от которых зависят определенные способы захвата рукой при выполнении одних и тех же операций и соответствующее этому аккомодационное оформление (Семенов, 1957, с. 128–130). Кроме того, А.К. Филиппов утверждал, что пропорции орудий зависят и от размера обрабатываемого предмета (Филиппов, 1977а, с. 168). Надо учитывать и субъективный фактор, в частности «...индивидуальные склонности древних мастеров в подборе подходящего скола и приспособления орудия к руке» (Щелинский, 1983, с. 133).

На определенном этапе развития технологии появляется потребность в устойчивом типе сколов, что достигается предварительной подготовкой предметов расщепления, т.е. «стандартность» сколов была обусловлена «стандартностью» пренуклеусов и нуклеусов. Появление этой технологии означало отход от конкретно-избирательного расщепления камня и переход к стадиальной последовательности расщепления: изготовление определенной формы пренуклеуса и последующее взаимообусловленное снятие заготовок с ядрища с целью получения сколов с определенными параметрами. Самым ранним проявлением этой технологии является леваллуазская техника, появившаяся в раннем палеолите (Гиря,

1997, с. 145). Возникновение этой технологии означало кардинальное усложнение структуры процесса производства, поскольку процесс получения орудия распался на этапы формообразования, предполагающие существование промежуточных «образов» изделий и соответственно усложнение системы «технологических» потребностей наряду с «орудийными» (Деревянко, Волков, Петрин, 1999, с. 55). В последующем потребность в получении длинного прямого режущего лезвия орудия соединилась с необходимостью получения сколов определенного вида — пластин, как более экономной и результативной технологии, которая стала господствующей в Евразии в эпоху верхнего палеолита (Гирия, 1997, с. 145, 149). В свою очередь, совершенствование пластинчатой технологии стимулировалось развитием вкладышевых орудий (Котов, 1996; Гирия, 1997, с. 149; Лисицын, 2000, с. 124).

Назначение орудия, объективированное его изготовлением, и использование орудия, установленное с помощью трасологического анализа, различаются разной степенью обобщенности. И если в первом случае назначение выступает как обобщенная в результате тысячекратного предшествующего использования «идея орудия», то во втором случае назначение выступает как конкретное, ситуативное использование данного орудия. Сопоставлять эти два значения можно только через обобщение многочисленных всесторонних функционально-трасологических исследований и по пути все большей конкретизации представлений об «идее орудия», отраженной в его форме, в результате углубленного технико-морфологического анализа. Оба направления в своих выводах могут дополнять друг друга, но различия между ними будут сохраняться по причине того, что каждому из них соответствует своя методика исследования (Котов, 1999, с. 8). Корреляция выводов этих методов должна стать основой для создания «...триединого, технического, морфологического и функционального, подхода» к анализу и классификации каменных орудий (Рогачев, 1973, с. 15). Здесь следует особо отметить, что мы придерживаемся конкретно-исторического подхода в анализе археологического материала по А.Н. Рогачеву и М.В. Аниковичу, согласно которому выделение общего и особенного в инвентаре конкретного памятника как некой системы должно основываться на изучении конкретных изделий как ее элементов. Обобщение этого знания в совокупности с пониманием особенностей хозяйства, природных условий и временных рамок совокупности памятников со сходной индустрией дает основание для выделения неких социальных границ — археологической культуры (Аникович, 2007, с. 70).

Подводя итог всему сказанному, следует отметить следующее: 1) «орудие труда» является важнейшим и сущностным проявлением человеческой деятельности; 2) оно является продуктом системной по своей природе активности; 3) «орудие труда» само является элементом системного процесса отношения человека и природы (природного объекта); 4) «орудие труда» в характере исходной заготовки и вторичной обработки содержит в себе информацию о структуре производства и вероятной его функции; 5) производство «орудия труда» как акт сложного опосредования возможно только при наличии устойчивого образа как самого орудия, так и всей цепочки операций по его изготовлению и использованию — «идеи орудия»; 6) фиксируемое археологами сходство форм орудий, транслируемое в течение продолжительных временных периодов и на огромных пространствах, свидетельствует о существовании у древнего человека совокупности сходных представлений о формах орудий и особенностях изготовления

и их использования; 7) типологическая классификация орудий должна основываться на технико-морфологическом и функциональном анализе с целью приблизиться к пониманию «идеи орудия» древнего человека; 8) совокупность типов орудий и других проявлений человеческой активности (технологии, особенности жилищ и поселений, культовая практика и пр.) в рамках родственных индустрий и составляет облик той или иной культурной традиции; 9) процентное соотношение типов орудий и других изделий дает возможность более точно зафиксировать культурные и стадийные особенности как отдельных памятников, так и культурных традиций.

В классификации каменных орудий палеолита мы придерживаемся подхода, согласно которому при выделении типов необходимо ориентироваться на уже известные системы, если углубленный технико-морфологический анализ как отдельных изделий, так и всего комплекса артефактов выявляет сходство с уже известными типами (Беляева, 2015, с. 23). Под сходством понимаются не только формальные признаки, но и технологические и функциональные характеристики, указывающие на принадлежность идентичным видам деятельности (Гиря, 2015, с. 27; Щелинский, 2015, с. 37–38).

Методика системного описания каменных орудий

С учетом вышесказанного был сформулирован ряд методологических положений в изучении каменных изделий. Во-первых, «идея орудия» — это результат выработки в течение долгого времени тех или иных наиболее эффективных приемов изготовления и, главное, универсальных форм орудий, используемых в определенных производственных циклах, другими словами — формирование некоей «культурной нормы». Необходимо отметить, что наряду с этим существовали изделия, которые могли создаваться в соответствии с конкретной ситуацией (особенности и доступность сырья, потребности производства, субъективные особенности, как, например, возраст или пол изготовителя и пр.). Соответственно наряду с устойчивыми сериями типов изделий могут быть специфические формы. Во-вторых, выделяемые на основе технико-морфологического анализа устойчивые формы изделий, или типы, имеют в своей основе функциональные характеристики (Bordes, 1988). В-третьих, «идея орудия» предполагает системный характер существования «орудия» внутри орудийной деятельности — от изготовления «орудия» до его использования. Системность, например, может проявляться в сходных приемах изготовления нуклеусов и орудий, как это мы видим в раннем и среднем палеолите.

Отсюда проистекает вывод, что наличие устойчивых форм изделий указывает на присутствие «культурной нормы», являющейся основанием для выделения типов «орудий» и их совокупности — тип-листа для каждого памятника. Сходство и различие в наборе типов изделий — тип-листа памятника может указывать на его место среди других памятников в регионе и памятников на территории Евразии, а также может дать информацию о наличии культурного и этнического взаимодействия. Мы поддерживаем точку зрения тех исследователей, которые говорят о необходимости двуединого подхода к археологическому материалу: с одной стороны, использование служебного тип-листа в целях сравнительного анализа индустрий, а с другой — типологической классификации комплексов для выявления структуры и индивидуальных особенностей каждой индустрии (Беляева, 1998, с. 46–47; Kolpakov, Vishnyatsky, 1989).

Как проявляется в конкретных исследованиях идея системности «орудия труда»? Изучение коллекций начинается с описания отдельных изделий как некой системы: каждый предмет должен углубленно анализироваться как результат определенного процесса с целью реконструкции в конечном итоге целей этих действий, что касается как нуклеусов и сколов, так и орудий. В процессе описания необходимо обращать внимание на исходную заготовку, технику удара, последовательность и направления снятий и пр. Эти наблюдения проверяются моделированием этого процесса с помощью эксперимента с этим же сырьем. На основании характера морфологии обработанных участков и всего изделия реконструируется предполагаемая функция, которая также должна подтверждаться экспериментом (экспериментальным изготовлением и использованием изделия) и желательным трасологическим анализом. Восприятие индустрий как системы в основе своей подразумевает ряд положений. Форма нуклеусов и орудий может зависеть от формы заготовок; часто при обработке нуклеусов и бифасов использовались аналогичные технические приемы, что было характерно для памятников нижнего и среднего палеолита. Подготовка нуклеусов к расщеплению (обработка ударной площадки и фронта скалывания, удаление карниза, формирование точки удара и пр.) нередко имеет сходство с технологией обработки бифасов. В каждой индустрии присутствует системная связь функциональной природы между определенными изделиями, существование которых взаимно обусловлено. Например: форма отбойников и посредников обычно связана с морфологией нуклеусов и орудий, а также с конкретными техническими задачами, которые ставил перед собой древний мастер. Точно так же совершенствование техники раскалывания нуклеусов сразу переносится в сферу вторичной обработки (Бонч-Осмоловский, 1940, с. 81). Новые, более «прогрессивные» формы и техники сначала появляются как редкие и неустойчивые проявления «опережающего развития». Еще Г.А. Бонч-Осмоловский указывал, что «...подобные случаи раннего появления предвестников новых технических навыков, смущающие многих специалистов, далеко не единичны в палеолите. В последние годы все с большей определенностью вырисовывается, что и обработка кости и появление резцов уходят своими корнями в такую глубь веков, что, казалось, путают наши представления о последовательности этапов развития» (Бонч-Осмоловский, 1940, с. 76).

Убедиться в системном характере любой индустрии и в необходимости комплексного подхода при ее систематизации можно на примере таких изделий, как «резцы». Само по себе наличие резцов уже предполагает развитую пластинчатую индустрию, а также «вкладышевый комплекс»: основы с пазами из дерева, рога, кости и вкладышевые изделия (геометрические вкладыши, пластины с притупленной спинкой, сегментированные пластины и пр.). Поэтому нам следует быть очень осторожными, выделяя эту категорию орудий в индустриях раннего или среднего палеолита, где фиксируются изделия с резцовым сколом, но отсутствуют нуклеусы для пластин и пластинок, а также вкладыши. И лучше их идентифицировать как изделия «с подтеской» резцовыми сколами или как изделия с расщеплением торцевыми снятиями заготовки орудия и пр. В ином случае это будет вводить в заблуждение исследование, навязывая «...атипичным по существу орудиям чуждую им оформленность» (Бонч-Осмоловский, 1940, с. 86).

С подобной проблемой мы столкнулись на примере среднепалеолитических индустрий стоянки-мастерской Кусимово-6 и стоянки в пещере Иманай-1 (Гимранов, Котов,

Румянцев, 2017; Котов, Румянцев, Гимранов, 2020). Исходя из методологической установки о системности любой индустрии, изделия с резцовыми сколами в этих коллекциях нами были интерпретированы не как «резцы», а как «резчики с подтеской» или как «орудия на сегментированных торцовыми снятиями заготовках».

Типологический метод анализа каменных изделий эпохи палеолита базируется на системе, разработанной в 50-х гг. прошлого века Ф. Бордом (Bordes, 1988). Он основывается на углубленном морфологическом анализе изделий, изготовленных преимущественно на стандартных заготовках (отщепях и пластинах). Важнейшими принципами классификации орудий являлись соотношение оси орудия и оси снятия заготовки, а также связь формы рабочих лезвий и формы отщепя (Binford, 1983, p. 88). Таким образом, в основание типологической классификации Ф. Борда были положены технологическая и функциональная характеристики изделий, заключающиеся в изначально присутствующем в леваллуазской технологии стремлении к предсказуемости получения заготовок определенной формы (леваллуазское острие, овальный отщеп, пластинчатый скол). В связи с этим в леваллуазском технокомплексе присутствует набор сложных приемов первичной обработки, причем нуклеусы также имеют устойчивую форму. Регулярность присутствует и во вторичной обработке: набор разнообразной и систематической ретуши, широко применяется отжимная ретушь, техника уплощения ударных бугорков и дорсальной поверхности, часто орудиям придаются симметричные формы. Для индустрий среднего палеолита, в которых присутствуют заметные характеристики леваллуазской технологии, характерна ярко выраженная стандартность большинства изделий, что позволяет широко применять статистику по итогам морфологического анализа индустрий и проводить сравнительный анализ различных памятников и групп стоянок между собой. Исследователи считают, что система Ф. Борда опирается на повторяемость характерных форм орудий, и хотя часть их представляет сочетание 2–3 рабочих элементов, разделение орудий по функциональным группам производилась им на основе выделения только одной функции (Коробков, Мансуров, 1972, с. 60). В философском смысле леваллуазские индустрии отражают более высокий уровень опосредования технологических цепочек и соответственно более высокий уровень ментальности и социально-исторического развития древнего человека. Данное положение подтверждается и дальнейшей эволюцией технологии обработки камня в этом же направлении. Это наглядно иллюстрирует и современная методика изучения среднепалеолитических индустрий на основе построения технологических цепочек оформления ручных орудий из камня (Колобова и др., 2023).

Особенности описания аморфных нелеваллуазских индустрий

Классификация «нелеваллуазских» индустрий нижнего и среднего палеолита, к которым относились «тейяжские» индустрии, строится на других принципах. В этих индустриях расщепление нуклеусов является в основном ситуативным, в результате и заготовки также аморфные и небольшого размера (в основном до 50 мм). Часто в качестве заготовок выступали массивные отщепы большой толщины, нередко укороченные, долечные сколы, а также осколки, расщепленные гальки и куски кремня. Недостатки заготовок обычно компенсировались разнообразными приемами вторичной обработки: уплощением поверхности сколами от основания или краевыми, получением ровных граней торце-

вым расщеплением, рабочие участки могли выделяться крупными и широкими резцовыми сколами и пр. Индексы леваллуа (IL) обычно низкие: фасетированные ударные площадки и леваллуазские сколы единичные. Среди орудий скребла не являются преобладающими, господствуют комбинированные орудия, сочетающие скребловидные участки с остриями/шипами и выемчатыми участками. Острия могли выделяться клетонскими анкошами, ретушью или небольшими выемками, обрабатываться подтеской резцовыми сколами. Вторичная обработка отличается грубостью и аморфностью, формообразующая ретушь и другие способы обработки характеризуются аморфностью и ситуативностью: она нередко сконцентрирована строго в определенных местах заготовки (на углах, выступах), часто формирующих один или несколько рабочих участков.

Исходя из этого, Г.А. Бонч-Осмоловский и вслед за ним И.И. Коробков предложили методику описания орудий как совокупность «рабочих элементов» (Бонч-Осмоловский, 1940, с. 86; Коробков, Мансуров, 1972, с. 61). Она может быть более приспособлена для анализа нелеваллуазских аморфных индустрий нижнего и среднего палеолита. Здесь необходимо особо отметить, что выделение и описание «рабочих элементов» должно основываться не на интуитивном понимании их функции, а на трасологическом анализе. Это также позволит исключить ошибки в интерпретации каких-либо естественных повреждений как искусственной обработки.

Архаический характер «нелеваллуазских» аморфных индустрий требует своего объяснения. Некоторые исследователи подобных памятников высказывали осторожное мнение, что сходство «функциональных групп» и целого ряда одинаково оформленных элементов в индустриях, находящихся на большом расстоянии друг от друга, является свидетельством более общего сходства — «единого пути развития, в основе которого, возможно, лежат более общие социально-экономические закономерности эволюции общества в палеолите» (Коробков, Мансуров, 1972, с. 61). Один из ведущих специалистов по этой проблематике Н.К. Анисюткин полагал, что «нелеваллуазские» индустрии среднего палеолита следует воспринимать как «пережиточный ранний палеолит» (Анисюткин, 2019, с. 125). Южноуральские материалы показывают, что архаический облик кусимовская индустрия среднего палеолита сохраняет вплоть до начала верхнего палеолита, и она фактически сосуществует с микокской индустрией и пластинчатыми индустриями верхнепалеолитического облика (Котов, 2024, с. 25).

При изучении подобных индустрий необходим комплексный подход, который должен учитывать разработки типологического метода Ф. Борда, а также методику И.И. Коробкова и Н.К. Анисюткина: первичная классификация может учитывать типы орудий из тип-листа Ф. Борда, а конкретное описание орудий должно быть направлено на выделение рабочих элементов и установление их взаимосвязи с аккомодационными участками. По нашему мнению, в основу морфологического описания должна быть положена реконструкция процесса изготовления (а также переоформления/подправки) изделия, и в случае с орудием это поможет понять его обобщенную функцию или функции. Для лучшего понимания процесса производства должны осуществляться в ходе экспериментов моделирование процессов изготовления предметов из этого сырья и варианты использования рабочих участков конкретных орудий для оценки их эффективности и сходства микроследов работы. О необходимости учитывать археологами-палеолитчиками данных экспе-

риментов по раскалыванию нуклеусов и изготовлению орудий при типологической классификации палеолитических индустрий писал еще Ф. Борд (Bordes, 1988, p. 102). В случае хорошей сохранности изделий трасологические исследования позволяют уточнить и конкретизировать функциональное назначение конкретных орудий.

Впервые методика системного описания орудий палеолитических памятников была разработана в 30-х гг. прошлого века Г.А. Бонч-Осмоловским (Бонч-Осмоловский, 1940). Потом она была конкретизирована и дополнена трудами последователей экспериментально-трасологического метода С.А. Семенова (1957, 1968, 1983), В.Е. Щелинского (1974, 1975, 1977, 1983, 2015), А.К. Филиппова (1977а–б, 1983), А.Е. Матюхина (1983), Е.Ю. Гири (1997, 2015), П.Е. Нехорошева (1993).

В последние десятилетия углубленный технико-морфологический анализ дал возможность выявить общее и особенное в индустриях конкретных памятников и групп стоянок на большей части Евразии. В настоящее время классификация археологических комплексов подразделяется на индустрии, под которыми понимается комплекс изделий отдельного памятника, группы родственных памятников на территории небольшого географического ареала объединяются в индустрийные традиции. Совокупность индустрийных традиций, схожих по технологии производства заготовок и типов орудий, подразумевает технокомплексы (Степанчук, 2015, с. 31).

Выводы

Исходя из представлений об орудии труда и совокупности орудий как системного явления, требующего комплексного подхода, возможно взглянуть на историю изучения каменного века с этой точки зрения. Условно ее можно разделить на ряд этапов.

1. Период формирования археологической науки в XIX — 1-й половине XX в., выработка методики исследования и описания, терминологии, накопление информации. В характере описания каменных изделий доминирует идея технико-морфологического единства индустрий на всех территориях и восприятие орудий как неких стадийальных явлений, например: «шельская эпоха», «мустьерское время», «ориньякская эпоха» и др. (Мортилье Г., Мортилье А., 1903; Обермайер, 1913; Ефименко, 1953). Это период выделения в разных памятниках Евразии сходных типов орудий внутри археологических комплексов, которые имели характер «культурных маркеров» временных пластов подобно геологической стратиграфии (Binford, 1983, p. 86).

2. Период активного накопления материала с 30-х по конец 80-х гг. XX в. и охват исследованиями всех территорий земного шара характеризовался выделением региональных особенностей каменных индустрий и дальнейшим совершенствованием типологических классификаций. В основе методологии описания палеолитических коллекций господствует идея выделения «ведущих форм орудий» внутри агрегатных скоплений для обозначения культур (Binford, 1983, p. 84). После работ Ф. Борда стали широко применяться статистико-комбинаторные методы исследований для уточнения локальных особенностей тех или иных культурных традиций.

3. Период становления комплексного подхода, основанного на использовании данных типологического, экспериментального и трасологического методов исследований. Отдельные прорывные исследования (Г.А. Бонч-Осмоловский, С.А. Семенов) относят-

ся к более раннему времени (Бонч-Осмоловский, 1940; Семенов, 1957, 1968). С начала 1990-х начался глобальный процесс унификации терминологии и выработки критериев общего и особенного в исследованиях индустрий эпох палеолита. Появляется все больше работ, в которых используется «триединый» (морфологический, экспериментальный и трасологический) подход в описании коллекций тех или иных памятников (см.: Voëda et al., 2021; Жилин, Руев, Симоненко, 2024). Он позволяет выделять и обосновывать особенности каждого памятника и своеобразия локальных групп памятников внутри более крупных общностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аникович М.В. А.Н. Рогачев и «конкретно-исторический подход» в палеолитоведении // Российская археология. 2007. № 4. С. 64–71.

Анисюткин Н.К. Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы // Revista Arheologică, serie nouă. 2019. Vol. XV, nr. 2. Pp. 115–128.

Анисюткин Н.К., Филиппов А.К. К характеристике раннепалеолитических комплексов // Палеолит и неолит. Л. : Наука, 1986. С. 58–64.

Беляева Е.В. О перспективах типологии в изучении мустьерских орудий // Изучение раннего палеолита старого света. К 80-летию Василия Прокофьевича Любина. СПб. : ИИМК РАН, 1998. С. 41–52. (Археологические изыскания. Вып. 57)

Беляева Е.В. Сравнительный анализ раннепалеолитических индустрий: проблемы и подходы // Методы изучения каменных артефактов. СПб. : ИИМК РАН, 2015. С. 18–24.

Бонч-Осмоловский Г.А. Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма. Вып. 1. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 226 с.

Гегель В. Сочинения. Т. VIII. М.; Л. : Соцэгиз, 1935. 468 с.

Гимранов Д.О., Котов В.Г., Румянцев М.М. Результаты комплексных исследований многослойной стоянки в пещере Иманай-1 на Южном Урале // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе: в 3 т. Т. 1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 251–252.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микромакроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб. : Академ Принт, 1997. 198 с.

Гиря Е.Ю. Анализ каменных индустрий: морфология, морфография, контекст // Методы изучения каменных артефактов. СПб. : ИИМК РАН, 2015. С. 24–28.

Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т. Технология галечного расщепления камня в палеолите (по материалам микроиндустрии памятника Шоктас I). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. 213 с.

Ефименко П.П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени: изд. 3-е, перераб. и доп. Киев : Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1953. 663 с.

Жилин М.Г., Руев В.Л., Симоненко А.А. Экспериментально-трасологические исследования наконечников стрел в мезолите горного Крыма // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24, № 1. С. 47–67.

Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М. : Наука, 1961. 285 с.

Колобова К.А., Харевич А.В., Чистяков П.В., Бочарова Е.Н., Тюгашев И.Е., Маркин С.В., Олсен Дж.У. На востоке неандертальской ойкумены: сравнительное исследование Сухой Мечетки и микокских комплексов Алтая // *Camera praehistorica*. 2023. № 2. С. 20–39. DOI: 10.31250/2658–3828–2023–2–20–39

Коробков И.И., Мансуров М.М. К вопросу о типологии тейкско-зубчатых индустрий (на основе материалов местонахождения Чахмаклы в Западном Азербайджане) // *Палеолит и неолит СССР*. Т. VII. Посвящается 60-летию П.И. Борисковского. Л. : Наука, 1972. С. 55–67 (Материалы и исследования по археологии СССР. № 173)

Котов В.Г. Возникновение пластинчатых индустрий в связи с развитием вкладышевых орудий // XIII Уральское археологическое совещание (23–25 апреля 1996 г.): Тез. докл. Ч. 1. Уфа : Восточный университет, 1996. С. 48–50.

Котов В.Г. Методологические принципы анализа каменных орудий // *Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии*. Первые Семеновские чтения. СПб. : б.и., 1999. С. 7–9.

Котов В.Г. Средний и верхний палеолит Южного Урала: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2024. 53 с.

Котов В.Г., Румянцев М.М., Гимранов Д.О. Стоянка среднего палеолита в пещере Иманай-1 на Южном Урале // *Oriental study*. 2020. Т. 13, вып. 5. С. 1271–1291. DOI: 10.22162/2619–0990–2020–51–5–1271–1291

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2000. 232 с. (*Archaeologica Petropolitana*, IX)

Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М. : Гос. изд-во политической литературы, 1956. 689 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Экономические рукописи 1857–1859 гг. Соч.: 2-е изд. Т. 46, ч. 1. М. : Гос. изд-во политической литературы, 1960. 244 с.

Матюхин А.Е. Орудия раннего палеолита // *Технология производства в эпоху палеолита*. Л. : Наука ЛО, 1983. С. 134–187.

Мортилье Г., Мортилье А. Доисторическая жизнь. Происхождение и древность человека: изд. 3-е, перераб. доп. СПб. : Т-во «XX Век», 1903. 575 с.

Нехорошев П.Е. К методике изучения нижнепалеолитической техники и технологии расщепления камня // *Российская археология*. 1993. № 3. С. 100–119.

Николов Л. Структуры человеческой деятельности. М. : Прогресс, 1984. 146 с.

Обермайер Г. Доисторический человек // *Человек в его прошлом и настоящем*: в 3 т. Т. 1. СПб. : Брокгауз-Ефронъ, 1913. 687 с.

Рогачев А.Н. Каменные орудия как исторический источник // *КСИА*. Вып. 137. М. : Наука, 1973. С. 14–21.

Сабуро Я. Философские размышления о развитии человека. К вопросу о теории отчуждения К. Маркса // *Японские материалисты*. Актуальные проблемы философской науки и история философской мысли в Японии. М. : Наука, 1985. С. 9–66.

Семенов С.А. Первобытная техника: (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 240 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 54).

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л. : Наука, 1968. 362 с.

Семенов С.А. Введение // Технология производства в эпоху палеолита. Л. : Наука, 1983. С. 40–43.

Степанчук В.Н. Соотношение типологического и технологического подходов в реконструктивных обобщениях // Методы изучения каменных артефактов. СПб. : ИИМК РАН, 2015. С. 28–32.

Филиппов А.К. Трасологический анализ каменного и костяного инвентаря из верхнепалеолитической стоянки Мураловка // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л. : Наука, 1977а. С. 167–181.

Филиппов А.К. Связь формы и функции изделий человека в палеолите: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977б. 18 с.

Филиппов А.К. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. Л. : Наука, 1983. С. 9–71.

Щелинский В.Е. Производство и функции мустьерских орудий (по данным экспериментального и трасологического изучения): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974. 18 с.

Щелинский В.Е. Трасологическое изучение функций каменных орудий Губской мустьерской стоянки в Прикубанье // КСИА. Вып. 141. М. : Наука, 1975. С. 51–57.

Щелинский В.Е. Экспериментально-трасологическое изучение функций нижнепалеолитических орудий // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л. : Наука ЛО, 1977. С. 182–196.

Щелинский В.Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. Л. : Наука, 1983. С. 72–132.

Щелинский В.Е. Что мы хотим узнать, изучая каменный инвентарь палеолитических стоянок? Основные методы изучения каменных изделий // Методы изучения каменных артефактов. СПб. : ИИМК РАН, 2015. С. 32–42.

Binford L.R. In pursuit of the Past. Decoding the Archaeological Record. Berkely. Los Angeles; London : University of California Press, 1983. 260 p.

Bordes F. Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Bordeaux : Delmas, 1988. 103 p.

Boëda E., Ramos M., Perrez A., Hatter C., Lahaye C., Pino M., et al. 24.0 kyr cal BP Stone Artefact from Vale da Pedra Furada, Piauí, Brazil: Techno-functional analysis // PLoS ONE. 2021. T. 16, № 3. Pp. e0247965. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247965>

Kolpakov E.M., Vishnyatsky L.B. The Bordes Method? // Norwegian Archaeological Review. 1989. Vol. 2, № 22. Pp. 107–118.

REFERENCES

Anikovitch M.V. A.N. Rogachev and the “Concrete-Historical Approach” in Paleolithic Studies. *Rossijskaya arheologiya = Russian archeology*. 2007;4:64–71 (*In Russ.*)

Anisyutkin N.K. Duruitorsky Variant of the Tayak Technocomplex in the Territory of Eastern Europe. *Revista Arheologică, serie nouă*. 2019; XV(2):115–128 (*In Russ.*)

Anisyutkin N.K., Filippov A.K. On the Characterization of Early Paleolithic Complexes. In: *Paleolithic and Neolithic*. Leningrad : Nauka, 1986. Pp. 58–64 (*In Russ.*)

Belyaeva E.V. On the Prospects of Typology in the Study of Mousterian Tools. In: Early Paleolithic Studies in the Old World. On the 80th Anniversary of Vasily Prokofievich Lyubin. St. Petersburg : IIMK RAN, 1998. Pp. 41–52 (Archaeological Research. Issue 57). (*In Russ.*)

Belyaeva E.V. Comparative Analysis of Early Paleolithic Industries: Problems and Approaches. In: Methods of Studying Stone Artifacts. St. Petersburg : IIMK RAN, 2015. Pp. 18–24. (*In Russ.*)

Bonch-Osmolovsky G.A. Kiik-Koba Grotto. Paleolithic of Crimea. Issue 1. Moscow; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1940. 226 p. (*In Russ.*)

Hegel V. Works. Vol. VIII. Moscow; Leningrad : Socegiz, 1935. 468 p. (*In Russ.*)

Gimranov D.O., Kotov V.G., Rumyantsev M.M. Results of Complex Studies of a Multi-Layered Site in the Imanai-1 Cave in the Southern Urals. In: Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul — Belokurikha: in 3 vols. Vol. 1. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Pp. 251–252 (*In Russ.*)

Girya E.Yu. Technological Analysis of Stone Industries. Methodology of Micro-Macroanalysis of Ancient Tools. Part 2. St. Petersburg : Akadem Print, 1997. 198 p. (*In Russ.*)

Girya E.Yu. Analysis of Stone Industries: Morphology, Morphography, Context. In: Methods of Studying Stone Artifacts. St. Petersburg : IIMK RAN, 2015. Pp. 24–28. (*In Russ.*)

Derevyanko A.P., Volkov P.V., Petrin V.T. Technology of Pebble Splitting of Stone in the Paleolithic (based on the materials of the microindustry of the Shoktas I Site). Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1999. 213 p. (*In Russ.*)

Efimenko P.P. Primitive Society. Essays on the History of the Paleolithic Period: 3rd ed., revised and supplemented. Kyiv : Izd-vo Akademii Nauk Ukrainsoj SSR, 1953. 663 p. (*In Russ.*)

Zhilin M.G., Ruev V.L., Simonenko A.A. Experimental and Traceological Studies of Arrowheads in the Mesolithic Mountainous Crimea. *Ufimskij arheologicheskij vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*. 2024;24(1):47–67 (*In Russ.*)

Ilenkov E.V. Dialectics of the Abstract and the Concrete in Marx's "Capital". Moscow : Nauka, 1961. 285 p. (*In Russ.*)

Kolobova K.A., Kharevich A.V., Chistyakov P.V., Bocharova E.N., Tyugashev I.E., Markin S.V., Olsen J.W. In the East of the Neanderthal Ecumene: a Comparative Study of Sukha Mechetka and Micoquian Complexes of the Altai. *Camera praehistorica*. 2023;2:20–39. DOI: 10.31250/2658–3828–2023–2–20–39 (*In Russ.*)

Korobkov I.I., Mansurov M.M. On the Typology of Teyk-dentate industries (based on materials from the Chakhmakly site in Western Azerbaijan). In: Paleolithic and Neolithic of the USSR. Vol. VII. Dedicated to the 60th anniversary of P.I. Boriskovsky. Leningrad : Nauka, 1972. Pp. 55–67 (Materials and Research on the Archeology of the USSR. No. 173) (*In Russ.*)

Kotov V.G. The emergence of Blade Industries in Connection with the Development of Insert Tools. In: The XIII Ural Archaeological Conference (April 23–25, 1996). Abstract of the Report. Part 1. Ufa : Vostochnyj universitet, 1996. Pp. 48–50. (*In Russ.*)

Kotov V.G. Methodological Principles of Stone Tool Analysis. In: Modern Experimental-Traceological and Technical-Technological Developments in Archaeology. The First Semenov Readings. St. Petersburg : b.i., 1999. Pp. 7–9. (*In Russ.*)

Kotov V.G. Middle and Upper Paleolithic of the Southern Urals: Abstract of diss. ... Doctor of Historical Sciences. Barnaul, 2024. 53 p.

Kotov V.G., Rumyantsev M.M., Gimranov D.O. Middle Paleolithic Site in the the Imanai-1 Cave in the Southern Urals. *Oriental Study*. 2020;13(5):1271–1291. DOI: 10.22162/2619–0990–2020–51–5–1271–1291 (*In Russ.*)

Lisitsyn N.F. Late Paleolithic of the Chulym-Yenisei Interfluve. St. Petersburg : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000. 232 p. (Archaeologica Petropolitana, IX) (*In Russ.*)

Marx K., Engels F. From Early Works. Moscow : Gos. Izd-vo politicheskoy literatury, 1956. 689 p. (*In Russ.*)

Marx K., Engels F. Economic Manuscripts of 1857–1859. Works: 2nd ed. Vol. 46, Part 1. Moscow : Gos. Izd-vo politicheskoy literatury, 1960. 244 p. (*In Russ.*)

Matyukhin A.E. Tools of the Early Paleolithic. In: Technology of Production in the Paleolithic Era. Leningrad : Nauka, 1983. P. 134–187. (*In Russ.*)

Mortillet G., Mortillet A. Prehistoric Life. The Origin and Antiquity of Man: 3rd ed., revised and supplemented. St. Petersburg : T-vo «XX Vek», 1903. 575 p. (*In Russ.*)

Nekhoroshev P.E. On the Methodology of Studying the Lower Paleolithic Technique and Technology of Stone Splitting. *Rossiyskaya arheologiya = Russian Archaeology*. 1993;3:100–119. (*In Russ.*)

Nikolov L. Structures of Human Activity. Moscow : Progress, 1984. 146 p. (*In Russ.*)

Obermayer G. Prehistoric Man. In: Man in His Past and Present. In 3 Vols. Vol. 1. St. Petersburg : Brokgauz-Efron, 1913. 687 p. (*In Russ.*)

Rogachev A.N. Stone Tools as a Historical Source. In: Brief Communications of the Institute of Archaeology. Issue 137. Moscow : Nauka, 1973. Pp. 14–21. (*In Russ.*)

Saburo Ya. Philosophical Reflections on Human Development. On the Theory of Alienation by K. Marx. In: Japanese Materialists. Actual Problems of Philosophical Science and the History of Philosophical Thought in Japan. Moscow : Nauka, 1985. Pp. 9–66. (*In Russ.*)

Semenov S.A. Primitive Technology: (an attempt to study the most ancient tools and articles based on their workmanship). Moscow; Leningrad : Izd-vo Acad. nauk SSSR, 1957. 240 p. (Materials and research on archeology of the USSR. No. 54). (*In Russ.*)

Semenov S.A. Development of Technology in the Stone Age. Leningrad : Nauka LO, 1968. 362 p. (*In Russ.*)

Semenov S.A. Introduction. In: Production Technology in the Paleolithic era. Leningrad : Nauka, 1983. Pp. 40–43. (*In Russ.*)

Stepanchuk V.N. Correlation of Typological and Technological Approaches in Reconstructive Generalizations. In: Methods of Studying Stone Artifacts. St. Petersburg : IIMK RAN, 2015. Pp. 28–32. (*In Russ.*)

Filippov A.K. Traceological Analysis of Stone and Bone Inventory from the Upper Paleolithic Site of Muralovka. In: Problems of the Paleolithic of Eastern and Central Europe. Leningrad : Nauka, 1977a. Pp. 167–181. (*In Russ.*)

Filippov A.K. The Relationship between Form and Function of Human Products in the Paleolithic: Abstract of Dis. ... Cand. Hist. Sciences. Leningrad, 1977b. 18 p. (*In Russ.*)

Filippov A.K. Problems of Technical Formation of Tools in the Paleolithic. In: Technology of Production in the Paleolithic Era. Leningrad : Nauka, 1983. Pp. 9–71.

Shchelinsky V.E. Production and Functions of Mousterian Tools (Based on experimental and traceological studies): Abstract of Dis. ... Cand. Hist. Sciences. Leningrad, 1974. 18 p. (*In Russ.*)

Shchelinsky V.E. Traceological Study of the Functions of Stone Tools from the Guba Mousterian Site in the Kuban Region. In: Brief Communications of the Institute of Archaeology. Issue 141. Moscow : Nauka, 1975. Pp. 51–57. (*In Russ.*)

Shchelinsky V.E. Experimental Traceological Study of the Functions of Lower Paleolithic Tools. In: Problems of the Paleolithic of Eastern and Central Europe. Leningrad : Nauka, 1977. Pp. 182–196. (*In Russ.*)

Shchelinsky V.E. On the Study of the Technique, Manufacturing Technology and Functions of Tools of the Mousterian Era. In: Technology of Production in the Paleolithic Era. Leningrad : Nauka, 1983. Pp. 72–132. (*In Russ.*)

Shchelinsky V.E. What Do We Want to Learn by Studying the Stone inventory of Paleolithic Sites? Basic Methods for Studying Stone Products. In: Methods for Studying Stone Artifacts. St. Petersburg : IIMK RAN, 2015. Pp. 32–42. (*In Russ.*)

Binford L.R. In Pursuit of the Past. Decoding the Archaeological Record. Berkely. Los Angeles; London : University of California Press, 1983. 260 p.

Bordes F. Typoloie du Paléolithique ancien et moyen. Bordeaux : Delmas, 1988. 103 p. (*In French*)

Boëda E., Ramos M., Perrez A., Hatter C., Lahaye C., Pino M., et al. 24.0 kyr cal BP Stone Artefact from Vale da Pedra Furada, Piauí, Brazil: Techno-functional analysis. *PLoS ONE*. 2021;16(3): e0247965. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247965>

Kolpakov E.M., Vishnyatsky L.B. The Bordes Method? *Norwegian Archaeological Review*. 1989;2(22):107–118

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Котов Вячеслав Георгиевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук; научный сотрудник Историко-культурного музея-заповедника «Пещера Шульган-Таш», Уфа, Россия.

Vyacheslav G. Kotov, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Research Associate Historical and cultural museum-reserve “Shulgan-Tash Cave”, Ufa, Russia.

*Статья поступила в редакцию 23.09.2025;
одобрена после рецензирования 08.11.2025;
принята к публикации 24.11.2025.
The article was submitted 23.09.2025;
approved after reviewing 08.11.2025;
accepted for publication 24.11.2025.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Научная статья / Research Article

УДК 902.21(571.16)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-02)

EDN: HAYDZL

УСТЬ-КИРГИЗСКИЙ МОНАСТЫРЬ, АРХИМАНДРИТСКАЯ ЗАИМКА, МОГИЛЬНИК БЛИЗ ТОМСКА: РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСТЬЕ РЕКИ БОЛЬШАЯ КИРГИЗКА В 2023 Г. (ЗАТО СЕВЕРСК, ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ)

**Евгений Владимирович Барсуков^{1*}, Александр Сергеевич Зинченко²,
Богдана Станиславовна Попова³**

¹Томский государственный университет, Томск, Россия;
barsukovevg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3761-5039>

²Сибирская археология, Северск, Россия;
azksander@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-4479-2619>

³Сибирская археология, Северск, Россия;
bogdana.borilo@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8164-0191>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье представлены результаты археологических исследований 2023 г., проведенных на правобережном приустьевом участке р. Большая Киргизка (ЗАТО Северск, Томская область). В археологии это место известно с конца XIX в., однако археологических исследований здесь не проводилось. Полученные материалы позволили подтвердить существование в пределах мыса поселенческого комплекса XV–XVII вв. Кроме этого, исследован культурный слой, связанный с периодом русского освоения окрестностей Томска. В 1-й половине XVII в. в устье р. Большой Киргизки был основан Успенский (Алексиевский) мужской монастырь, после переноса которого ближе к городу здесь существовали д. Монастырка и заимка архимандрита. Приустьевый мыс предполагался исследователями и в качестве локации раскопанного в конце XIX в. могильника у Архиерейской заимки. По результатам работ 2023 г. ар-

гументов, подтверждающих это предположение, получено не было. Установлено, что данный могильник находился совершенно в другом месте, на левом берегу р. Малая Киргизка, в черте современной застройки г. Томска. Результаты работ позволяют сделать выводы о необходимости изучения бассейнов рек второго порядка, приуроченных к г. Томску, перспективных для выявления объектов начального этапа русского освоения окрестностей города и памятников автохтонного населения.

Ключевые слова: река Томь, река Большая Киргизка, Усть-Киргизский монастырь, Архимандритская заимка, позднее средневековье, раннее средневековье, новое время

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FSWM-2024-0006).

Для цитирования: Барсуков Е.В., Зинченко А.С., Попова Б.С. Усть-Киргизский монастырь, Архимандритская заимка, могильник близ Томска: результаты археологических исследований в устье реки Большая Киргизка в 2023 г. (ЗАТО Северск, Томская область) // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 4. С. 26–46. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-02)

MONASTERY AT THE ESTUARY OF THE KIRGHIZKA, ARCHIMANDRITE'S SMALL SETTLEMENT, BURIAL GROUND NEAR TOMSK: RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH AT THE ESTUARY OF THE BOLSHAYA KIRGHIZKA RIVER IN 2023 (ZATO SEVERSK, TOMSK OBLAST)

Evgeniy V. Barsukov¹*, Alexander S. Zinchenko², Bogdana S. Popova³

¹Tomsk State University, Tomsk, Russia;

barsukovevg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3761-5039>

²Siberian Archaeology, Seversk, Russia;

azksander@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-4479-2619>

³Siberian Archaeology, Seversk, Russia;

bogdana.borilo@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8164-0191>

*Corresponding Author

Abstract. This article presents the results of archaeological research conducted in 2023 on the right bank of the estuary section of the Bolshaya Kirgizka River (closed administrative-territorial entity of Seversk, the Tomsk Oblast). This place has been known in archaeology since the late 19th century, but archaeological research had not been conducted there. The obtained materials confirmed the existence of a settlement complex within the cape dating from the 15th to 17th centuries. Furthermore, a cultural layer associated with the period of Russian settlement in the Tomsk environs was examined. In the first half of the 17th century, the Assumption (Aleksievsky) Monastery was founded at the mouth of the Bolshaya Kirgizka River. After its relocation closer to the city, the village of Monastyrka and the Archimandrite's small settlement existed here. The researchers also proposed this estuary promontory as the location of a burial ground excavated near the Archbishop's small settlement in the late 19th century. The 2023 research did not yield any evidence to support this assumption. It has been established that this burial ground was located in a completely different location, on the left bank of the Malaya Kirgizka River, within the modern-day city of Tomsk. The results of this research suggest the need to study the secondary river basins surrounding Tomsk, which hold potential for identifying sites from the initial stage of Russian settlement in the city's environs and sites of indigenous populations.

Keywords: Tom River, Bolschaya Kirghizka River, Monastery at the estuary of the Kirghizka, Archimandrite's small settlement, late Middle Ages, early Middle Ages, modern times

Acknowledgments: the study was performed within the framework of a state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project № FSWM-2024–0006).

For citation: Barsukov E.V., Zinchenko A.S., Popova B.S. Monastery at the Estuary of the Kirghizka, Archimandrite's Small Settlement, Burial Ground Near Tomsk: Results of Archaeological Research at the Estuary of the Bolshaya Kirghizka River in 2023 (ZATO Seversk, Tomsk Oblast). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(4):26–46. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-02)

Введение
Несмотря на территориальную доступность, реки второго порядка Нижнего Притомья, протекающие близ г. Томска, изучены археологами довольно слабо. В этом отношении долина р. Большая Киргизка не является исключением, однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается довольно глубокая историческая связь данной территории не только с основанным в 1604 г. городом Томском, но и с автохтонным дорусским населением. Согласно дошедшим до нас историческим сведениям, в начале XVII в. в устье этой реки был основан первый на томской земле мужской монастырь (Миллер, 2005, с. 105–106), а после его переноса ближе к городу здесь располагалась д. Монастырка (Чертежная книга..., 1882, л. 11) и монастырский загородный дом (Беликов, 1898, с. 206). С конца XVIII в. на данной территории находилась «Архимандритская заимка», просуществовавшая вплоть до 1920-х гг. На первой археологической карте окрестностей г. Томска, составленной в 1890 г., на этом месте были обозначены «остатки укрепления» (Кузнецов, 1890, с. 2), которые в середине XX в. получили название «Остатки Большекиргизского укрепления» (Дульзон, 1956, с. 121). Примерно в этот же период в сводных работах, посвященных памятникам Приобья, устье р. Большая Киргизка было определено в качестве локации раскопанного в 1896 г. Курганного могильника близ Томска (могильник у Архиерейской заимки) (Талицкая, 1953, с. 258).

Накопившиеся с конца XIX в. сведения об исторических и археологических объектах в устье р. Большая Киргизка весьма запутаны и зачастую противоречивы. Несмотря на то что во 2-й половине XX в. нижнее течение этой реки являлось объектом отдельных археологических разведок и раскопок, правобережный приустьевый участок оставался не обследованным (Ожередов, Яковлев, 1993, с. 114–117). Данная территория попадала в режимную зону ЗАТО «Северск», доступ в пределы которой был ограничен. Археологам удавалось проводить лишь сборы археологического материала в осыпи мыса, которые однозначно указывали на наличие здесь разновременного культурного слоя (Соколова, 2010, с. 195–200). Несмотря на то что ограничения сохраняются, в 2023 г. сотрудникам ООО «Сибирская археология» и Музея г. Северска удалось организовать в границах мыса рекогносцировочные археологические работы (Зинченко, 2024; Попова, 2024). Результаты этих исследований позволили в некоторой мере систематизировать накопившиеся с конца XIX в. сведения, что стало поводом для подготовки данной публикации.

Результаты

По результатам исследований 2023 г. был выделен археологический памятник — «Поселение Усть-Большекиргизка», датируемый пределами XV–XX вв. (рис. 1). Полученная в ходе работ коллекция насчитывает в совокупности 246 единиц археологических предметов.

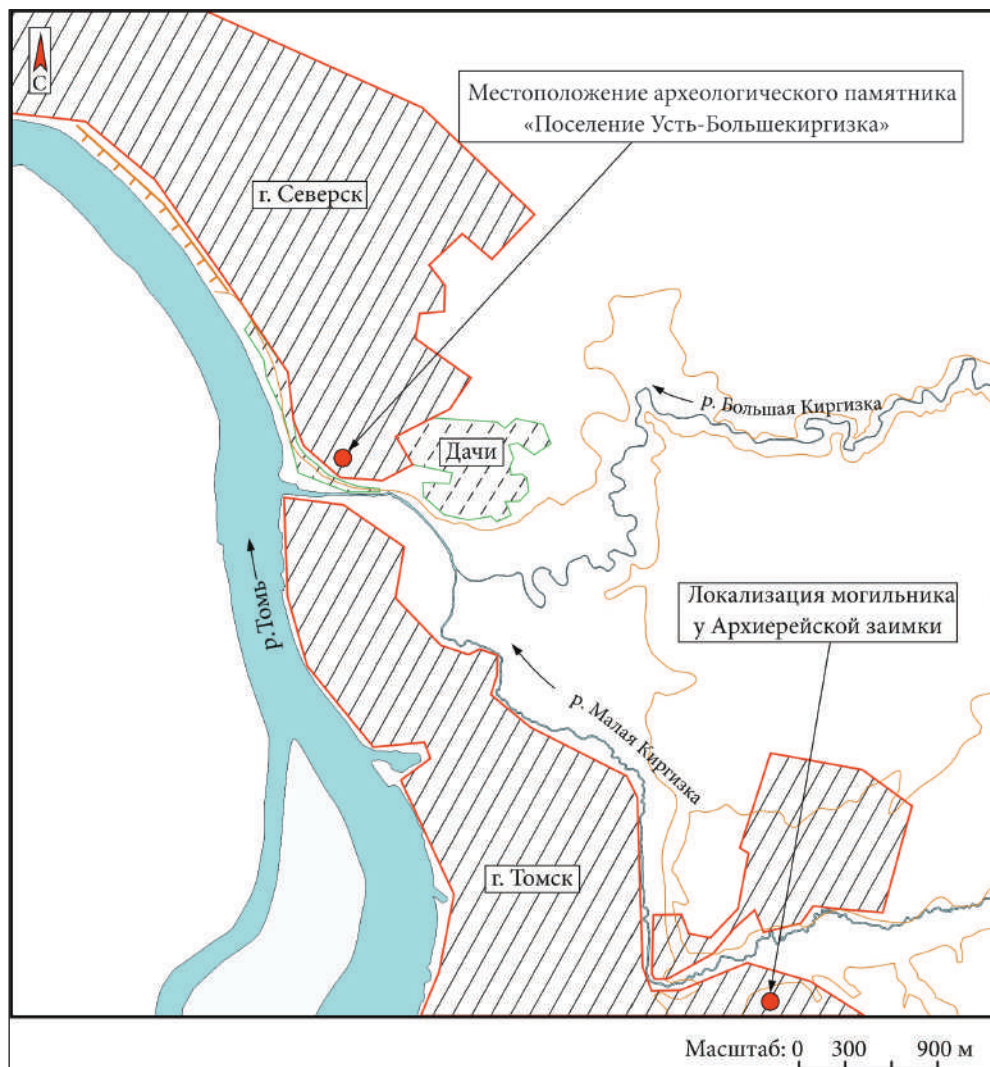

Рис. 1. Местоположение археологического памятника «Поселение Усть-Большекиргизка»
 Fig. 1. Location of the archaeological site "The Ust-Bolshekirgizka Settlement"

Стратиграфическая ситуация и комплекс находок указывают, что объект является многослойным и вскрытые напластования формируют два культурных горизонта. Под пере-

отложенными современными напластованиями зафиксированы находки, связанные с периодом XVII — начало XX вв. Полученный материал в основном представлен керамическими изделиями, а именно посудой гончарного производства: сероглиняной и поливной. Наибольший интерес представляют фрагменты посуды со следами черного лощения (рис. 2.-8–10), которые были зафиксированы лишь в одном шурфе, наиболее удаленном от кромки мыса. Они представлены фрагментами с лощеным сетчатым орнаментом, именно их присутствие сделало допустимым определение нижней хронологической границы «русского» слоя XVII в. Аналогии такой посуде широко известны в культурных слоях XVI–XVIII вв. русских городов и поселений Западной Сибири и европейской части России (Розенфельд, 1968, с. 105; Балюнов, 2018, с. 122, 124; Сопова, Татаурова, 2023, с. 900), однако наибольший расцвет ее производства приходится на XVII в. (Черная, 2002, с. 70). Среди находок присутствуют фрагменты кожаной обуви, единичные находки из камня, металла и кости. Они могут быть датированы только в широких хронологических рамках: XVII — начало XX в. Исключением являются осколки стеклянных изделий и фрагменты фаянса, массовое распространение которых прослеживается с середины XIX в. (рис. 2.-6–7).

Кроме фрагментов гончарной керамики зафиксированы черепки орнаментированной лепной посуды, которые встречались в переотложенной части «русского» слоя, а также в напластованиях, залегающих под ним. В совокупности найдено 46 фрагментов орнаментированной керамики (рис. 2.-1–3). Удалось установить, что лепная керамика связана с прослойками серо-коричневой/палево-серой супеси, залегающей над материком и не содержащей явно поздних русских предметов. Многочисленные аналогии такой керамики имеются в поселенческих и погребальных памятниках Томского Приобья эпохи позднего средневековья (XV–XVII вв.), где присутствуют практически идентичные по орнаментации образцы (Плетнева, 1990; Барсуков, 2016). В слое, содержащем орнаментированную керамику, были найдены два костяных наконечника стрел (рис. 2.-4–5), которые по сопряженности с другими находками и стратиграфической приуроченности также могут быть датированы поздним средневековьем.

В одном из шурфов зафиксирован бутовый фундамент из песчаника, сопровождающийся находками конца XIX — начала XX вв. Подобная практика широко применялась в г. Томске для строительства, поскольку песчаник был единственным доступным материалом для сооружения подобных конструкций. Аналогичные приемы и материалы использовались при строительстве стены Богородице-Алексеевского монастыря и фундамента Томской духовной семинарии конца XIX — начала XX в. (Зинченко, 2024). Кроме этого, в одном из шурфов были вскрыты фрагменты конструкции, представленной бревенчатой стенкой из нескольких венцов. Анализ стратиграфической ситуации указывает на его датировку серединой XIX — началом XX в. (Попова, 2024).

Таким образом, в пределах правобережного мыса в устье р. Большой Киргизки был выявлен культурный слой XV–XVII вв., вероятнее всего, связанный с местными тюркскими группами населения. Его перекрывали напластования, содержащие находки периода русского освоения этих мест, датируемые XVII — началом XX в., а также руинированные фрагменты конструкций конца XIX в.

Полученные данные позволяют интерпретировать и в какой-то мере систематизировать накопленные с конца XIX в. сведения.

Рис. 2. Археологические находки с поселения Усть-Большекиргизка: 1–3 — фрагменты орнаментированной позднесредневековой керамики; 4–5 — костяные наконечники стрел; 6–7 — осколки стеклянных изделий; 8–10 — фрагменты керамики с сетчатым орнаментом
 Fig. 2. Archaeological finds from the Ust-Bolshekirgizka settlement: 1–3 — fragments of ornamented late medieval ceramics; 4–5 — bone arrowheads; 6–7 — fragments of glass items; 8–10 — the pottery fragments with mesh decoration

Обсуждение

Первые упоминания об этом месте и расположенных здесь археологических объектах встречаются в материалах неизвестного автора конца XIX в., посвященных истории Томского Богородице-Алексиевского монастыря (Томский Богородицкий..., 1887, № 11–12). Он указывает, что на мысу р. Большая Киргизка, где предположительно располагался первый на томской земле мужской монастырь, имеются укрепления в виде вала. Ав-

тор связывает эти фортификации с функционированием монастырской обители, которая в XVII в. испытывала постоянную угрозу со стороны южных кочевников. В качестве аргумента подобной интерпретации он упоминает находку «старой заржавленной шпаги», обнаруженной при копке траншеи через линию укреплений. Автор приводит сведения и о наличии на мысу квадратных и круглых ям, расположенных вдоль берега р. Большая Киргизка, которые также связывались им с монастырем: «в настоящее время еще видны квадратные и круглые ямы вдоль берега Большой Киргизки и такие же знаки по лесной стороне дачи вблизи к озеру, называемому сборным, которое и название свое получило от того, что здесь собирались на бой защитники монастыря. По правому берегу Большой Киргизки до сих пор также заметен длинный земляной вал, вероятно, служивший прежде укреплением. Здесь при прорытии в 1870 г. межевой канавы была найдена заржавленная шпага с загнутым концом и костяною погнившей рукояткою» (Томский Богородицкий..., 1887, № 11, с. 5). Данные о наличии на мысу фрагментов фортификаций подтверждаются С.К. Кузнецовым, который в конце XIX в. на первой «археологической карте» окрестностей Томска отметил здесь «остатки укрепления» (Кузнецов, 1890, с. 2).

В 1920 г. устье р. Большая Киргизка было обследовано И.М. Мягковым, который на тот момент являлся агентом секции по охране памятников искусства и старины при Томском Губернском отделе Народобраза. Исследователь осмотрел еще сохранившиеся постройки Архимандритской заимки: церковь, полуразрушенную часовню, колокольню с ризницей, амбар. Кроме этого, он обследовал объекты, интерпретируемые им как остатки древнего Усть-Киргизского монастыря. Они начинались от дороги на д. Белобородову и представляли собой квадратные ямы, каждая сторона которых равнялась одной сажени (около 2,1 м). Число их достигало 30. Расстояние между ямами 1,5 аршина (около 1 м) (Яковлев, 1994, с. 77–79). В первой сводной работе, обобщающей все имеющиеся к середине XX в. сведения об археологических памятниках Томской области, А.П. Дульзон определяет упомянутые предшественниками объекты как «остатки Большекиргизского укрепления» (Дульзон, 1956, с. 121).

Во 2-й половине XX в. строительство в этом районе г. Северска, имеющего особый режим функционирования, сделало правобережный мыс р. Большая Киргизка недоступным для археологов. Сведения А.П. Дульзона не были проверены и вошли в Археологическую карту Томской области практически без изменений, под названием «Большекиргизское городище» (Ожередов, Яковлев, 1993, с. 115).

По результатам проведенных в 2023 г. работ можно констатировать, что зафиксированные в конце XIX — 1-й половине XX вв. исследователями «древние укрепления» и «квадратные ямы», вероятнее всего, были связаны не с монастырем, а с существовавшим в дорусский период поселенческим комплексом, представленным городищем с прилегающим к нему поселением. Полученный в 2023 г. керамический материал, фрагменты лепной орнаментированной керамики, находит многочисленные аналогии на памятниках позднего средневековья Томского Приобья. Аналогичная керамика представлена в сборах, сделанных в осыпи мыса в разные годы. Кроме керамики в этих материалах присутствуют металлургические шлаки и обломки железной руды (Соколова, 2010, с. 195–200), что является характерной особенностью для поселенческих памятников Томского Приобья 1-й половины II тыс. н.э. Нужно отметить практически полную идентичность некоторых фрагментов с устьем р. Большая Киргизка материалам с городища Шайтан-III, по-

селения Золотая горка, Киреевского-I городища, городища Шеломок-I, расположенных на р. Томь и Обь. Подобная керамика связывается исследователями с местными тюркскими группами, обитавшими в Томском Приобье к моменту проникновения сюда русского населения (Плетнева, 1990; Барсуков, 2016), хотя высказывалось мнение и о ее связи с обитавшими к северу от территории исследования селькупам (Яковлев, Мец, 1993).

К сожалению, на сегодняшний день подобная керамика датируется в широких хронологических рамках XV–XVII вв., одной из причин этого является отсутствие исследованных однослойных памятников позднего средневековья. Большинство изученных раскопками объектов характеризуется разновременными материалами, включающими также и позднесредневековый пласт. Во многом именно эта деталь обусловила дискуссионный характер некоторых концептуальных положений позднесредневековой археологии Нижнего Притомья. Одна из актуальнейших связана с керамическим комплексом этого периода. На сегодняшний день не разработана типология керамики, не определены четкие хронологические границы ее бытования и др. Вполне естественно, что одним из необходимых условий для разрешения обозначенных проблем является наличие репрезентативного и хронологически «стерильного» керамического комплекса. В связи с этим особую актуальность приобретает выявление закрытых позднесредневековых комплексов или однослойных поселенческих памятников, так как на этой территории в материалах могильников XV–XVII вв. керамика встречается редко. В этом контексте открытое поселение Усть-Большекиргизка представляет несомненный интерес.

Сомнения о связи укреплений и многочисленных «ям» с монастырем возникают и из-за сведений письменных источников, согласно которым братия монастыря была немногочисленной: «по переписи 1712 г. кроме настоятеля число братии составляли: четыре иеромонаха, семь монахов и больничных — один схимонах и пять монахов. По переписи 1723 г. число братии было всего 12 человек и с настоятелем, а в 1772 г. в Алексеевском монастыре было всего только шесть человек» (Томский Богородицкий..., 1887, № 12, с. 5). Кроме этого, в 1-й половине XVII в. обитель пережила «кризисные» годы, по мнению Г.Ф. Миллера, она даже прекратила свое существование: «монастырь просуществовал недолго и 20 лет спустя нужно было снова начинать дело устройства монастыря в Томске» (Миллер, 2000, с. 83). Маловероятно, что в такой ситуации монастырь занимал обширную территорию и мог противостоять угрозе со стороны кочевников.

В контексте этого интересным наблюдением является факт того, что в шурфах, содержащих орнаментированную лепную керамику, не обнаружено фрагментов черной гончарной керамики, а в единственном шурфе, содержащем фрагменты лощеной посуды, не найдено более ранних орнаментированных черепков. При этом стратиграфическая позиция этих групп находок является схожей. Это позволяет сделать осторожное предположение о том, что поселение в начальный период русского освоения этого места еще могло функционировать и монастырь был устроен рядом с ним. Обитавшие в этих местах группы тюркского населения, зуштинцы, являлись союзниками русской администрации и формировали группу томских «служилых татар», поэтому подобное соседство не представляется невероятным. Более того, подобное расположение монастыря, рядом с укрепленным поселением местного населения, могло выгодно использоваться монастырской братией в периоды военной опасности со сто-

роны южных кочевников, прежде всего кыргызов. На протяжении XVII в. такие «набеги» имели регулярный характер (Беликов, 1898, с. 7–9).

В 2023 г. в одном из шурфов были обнаружены фрагменты посуды с чернolощеным сетчатым орнаментом. Такая керамика имела наиболее массовое бытование в XVII в., что позволяет предполагать принадлежность вскрытых в пределах данного шурфа напластований к известному по письменным источникам XVII в. Усть-Киргизскому монастырю, который располагался на правом берегу приустьевом мысу р. Большая Киргизка.

В исторических документах отсутствуют прямые указания на дату его основания, что стало причиной некоторых разночтений среди историков. Согласно древнему синодику, хранившемуся в Богородице-Алексиевском монастыре, первый мужской монастырь был основан в устье р. Большая Киргизка в 1605 г. (Томский Богородицкий..., 1887, № 11, с. 5), однако это указание не подкрепляется сведениями других известных архивных документов. Более вероятным является предположение о его основании в 20-е гг. XVII в.: «и мы нищие твои государевы богомольцы не похотели в мире промеж двор скитаться и сволоклись ис Томского города вниз по Томе реке и обрели пустыню от города за 7 верст на устье речки Киргизки» (Бояршинова, 1950, с. 113). По-видимому, нужно согласиться с исследователями, указывающими, что монастырь был основан архиереем Киприаном, деятельность которого в Сибири приходится на 1621–1624 гг., он отметилсЯ устройством нескольких обителей в Сибири (Миллер, 2000, с. 83). Однако нужно заметить, что прямых указаний на это в источниках нет и первое упоминание монастыря в известных нам архивных документах датируется 1625 г. (Миллер, 2000, с. 375–377).

На начальном этапе существования монастырь носил название Успенского, однако его географическая приуроченность обусловила его более широкую известность под другим названием: «монастырь этот в народе, и даже в позднейших официальных актах, по причине своего местоположения назывался Усть-Киргизским» (Томский Богородицкий..., 1887, № 11, с. 3). Уже в 1-й трети XVII в. земли в нижнем течении Большой Киргизки были закреплены за монастырем. В 1634 г. обитель получила «данные грамоты» на свои владения по нижнему течению р. Большая Киргизка: «А владеют они тою пашенною заимкой по данной со 142 году с устья речки Киргизки вверх по речке Киргизке всего с распашными и заложными землями и з боровым местом длиннику 2 версты а от устья речки Киргизки вниз поперечнику одна верста» (Бояршинова, 1950, с. 137). В последующие годы монастырь расширяет здесь свои владения: «да они же владеют за речкою Томью в лугах против их монастырской деревни и против речки Большой Киргизки санными покосы на 200 копен, а владеют они теми санными покосы по крепостям до 165 года. Да у них же на речки Малой Киргизки построена мельница колотовка, а оброку с той мельницы в казну великого государя ничего не платят» (Бояршинова, 1950, с. 137).

Начальный этап существования монастыря слабо освещен в источниках, что стало причиной различных разночтений в исследованиях. На сегодняшний день можно лишь однозначно утверждать, что к середине XVII в. он переименовался с Успенского на Алексиевский и как минимум до 1656 г. располагался на устье р. Большая Киргизка, о чем свидетельствуют документы этого года: «...Кондрашка, государь пожаловал, велел отпустить ис Кузнецкого острогу в Томский город з женою ево с Марфут-

кою по обещанию помолитца в монастырь на усть Киргиски Пречистой Богородицы...» (Миллер, 2005, с. 394). В 1662 г. источники фиксируют его уже в другом месте, на левом берегу р. Ушайки, в пределах «Юрточной горы», расположенной в тот момент немного южнее г. Томска (Беликов, 1898, с. 10). Однако местность в нижнем течении р. Большая Киргизка монастырь во владении сохранил, о чем более подробно речь пойдет ниже.

Таким образом, по данным письменных источников в 1-й половине XVII в. Успенский/Алексиевский мужской монастырь располагался в пределах мыса устья р. Большая Киргизка. Наличие в одном из шурфов керамики с чернолощенным сетчатым орнаментом и анализ ее стратиграфической позиции позволяют предполагать датировку вскрытых напластований периодом его функционирования. Данные выводы являются дискуссионными, но все же оставляют перспективу обнаружения объектов, связанных с начальным этапом существования монастырской обители.

После переноса монастыря на Юрточную гору, на южную окраину города, братия сохранила за собой земли в устье р. Большая Киргизка. На чертежах С.У. Ремезова и на картографических материалах конца XVIII в. на этом участке обозначена д. Монастырка (рис. 3). По сведениям Г.Ф. Миллера она входила в состав «Окологородского стана», населенные пункты которого располагались на восточной стороне р. Томи: «Монастырская, на берегу Томи, немного ниже устья рч. Киргизки, которая впадает в Томь с востока, в 6 верстах от Томска. Принадлежит Алексеевскому монастырю» (Элерт, 1988, с. 86). В деревне проживали зависимые от монастыря крестьяне, которые за пользование его землями должны были вести хозяйство обители.

Рис. 3. Деревня Монастырская (Монастырка) в устье р. Большая Киргизка на фрагментах чертежей XVIII в.

Fig. 3. Images of the Monastyrskaya (Monastyrka) village at the estuary of the Bolshaya Kirghizka on fragments of the drawings of the 18th century

Кроме деревни в устье Большой Киргизки располагался загородный дом монастыря. В 1723 г. здесь находился скотный двор, который обслуживали два вкладчика и наемный работник с сыном, во дворе содержалось 15 лошадей, шесть коров, восемь голов мелкого рогатого скота и 17 овец, для собственных нужд работники двора возделывали по десятине в поле, сеяли по три чети гороху и по чети конопли (Емельянов, 1981, с. 60–61).

После указа императрицы Екатерины II в 1764 г. об изъятии у монастырей принадлежавших им ранее вотчин монастырь сохранил за собой участок в устье Большой Киргизки, который со временем получил название «Архимандритской заимки». В 1877 г. на заимке располагались церковь и часовня, две конюшни, два амбара, шесть домов для служащих и 18 дач, заведовал всем томский мещанин Василий Борисов. Хозяйство на Архимандритской заимке было небольшим: на скотном дворе содержалось несколько десятков крупного и мелкого скота, лошади. Имелись небольшие запашки гороха, конопли, овса. В конце XIX в. здесь проживало 10 работников. После Гражданской войны, в 1919 г., хозяйство Архимандритской дачи было сначала передано в пользу филиала Госконзавода, а в 1932–1933 гг. — в пользу трудовой коммуны «Чекист» (История Северска, 2009, с. 34–35).

Местоположение Архимандритской заимки зафиксировано на картографических материалах XIX в., она занимала оконечность правобережного приустьевоего мыса (рис. 4). Это указывает, что проведенные в 2023 г. археологические работы осуществлялись на месте бывшего расположения заимки, по этой причине основная масса находок, сделанных в «русском» слое, связана с периодом ее функционирования. С большой долей вероятности к заимке относятся и зафиксированные в шурфах фрагменты бутового фундамента, а также бревенчатого строения. По комплексу сопутствующих материалов эти объекты датированы концом XIX в.

Необходимо отметить, что устье р. Большая Киргизка связывалось исследователями с еще одним хорошо известным в археологии Западной Сибири памятником — курганным могильником близ Томска (курганый могильник у Архиерейской заимки). Относительно датировки материалов памятника существуют различные мнения, однако, невзирая на частные разногласия, могильник однозначно датируется пределами 2-й половиной I тыс. н.э. Точка зрения о его локализации на месте Архимандритской заимки сформировалась в середине XX в. (Талицкая, 1953, с. 258; Дульзон, 1956, с. 120–121; Ожередов, Яковлев, 1993, с. 114–115). Однако проведенные в 2023 г. археологические работы не выявили свидетельств существования здесь насыпей курганов, более того, никаких материалов 2-й половины I тыс. н.э. получено не было. Это стало поводом обратиться к источникам и более детально проанализировать проблему локализации этого объекта.

В 1896 г. библиотекарем Томского Императорского университета С.К. Кузнецовым близ г. Томска был исследован курганный могильник, впоследствии ставший одним из самых известных погребальных комплексов Западной Сибири. Могильник открыт в ходе строительства Томского участка Средне-Сибирской железной дороги. Стоит отметить, что конкретного названия памятника С.К. Кузнецовым предложено не было, в своих трудах исследователь ограничивался условным наименованием «могильник близ г. Томска». Впоследствии, отталкиваясь от ближайших топонимов, исследователями были предложены самые разные варианты: Могильник близ Томска; Архиерей-

ская заимка; курганный группа «Архиерейская заимка»; Большекиргизский курганный могильник; могильник у Архиерейской заимки; могильник на р. Малая Киргизка (Отчет императорской археологической комиссии, 1898, с. 94–103; Талицкая, 1953, с. 258, № 103; Дульзон, 1956, с. 120; Ожередов, Яковлев, 1993, с. 114–115).

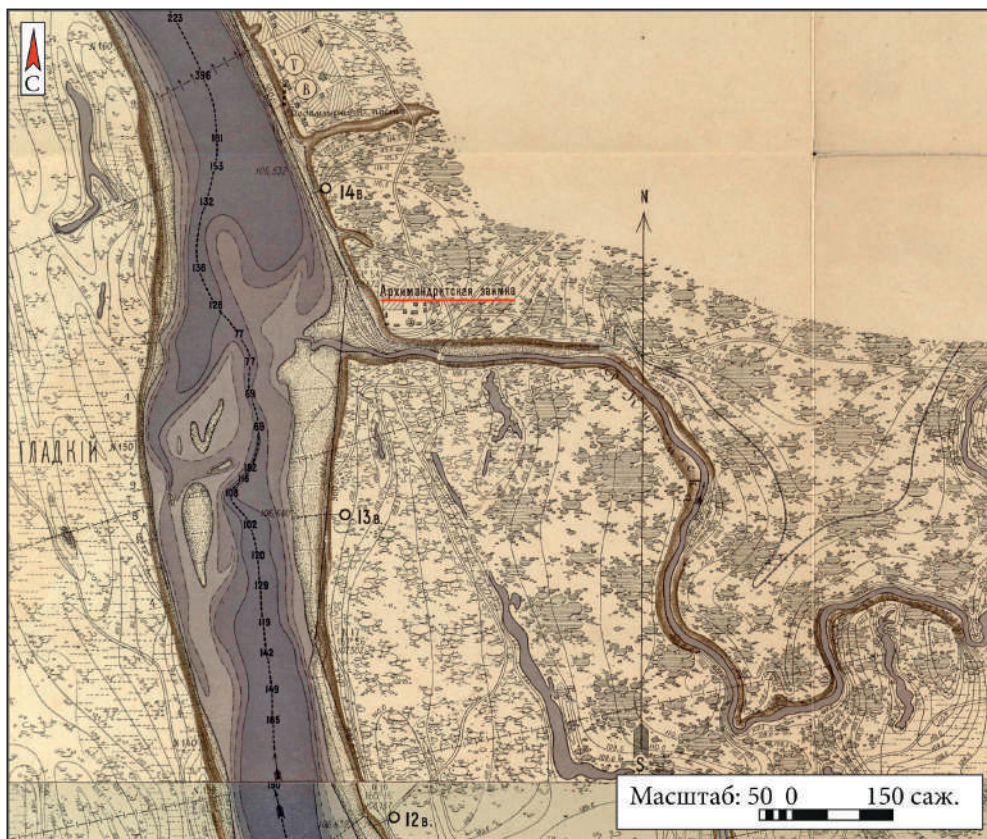

Рис. 4. Архимандритская заимка на плане р. Томи по данным конца XIX в. (фрагмент)
 Fig. 4. Archimandrite's small settlement on the Tom River plan according to data from the end of the 19th century (fragment)

К сожалению, автор раскопок оставил крайне скудное описание как местонахождения памятника, так и самого процесса раскопок. Известно, что памятник располагался у северной окраины города и был приурочен к бассейну р. Киргизка. Могильник представлял собой группу небольших курганов, точное количество которых автором не упоминается. В письме 1896 г. С.К. Кузнецов сообщает в Археологическую комиссию о снятом им плане памятника, площадь которого составляла 2000 кв. саженей (приблизительно 4200 кв. м), и вскрытии 36 курганных насыпей. Однако это документ пока не обнаружен.

Сведения о памятнике С.К. Кузнецов получил от железнодорожного рабочего, который сообщил, что при прокладке железнодорожной ветки к пристани «Черемошни-

ки» были найдены древние предметы. За недостатком времени и боясь разграбления курганов местными жителями, С.К. Кузнецову приходилось работать в спешке, в том числе в ночное время. Для обеспечения освещенности им использовались фонарь, лампа и даже обычная восковая свеча, которые он «одадживал» в ближайшей железнодорожной будке (Отчет императорской археологической комиссии, 1898, с. 94–103; Беликова, Плетнева, 1983, с. 37).

Таким образом, в публикациях конца XIX в. памятник не имеет конкретного названия и упоминается в контексте изложения публикуемого археологического материала. В качестве географических ориентиров отмечается наличие поблизости Архиерейской заимки, железной дороги, железнодорожной будки и протекающей неподалеку р. Киргизка. К северу от г. Томска в настоящее время известно три реки, в названии которых используется этноним «Киргизка» (р. Большая Киргизка, Малая Киргизка, Сухая Киргизка), поэтому основным ориентиром для локализации памятника долгое время выступала Архиерейская заимка.

Первая попытка локализации памятника была предпринята И.А. Талицкой. В 1953 г. вышло сводное издание материалов и исследований по археологии СССР, посвященное древней истории Нижнего Приобья, где исследуемый могильник упоминается под названием «Архиерейская заимка, курганы». Местонахождение памятника характеризуется следующим образом: «Архиерейская заимка, местность в 10–12 км к северу от Томска Томского района и области, устье р. Большой Киргизки — правого притока р. Томи, правого притока р. Оби» (Талицкая, 1953, с. 258). Подобным образом памятник локализуется автором первой «Археологической карты Томской области» А.П. Дульзоном. Он практически повторил информацию И.А. Талицкой и закрепил за памятником другое название: «Большекиргизский курганный могильник» (Дульзон, 1956, с. 120–121). По-видимому, исследователи ориентировались на сведения карты, составленной в 1890 г. С.К. Кузнецовым, где в устье р. Большая Киргизка отмечена «Арх. заимка» (Кузнецов, 1890, табл. 1), которая в 1-й половине XX в. была отождествлена с «Архиерейской заимкой».

В конце XX в. материалы раскопок С.К. Кузнецова были использованы О.Б. Беликовой и Л.М. Плетневой в монографии, посвященной периоду раннего средневековья Томского Приобья. Расширение круга источников за счет архивных материалов позволило исследователям усомниться в предполагаемой предшественниками локализации памятника. Основываясь на письмах С.К. Кузнецова, исследователи справедливо пришли к выводу, что памятник должен был располагаться близ железной дороги. В устье р. Большая Киргизка, где помещали памятник И.А. Талицкая и А.П. Дульзон, железнодорожной ветки поблизости никогда не существовало. Исходя из этого, О.Б. Беликова и Л.М. Плетнева предположили, что могильник находился не на р. Большая Киргизка, а на излучине ее правого притока — р. Малая Киргизка, по левому берегу которой была проложена железная дорога (Беликова, Плетнева, 1983, с. 37–38). Однако вопрос относительно приуроченности памятника к «Архиерейской заимке» оставался открытым.

Изученные картографические материалы конца XIX — начала XX в. позволили нам установить, что к северу от г. Томска располагалось несколько заимок (Архимандритская, Ксендзова, Архиерейская). Последняя находилась на правом берегу р. Малая Кир-

гизка, в районе современного пос. Свечной. На плане земель Томского городского общества 1903 г. здесь отмечены земли Томского Архиерейского дома (рис. 5), а на картах 1920-х гг. на этом месте указана и сама Архиерейская заимка. Из архивных данных известно, что в 1835 г. Агапит, епископ Томский и Енисейский, добился от гражданских властей отвода участка земли в 5 верстах от города по р. Малая Киргизка. Устроенное там имение, известное впоследствии как Архиерейская заимка, использовалась для нужд архиерейского домоуправления (Исаков, Дмитриенко, 2002, с. 12–13). По противоположному берегу р. Малая Киргизка проходила железная дорога, устроенная в конце XIX в. к речной пристани Черемошники. На плане землемера С.А. Сырцова, составленном в 1899 г., на этом ее отрезке обозначен «сторожевой дом с переездом», который, по всей видимости, соответствует железнодорожной «будке», упоминаемой С.К. Кузнецовым (рис. 5). Таким образом, предположение Л.М. Плетневой и О.Б. Беликовой о локализации могильника в районе излучины р. Малая Киргизка получает благодаря историческим картографическим материалам дополнительные аргументы.

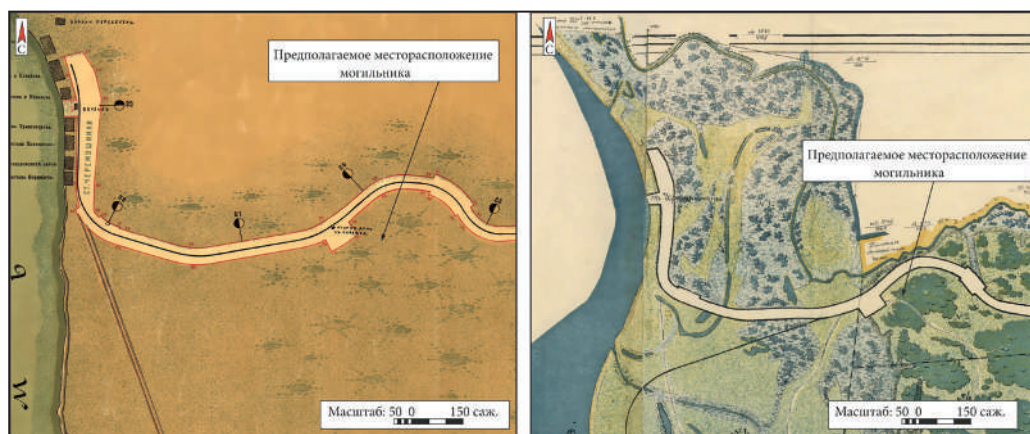

Рис. 5. Предполагаемое месторасположение могильника у Архиерейской заимки на картах рубежа XIX–XX вв. (фрагменты)

Fig. 5. The supposed location of the burial ground near the Archbishop's small settlement on maps from the turn of the 19th-20th centuries (fragments)

Относительно конкретного месторасположения могильника можно высказать следующие соображения. В месте современного переезда у АРЗа, на северной окраине Томска, ветка железной дороги спускается с высокой террасы в пойму. Эта высокая терраса является продолжением Каштачной горы, которую в районе переезда пререзает русло р. Малая Киргизка, в результате чего по обе ее стороны образуются высокие мысы. Правобережный мыс был занят Архиерейской заимкой, а вот напротив, на левобережном мысу, вполне мог располагаться могильник (рис. 6). При строительстве железнодорожной ветки эту часть террасы было необходимо сnivelировать, чтобы перепад высот между участками, проходящими по высокой террасе и пойме, был минимальным. Вероятнее всего, в результате этих работ и был обнаружен могильник.

Рис. 6. Предполагаемое месторасположение могильника у Архиерейской заимки на карте северной части г. Томска

Fig. 6. The supposed location of the burial ground near the Archbishop's small settlement on a map of the northern part of Tomsk

Полевые археологические исследования в предполагаемом нами месте локализации могильника немногочисленны и ограничивались осмотрами и сборами. Возможно, с рассматриваемым памятником связан археологический материал, который в 1920-х гг. обнаружил М.П. Грязнов. Известно, что в районе железнодорожной будки на берегу р. Малая Киргизка им была собрана коллекция керамики, хранящаяся ныне в Музее археологии и этнографии Сибири (Ожередов, Яковлев, 1993, с. 116). Целенаправленного обследования этой территории более не предпринималось. Только в 1990 г. А.Д. Гаман провел разведку в этом районе. В своем дневнике он предположил наличие к востоку от железнодорожного переезда на АРЗе нескольких курганов, которые были вытянуты вдоль железнодорожной насыпи, однако никаких конкретных аргументов, подтверждающих наличие здесь памятника, исследователю получить не удалось (Гаман, 2010, с. 57). В настоящее время этот участок берега р. Малая Киргизка плотно застроен, здесь на-

ходятся усадьбы жителей пос. Киргизка и промышленная зона. Каких-либо объектов в этом районе визуально не фиксируется. Тем не менее вероятность случайного обнаружения погребений, по нашему мнению, сохраняется.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что могильник у Архиерейской заимки, раскопанный С.К. Кузнецовым в конце XIX в., не мог располагаться в устье на правом берегу р. Большая Киргизка, где до начала XX в. существовала Архимандритская заимка. С большой долей вероятности он находился на левом берегу р. Малая Киргизка, на северной окраине Томска, к востоку от современного железнодорожного переезда в районе АРЗа, на участке, где ветка спускалась с высокой террасы в пойму р. Томи.

Авторы отдают себе отчет в том, что некоторые высказанные положения имеют дискуссионный характер и для окончательных выводов необходимы более масштабные по площади раскопки. Однако с учетом особого режима использования территории бывшей Архимандритской заимки и урбанизированности предполагаемого места расположения могильника у Архиерейской заимки вряд ли в ближайшее время это окажется возможным.

Заключение

На сегодняшний день результаты археологических исследований 2023 г. позволяют сделать следующие выводы: на правобережной стрелке мыса р. Большая Киргизка в период, предшествовавший русскому освоению, существовало поселение позднего средневековья (XV–XVII вв.), часть которого имела фортификации. Вероятнее всего, с ним связаны упоминавшиеся с конца XIX в. укрепления и «ямы», расположенные вдоль русла р. Большая Киргизка.

Зафиксированные во всех шурфах находки XVIII — начала XX в., вероятнее всего, связаны с периодом функционирования д. Монастырка и загородным монастырским домом, известным как «Архимандритская заимка». Обнаруженные в одном из шурфов фрагменты керамики с чернолощеным сетчатым орнаментом позволяют допустить, что в пределах мыса сохранились участки культурного слоя, связанные с периодом существования Усть-Киргизского монастыря.

Локализация в устье р. Большая Киргизка известного с конца XIX в. курганного могильника у Архиерейской заимки является недоразумением. Вероятнее всего, памятник находился на левобережье р. Малая Киргизка, напротив заимки архиерея, на территории современного поселка Киргизка.

Без сомнений, устье р. Большая Киргизка представляет интерес прежде всего сохраняющейся потенциальной возможностью выявления остатков первого на томской земле мужского монастыря, который, несмотря на разночтения, однозначно был основан в 1-й половине XVII в. На фоне недостатка письменных свидетельств его исследование существенно расширит наше представление о первых десятилетиях освоения русским населением Нижнего Притомья. Таким образом, дальнейшее изучение бассейнов рек второго порядка, приуроченных к г. Томску, в значительной степени поспособствует как реконструкции истории русского освоения окрестностей города русским населением, так и изучению памятников автохтонного населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Балюнов И.В. Тобольская керамическая посуда конца XVI — XVII века: опыт классификации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 120–129.

Барсуков Е.В. «Темный век» средневековой археологии Томского Приобья: результаты изучения постройки XV в. на городище Шайтан III // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2016. Т. 43, № 5. С. 33–39.

Беликов Д.Н. Старинные монастыри Томского края. Томск : Паровая Типо-Литография П.И. Макушина, 1898. 212 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.

Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1950. Т. 112. С. 23–210.

Гаман А.Д. Полевой дневник: по материалам разведок 1987–1988 гг. в Томском районе Томской области // След на песке. Материалы и исследования по археологии. Томск; Северск : Дельтаплан, 2010. С. 41–64.

Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск : Красное знамя, 1956. Т. 5. С. 89–317.

Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 180 с.

Зинченко А.С. Научный отчет о выполненных археологических работах. Археологическая разведка в зоне реконструкции комплекса ИТСО периметра ЗАТО Северск Томской области в 2023 г. Северск, 2024 // Архив ООО «Сибирская археология». № 167. 142 с.

Исаков С.А., Дмитриенко Н.М. Томские архиереи: Биографический словарь. 1834–2002. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 112 с.

История Северска: очерки. Северск : Контекст, 2009. Т. 1. 380 с.

Кузнецов С.К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях города Томска, произведенных летом 1889 года // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1890. Кн. 2. С. 123–200.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.: Восточная литература, 2000. 796 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 5. М.: Восточная литература, 2005. 598 с.

Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. Т. 2. 208 с.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1898 год. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1898. 251 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 129 с.

Попова Б.С. Научный отчет о проведенной археологической разведке на территории ЗАТО Северск Томской области в 2023 году. Северск, 2024 // Архив ООО «Сибирская археология». № 195. 123 с.

Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М. : Наука, 1968. 124 с. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–39).

Соколова А.Ю. Сборы с поселения Усть-Киргизка // След на песке. Материалы и исследования по археологии. Томск; Северск : Дельтаплан, 2010. С. 195–200.

Сопова К.О., Татаурова Л.В. Русская лощёная керамика XVII–XVIII веков с поселения Ананьино-1 (по материалам раскопок 2023 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIX. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2023. С. 897–902.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. М. : Издательство АН СССР, 1953. № 35. С. 242–357.

Томский Богородицкий Алексеевский мужской монастырь // Томские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1887. № 11 (1 июня). С. 1–10.

Томский Богородицкий Алексеевский мужской монастырь // Томские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1887. № 12 (15 июня). С. 1–11.

Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 187 с.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб. : Тип. А.М. Котомина и Ко, 1882. 81 с.

Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск : Наука, 1988. С. 59–101.

Яковлев Я.А. Начало творческой биографии: Иван Михайлович Мягков и его «Отчет об осмотре Архимандритской заимки...» // Северск. История и современность. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 69–82.

Яковлев Я.А., Мец Ф.И. Селище Золотая горка (к постановке вопроса об этнической ситуации в Томском Приобье II тыс. н.э. // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 129–152.

REFERENCES

Balyunov I.V. Tobolsk Ceramic Ware of the Late 16th — 17th Century: an Attempt at Classification. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2018;17(5): Archaeology and Ethnography:120–129. (In Russ.)

Barsukov E.V. “The Dark Age” of Medieval Archaeology of the Tomsk Ob Region: Results of the Study of the 15th Century Building at the Shaitan III Fortress. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya = Bulletin of Tomsk State University. Series: History*. 2016;43(5):33–39. (In Russ.)

Belikov D.N. Ancient Monasteries of the Tomsk Region. Tomsk : Parovaya Tipo-Litografiya P.I. Makushina, 1898. 212 p. (In Russ.)

Belikova O.B., Pletneva L.M. The Sites of the Tomsk Priobie of the 5th–8th Century AD. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1983. 244 p. (In Russ.)

Boyarshinova Z.Ya. Population of the Tomsk District in the First Half of the 17th Century. In: Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local History. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1950. Vol. 112. Pp. 23–210. (In Russ.)

Gaman A.D. Field Diary: Based on Reconnaissance Materials from 1987–1988 in the Tomsk District of Tomsk Region. In: Trace in the Sand. Materials and Research in Archaeology. Tomsk; Seversk : Del'taplan, 2010. Pp. 41–64 (*In Russ.*)

Dulzon A.P. Archaeological Monuments of the Tomsk Region. In: Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local History. Tomsk : Krasnoe znamya, 1956. Vol. 5. Pp. 89–317. (*In Russ.*)

Emelyanov N.F. Russian Settlement of the Middle Ob Region in the Feudal Era. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1981. 180 p. (*In Russ.*)

Zinchenko A.S. Scientific Report on Completed Archaeological Work. Archaeological Reconnaissance in the Reconstruction Zone of the ITSO Complex of the Perimeter of the Closed Administrative-Territorial Entity Seversk, the Tomsk Region in 2023. Seversk, 2024. In: Archive of Siberian Archaeology LTD. No. 167. 142 p. (*In Russ.*)

Isakov S.A., Dmitrienko N.M. Tomsk Bishops: Biographical Dictionary. 1834–2002. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2002. 112 p. (*In Russ.*)

History of Seversk: Essays. Seversk: Context, 2009. Vol. 1. 380 p. (*In Russ.*)

Kuznetsov S.K. Report on Archaeological Excavations in the Vicinity of the City of Tomsk, Carried out in the Summer of 1889. In: Bulletin of the Imperial Tomsk University. Tomsk, 1890. Book 2. Pp. 123–200. (*In Russ.*)

Miller G.F. History of Siberia. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000. 796 p. (*In Russ.*)

Miller G.F. History of Siberia. Vol. 5. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005. 598 p. (*In Russ.*)

Ozheredov Yu.I., Yakovlev Ya.A. Archaeological Map of the Tomsk Region. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1993. Vol. 2. 208 p. (*In Russ.*)

Report of the Imperial Archaeological Commission for 1898. St. Petersburg : Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1898. 251 p. (*In Russ.*)

Pletneva L.M. The Tomsk Ob Region in the Late Middle Ages (based on archaeological sources). Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1990. 129 p. (*In Russ.*)

Popova B.S. Scientific Report on the Archaeological Reconnaissance Conducted on the Territory of the Closed Administrative-Territorial Entity Seversk, the Tomsk Region in 2023. Seversk, 2024. In: Archive of Siberian Archaeology LTD. No. 195. 123 p. (*In Russ.*)

Rosenfeld R.L. Moscow Ceramic Production of the 12th-18th Centuries. Moscow : Nauka, 1968. 124 p. (Archaeology of the USSR. Collection of archaeological sources. Issue E1–39). (*In Russ.*)

Sokolova A.Yu. Collections from the Ust-Kirghiz Settlement. In: Trace in the Sand. Materials and Research in Archaeology. Tomsk; Seversk : Del'taplan, 2010. Pp. 195–200. (*In Russ.*)

Sopova K.O., Tataurova L.V. Russian Polished Ceramics of the 17th-18th Centuries from the Settlement of Ananyino-1 (based on excavations in 2023). In: Problems of Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXIX. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2023. P. 897–902. (*In Russ.*)

Talitskaya I.A. Materials for the Archaeological Map of the Lower and Middle Ob Region. In: Materials and Research on Archaeology of the USSR. Moscow : Izdatel'stvo AN SSSR, 1953. No. 35. P. 242–357. (*In Russ.*)

Tomsk Bogoroditsky Alekseevsky Monastery. *Tomskie eparhial'nye vedomosti. Otdel neoficial'nyj* = *Tomsk Diocesan Gazette. Unofficial Section*. 1887;11(June 1):1–10. (*In Russ.*)

Tomsk Bogoroditsky Alekseevsky Monastery. *Tomskie eparhial'nye vedomosti. Otdel neoficial'nyj* = *Tomsk Diocesan Gazette. Unofficial Section*. 1887;12(June 15):1–11. (*In Russ.*)

Chernaya M.P. Tomsk Kremlin of the Middle 17th — 18th Centuries: Problems of Reconstruction and Historical Interpretation. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2002. 187 p. (*In Russ.*)

The Drawing Book of Siberia, Compiled by the Tobolsk Boyar's Son Semyon Remezov in 1701. St. Petersburg : Tip. A.M. Kotomina i Ko, 1882. 81 p. (*In Russ.*)

Elert A.Kh. Historical and Geographical Description of the Tomsk District by G.F. Miller (1734). In: Sources on the History of Siberia in the Pre-Soviet Period. Novosibirsk : Nauka, 1988. Pp. 59–101. (*In Russ.*)

Yakovlev Ya.A. The Beginning of a Creative Biography: Ivan Mikhailovich Myagkov and His "Report on the Inspection of the Archimandrite's Farmstead...". In: Sever'sk. History and Modernity. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1994. Pp. 69–82. (*In Russ.*)

Yakovlev Ya.A., Metz F.I. The Settlement of Zolotaya Gorka (towards the formulation of the question of the ethnic situation in the Tomsk Ob region of the 2nd millennium AD). In: Archaeological Research in the Middle Ob Region. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1993. Pp. 129–152. (*In Russ.*)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Барсуков Е.В.: идея публикации, историческая характеристика, написание соответствующего раздела статьи, а также введения и заключения.

E.V. Barsukov: the idea of the publication, historical characteristics, writing the relevant section of the article, as well as the introduction and conclusion.

Зинченко А.С.: полевые археологические исследования, анализ археологических материалов, написание соответствующего раздела статьи.

A.S. Zinchenko: field archaeological research, analysis of archaeological materials, writing the relevant section of the article.

Попова Б.С.: полевые археологические исследования, анализ археологических материалов, написание соответствующего раздела статьи, перевод соответствующих разделов.

B.S. Popova: field archaeological research, analysis of archaeological materials, writing the relevant section of the article, translation of the relevant sections.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Барсуков Евгений Владимирович, научный сотрудник Лаборатории биогеохимических и дистанционных методов мониторинга окружающей среды, Биологический институт, Томский государственный университет, Томск, Россия.

Evgenij V. Barsukov, Researcher, Laboratory of Biogeochemical and Remote Methods of Environmental Monitoring, Tomsk State University, Tomsk, Russia.

Зинченко Александр Сергеевич, специалист-археолог ООО «Сибирская археология», Северск, Россия.

Alexander S. Zinchenko, Specialist Archaeologist of ООО “Siberian Archaeology”, Seversk, Russia.

Попова Богдана Станиславовна, специалист-археолог ООО «Сибирская археология», Северск, Россия.

Bogdana S. Popova, Specialist Archaeologist of ООО “Siberian Archaeology”, Seversk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 10.08.2025;
одобрена после рецензирования 28.10.2025;
принята к публикации 24.11.2025.
The article was submitted 10.08.2025;
approved after reviewing 28.10.2025;
accepted for publication 24.11.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 902(470.57)“637”

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-03)

EDN: UASAJO

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ КРУГЛОПЛАНОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ УЛАК-1 (ЮЖНЫЙ УРАЛ)

**Илшат Интизам оглы Бахшиев¹, Михаил Михайлович Румянцев²,
Егор Васильевич Берсенёв^{3*}**

¹Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия;
ibahsh@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2083-9543>

²Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия;
rmm121983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2787-3074>

³Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия;
egor215@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8276-7392>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье представлены результаты изучения каменных орудий из раскопа 2015 г. круглопланового поселения эпохи бронзы Улак-1 в Башкирском Зауралье. В качестве основного метода исследования был применен трасологический анализ коллекции каменных орудий. Изучение комплекса следов износа позволяет сделать вывод об использовании основной массы предметов в качестве орудий для дробления и измельчения минерального сырья. Установлено, что каменные инструменты применялись как для получения крупных фракций, так и для растирания породы до порошкообразного состояния. Наиболее вероятным представляется предположение, что основная часть орудий может быть связана с керамическим производством, в частности с инструментами для получения дресвы, служившей примесью при создании формовочных масс. В коллекции предметов из раскопа 2015 г. также присутствуют отщепы и массивный нуклеус, который по своим технико-морфологическим характеристикам близок к каменной индустрии Южного Урала эпохи нижнего палеолита.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Южный Урал, Улак-1, каменные орудия, трасологический анализ

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 25–28–01165 «Комплексное исследование системы круглоплановых укрепленных поселений эпохи бронзы Башкирского Зауралья» (рук. И.И. Бахшиев).

Для цитирования: Бахшиев И.И., Румянцев М.М., Берсенёв Е.В. Каменные орудия круглопланового поселения эпохи бронзы Улак-1 (Южный Урал) // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 4. С. 47–63. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-03)

STONE TOOLS FROM THE CIRCULAR-PLAN BRONZE AGE SETTLEMENT OF ULAK-1 (SOUTHERN URALS, RUSSIA)

Ilishat I. Bakhshiev¹, Mikhail M. Rumiantsev², Egor V. Bersenev^{3*}

¹Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia;
ibahsh@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2083-9543>

²Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia;
rmm121983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2787-3074>

³Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia;
egor215@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8276-7392>

*Corresponding Author

Abstract. The article presents the results of a study of stone tools from the 2015 excavation of the circular Bronze Age settlement Ulak-1 in the Bashkir Trans-Urals. The primary research method employed was use-wear analysis of the stone tool assemblage. Examination of the wear traces indicates that most of the artifacts were used as tools for crushing and grinding mineral raw materials. It has been established that the stone implements served both for producing coarse fractions and for grinding rock to a powder-like state. The most plausible interpretation is that the majority of the tools were associated with ceramic production, particularly with the preparation of crushed stone temper used as an additive in forming clay masses. The 2015 assemblage also includes flakes and a massive core, whose technical and morphological characteristics are comparable to the Lower Paleolithic stone industry of the Southern Urals.

Keywords: Bronze Age; Southern Urals; Ulak-1; stone tools; use-wear analysis

Acknowledgements: this research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project no. 25-28-01165, "Comprehensive Study of the System of Circular Fortified Bronze Age Settlements in the Bashkir Trans-Urals" (project leader: I.I. Bakhshiev).

For citation: Bakhshiev I.I., Rumiantsev M.M., Bersenev E.V. Stone Tools from the Circular-Plan Bronze Age Settlement of Ulak-1 (Southern Urals, Russia). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(4):47–63. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-03)

Введение
Укрепленные поселения эпохи бронзы с концентрическим принципом организации пространства, относимые к кругу памятников синташтинско-петровского типа, на сегодняшний день известны в количестве 30, а потенциально и 35–40 на пространствах Урало-Казахстанских степей (Солдаткин, 2024). Западный ареал распространения традиции их сооружения очерчивают памятники, расположенные в Башкирском Зауралье: Улак-1, Селек, Сибаркуль-1 и Сибаркуль-2. Причем наиболее западным из них и первым из открытых на территории Башкирии является укрепленное поселение Улак-1.

Поселение расположено в межгорной долине хребта Ирендык, у его восточных отрогов, на низкой пойменной террасе правого берега р. Улак (рис. 1).

Памятник был открыт в 1996 г. разведочным отрядом Ирендыкской комплексной археолого-этнографической экспедиции (Савельев, Яминов, 2004). В 2002 г. на территории поселения были проведены электрометрические исследования площадью 2450 кв. м, позволившие выявить около 20 локальных аномалий, вероятно, являющихся археологическими объектами (Журбин, 2002). В 2003 г. за пределами укрепленной площадки была заложена разведочная траншея размером 2×10 м (Котов, 2004).

В 2015 г. экспедицией Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН под руководством И.И. Бахшиева в восточной части памятника был заложен раскоп общей площадью 108 кв. м, а также проведена магнитная съемка всей площадки поселения, окруженной валом (рук. В.В. Носкевич), и выполнен комплекс топографо-геодезических работ (рис. 2.-1-2) (Бахшиев, Насретдинов, 2016; Бахшиев, Носкевич, Насретдинов, 2018).

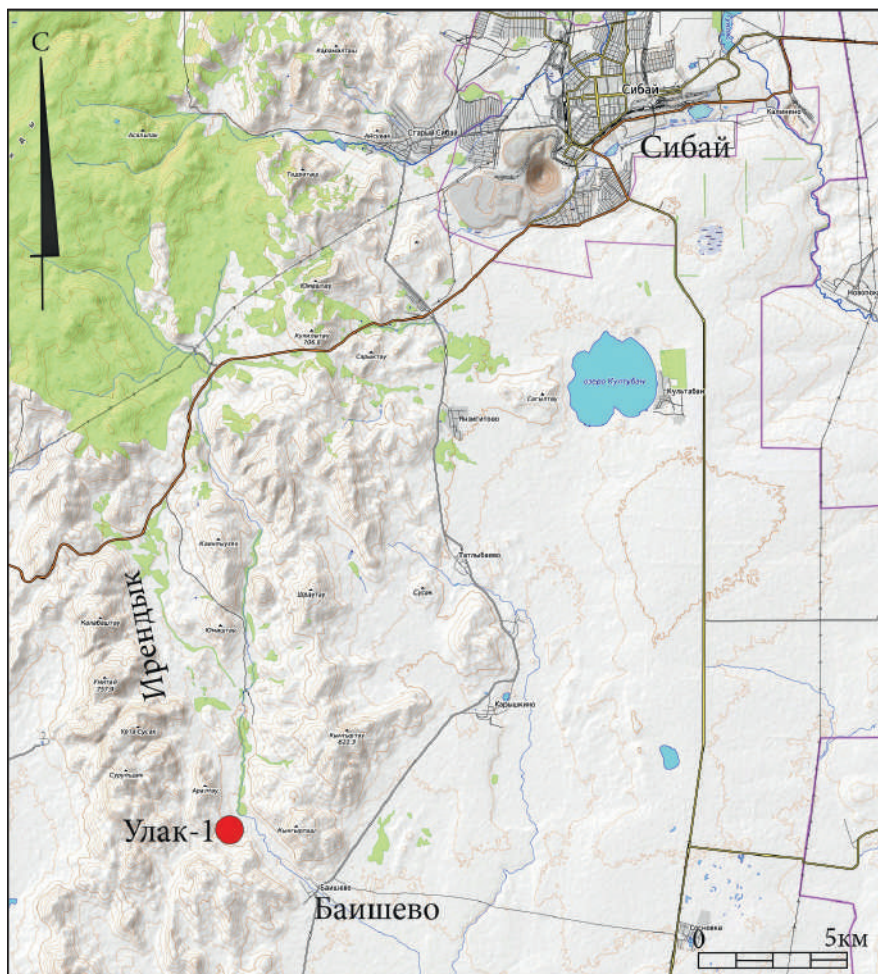

Рис. 1. Расположение поселения Улак-1
 Fig. 1. Location of settlement of Ulak-1

Коллекция находок состоит из фрагментов керамики, остеологического материала и каменных орудий. Анализ материалов памятника позволил связать основной керамический комплекс с синташтинской археологической культурой, а также выделить керамику раннего и развитого этапов срубной культуры (Бахшиев, Насретдинов, 2016; Бахшиев, Носкевич, Насретдинов, 2018, с. 38). Алакульская и раннеалакульская представлена единичными фрагментами.

Коллекция каменных артефактов насчитывает 12 предметов, результатам изучения которых и посвящена данная статья. Исходя из имеющихся данных по раскопу 2015 г., предварительно основная часть каменных артефактов, по всей видимости, может быть соотнесена с синташтинским или раннесрубным/срубным этапом существования памятника. За исключением одного нуклеуса, который по своим технико-морфологическим характеристикам может быть отнесен к палеолиту.

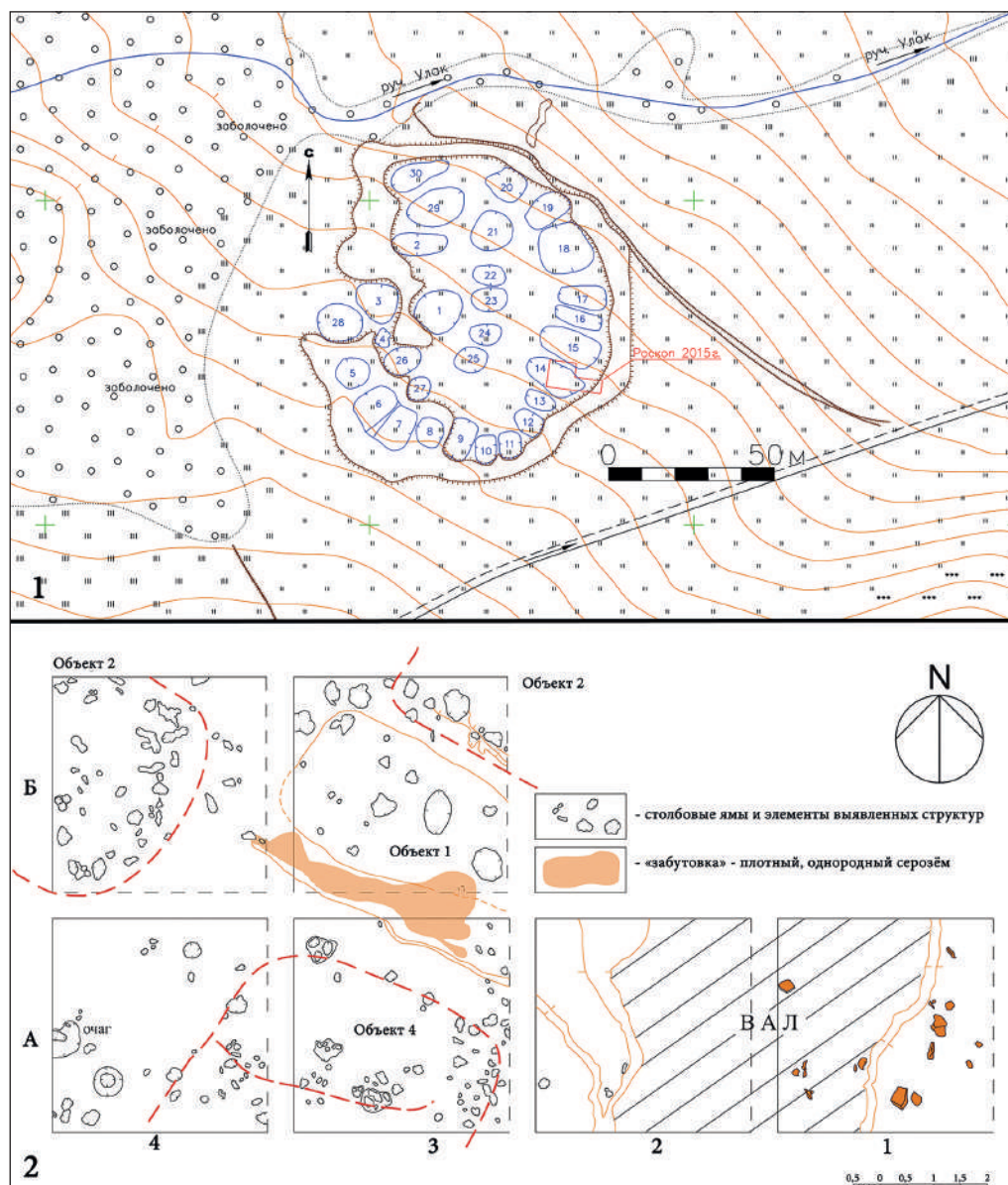

Рис. 2. 1 — план поселения Улак-1; 2 — план раскопа 2015 г.

Fig. 2. 1 — The plan of the Ulak-1 settlement; 2 — The plan of the excavation site in 2015

Каменные орудия с поселенческих памятников эпохи бронзы Южного Зауралья не часто становятся объектом изучения с позиций трасологического подхода. Ранее довольно подробно были опубликованы материалы таких памятников с указанной территории, как Петровка-II, Кулевчи-III, Таналык, Устье-I (Зданович, Коробкова, 1988; Коробкова, Виноградов, 2004; Гарустович, Котов, 2007; Кунгурова, 2013; Зданович, Семин, 2022; Костома-

рова, Новиков, Костомаров, 2023). В этой связи введение в научный оборот данных поселения Улак-1 может быть весьма актуальным и представлять определенный интерес.

Методы исследования

В качестве основного метода исследования был применен трасологический анализ коллекции каменных орудий (Семенов, 1957; Коробкова, Щелинский, 1996). Исследование проводилось при помощи стереоскопического микроскопа МБС-10. Макрофото съемка выполнена при помощи фотоаппарата Canon EOS R с объективом Canon RF 85mm f/2 Macro. Для подготовки иллюстраций использованы возможности программ Canon EOS Utility, Helicon Focus и Adobe Photoshop.

Результаты

Каменные артефакты, обнаруженные на поселении Улак-1, состоят из орудий на гальках и обломках из местного сырья, преимущественно с зернистой, вязкой структурой, — диабаз (5 шт.) и кварцито-песчаника (2 шт.). Еще для четырех предметов источником сырья служили яшма и яшмоид.

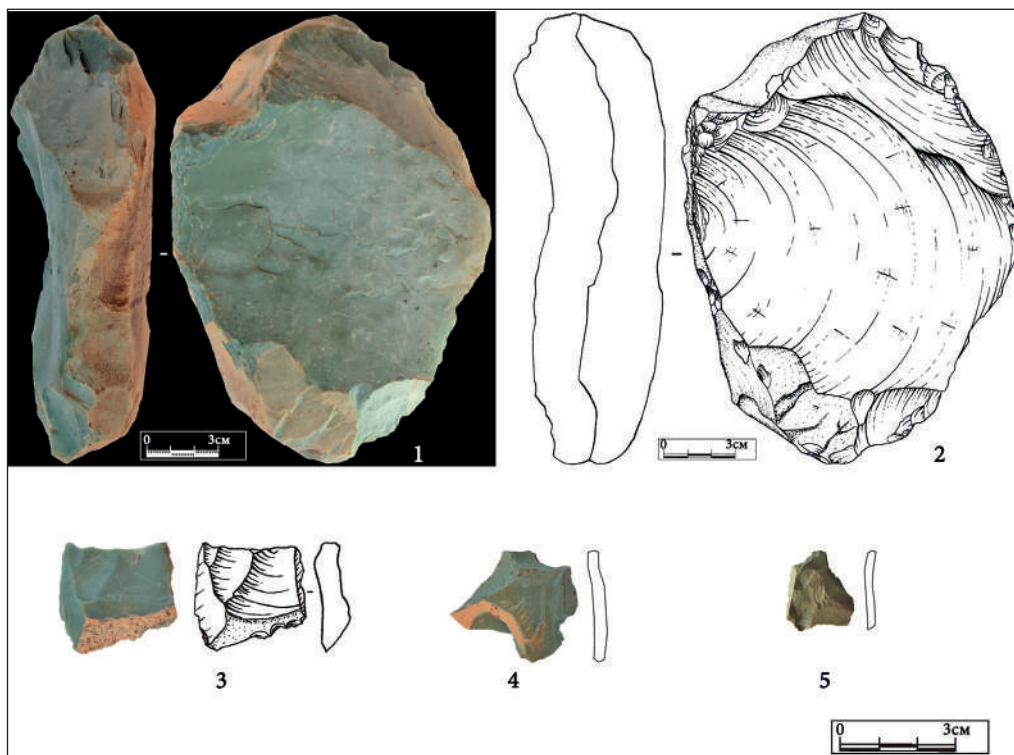

Рис. 3. Предметы № 1–5: 1–2 — нуклеус (№ У-1/226 по описи);

3–5 — отщепы зеленой яшмы (№ У-1/224, У-1/226, У-1/228 по описи)

Fig. 3. Items № 1–5: 1–2 — Lithic core (No. U-1/226 according to the inventory);

3–5 — Flakes of green jasper (No. U-1/224, U-1/226, U-1/228 according to the inventory)

Среди находок можно выделить одну, которая, по всей видимости, может быть отнесена к эпохе палеолита. Это плоский односторонний бессистемный нуклеус (*предмет № 1*) (4-й условный горизонт, 40 см) для снятия крупных отщепов из серо-зеленой яшмы (рис. 3.-1-2). По своим технико-морфологическим характеристикам артефакт соответствует «карышкинскому типу индустрии» ашельской традиции Южного Зауралья, описанному В.Г. Котовым (2015, с. 8, 11). Очевидно, с использованием этого изделия связано появление крупной несистематической ретуши с заломами на концах изделия, негативы которой имеют более интенсивный цвет и не покрыты патиной.

Отходы производства представлены тремя отщепами зеленой яшмы (*предметы № 2-4*) (рис. 3.-3-5). Все три обнаружены в гумусовом слое. На дорсальной части одного из них (рис. 3.-3) фиксируется продольная огранка с желвачной коркой. На кромке дистального конца со стороны желвачной корки фиксируется неутилитарная краевая ретушь.

Восемь предметов можно отнести к орудиям ударного и ударно-абразивного действия.

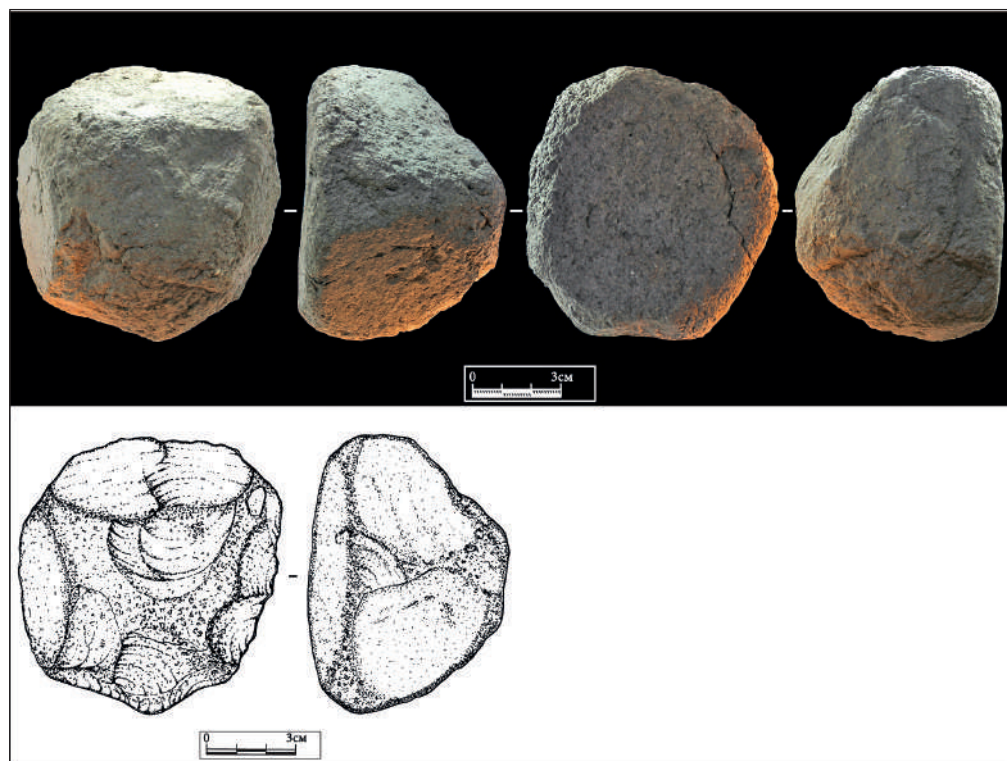

Рис. 4. Предмет № 5 (№ У-1/218 по описи)
Fig. 4. Item № 5 (No. U-1/218 according to the inventory)

Предмет № 5 (рис. 4) — слегка окатанная галька из диабазов средней зернистой структуры серовато-коричневого цвета размером 9×8,5×6,9 см и весом 794 г. Обнаружена

на уровне 2-го условного горизонта (20 см) в слое гумуса. Одна сторона имеет широкую ровную естественную поверхность, относительно которой форма артефакта полусферическая. На боковых гранях фиксируются многочисленные глубокие выбоины и выкрошенность, а на выступающих участках — уплощенные поверхности. Таким образом, следы ударов, образовавшиеся при обработке, фиксируются на выступающих гранях, в ходе оббивки грани скруглялись. При исследовании плоских поверхностей предмета под микроскопом следы утилизации не зафиксированы.

Предмет № 6 (рис. 5) — фрагмент диабазы (?) среднезернистой структуры темно-зеленого цвета овальной формы размером 8,7×6,6×5,2 см и весом 446 г. Обнаружен на уровне 3-го условного горизонта (30 см) в слое гумуса. Следы использования фиксируются на боковых поверхностях и представляют собой ступенчатые выбоинки с неровными краями в сочетании с выкрошенностью звездчатой структуры. Наиболее интенсивный износ присутствует на торцевых поверхностях изделия. Судя по следам сработанности, орудие использовалось для дробления и измельчения минерального сырья.

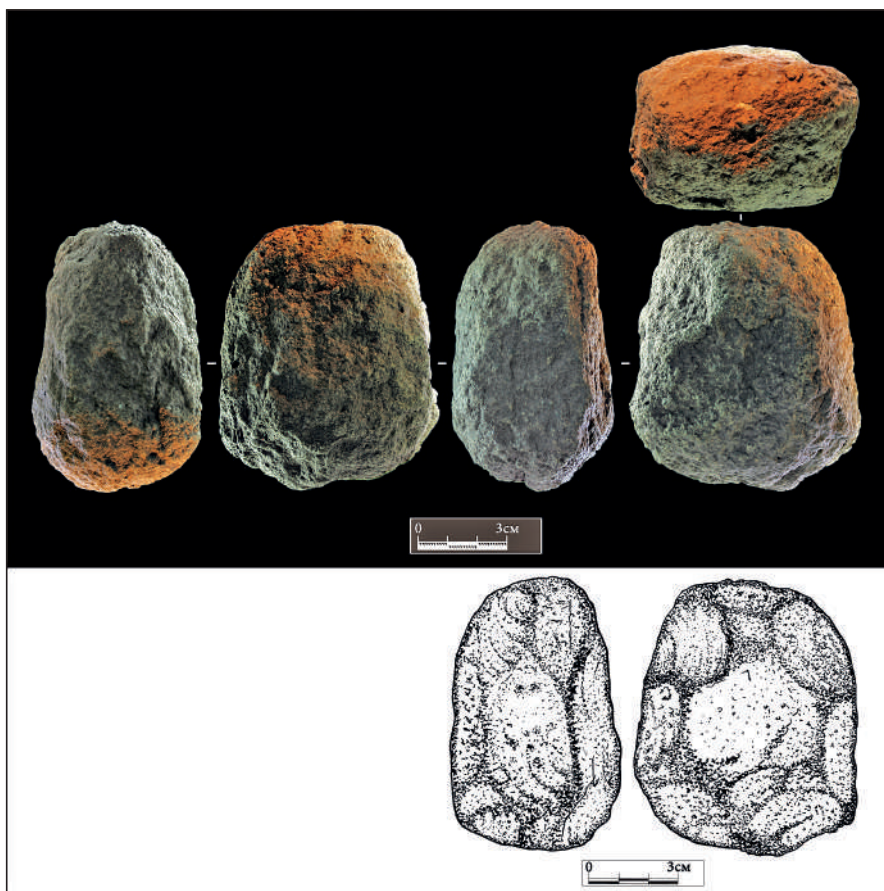

Рис. 5. Предмет № 6 (№ У-1/219 по описанию)
 Fig. 5. Item № 6 (No. U-1/219 according to the inventory)

Предмет № 7 (рис. 6) — окатанная галька яшмоида (?) мелкозернистой структуры светло-серого цвета полусферической формы. Размер — 9,5×9,7×6,5 см, вес — 815 г. Обнаружена на уровне материкового грунта. Галька имеет две зоны со следами использования на двух закругленных ребрах. На обоих участках следы сработанности одинаковые, характерные для орудий для дробления породы, в виде выкрошенности и забитости рабочего края. На наиболее сработанной стороне одного участка прослеживаются крупные сколы, концентрирующиеся у естественной трещины, покрытые забитыми лунками различного размера. По всей видимости, использовалось непродолжительное время для дробления минерального сырья, поскольку рабочие участки в виде глубоких выбоин и сильной выкрошенности приурочены к вершинам гальки. Вероятность разрушения орудия по естественной трещине могла стать причиной отказа от его дальнейшего использования.

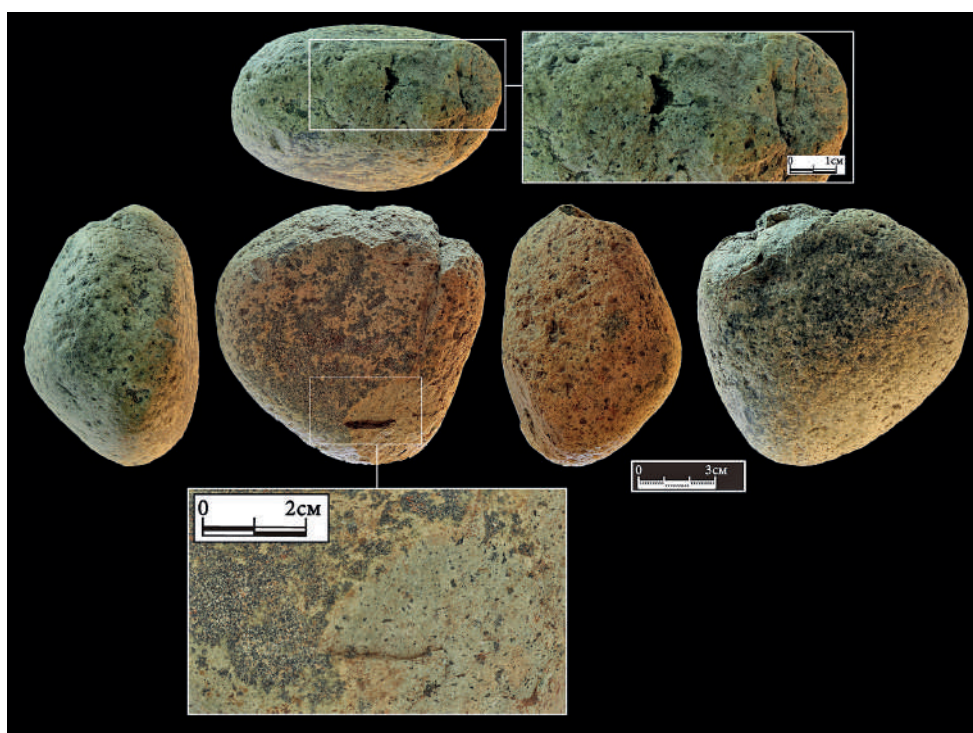

Рис. 6. Предмет № 7 (№ У-1/220 по описи)
Fig. 6. Item № 7 (No. U-1/220 according to the inventory)

Предмет № 8 (рис. 7) — фрагмент диабазы среднезернистой структуры темно-зеленого цвета. Размер — 9,3×9,8×6,7 см, вес — 593 г. Обнаружен на уровне 2-го условного горизонта (20 см) в слое гумуса. Орудие сильно сработано, у него сохранились лишь два нетронутых небольших участка с желвачной коркой, которые использовались в качестве обушка. Характеризуется наличием разветвленной сети естественных трещин, которые послужили значительному разрушению орудия. Двумя перекрестными сколами и сильными торцевыми ударами на боковой стороне образована выступа-

ющая грань, на которой отсутствуют следы выкрошенности. Участки сколов, не подвергшиеся дальнейшему воздействию, имеют ровные грани и ступенчатые выбоины звездчатой структуры. Противоположная сторона от участка с желвачной коркой скруглена от выкрашивания. На нескольких участках орудия также фиксируются скругленные площадки, образованные забитостью от продолжительного использования при измельчении минерального сырья.

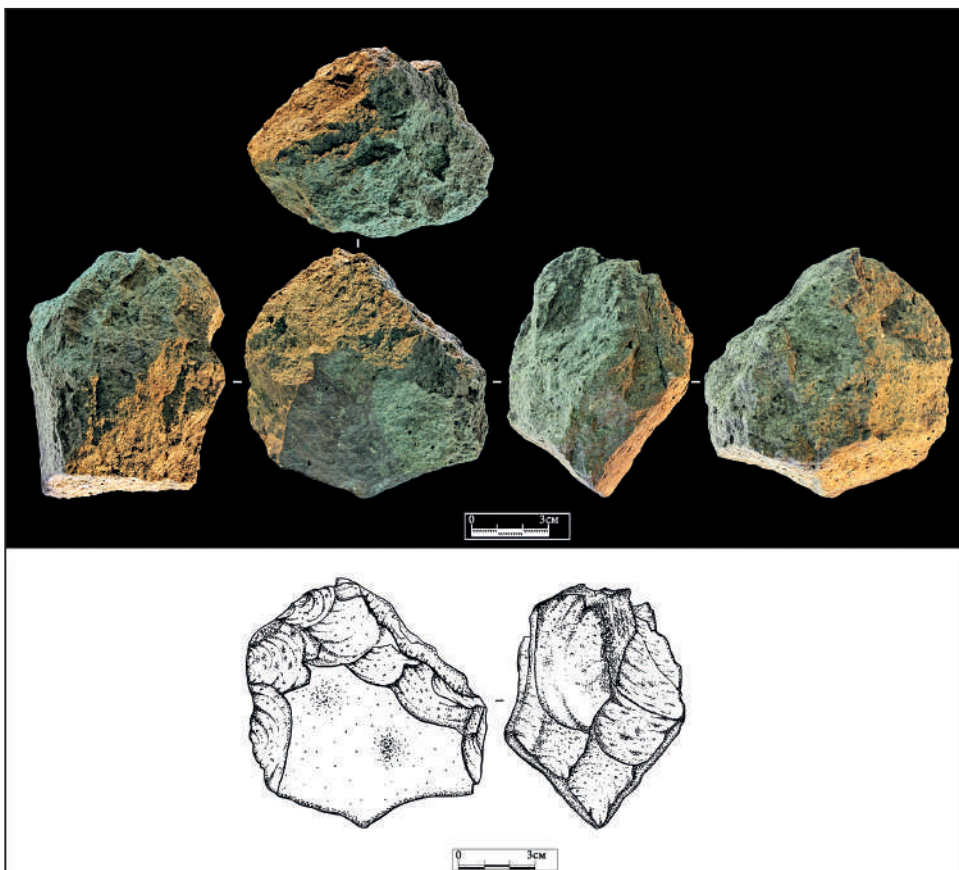

Рис. 7. Предмет № 8 (№ У-1/221 по описи)
Fig. 7. Item № 8 (No. U-1/221 according to the inventory)

Предмет № 9 (рис. 8) — массивный фрагмент диабазы среднезернистой структуры темно-зеленого цвета овальной формы. Размер — 12,4×10,2×8,3 см, вес — 1575 г. Обнаружен на уровне 3-го условного горизонта (30 см) в слое гумуса. На орудии овальной формы по периметру боковых поверхностей фиксируется ленточный износ в виде ступенчатых выбоин со скругленными краями и забитостью на торцевых поверхностях. Вероятнее всего, орудие использовалось для дробления и измельчения минерального сырья.

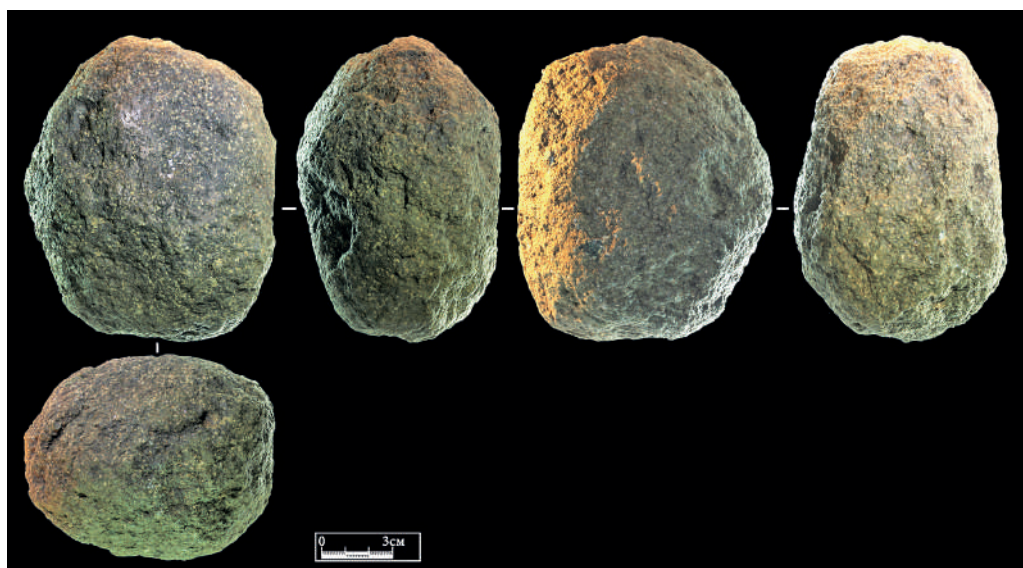

Рис. 8. Предмет № 9 (№ У-1/229 по описи)
 Fig. 8. Item № 9 (No. U-1/229 according to the inventory)

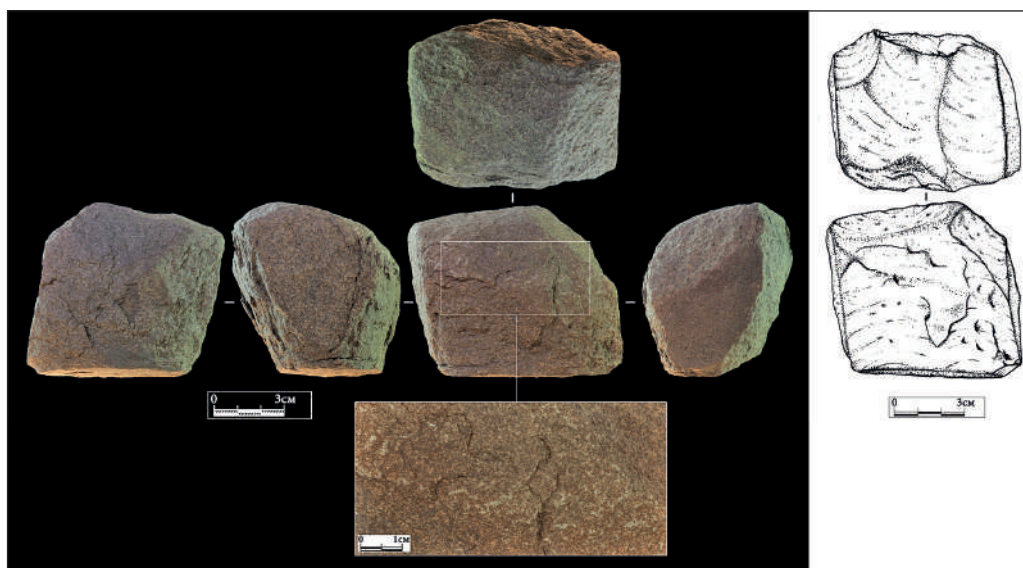

Рис. 9. Предмет № 10 (№ У-1/225 по описи)
 Fig. 9. Item № 10 (No. U-1/225 according to the inventory)

Предмет № 10 (рис. 9) — фрагмент кварцито-песчаника мелкозернистой структуры серовато-коричневого цвета овальной формы (рис. 8). Размер — 7×7,6×6,5 см, вес — 559 г. Обнаружен на уровне 2-го условного горизонта (20 см) в слое гумуса. По периметру присутствуют негативы разнонаправленных сколов, придающие орудью полусфе-

рическую форму. Боковые стороны покрыты наслаивающимися трещинами, по которым развивались сколы. Основание плоское, сохраняет естественную корку. На противоположной стороне фиксируются следы забитости, сглаживающие грань. Судя по комплексу следов, орудие применялось для измельчения минерального сырья.

Предмет № 11 (рис. 10) — фрагмент диабаз мелкозернистой структуры темно-зеленого цвета подцилиндрической формы. Размер — 9,8×6,5×6 см, вес — 559 г. Обнаружен на уровне 3-го условного горизонта (30 см) в слое гумуса. Следы использования фиксируются на узком конце гальки в виде ступенчатых выбоинок со скругленными краями и забитостью рабочей поверхности. На фоне окружающей патинизированной поверхности рабочая поверхность более яркая. Судя по следам использования, орудие применялось для измельчения минерального сырья.

Рис. 10. Предмет № 11 (№ У-1/227 по описанию)

Fig. 10. Item № 11 (No. U-1/227 according to the inventory)

Предмет № 12 (рис. 11) — галька кварцито-песчаника мелкозернистой структуры светло-серого цвета неправильной грушевидной формы. Размер — 10,3×9,3×6,5 см, вес — 817 г. Обнаружен на уровне 2-го условного горизонта (20 см) в слое гумуса. Следы использования фиксируются на трех поверхностях: на двух противоположных боковых узких гранях и на выступе узкой вершины. На ребре боковой грани от середины к широкому закругленному концу выпуклая поверхность выровнена за счет выщербленности и истирания. На этой поверхности фиксируются многочисленные неглубокие выбоинки, перекрытые заглаженными участками. Следы истирания заходят на боковую грань, на которой также фиксируются выровненные поверхности с неглубокими выбоинками, перекрытые заглаженными участками. Различимы также линейные следы в виде борозд и параллельных царапин, идущих вдоль или перпендикулярно краю грани. Это орудие первоначально использовалось для дробления, а затем и для растирания минерального сырья. Второй участок следов расположен на противоположной боковой грани гальки. Здесь локализируются три участка с концентрирующимися многочисленными неглубокими выбоинками, отделенные друг от друга нетронутыми поверхностями гальки. Выбоинки на участке наиболее приближенного к истертой поверхности закругленного основания перекрыты следами истирания. Характер выбоинок на этом участке, концентрирующихся двумя отделенными группами, дает основание предположить, что эта сторона использовалась для дробления породы. На третьем участке, на выступе узкого закругленного конца, следы выражены в виде концентрированных в скопление многочисленных выбоин. Этот узкий участок орудия использовался только для дробления. Таким образом, инструмент использовался в двух операциях — для дробления и для растирания минерального сырья до порошковой массы.

Рис. 11. Предмет № 12 (№ У-1/223 по описанию)

Fig. 11. Item № 12 (No. U-1/223 according to the inventory)

Обсуждение

Таким образом, основная масса каменных орудий, выявленных на памятнике, имеет ленточный износ, в том числе на угловатых участках, сработанных до полукруглого состояния. Естественные фрагменты диабаз в окрестностях памятника без следов использования отличаются угловатостью форм.

Обращает на себя внимание то, что форма предметов, их размеры и вес в целом аналогичны. Лишь № 9 имеет большие параметры. Вероятно, это свидетельствует об отборе данных орудий труда по форме и весу. Как ранее отмечалось исследователями, такие пропорции могут соответствовать одноручным инструментам и двуручным соответственно (Коробкова, Виноградов, 2004, с. 60). По всей видимости, для работы выбирались камни, подготовка которых к работе не требовала больших затрат и времени. Простая обработка заготовок была необходима для придания лучшей эргономичности и формы.

Основная масса орудий (предметы № 5–11) использовалась для дробления и измельчения крупнозернистого минерального сырья, что проявляется в следах забитости, перекрывающих крупные сколы, и выкрошенности. В целом микроследы на поверхности указанных изделий характеризуются глубокими выбоинками с микротрещинами и заломами вокруг них, разнокалиберными и разноуровневыми углублениями звездчатой структуры с неровными краями различной концентрации (от редко расположенных до налегающих).

Имеющиеся данные могут указывать на использование их в качестве инструментов для дробления породы с целью получения дресвы, необходимой для формовочных масс в керамическом производстве (Костомарова, Новиков, Костомаров, 2023, с. 64). Данное предположение в будущем может быть дополнено экспериментальными данными. В то же время стоит отметить, что минеральные примеси вполне типичны для керамической традиции носителей синташтинской, срубной и алакульской культур Южного Зауралья (Мухаметдинов, 2015; Дубовцева, Киселева, Пантелеева, 2016, с. 101–102; Гутков, 1995, с. 139; 2013, с. 180; Григорьев, Салугина, 2020, с. 53).

Три предмета относятся к отходам каменного производства и являются отщепами, не имеющими следов использования. Крупный нуклеус, по всей видимости, относится к более раннему периоду — палеолиту.

Одно орудие (№ 12) выделяется крупными размерами и ленточным износом. Оно могло использоваться для дробления и растирания сырья до порошкообразного состояния.

Заключение

Выявленные каменные орудия на памятнике восстанавливают производственную цепочку от дробления грубой породы до получения порошка. Основная часть из них, таким образом, относится к инструментам ударного/ударно-абразивного действия по обработке минерального сырья. Наиболее вероятным представляется предположение, что основная часть предметов использовалась для дробления, мельчения, растирания минерального сырья, использовавшегося в качестве примеси при производстве керамики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бахшиев И.И., Насретдинов Р.Р. Некоторые итоги исследований 2015–2016 гг. на поселении Улак-1 в Башкирском Зауралье // Историко-культурные процессы на Южном

Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия. Уфа : Диалог, 2016. С. 64–87.

Бахшиев И.И., Носкевич В.В., Насретдинов Р.Р. Геофизические и дистанционные исследования укрепленного поселения эпохи бронзы Улак-1 в Башкирском Зауралье: соотношение полученных данных с результатами археологических раскопок // Поволжская археология. 2018. № 3. С. 30–44.

Гарустович Г.Н., Котов В.Г. Таналыкское I поселение // Уфимский археологический вестник. 2007. № 6–7. С. 32–49.

Григорьев С.А., Салугина Н.П. Петровская и алакульская керамика поселения Могище в Южном Зауралье // Российская археология. 2020. № 2. С. 45–59.

Гутков А.И. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Челябинск : Творческое объединение «Каменный пояс», 1995. С. 135–147.

Гутков А.И. Технично-технологический анализ керамики поселения Устье I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск : Абрис, 2013. С. 179–184.

Дубовцева Е.Н., Киселева Д.В., Пантелеева С.Е. Технологическое исследование керамики синташтинского типа из поселения Каменный Амбар // Уральский исторический вестник. 2016. № 4(53). С. 99–110.

Журбин И.В. Отчет по научно-исследовательской работе по теме: «Разработка методики электрометрических исследований и проведение измерений на территории городища Улак I». Ижевск, 2002 // Архив Государственного бюджетного учреждения «Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан». 60 с.

Зданович Г.Б., Коробкова Г.Ф. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по результатам трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка II) // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Челябинский государственный университет, 1988. С. 60–79.

Зданович С.Я., Семин Д.В. Каменные орудия поселения Аркаим // Аркаим. Археология укрепленных поселений: в 2 кн. Книга 2: Фортификации и общественное пространство. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2022. С. 300–322.

Коробкова Г.Ф., Виноградов Н.Б. Каменные и костяные орудия из поселения Кулевчи III // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 1: Исторические науки. 2004. № 2. С. 57–87.

Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб. : ИИМК РАН, 1996. 150 с.

Костомарова Ю.В., Новиков И.К., Костомаров В.М. Орудийный комплекс алакульского населения поселения Золотое-1 в лесостепном Притоболье // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 1. С. 59–75. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(1\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(1).-04).

Котов В.Г. Научный отчет о разведочном обследовании в Баймакском, Бурзянском, Мелеузовском и Кутарчинском районах Республики Башкортостан в 2003 г. Т. 1. Уфа, 2004 // Архив Государственного бюджетного учреждения «Научно-производственный

центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан». 69 с.

Котов В.Г. Стоянка-мастерская Карышкино-11 — новый памятник нижнего палеолита на Южном Урале // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2015. Вып. 1. С. 7–20.

Кунгурова Н.Ю. Трасологическое изучение каменных предметов из раскопок укрепленного поселения Устье 1 // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск : Абрис, 2013. С. 285–330.

Мухаметдинов В.И. Керамика поселения Ташла-2 из Башкирского Зауралья (технико-технологический анализ) // Уфимский археологический вестник. 2015. № 15. С. 21–25.

Савельев Н.С., Яминов А.Ф. Улак-1 — новое укрепленное поселение эпохи бронзы в Башкирском Зауралье // Народы Южного Урала и их соседи в древности и в средневековье. Уфа : БашГУ, 2004. С. 204–218.

Семенов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. 237 с.

Солдаткин Н.В. Поиск укрепленных поселений бронзового века Урало-Казахстанских степей по спутниковым снимкам // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3. № 3. С. 48–55. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-3-3-48-55

REFERENCES

Bakhshiev I.I., Nasretdinov R.R. Some Results of Research Conducted in 2015–2016 at the Ulak-1 Settlement in the Bashkir Trans-Urals Region. In: Historical and Cultural Processes in the Southern Urals during the Late Bronze Age: Contemporary Issues of Studying and Preservation of Cultural Heritage. Ufa : Dialog, 2016. Pp. 64–87. (In Russ)

Bakhshiev I.I., Noskevich V.V., Nasretdinov R.R. Geophysical and Remote Studies of the Ulak-1 Fortified Settlement of the Bronze Age in Bashkir Trans-Urals: The Correlation of the Obtained Data with the Results of the Archaeological Excavations. *Povolzhskaya Arheologiya = The Volga River Region Archaeology*. 2018;3:30–44. (In Russ.)

Garustovich G.N., Kotov V.G. Tanalyk I Settlement. *Ufimskij arheologicheskij vestnik = Ufa Archaeological Herald*. 2007;6-7:32–49. (In Russ.)

Grigoriev S.A., Salugina N.P. Petrovskaya and Alakulskaya Ceramics of the Mochishche Settlement in the Southern Trans-Urals. *Rossijskaya arheologiya = Russian Archaeology*. 2020;2:45–59. (In Russ.)

Gutkov A.I. Equipment and Manufacturing Techniques of Ceramics of the Arkaim Settlement. In: Arkaim. Research, Search, Opening. Chelyabinsk: Tvorcheskoe ob'edinenie "Kamennyj pojas", 1995. Pp. 135–147. (In Russ.)

Gutkov A.I. Technical and Technological Analysis of Ceramics of the Ustye I Settlement. In: Ancient Ustye: Fortified Settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals. Chelyabinsk : Abris, 2013. Pp. 179–184. (In Russ.)

Dubovtseva E.N., Kiseleva D.V., Panteleva S.E. Technological Study of the Sintashta Type Ceramics from the Kamenny Ambar Settlement. *Uralskij istoriceskij vestnik = Ural historical journal*. 2016;4(53):99–110. (In Russ.)

Zhurbin I.V. Report on Research Work on the Topic: “Development of the Methodology for Electrometric Studies and Measurements at the Site of Ulak I Settlement”. Izhevsk, 2002. In: The Archive of the State Budgetary Institution of Culture at the Scientific and Production Centre for the Protection and Use of Immovable Cultural Heritage of the Republic of Bashkortostan. 60 p. (*In Russ.*)

Zdanovich G.B., Korobkova G.F. New Data on the Economic Activity of the Population of the Bronze Age (according to the results of traceological study tools from the settlement of Petrovka II). In: Problems of Archaeology of the Ural-Kazakhstan Steppes. Chelyabinsk : Chelyabinskij gosudarstvennyj universitet, 1988. Pp. 60–79. (*In Russ.*)

Zdanovich S.Ya., Siomin D.V. Stone Tools of the Arkaim Settlement. In: Arkaim. The Archaeology of Fortified Settlements: in 2 books. Book 2: Fortifications and Public Space. Chelyabinsk : Chelyabinskij gosudarstvennyj universitet, 2022. Pp. 300–322. (*In Russ.*)

Korobkova G.F., Vinogradov N.B. Stone and Bone Tools from the Settlement of Kulevi III. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. 1: Istoricheskie nauki = Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University. Ser. 1: Historical Sciences.* 2004;2:57–87. (*In Russ.*)

Korobkova G.F., Shchelinsky V.E. Methodology of Micro-and Macro-Analysis of the Ancient Tools. St. Petersburg : IIMK RAN, 1996. 150 p. (*In Russ.*)

Kostomarova Yu.V., Novikov I.K., Kostomarov V.M. Tool Complex of the Alakul Population from the Zolotoe-1 Settlement in the Forest-Steppe Tobol Region. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research.* 2023;35(1): 59–75. (*In Russ.*)

Kotov V.G. Scientific Report on Archaeological Works in Bajmaksy, Burzansky, Meleuzovsky and Kugarchinsky Districts of the Republic of Bashkortostan in 2003. Vol. 1. Ufa, 2004. In: The Archive of the State Budgetary Institution of Culture at the Scientific and Production Centre for the Protection and Use of Immovable Cultural Heritage of the Republic of Bashkortostan. 69 p. (*In Russ.*)

Kotov V.G. Site-workshop Karyshkino-11 as a New Lower Paleolithic Site of the Southern Urals. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya = Bulletin of the Perm University. History Series.* 2015;1:7–20. (*In Russ.*)

Kungurova N.Yu. Tracological Study of Stone Objects from the Excavations of the Fortified Settlement of Ustye 1. In: Ancient Ustye: Fortified Settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals. Chelyabinsk : Abris, 2013. Pp. 285–330. (*In Russ.*)

Mukhametdinov V.I. Pottery of the Settlement of Tashla-2 of the Bashkir Transurals (technological analysis). *Ufimskij arheologicheskij vestnik = Ufa Archaeological Herald.* 2015;15:21–25. (*In Russ.*)

Savel'ev N.S., Yaminov A.F. Ulak-1 — a New Fortified Settlement of the Bronze Age in the Bashkir Trans-Urals Region. In: Peoples of the South Urals and Their Neighbors in Antiquity and the Middle Ages. Ufa : BashGU, 2004. Pp. 204–218. (*In Russ.*)

Semenov S.A. Prehistoric Technique (the experience of studying the oldest tools and artifacts by the traces of work). Moscow; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1957. 240 p. (*In Russ.*)

Soldatkin N.V. Searching for the Bronze Age Fortified Settlements of the Ural-Kazakhstan Steppes on the Basis of Satellite Imagery. *Istoriko-geograficheskij zhurnal = Historical Geography Journal*. 2024;3(3):48–55. (In Russ.). DOI: 10.58529/2782–6511–2024–3–3–48–55

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Бахшиев И.И.: материалы раскопок, идея публикации, написание разделов статьи, обсуждение и редактирование текста.

I.I. Bakhshiev: excavation materials, the idea of publication, writing sections of the article, discussion and text editing.

Румянцев М.М.: отбор и трасологический анализ материала, написание разделов статьи, обобщение результатов, подготовка иллюстраций.

M.M. Rumyantsev: selected and use-wear analyzed material, writing sections of the article, summed the results, made illustrations.

Берсенёв Е.В.: трасологический анализ материала, написание разделов статьи, подготовка иллюстраций.

E.V. Berenev: use-wear analyzed material, writing sections of the article, made illustrations.
Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бахшиев Илшат Интизам оглы, кандидат исторических наук, и.о. директора Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия.

Ishat I. Bakhshiev, Candidate of Historical Sciences, Acting Director of the R. G. Kuzeev Institute of Ethnological Studies of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia.

Румянцев Михаил Михайлович, младший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия.

Mikhail M. Rumiantsev, Researcher at the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia.

Берсенёв Егор Васильевич, младший научный сотрудник отдела археологического наследия Южного Урала Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия.

Egor V. Bersenev, Researcher at the R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia.

*Статья поступила в редакцию 07.09.2025;
одобрена после рецензирования 09.11.2025;
принята к публикации 24.11.2025.
The article was submitted 07.09.2025;
approved after reviewing 09.11.2025;
accepted for publication 24.11.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 903.5(571.1) + 903.25

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-04)

EDN: UKPBJB

ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПЕРСТНЕЙ ИЗ ПАМЯТНИКОВ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Ксения Евгеньевна Бояринцева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
boyarinceva98@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-5784-572X>

Резюме. В статье представлены результаты классификационного исследования перстней из памятников сrostкинской культуры юга Западной Сибири. Источниковую базу работы составили материалы восьми археологических памятников (Быково-IV, Гора Тараскина-V, Иня-1, Корболиха-VII, Мало-Панюшово, Мусохраново-1, Сrostки-I, Шабаново-3), раскопанных в 1925–2005 гг., включающие 19 перстней VIII–XI вв., относящихся к сrostкинской археологической культуре. Разработана иерархическая классификация семи уровней: категория, группа (материал изготовления — цветной металл), подгруппа (драгоценный и недрагоценный металл), раздел (способ смыкания дужки), отдел (наличие или отсутствие щитка), тип (форма щитка), вариант (декоративные элементы или их отсутствие). Установлено, что наибольшее типологическое разнообразие характерно для инского этапа сrostкинской культуры (2-я половина VIII — 1-я половина IX в.). Перстни обнаружены как в женских, так и в мужских захоронениях разных возрастов, что свидетельствует об отсутствии строгой половозрастной дифференциации в ношении данного типа украшений.

Ключевые слова: юг Западной Сибири, раннее средневековье, перстень, сrostкинская культура, классификация, типология

Для цитирования: Бояринцева К.Е. Перстни из памятников сrostкинской культуры юга Западной Сибири // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 4. С. 64–78. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-04)

THE EXPERIENCE OF SYSTEMATIZATION OF RINGS FROM THE SITES OF THE SROSTKI CULTURE OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA

Xeniya E. Boyarintseva

Altai State University, Barnaul, Russia;
boyarinceva98@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-5784-572X>

Abstract. The article presents the results of a classification study of rings from the sites of the Srostkin culture of the south of Western Siberia. The source base of the work was made up of materials from eight archaeological sites (Bykovo-IV, Gora Taraskina-V, Inya-1, Korbolikha-VII, Malo-Panyushovo, Musokhranovo-1, Srostki-I, Shabanovo-3), excavated in 1925–2005, including 19 rings of the 8th–11th centuries, related to the Srostkin archaeological site. culture. A hierarchical classification of seven levels has been developed: category, group (non-ferrous metal manufacturing material), subgroup (precious and base metals), section (method of closing the shackle), department (presence or absence of a shield), type (shape of the shield), variant (decorative elements or absence). It has been established that the

greatest typological diversity is characteristic of the Indian stage of the Srostkin culture (2nd half of the 8th–1st half of the 11th centuries). The rings were found in both female and male graves of different ages, which indicates the absence of strict gender and age differentiation in the wearing of this type of jewelry.

Keywords: south of Western Siberia, early Middle Ages, ring, Srostkin culture, classification, typology

For citation: Boyarintseva X.E. The Experience of Systematization of Rings from the Sites of the Srostki Culture of the South of Western Siberia. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(4):64–78. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-04)

Введение

Украшения, как неотъемлемая часть материальной культуры, представляют собой ценный источник информации для археологических исследований. Они регулярно обнаруживаются в раннесредневековых комплексах и позволяют осуществлять широкий спектр реконструкций — от социального статуса и религиозных верований до технологических достижений и торговых связей. Находки украшений сrostкинской культуры (2-я половина VIII — XII в.) в памятниках юга Западной Сибири существенно пополнили музейные собрания и служат основой для изучения культурных особенностей кочевых обществ, населявших данный регион (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 42–46, 55–57).

Юг Западной Сибири в рамках изучения сrostкинской культуры определяется как лесостепная историко-географическая область, занимающая равнинные зоны к северу от предгорий Алтайской горной страны. В административном отношении эта территория соответствует Алтайскому краю, южным районам Новосибирской и Кемеровской областей. В природно-ландшафтном плане она охватывает южную часть Верхне-Гриобья и Обь-Иртышского междуречья.

В настоящей статье мы сфокусируем внимание на анализе перстней из памятников сrostкинской культуры. Их использование отмечается как среди женщин, так и среди мужчин. В археологической литературе вопросы классификации и типологии средневековых перстней рассматривались в работе А.А. Адамова (2014), анализировавшего изображения на щитках изделий из памятников Волжской Булгарии, Предуралья и Зауралья. Перстни с чернью из Волжской Булгарии также изучались К.А. Руденко (2007, 2021). В.В. Горбунов и А.А. Тишкин (2022) опубликовали перстни из памятников сrostкинской культуры Гриобского плато. В статье Е.Л. Русских (2023), посвященной украшениям для рук из Кушманского комплекса памятников, классификация перстней осуществлена таким образом, что группы выделены по наличию или отсутствию щитка, а типы — исходя из конструктивных особенностей изделий. В монографии В.А. Могильникова (2025) имеется анализ перстней из Верхнего Прииртышья и Приалтайских степей и на основе группы щитковых изделий представлена их типология. Несмотря на существенный вклад указанных авторов в изучение средневековых перстней, предлагаемое нами исследование базируется на более обширной источниковой базе. Это позволяет осуществить детальную классификацию данной категории украшений. Целью статьи является публикация полученных результатов.

Материалы и методы исследования

Всего нами были использованы материалы из следующих восьми памятников: Быково-IV, Гора Тараскина-V, Иня-1, Корболиха-VII, Мало-Панюшово, Мусохраново-1,

Сростки-I, Шабаново-3. Рассмотрим находки перстней в соответствии с хронологической последовательностью проведения раскопок.

Работы на памятнике Сростки-I были проведены в 1925 г. отрядом Алтайской археологической экспедиции Этнографического отдела Русского музея под руководством М.Н. Комаровой (начальник экспедиции — С.И. Руденко). В кургане № 2 оказалось погребение с трупосожжением. Предметный комплекс располагался в северной части могилы и включал в себя перстень со вставкой (Савинов, 1998, с. 175–177, рис. 2.-3). В настоящее время памятник Сростки-I соотносится с грязновским этапом сросткинской культуры, который датируется 2-й половиной IX — 1-й половиной X в. (Неверов, Горбунов, 2001, с. 176; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 56).

При рассмотрении памятника Иня-1 (Шелаболихинский район Алтайского края) нами использован материал раскопок 1951 и 1959 гг. Исследования проводились экспедициями Барнаульского государственного педагогического института и Алтайского краевого краеведческого музея (далее — АККМ) под руководством А.П. Уманского. Общее число перстней составило 9 экз. (Уманский, 1970, с. 50–61, рис. 6.-38, рис. 7.-3, 11, 12, 16, 22–24, 30, 31). Так, один перстень был найден в насыпи кургана № 1, а еще три — в могиле-2 кургана № 2, где оказалось погребение пожилого мужчины. Два других перстня относятся к взрослой женщине, захороненной в кургане № 4 (могила-2). Среди погребального инвентаря еще одной взрослой женщины из могилы кургана № 5 обнаружены еще три перстня. В настоящее время памятник относится к инскому этапу сросткинской культуры и датируется в рамках 2-й половины VIII — 1-й половины IX в. (Неверов, Горбунов, 2001, с. 176; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 55).

В 1962 г. на территории Приобского плато, в среднем течении Алея, у с. Мало-Панюшово (Алейский район Алтайского края) работала археологическая экспедиция АККМ под руководством А.П. Уманского. Там была доисследована разрушенная при строительстве могила с погребением взрослого человека и ребенка, где среди прочего инвентаря оказались два перстня (Уманский, Неверов, 1982; Горбунов, Тишкин, 2022, с. 258, рис. 128.-29, 30). Материалы также отнесены к инскому этапу сросткинской культуры и датированы 2-й половиной VIII — 1-й половиной IX в. (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 55; Горбунов, Тишкин, 2025, с. 73).

В 1970-е гг. сотрудники АККМ участвовали в работе экспедиции Института археологии Академии наук СССР, которая проводила масштабные исследования памятников в зоне строительства Гилевского водохранилища на Верхнем Алее (руководитель — В.А. Могильников). В 1973–1974 гг. раскапывался одиночный курган Корболиха-VII. При его изучении кости человека не были обнаружены. В южной половине могилы найдены два перстня (Могильников, 2002, с. 52–53, рис. 162.-4). Автор раскопок датировал указанный памятник IX–X вв., отмечая влияние культуры огузов и кимаков (Могильников, 2002, с. 52–53, 68–69, 123). Позже курган Корболиха-VII был отнесен к грязновскому этапу сросткинской культуры (2-я половина IX — 1-я половина X в.) (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 56; Горбунов, Тишкин, 2025, с. 53).

Памятник Быково-IV (Шелаболихинский район, Алтайский край) изучался экспедицией Алтайского государственного университета под руководством Ю.Ф. Кирышина в 1983 г. В ходе работ раскопаны два кургана. Ранним средневековьем датирован объект № 5, инвен-

тарь из которого включал в себя один перстень (Кирюшин, Горбунов, Алехин, 1999, с. 181, рис. 3.-1). Найденные археологические материалы отнесены к грязновскому этапу сrostкинской культуры (2-я половина IX — 1-я половина X в.) (Горбунов, Тишкин, 2025, с. 36).

В 1990 г. А.М. Илюшиным исследовался могильник Шабаново-3 (Ленинск-Кузнецкий район Кемеровской области). При вскрытии кургана № 2 в насыпи был найден перстень с каменной вставкой (Илюшин, 1998, с. 58, рис. 14.-3). Автор раскопок датирует памятник XI–XII вв. (Илюшин, 1998, с. 60). Однако облик инвентаря и особенности погребального обряда позволяют отнести указанный археологический объект к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры (2-я половина X — 1-я половина XI в.) (Горбунов, Тишкин, 2025, с. 23–24).

Осенью 1994 г. П.Л. Рудометовым проводились обследования территории к северо-востоку от с. Киприно (Шелаболихинский район Алтайского края). В результате на разрушенном останце-елбане, расположенном в пойменной зоне левобережья Оби, в пункте Кипринский Борок-7, была собрана коллекция археологических предметов (Горбунов, Рудометов, 2003). Среди находок значился один перстень. Обнаруженные материалы памятника соотносятся с инским этапом сrostкинской культуры (2-я половина VIII — 1-я половина IX в.) (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 258, рис. 128.-28; Горбунов, Тишкин, 2025, с. 77–78).

Курганный могильник Гора Тараскина-V (Третьяковский район Алтайского края) был раскопан в 2004–2005 гг. Верхнеалейской экспедицией Алтайского государственного университета (руководитель — С.П. Грушин). В кургане № 6 исследовано погребение подростка неустановленного пола. На фалангах среднего пальца правой руки располагался перстень, украшенный растительным орнаментом в виде лепестков и завитков (Грушин, 2014, с. 90, рис. 51.-22). Материалы из указанного кургана датированы грязновским этапом сrostкинской культуры (2-я половина IX — 1-я половина X в.) (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 56; Горбунов, Тишкин, 2025, с. 42).

В июле 2009 г. Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция (ККАЭЭ) Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета проводила аварийные раскопки курганной группы Мусохраново-1 (Ленинск-Кузнецкий район Кемеровской области). В ходе работ в могиле-3 кургана № 4 с сильно разграбленным погребением молодой женщины был обнаружен перстень. Автор раскопок, основываясь на аналогиях полученным находкам, предварительно датировал исследованный курган XII–XIII вв. и соотносил его с кругом древностей шандинской археологической культуры (Илюшин, Бутьян, 2010, с. 184). Однако по обряду и инвентарю данный комплекс может быть определен шадринцевским этапом сrostкинской культуры в рамках 2-й половины X — 1-й половины XI в. (Горбунов, Тишкин, 2025, с. 57).

Исследование перечисленных находок перстней требует применения системного подхода. В данном контексте классификация является одним из наиболее эффективных инструментов, в том числе для дальнейшего анализа.

Для реализации поставленной цели использовался принцип таксономического группирования, заключающийся в иерархическом распределении собранного материала на основе четко определенных признаков. На каждом нижестоящем уровне происходит детализация показателей, что приводит к формированию разного числа подгрупп, а также позволяет затем последовательно определять другие таксономические единицы (Тишкин, Горбунова, 2004, с. 72–74). Этот подход, предполагающий структурирование мате-

риала от категорий к частным элементам, рассмотрен Л.С. Клейном (1991) в его фундаментальной работе «Археологическая типология». Анализируя многообразие классификационных схем, Лев Самойлович выделил таксономическую древовидную классификацию как один из ключевых видов такой систематизации, наиболее адекватно отражающих ступенчатое членение признаков у объектов исследования (Клейн, 1991, с. 367–369).

Результаты

В результате обобщения полученной информации, нами предлагается следующая классификационная схема анализа перстней: категория — группа — подгруппа — раздел — отдел — тип — вариант.

Категория отражает верхний таксономический уровень. Применительно к исследованию перстней сrostкинской культуры юга Западной Сибири она может быть определена на основе общего назначения изделия. Перстень — разновидность украшения для пальцев рук, отличающаяся от кольца наличием декоративных элементов (щиток, вставка) и более массивной конструкцией. Характерными признаками перстня являются утолщенная или расширенная верхняя часть, содержащая декоративный или функциональный элемент, и относительно узкая дужка, которая охватывает фалангу (Древняя Русь..., 1997, с. 63, 76). В нашем случае перстень является предметом для дальнейшего выявления и изучения всех его элементов. Группа определена по материалу изготовления и разделена на две подгруппы (драгоценный и недрагоценный металл). На основании конструктивной особенности дужки, а именно способа смыкания ее концов, обозначены разделы, которые включают изделия с сомкнутыми и разомкнутыми окончаниями. На следующем уровне, исходя из морфологии лицевой части перстня, рассматриваются отделы, дифференцирующие находки по наличию или отсутствию щитка. Следующая важная таксономическая единица — тип. Он характеризует форму щитка. Варианты выделены на основе имеющихся декоративных элементов оформления щитков, наличия вставок или специфики орнаментации, детализируя каждый тип на основе этих признаков или их отсутствия.

Исходя из представленной схемы классификации нами выделены следующие типы перстней, которые характеризуются с позиций всех выделенных показателей:

Тип 1а. Перстни из цветного недрагоценного металла, с сомкнутыми концами, с наличием ромбовидного щитка и с гнездом для вставки: Иня-1, курган № 4, могила-2–1 экз. (табл. 1.-5).

Тип 1б. Перстни из цветного недрагоценного металла, с сомкнутыми концами, наличием ромбовидного щитка без декоративных элементов: Иня-1, курган № 2, могила-2–2 экз. (табл. 1.-4).

Тип 2а. Перстни из цветного недрагоценного металла, с сомкнутыми концами, наличием овального щитка и с гнездом для вставки: Иня-1, курган № 2, могила-2 — 1 экз. (табл. 1.-4); Иня-1, курган № 4, могила-2 — 1 экз. (табл. 1.-5); Иня-1, курган № 5 — 1 экз. (табл. 1.-6); Сrostки-1 — 1 экз. (табл. 1.-11).

Тип 2б. Перстни из цветного недрагоценного металла, с сомкнутыми концами, наличием овального щитка, выполненного в виде закругленного конуса: Иня-1, курган № 1, насыпь — 1 экз. (табл. 1.-3).

Тип 2в. Перстни из цветного недрагоценного металла, с сомкнутыми концами, наличием овального щитка с отлитым рельефным изображением цветочного бутона: Мало-Панюшово — 1 экз. (табл. 1.-9).

Тип 2г. Перстни из цветного недрагоценного металла, с сомкнутыми концами, наличием овального щитка с отлитым рельефным растительным орнаментом в виде стилизованного цветка или розетки: Мусохраново-1 — 1 экз. (табл. 1.-10).

Тип 3а. Перстни из цветного недрагоценного металла, с сомкнутыми концами, наличием овально-фестончатого щитка и отлитым рельефным изображением цветочного бутона: Мало-Панюшово — 1 экз. (табл. 1.-9).

Тип 4а. Перстни из цветного недрагоценного металла, с сомкнутыми концами и слабо выделенным щитком в виде расширения дужки без декоративных элементов: Иня-1, курган № 5 — 2 экз. (табл. 1.-6).

Тип 5а. Перстни из цветного недрагоценного металла с несомкнутыми концами, овально-фестончатым щитком, выполненным в виде растительных элементов (лепестков и завитков): Гора Тараскина-V — 1 экз. (табл. 1.-2).

Тип 6а. Перстни из цветного недрагоценного металла с несомкнутыми концами, ромбовидным плоским щитком с точечным гравированным орнаментом растительных мотивов: Кипринский Борок-7 — 1 экз. (табл. 1.-7).

Тип 7а. Перстни из цветного недрагоценного металла с несомкнутыми концами, слабо выделенным щитком в виде расширения дужки без декоративных элементов: Быково-IV — 1 экз. (табл. 1.-1).

Тип 8а. Перстни из цветного драгоценного металла с сомкнутыми концами, круглым щитком с отлитым рельефным изображением цветочного бутона: Корболиха-VII — 2 экз. (табл. 1.-8).

Тип 9а. Перстни из цветного драгоценного металла с несомкнутыми концами, сердцевидным щитком с гнездом для вставки: Шабаново-3 — 1 экз. (табл. 1.-12).

Заключение

На основе проведенного исследования была разработана классификация перстней из памятников сросткинской культуры юга Западной Сибири. Анализ материалов из восьми памятников, содержащих 19 перстней, позволил выделить формы и декоративные элементы рассмотренных украшений, которые датируются в рамках VIII–XI вв. н.э.

Хронологическое распределение выделенных типов перстней в соответствии с этапами сросткинской культуры выявило следующие особенности. Самый ранний инской этап (2-я половина VIII — 1-я половина IX в.), представленный материалами памятников Иня-1 (9 экз.), Кипринский Борок-7 (1 экз.), Мало-Панюшово (2 экз.), характеризуется наибольшим типологическим разнообразием изделий из цветных металлов и максимальным числом находок. Доминируют находки с замкнутой дужкой, преимущественно с овальными и ромбовидными щитками. Особенностью являются гнезда для вставок и изображения растительных элементов. Присутствуют перстни со слабовыделенным щитком в виде расширения дужки. Типологические параллели обнаруживаются в материалах Пенджикента (конец VII–VIII), раннего пласта салтово-маяцкой культуры (середина VIII — начало X в.), кимакском

памятнике Славянка (VII–X вв.) (Археологическая карта..., 1960, табл. IX.-277; Распопова, 1980, рис. 76.-13, рис. 77.-11; Плетнева, 1989, рис. 61.-2(30), 3(15, 98); Могильников, 2025, с. 99).

Грязновский этап (2-я половина IX — 1-я половина X в.), представленный материалами из памятников Быково-IV, Гора Тараскина-V, Корболиха-VII и Сростки-I (всего 5 экз.), демонстрирует качественные изменения в наборе украшений. Появляются изделия из драгоценных металлов. Усложняется декоративное оформление щитков с распространением растительных мотивов и овально-фестончатых форм. Среди перстней из цветных металлов сохраняется традиция использования гнезд для вставок (2 экз.), появляется больше перстней с несомкнутыми концами и сложным растительным декором. Аналогии прослеживаются в материалах салтово-маяцкой культуры (середина VIII — начало X в.), могильника Боброво-II (конец VIII–IX в.), Древнего Новгорода (X–XV вв.), «Рубленого города» Ярославля (конец XII в.) (Плетнева, 1967, с. 140–141, рис. 36; Седова, 1981, с. 128, рис. 49.-156; Арсланова, 1998, с. 100; Арсланова, 2013, с. 162, табл. I.-7; Сапрыкина, 2014, с. 183, рис. 5.-279).

Шадринцевский этап (2-я половина X — 1-я половина XI в.), к которому относятся материалы памятников Мусохраново-1 и Шабаново-3, характеризуется минимальным числом находок (2 экз.). Наблюдается усложнение форм и декоративного оформления перстней. Фиксируется появление новой формы щитка — сердцевидной с гнездом для вставки. Отмечено равное соотношение перстней с сомкнутыми и разомкнутыми концами. Типологические параллели обнаруживаются в материалах города Эски-Кермен (XII–XIV вв.) (Хайрединова, 2021, с. 217, рис. 1.-2, 5).

Таким образом, анализ исследуемых материалов позволил выявить ряд устойчивых характеристик и тенденций. Отмечается существенное преобладание изделий из драгоценных металлов (17 экз.).

Среди конструктивных особенностей доминируют щитковые перстни с замкнутой дужкой, демонстрирующие существенное разнообразие форм щитков. Наиболее распространенными являются перстни с овальным щитком, представленные как вариантами с гнездом для вставки, так и экземплярами с различными видами рельефного декора.

Прослеживается хронологическая динамика в способе смыкания дужки: от абсолютного преобладания перстней с сомкнутыми концами на инском этапе к паритетному соотношению сомкнутых и разомкнутых форм на грязновском и шадринцевском этапах. Эта тенденция может отражать изменение технологических традиций или функциональных предпочтений.

Декоративное оформление изделий включает использование вставок и рельефных изображений растительных мотивов. Максимальное разнообразие декоративных элементов характерно для инского этапа, что свидетельствует о развитой художественной традиции и технологических навыках мастеров указанного периода.

Количественная динамика находок (12–5–2) может предварительно отражать изменение погребальной практики и уменьшение значимости перстней как социального маркера или отражать и степень изученности материалов памятников соответствующих этапов.

В заключение стоит отметить, что таксономическая древовидная классификация выступает в качестве надежного методологического инструмента для комплексного анализа перстней сросткинской культуры.

Таблица 1

Перстни из памятников сростскинской культуры юга Западной Сибири

Tab. 1

Rings from the Sites of the Srostkinskaya Culture of the South of Western Siberia

№	Памятник	Курган	Могила	Пол	Возраст	Количество	Материал изготовления	Место совершения находки	Рисунок	Источник
1	Быково-IV	5	-	М	Взрослый	1 экз.	Цветной не-драгоценный металл	На фаланге мизинца левой руки погребенного		Клюшин, Горбунов, Алексин, 1999, с. 181, рис. 3-1
2	Гора Тараскина-V	6	-	н/д	Подросток	1 экз.	Цветной не-драгоценный металл	На фалангах среднего пальца правой руки погребенного		Грушин, 2014, с. 90, рис. 51-22. МАЗААГУ ОФ 593/14
3	Иня-1	1	Насыпь	-	-	1 экз.	Цветной не-драгоценный металл	-		Уманский, 1970, с. 65, рис. 7-3. АГКМ ОФ 11250/2
4	Иня-1	2	2	М	Пожилой	3 экз.	Цветной не-драгоценный металл	На мизинце, среднем пальце левой руки и на безымянном пальце правой руки погребенного		Уманский, 1970, рис. 7-16, 30, 31. АГКМ ОФ 11250/82, 11250/91

Продолжение табл. 1

№	Памятник	Курган	Могила	Пол	Возраст	Количество	Материал изготовления	Место совершения находки	Рисунок	Источник
5	Иня-1	4	2	Ж	Взрослая	2 экз.	Цветной не-драгоценный металл, стекло, камень	Между правыми нижними ребрами и костями таза, на безымянном пальце левой руки погребенной		Уманский, 1970, с. 65, рис. 7-12, 23, АКМ ОФ 11250/140, 11250/141
6	Иня-1	5	-	Ж	Взрослая	3 экз.	Цветной не-драгоценный металл, стекло	На безымянном и среднем пальцах правой руки, у колена погребенной		Уманский, 1970, с. 64, рис. 7.-22, 24
7	Кипринский Борок-7	-	-	-	-	1 экз.	Цветной не-драгоценный металл	-		Горбунов, Тишкин, 2022, рис. 128-28
8	Корболиха-VI	1	-	-	-	2 экз.	Цветной драгоценный металл	В южной половине могилы		Могильников, 2002, с. 298, рис. 162-4, АКМ ОФ 14562/12

Окончание табл. 1

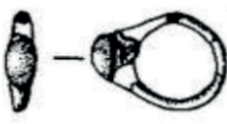

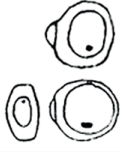

№	Памятник	Курган	Могила	Пол	Возраст	Количество	Материал изготовления	Место совершения находки	Рисунок	Источник
9	Мало-Панюшово	-	-	н/д	Взрослый и ребенок	2 экз.	Цветной драгоценный металл	-		Горбунов, Тишкин, 2022, рис. 128.-29, 30
10	Мусохраново-1	4	3	Ж	Молодая	1 экз	Цветной драгоценный металл	В центральной части могилы		Илюшин, Бутьян, 2011, рис. 6-9. Горбунов, Тишкин, 2025, рис. 39.-35
11	Сростки-1	2	-	-	-	1 экз.	Цветной драгоценный металл, бирюза	В северной части могилы, около нижнего конца колчана		Савинов, 1998, рис. 2.-3
12	Шабаново-3	4	Насыпь	-	-	1 экз.	Цветной драгоценный металл	В центре сруба		Илюшин, 1998, рис. 14.-3

Таблица 2

Типолого-хронологическая схема распространения перстней из памятников сrostкинской культуры юга Западной Сибири

Tab. 2

Typological and Chronological Scheme of the Distribution of Rings from the Sites of the Srostkinskaya Culture of the South of Western Siberia

Этап	Тип 1а	Тип 1б	Тип 2а	Тип 2б	Тип 2в	Тип 2г	Тип 3а	Тип 4а	Тип 5а	Тип 6а	Тип 7а	Тип 8а	Тип 9а	
Пинской 2-я пол. VIII – 1-я пол. IX в.														
Грязновский 2-я пол. IX – 1-я пол. X в.														
Шадринцевский 2-я пол. X – 1-я пол. XI в.														

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Адамов А.А. Серебряные перстни с чернением болгарского типа из Предуралья // Труды КАЭЭ ПГПУ. Пермь : ПГПУ, 2014. № 9. С. 44–49.

Арсланова Ф.Х. Женские погребения IX–X вв. с бусами из Казахского Прииртышья // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М.: Гылым, 1998. Вып. 2. С. 97–109.

Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана : Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. 405 с.

Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата : Изд-во АН Казахской ССР, 1960. 488 с.

Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII. Барнаул : Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2003. С. 52–57.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сrostкинской культуры на Приобском плато. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. 320 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 6).

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Сrostкинская культура. Вып. 1: Памятники сrostкинской культуры на юге Западной Сибири. Казань : Изд-во АН РТ, 2025. 224 с. (Серия «Археология евразийских степей»; вып. 31)

Грушин С.П. Археология Рудного Алтая: исследование древних и средневековых памятников у горы Тараскина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. 118 с.

Древняя Русь. Быт и культура. М. : Наука, 1997. 368 с.

Илюшин А.М. Курганная группа Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск : Изд-во КузГТУ, 1998. С. 54–78.

Илюшин А.М., Бутьян В.А. Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 года на курганной группе Мусохраново-1 // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2010. № 4. С. 175–184.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Л. : ЛФ ЦЭНДИСИ. ЛНИАО, 1991. 448 с.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Алехин Ю.П. Курган сrostкинской культуры могильника Быково-IV // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 1999. С. 174–181.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М. : Наука, 2002. 362 с.

Могильников В.А. Сrostкинская культура. Кн. 2: Верхнее Прииртышье и приалтайские степи на рубеже I–II тысячелетий. Казань : Изд-во АН РТ, 2025. 152 с. (Серия «Археология евразийских степей»; вып. 32)

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сrostкинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 176–178.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М. : Наука, 1967. 209 с. (МИА. № 142).

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М. : Наука, 1989. 288 с.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л. : Наука, 1980. 139 с.

Руденко К.А. Перстни с чернью из Волжской Булгарии // Российская археология. 2007. № 2. С. 130–140.

Руденко К.А. Перстни с чернью из Волжской Булгарии в контексте развития болгарского ювелирного ремесла // Средневековые искусства и ремесла. К 90-летию со дня рождения Татьяны Ивановны Макаровой. М. : Институт археологии РАН, 2021. С. 122–135.

Русских Е.Л. Перстни и браслеты Кушманского комплекса памятников: классификация, датировка, приемы изготовления // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 1 (65). С. 179–191.

Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки Н.М. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 1998. № 3. С. 175–190.

Сапрыкина И.А. Ювелирные изделия из раскопок «Рубленого города» Ярославля // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 232. М. : Языки славянской культуры, 2014. С. 170–188.

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М. : Наука, 1981. 195 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас: учебное пособие. Барнаул: Печатная компания «АРТИКА», 2011. 136 с.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья: учеб.-метод. пособие. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 126 с.

Уманский А.П. Археологические памятники у села Иня // Известия Алтайского отдела географического общества Союза ССР. Вып. 11. Барнаул : Алтайское книжное изд-во, 1970. С. 45–74.

Уманский А.П., Неверов С.В. Находки из погребений IX–X вв. в долине р. Алея на Алтае // СА. 1982. № 2. С. 176–183.

Хайрединова Э.А. Кольца и перстни XII–XIV вв. из Эски-Кермена // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2021. № 26. С. 205–228.

REFERENCES

Adamov A.A. Silver Rings with Blackening of the Bulgarian Type from the Urals. In: Proceedings of the KAEE PGPU. Perm : PGPU, 2014. No. 9. Pp. 44–49. (*In Russ.*)

Arslanova F.H. Female Burials of the 9th-10th Centuries with Beads from Kazakhstan's Irtysh Region. In: Issues of Archaeology of Kazakhstan. Almaty; Moscow : Gylym, 1998. Issue 2. Pp. 97–109. (*In Russ.*)

Arslanova F.H. Essays on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh Region. Astana : Izdatel'skaya gruppa filiala Instituta arheologii im. A.H. Margulana v g. Astana, 2013. 405 p. (*In Russ.*)

Archaeological Map of Kazakhstan. Alma-Ata : Izd-vo AN Kazakskoj SSR, 1960. 488 p. (*In Russ.*)

Gorbunov V.V., Rudometov P.L. Medieval Sites in the Vicinity of the Village of Kiprino. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue XIII. Barnaul : Izd-vo Barnaulskogo gos. ped. un-ta, 2003. Pp. 52–57. (*In Russ.*)

Gorbunov V.V., Tishkin A.A. Mounds of the Srostkin Culture on the Priobsky Plateau. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2022. 320 p. (Archaeological Sites of Altai. Iss. 6). (*In Russ.*)

Gorbunov V.V., Tishkin A.A. Srostkin Culture. Issue 1: Sites of the Srostkinskaya Culture in the South of Western Siberia. Kazan : Izd-vo AN RT, 2025. 224 p. (Series “Archaeology of the Eurasian Steppes”; Iss. 31). (*In Russ.*)

Grushin S.P. Archeology of the Rudny Altai: a Study of Ancient and Medieval Sites near Mount Taraskin. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2014. 118 p. (*In Russ.*)

Ancient Russia. Life and Culture. Moscow : Nauka, 1997. 368 p. (*In Russ.*)

Ilyushin A.M. Kurgan Group Shabanovo-3. In: Questions of Archaeology of North and Central Asia. Kemerovo; Guryevsk : Izd-vo KuzGTU, 1998. Pp. 54–78. (*In Russ.*)

Ilyushin A.M., Butyan V.A. Excavations of the Kuznetsk Complex Archaeological and Ethnographic Expedition in 2009 at the Musokhranovo-1 Kurgan Group. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta = Bulletin of the Kuzbass State Technical University*. 2010;4:175–184. (*In Russ.*)

Klein L.S. Archaeological Typology. Leningrad: LF CENDISI. LNIAO, 1991. 448 p. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu.F., Gorbunov V.V., Alyokhin Yu.P. Kurgan of the Srostkinskaya Culture of the Bykovo-IV Burial Ground. In: Issues of Archaeology and History of South Siberia. Barnaul : Izd-vo Barnaulskogo gos. ped. un-ta, 1999. Pp. 174–181. (*In Russ.*)

Mogilnikov V.A. Nomads of the North-western Foothills of Altai in the 9th-11th Centuries. Moscow : Nauka, 2002. 362 p. (*In Russ.*)

Mogilnikov V.A. Srostkinskaya Culture. Book 2: The Upper Irtysh Region and the Altai Steppes at the Turn of the 1st-2nd Millennia. Kazan : Izd-vo AN RT, 2025. 152 p. (Series “Archaeology of the Eurasian Steppes”; Iss. 32) (*In Russ.*)

Neverov S.V., Gorbunov V.V. Srostkinskaya Culture (Periodization, Area, Components). In: Space of Culture in Archaeological and Ethnographic Dimension. Western Siberia and Adjacent Territories. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2001. P. 176–178. (*In Russ.*)

Pletneva S.A. From Nomads to Cities. Saltovo-Mayak culture. Moscow : Nauka, 1967. 209 p. (MIA. № 142)

Pletneva S.A. On the Slavic-Khazar Borderland (Dmitrievsky Archaeological Complex). Moscow : Nauka, 1989. 288 p. (*In Russ.*)

Raspopova V.I. Metal Products of the Early Medieval Period. Leningrad : Nauka, 1980. 139 p. (*In Russ.*)

Rudenko K.A. Rings with Rabble from Volga Bulgaria. *Rossijskaya arheologiya = Russian archaeology*. 2007;2:130–140. (*In Russ.*)

Rudenko K.A. Rings with Black from Volga Bulgaria in the Context of the Development of Bulgarian Jewelry Craft. In: Medieval Arts and Crafts. Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of Tatiana Ivanovna Makarova. Moscow : Institut arheologii RAN, 2021. Pp. 122–135. (*In Russ.*)

Russkikh E.L. Rings and Bracelets of the Kushman Monument Complex: Classification, Dating, Manufacturing Techniques. *Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki*

Mordoviya = Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 2023;1(65): 179–191. (In Russ.)

Savinov D.G. Srostkinsky Burial Ground (Excavated by N.M. Komarova in 1925 and S.M. Sergeev in 1930). In: *Antiquities of Altai: Proceedings of the Laboratory of Archeology. Gorno-Altaysk : Izd-vo GAGU, 1998. No. 3. Pp. 175–190. (In Russ.)*

Saprykina I.A. Jewelry from the Excavations of the «Chopped City» of Yaroslavl. In: *Brief Reports of the Institute of Archeology. Iss. 232. Moscow : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2014. Pp. 170–188. (In Russ.)*

Sedova M.V. Jewelry of Ancient Novgorod (X–XV centuries). Moscow : Nauka, 1981. 195 p. (In Russ.)

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Gorbunova T.G. *Altai in the Middle Ages: an Illustrated Historical Atlas: a Textbook.* Barnaul: Pechatnaya kompaniya «ARTIKA», 2011. 136 p. (In Russ.)

Tishkin A.A., Gorbunova T.G. *Methods of Studying the Equipment of a Riding Horse of the Early Iron Age and the Middle Ages: an Educational and Methodical Manual.* Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. 126 p. (In Russ.)

Umansky A.P. Archaeological Sites Near the Village of Inya. In: *Proceedings of the Altai Department of the Geographical Society of the USSR. Iss. 11. Barnaul : Altajskoe knizhnoe izd-vo, 1970. Pp. 45–74. (In Russ.)*

Umansky A.P., Neverov S.V. The Finds from Burials of the 9th-10th Centuries in the Valley of the Aleya River in Altai. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archeology.* 1982;2:176–183. (In Russ.)

Khairidinova E.A. Rings of the 12th-14th Centuries from Eski-Kermen. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii = Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria.* 2021;26:205–228. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бояринцева Ксения Евгеньевна, аспирант кафедры археологии, этнографии и музееологии; хранитель фондов музея истории Алтайского государственного университета им. В.И. Неверова, Барнаул, Россия.

Xeniya E. Boyarintseva, Postgraduate Student at the Department of Archaeology, Ethnography, and Museology; Curator of the Collections at the V.I. Neverov Museum of History of Altai State University, Barnaul, Russia.

*Статья поступила в редакцию 08.09..2025;
одобрена после рецензирования 28.10.2025;
принята к публикации 24.11.2025.
The article was submitted 08.09.2025;
approved after reviewing 28.10.2025;
accepted for publication 24.11.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 902.4:004

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-05)

EDN: VNGPCE

ЦИФРОВОЕ ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ЛЕВОПОДКУМСКИЙ-1 В КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЕ: ОТ ФОТОГРАММЕТРИИ К ТРЕХМЕРНОЙ ГИС

**Дмитрий Сергеевич Коробов^{1*}, Екатерина Васильевна Романенко²,
Юрий Михайлович Свойский³, Анастасия Александровна Пичугина⁴,
Анастасия Николаевна Уральская⁵, Анна Павловна Гирич⁶**

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия;
dkorobov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9571-0405>

²Лаборатория RССDA, Москва, Россия;
eromanenko@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5138-9202>

³Высшая школа экономики, Лаборатория RССDA, Москва, Россия;
rutil28@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6256-4299>

⁴Институт археологии РАН, Москва, Россия;
ann.p.al@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-3993-1113>

⁵Государственный академический университет гуманитарных наук,
Лаборатория RССDA, Москва, Россия;
astiaUral@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0000-1767-8166>

⁶Лаборатория RССDA, Москва, Россия;
girichap20@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3916-0733>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Статья представляет собой описание первого опыта создания трехмерной ГИС по материалам раскопок курганного могильника Левоподкумский-1 близ Кисловодска. На памятнике по результатам геофизического обследования, проведенного в 2012 г., были раскопаны шесть подкурганых и 10 грунтовых катакомбных и подбойных захоронений, датируемых 2-й половиной II — рубежом IV–V вв. н.э. Археологические исследования 2024–2025 гг. сопровождались цифровым документированием, включавшим создание трехмерных цифровых представлений разного уровня (ландшафт, участок раскопок, исследованные погребальные сооружения, отдельные находки и антропологические материалы) методом фотограмметрии. Полученный массив цифровой информации был организован в виде трехмерной ГИС с использованием программных продуктов (ПО) ArcGIS и QGIS, а также с помощью современных веб-ГИС Potree, 3DНОР и АТОН. В публикации описывается поэтапный процесс создания и оформления полученной цифровой информации в виде 3D-ГИС, что является первым отечественным опытом подобного рода.

Ключевые слова: Северный Кавказ, эпоха Великого переселения народов, ранние аланы, фотограмметрия, 3D-ГИС

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 24–28–01024 «Комплексное исследование могильника эпохи Великого переселения народов Левоподкумский-1 в Кисловодской котловине»).

Для цитирования: Коробов Д.С., Романенко Е.В., Свойский Ю.М., Пичугина А.А., Уральская А.Н., Гирич А.П. Цифровое документирование могильника эпохи Великого переселения народов Левоподкумский-1 в Кисловодской котловине: от фотограмметрии к трехмерной ГИС // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 4. С. 79–99. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-05)

DIGITAL DOCUMENTATION OF THE LEVOPODKUMSKY-1 BURIAL GROUND OF THE GREAT MIGRATION PERIOD IN THE KISLOVODSK BASIN: FROM PHOTOGRAMMETRY TO 3D GIS

Dmitry S. Korobov^{1*}, Ekaterina V. Romanenko², Yuri M. Svoysky³, Anastasia A. Pichugina⁴, Anastasia N. Uralskaya⁵, Anna P. Girich⁶

¹Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
dkorobov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9571-04052>

²RSSDA Laboratory, Moscow, Russia;
eromanenko@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5138-92023>

³Higher School of Economics, RSSDA Laboratory, Moscow, Russia;
rutil28@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6256-42994>

⁴Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ann.p.al@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-3993-11135>

⁵State Academic University for the Humanities, RSSDA Laboratory, Moscow, Russia;
astiaUral@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0000-1767-8166>

⁶RSSDA Laboratory, Moscow, Russia;
girichap20@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3916-0733>

*Corresponding Author

Abstract. The article describes the first attempt to create a three-dimensional GIS based on materials from excavations of the Levopodkumsky-1 burial mounds near Kislovodsk. At the site, based on the results of a geophysical survey conducted in 2012, six burial mounds and 10 flat catacomb and podboi burials dating from the second half of the 2nd to the turn of the 4th-5th centuries AD were excavated. Archaeological research in 2024–2025 was accompanied by digital documentation, including the creation of three-dimensional digital representations on various levels (landscape, excavation site, investigated burial structures, individual finds and anthropological materials) prepared with help of photogrammetry. The resulting array of digital information was organised into a three-dimensional GIS using ArcGIS and QGIS software products, as well as last versions of web GIS Potree, 3DHOP and ATON. The publication describes the step-by-step process of creating and formatting the obtained digital information in the form of a 3D GIS, which is the first domestic experience of this kind.

Keywords: North Caucasus, Great Migration period, early Alans, photogrammetry, 3D GIS

Acknowledgements: this work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 24–28–01024 “Comprehensive study of the Levopodkumsky-1 cemetery of the Great Migration period in the Kislovodsk Basin”).

For citation: Korobov D.S., Romanenko E.V., Svoysky Yu.M., Pichugina A.A., Uralskaya A.N., Girich A.P. Digital Documentation of the Levopodkumsky-1 Burial Ground of the Great Migration Period in the Kislovodsk Basin: from Photogrammetry to 3D GIS // *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(4):79–99. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-05)

Введение

Цифровая археология как особое направление применения компьютерных технологий в археологических исследованиях сформировалась уже несколько десятилетий назад (Zubrow, 2006; Коробов, 2023). За это время, начиная с 1990-х гг., наметилось несколько подходов к цифровой фиксации археологических памятников, объектов и находок (Doneus, Neubauer, 2005; Neubauer et al., 2005; Campana, 2014; Dell'Unto, Landeschi, 2022, p. 18–28). Последние годы характеризуются поистине революционным процессом внедрения новых технологий археологического цифрового трехмерного документирования, получаемых в ходе полевых исследований, из которых наибольшую популярность завоевало трехмерное моделирование фотограмметрическим способом (Gisiger et al., 1997; Сингатуллин, 2013; Зайцева, 2014; Шуберт, 2016; Sapirstein, Murray, 2017; Грушин, Сосновский, 2018), хотя сам этот способ имеет длительную историю применения, в том числе в области археологии (Anderson, 1982; Fussel, 1982; Лобанов, 1984).

При этом большинство примеров опубликованных работ касаются проведения моделирования на одном из пространственных уровней (памятник и его окрестности, участки раскопок, зафиксированные сооружения, полученные археологические материалы) (см. напр. сборники конференции «Виртуальная археология»: Виртуальная археология, 2015, 2018, 2021), а попытки связать все перечисленные уровни в единую геоинформационную систему крайне редки (Леонов, 2015).

Фактически только в последние годы появились технические возможности создания полноценных трехмерных ГИС, которые до этого момента даже при наличии элементов трехмерного моделирования можно было называть трехмерными лишь условно. Возник даже специальный термин для обозначения этого явления — 2.5D GIS (Dell'Unto, Landeschi, 2022, p. 29). Однако с выходом новых версий наиболее широко распространенного программного ГИС-обеспечения, таких как ArcGIS версии 10.2.2 и выше, ArcGIS Pro, а также QGIS версии 3.42 и выше, появились специальные модули по визуализации трехмерных цифровых представлений археологических объектов любого уровня, от обширных ландшафтов до отдельных находок, — которые могут быть увязанными в единую пространственную модель. Особую роль стали играть веб-версии трехмерных ГИС, такие как Potree (<https://github.com/potree/potree/>), 3DHOР (<https://3dhop.net/index.php>) или АТОН (<https://osiris.itabc.cnr.it/aton/>), позволяющие пользователю облачные решения размещения своих цифровых данных и широкие возможности их визуализации для любых заинтересованных веб-клиентов при наличии доступа к соответствующей информации.

Существующая зарубежная литература, в которой рассматривается опыт подобных проектов создания трехмерных ГИС по археологическим памятникам, пока что ограничена (Katsianis et al., 2008; Callieri et al., 2011; Doneus et al., 2011; De Reu et al., 2013, 2014; Dell'Unto, 2014). Однако не так давно появилось монографическое обобщение данного опыта, весьма востребованное в профессиональном сообществе (Dell'Unto, Landeschi, 2022). Отечественных примеров подобных работ, опубликованных в ведущих журналах или тематических сборниках, нам пока что не известно.

Предлагаемый нашим коллективом способ создания трехмерной ГИС по результатам раскопок курганного могильника Левоподкумский-1 близ Кисловодска является, таким образом, по-своему уникальным опытом создания подобных систем в отечественной археологии. Он был получен в ходе комплексных исследований данного памятника в рамках проекта РФФ № 24–28–01024, осуществляемых сотрудниками Института археологии РАН, лаборатории RSSDA и НИУ «Высшая школа экономики»¹.

Описание объекта исследования

Полигоном для отработки методики создания трехмерной ГИС стал курганный могильник Левоподкумский-1, находящийся в Малокарачаевском районе Карачаево-Черкесской Республики, недалеко от г. Кисловодска. Он был обнаружен одним из авторов статьи на аэрофотоснимке, сделанном в сентябре 1970 г., на котором различаются мысовое городище Подкумское-2, несколько отдельно стоящих курганов группы Джагинская-5 и могильное поле с распаханными курганами могильника Левоподкумский-1, среди которых с воздуха был различим крупный ров с перемычками, расположенными в меридиональном направлении (рис. 1). В ходе археологических разведок было установлено, что городище представляет собой типичное укрепленное поселение раннего этапа аланской культуры и может предвительно датироваться в пределах III–IV вв. н.э. (Коробов, 2017, с. 45–57). Возникло предположение, что примыкающий к городищу курганный могильник Левоподкумский-1 оставлен его жителями.

Данный могильник изучался нами в ходе раскопок 2012–2013 и 2024–2025 гг., в результате чего были установлены его хронологические рамки от 2-й половины II до начала V в. н.э., а также определены культурные характеристики раскопанных захоронений. Раскопки велись по результатам магнитной разведки, которую проводил профессор Мюнхенского университета Й. Фассбиндер в мае 2012 г. (Коробов, Малашев, Фассбиндер, 2014). Им на двух участках съемки были выявлены многочисленные ровики квадратной формы, окружавшие распаханые курганные насыпи, а также ряд бескурганных захоронений (рис. 2). Всего за годы исследования некрополя были раскопаны крупный ров, не содержащий погребений и представлявший собой, скорее всего, ритуальную площадку, шесть подкурганных и десять грунтовых захоронений, устроенных в разных по типу погребальных сооружениях. Они были представлены как Т-образными катакомбами, характерными для аланской археологической культуры (Коробов, Малашев, Фассбиндер, 2014), так и камерными погребениями других типов, которые в настоящий момент выделяются В.Ю. Малашевым в особую культурную группу «Подкумок-Хумара» (Малашев, 2021). Любопытно отметить, что у представителей этих двух культурных групп населения, оставившего могильник Левоподкумский-1, отличаются не только погребальные сооружения, но и антропологический тип по данным краниологии (Березина, Фризен, Коробов, 2014), тогда как их генетический портрет представляется достаточно близким (Коробов, 2019, с. 131–132).

¹ Съемка объектов и их последующее моделирование осуществлялись Ю.М. Свойским, Е.А. Галкиной (НИУ ВШЭ, RSSDA), Е.В. Романенко, А.Н. Уральской, Д.М. Павловым, А.П. Гирич (RSSDA), А.А. Пичугиной (ИА РАН).

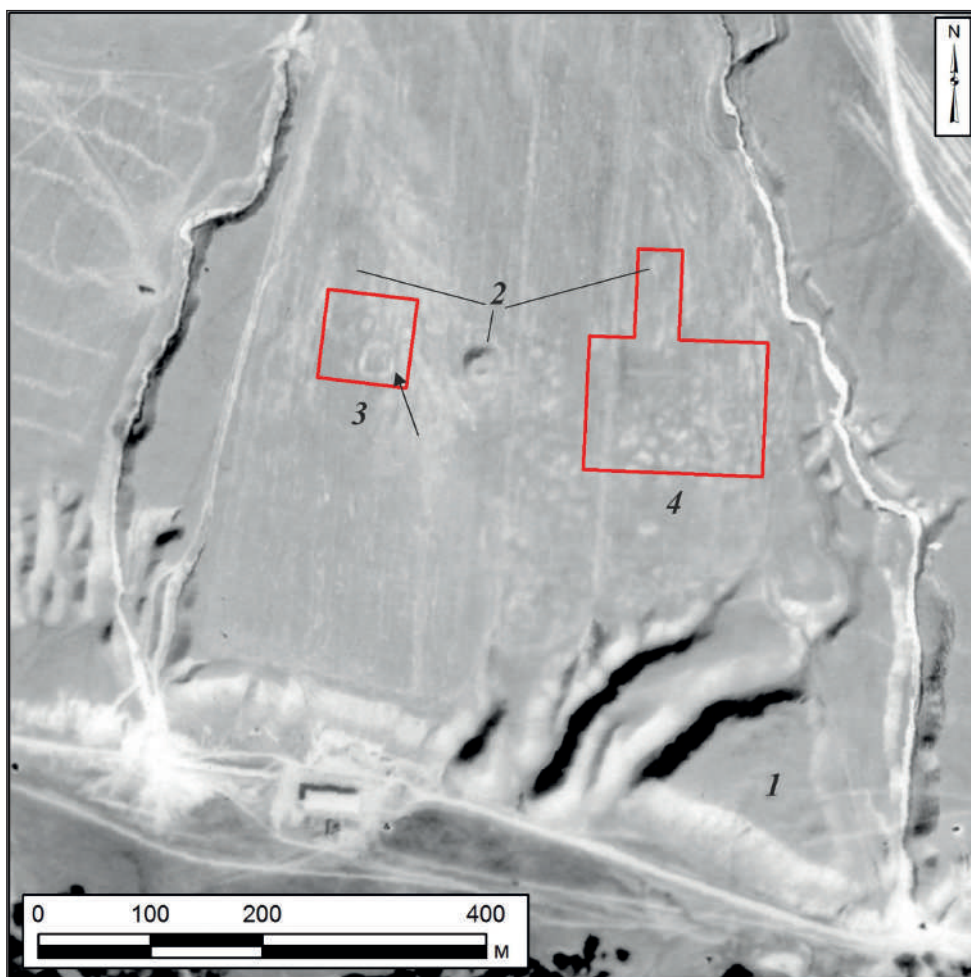

Рис. 1. Аэрофотоснимок сентября 1970 г., на котором различимы: городище Подкумское-2 (1), курганы группы Джазгинская-5 (2), участки курганного могильника Левоподкумский-1, на которых проведено геофизическое обследование (3, 4). Стрелкой отмечен крупный ров
 Fig. 1. Aerial photograph from September 1970, showing: the Podkumskoye-2 settlement (1), the mounds of the Dzaginskaya-5 group (2), and sections of the Levopodkumskoye-1 burial mound cemetery, where geophysical surveys were conducted (3, 4). The arrow indicates a large ditch

Основой для организации данных археологических раскопок в виде трехмерной ГИС послужили результаты полевых исследований 2024 г. (рис. 3). В этом сезоне нами были раскопаны две подкурганые катакомбы курганов № 18 и 19, относящиеся к типу IV по К.Ф. Смирнову, у которых длинные оси входных ям и камер расположены параллельно (рис. 4.-1); три двухкамерные грунтовые катакомбы II–IV (рис. 4.-2), одно захоронение в катакомбе V типа II (расположение осей входной ямы и камеры на одной прямой), а также одно погребение VI в яме с заплечиками. Все эти захоронения были разграблены

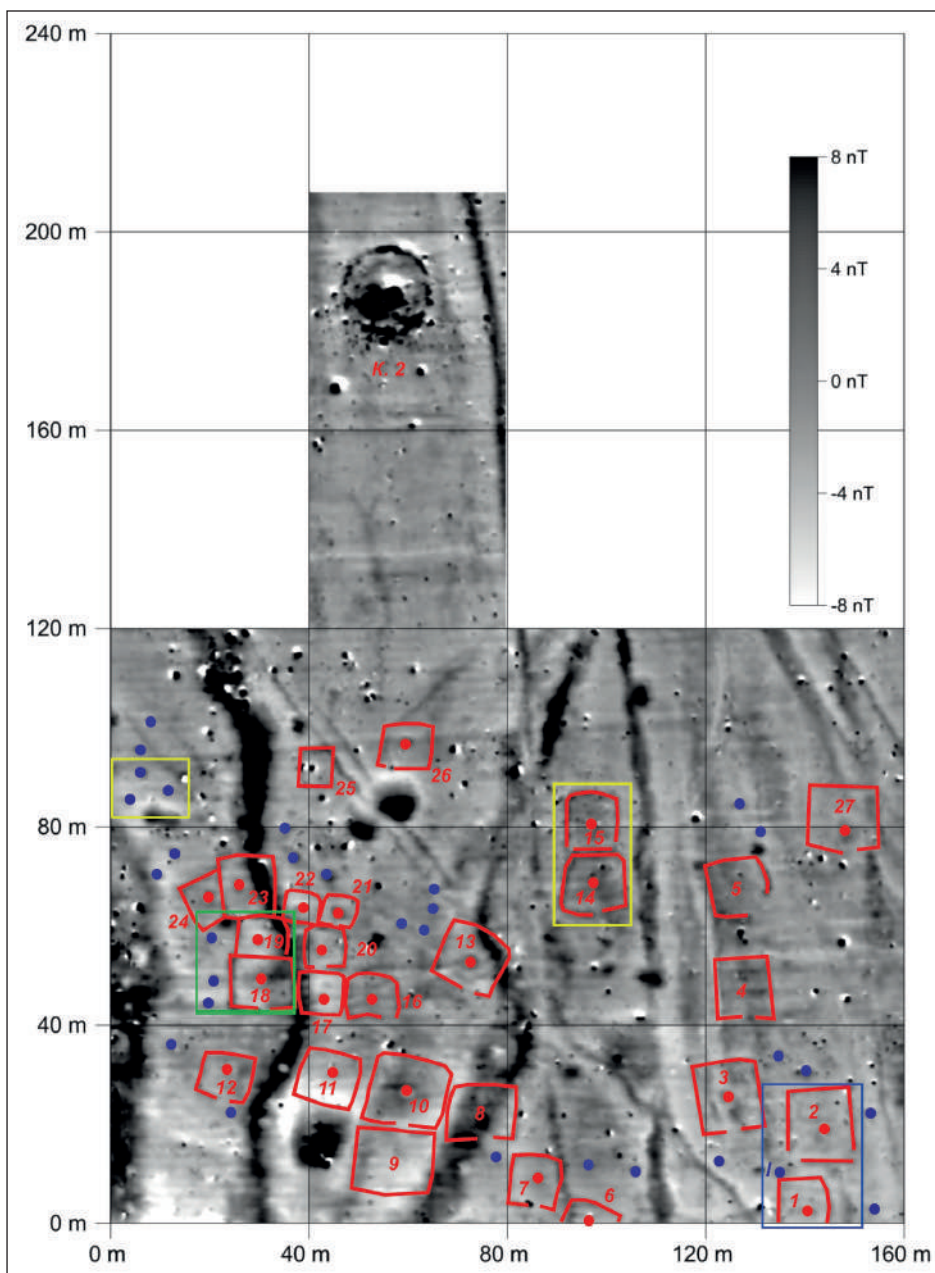

Рис. 2. Карта магнитного поля участка 2 курганного могильника Левоподкумский-1 с отмеченными ареалами раскопок 2012 г. (синий цвет), 2024 г. (зеленый цвет) и 2025 г. (желтый цвет). Красным цветом отмечены курганные погребения, синим — бескурганные захоронения
 Fig. 2. Magnetic field map of section 2 of the Levopodkumsky-1 burial mound cemetery with marked areas of excavations in 2012 (blue), 2024 (green) and 2025 (yellow). Burial mounds are marked in red, while non-burial mounds are marked in blue

в древности, поэтому большинство предметов были обнаружены в заполнении входных ям и камер, представлявшем собой грабительский перемес. В редких случаях на дне камер удалось зафиксировать перемещенные при ограблении кости погребенных и погребальный инвентарь. Среди обнаруженных предметов инвентаря имеется ряд украшений и деталей поясной и обувной гарнитуры, позволяющих определить время совершения захоронений в пределах 1-й половины — середины III в. н.э. (Коробов, 2025).

Рис. 3. Аэрофотоснимок участка раскопок 2024 г. после окончания расчистки погребальных сооружений
Fig. 3. Aerial photograph of the 2024 excavation site after the completion of the clearing of the burial structures

Полевая фиксация раскопок в сезоне 2024 г. была организована исключительно на основе применения цифровых технологий. Цифровое документирование раскопок на всех уровнях, от составления топографического плана до моделирования бро-

вок, разрезов, исследованных объектов, а также некоторых находок (череп погребенных, целые керамические формы и фрагменты керамики) осуществлялось методом фотограмметрии. Впоследствии все эти материалы были сведены в единую географоинформационную систему на основе единых пространственных координат. Ниже рассматривается несколько этапов проведенных работ по цифровому документированию: 1) подготовка цифровой топографической основы изучаемого памятника и его окрестностей; 2) трехмерное компьютерное моделирование погребальных сооружений; 3) цифровое моделирование некоторых предметов погребального инвентаря (керамических сосудов) и черепов погребенных; 4) объединение всей полученной в ходе цифрового документирования информации в единую трехмерную ГИС.

Рис. 4. Примеры цифровых моделей катакомбных погребений: 1 — курган № 18, погр. 1; 2 — погр. III
Fig. 4. Examples of digital models of catacomb burials: 1 — barrow 18, grave 1; 2 — grave III

Методика цифровой фиксации и результаты моделирования

Этап 1. На первом этапе были проведены топогеодезические работы на площади свыше 113 га, которые охватывали территорию городища Подкумское-2 и курганного могильника Левоподкумский-1. Они проводились с помощью беспилотного летательного аппарата Mavic 2 Pro с использованием камеры L1D-20с с размером матрицы 12,8×9,6 мм и объективом с фокусным расстоянием 28 мм, а также калибровочной мишени для последующей цветокоррекции. Пространственная привязка результатов топогеодезической съемки осуществлялась с помощью двух мультисистемных двухчастотных GNSS приемников.

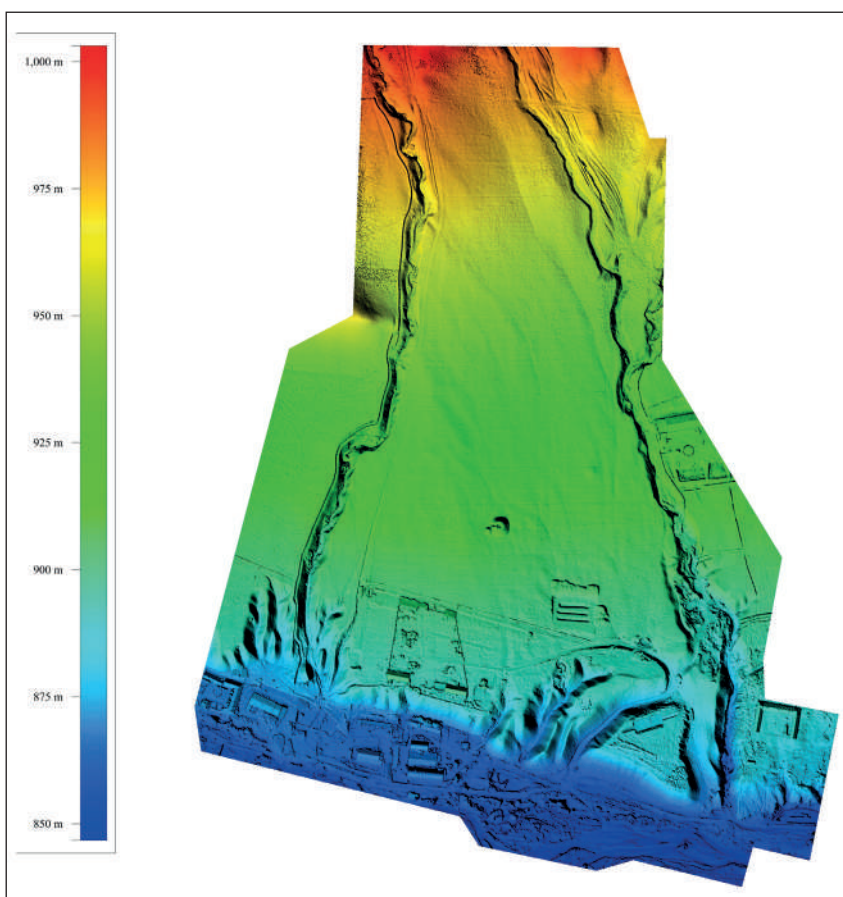

Рис. 5. Цифровая модель местности курганного могильника Левоподкумский-1 и городища Подкумское-2, выполненная в 2024 г.
Fig. 5. Digital model of the terrain of the Levopodkumsky-1 burial mounds and the fortified settlement of Podkumskoye-2, created in 2024

Съемка объектов предполагала дальнейшую обработку фотограмметрическим способом. Обработка данных включала цветокоррекцию, конвертацию снимков из формата DNG в формат JPG, фотограмметрическую увязку снимков, масштабирование, моделирование, обрезку и очистку моделей от мелких дефектов, колорирование. Расчет GNSS-измерений и пространственного положения фотографий проводился на основе уточненных данных эфемерид тех спутников, которые использовались в полевых измерениях. Эти данные были получены спустя две недели после полевых измерений.

Обработка материалов съемки выполнялась в ПО Agisoft Metashape 2.0.1. На основе данных съемки фотограмметрическим способом были сформированы: ортофотоплан с разрешением 5 см (формат TIFF и ECW); цифровые модели поверхности с разрешением (размером ячейки модели) 50, 25 и 10 см (формат ASC) (рис. 5). Для формирования цифровых моделей поверхности использовалось плотное облако точек. Все материалы проекта формировались в системе координат WGS84 проекции UTM, зона 38N; высоты ортометрические, условно принимаемые равными высотам Балтийской системы высот 1977 г.

Результаты проведенных топогеодезических работ легли в основу создания ГИС, которая включала ортофотоплан, цифровые модели поверхности, контур съемки, горизонтали (рис. 6). В дальнейшем эта топографическая основа использовалась для расчета координат по границам участков полевых работ и добавления слоев с результатами раскопок (трехмерные модели участков раскопок и вскрытых погребальных сооружений).

Этап 2. Полевые исследования на могильнике предварялись тщательным анализом имеющихся данных геофизического обследования, которые были также включены в ГИС (рис. 6). Так, в сезоне 2024 г. раскопкам подвергся участок могильника площадью около 400 кв. м, где прослеживались позитивные магнитные аномалии на месте ровиков подквадратной формы, окружавших насыпи двух курганных погребений, и три аномалии, маркирующие заполнения входных ям бескурганых захоронений (рис. 2). Намеченная для раскопа площадь была обозначена на местности по координатам, вычисленным в ГИС и вынесенным в натуру с помощью двухчастотных GNSS приемников. Далее были разбиты бровки над курганами № 18 и 19, затем площадь раскопа снижалась до материковой скалы с помощью землеройной техники.

В процессе раскопок осуществлялось цифровое документирование выявленных погребальных структур. Для низковысотной аэрофотосъемки (высота от 3 до 10 м) общей площади раскопок использовался беспилотный летательный аппарат Mavic Air. Съемка погребений велась фотокамерой Sony A7RII (полнокадровая матрица 7952×5304, 42 мегапикселя), оснащенной объективами Sony 28mm f/2.0 (SEL28F20) и Sony 35mm f/1.8 (SEL35F18F), а также фотокамерой Canon EOS 550D (кроп-матрица 5184×3456, 18 мегапикселей) с объективом Canon EF-S18–55mm f/3.5–5.6 IS II. Для равномерного освещения объекта использовался накамерный кольцевой осветитель Grifon Witstro AR400. С целью последующей цветокоррекции делались снимки калибровочной мишени. Для масштабирования модели выполнялась съемка реперных точек, координаты которых были измерены геодезическими методами (использовался электронный тахеометр VEGA NX 42); для дополнительного контроля выполнялась съемка рейки. Съемка ве-

лась с поперечным перекрытием 60–70% и продольным перекрытием 70–80% между соседними фотографиями, в связи с чем число фотографий составило от 200 до 2000 снимков, в зависимости от размера объекта.

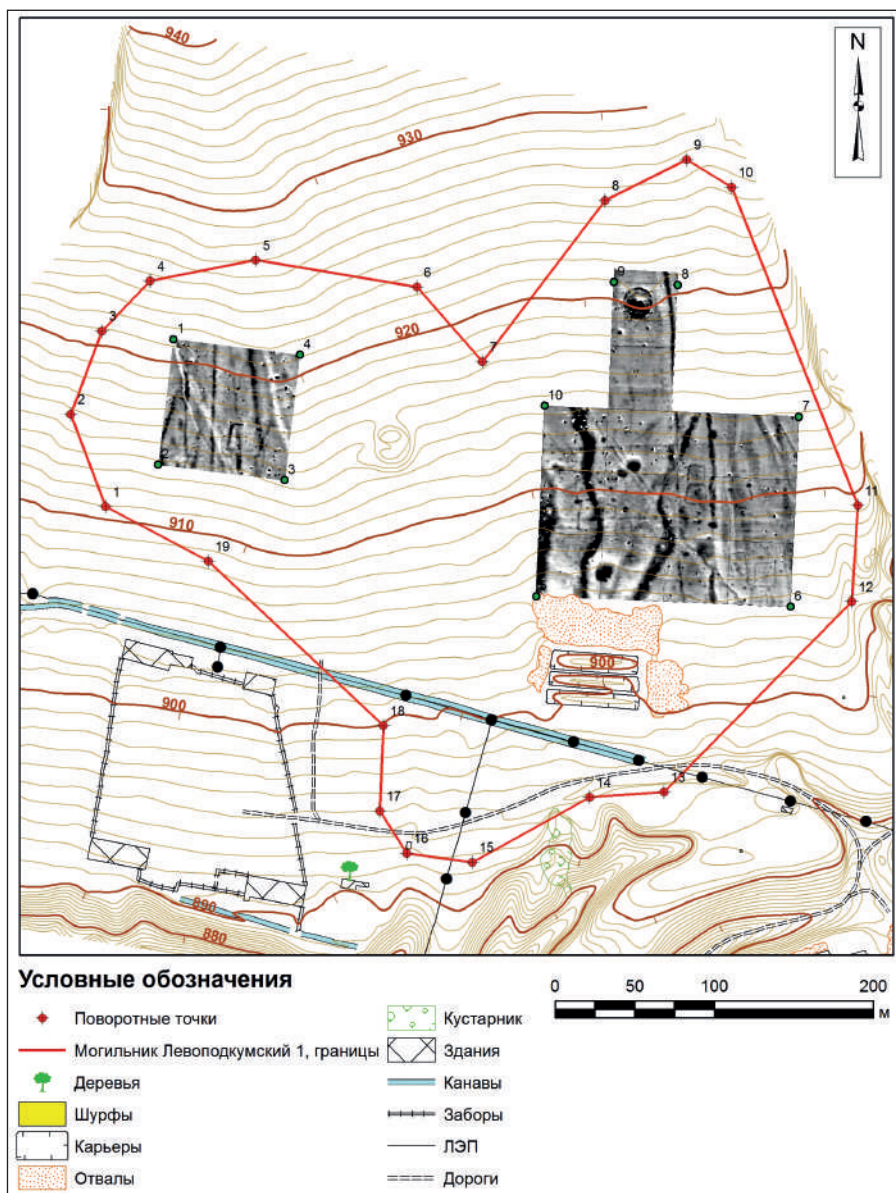

Рис. 6. Геоинформационная система курганного могильника Левоподкумский-1 с нанесенными участками геофизического обследования

Fig. 6. Geoinformation system of the Levopodkumsky-1 burial mounds with marked areas of geophysical survey

После процесса цветокоррекции фотографий, осуществлявшегося с помощью калибровочной мишени в ПО Capture One, производилось построение трехмерных фотограмметрических моделей, цифровых моделей рельефа и ортофотопланов в ПО Agisoft Metashape 2.1.3 и Reality Capture 1.4.0. и 1.5.1. При этом выполнялась увязка снятых в разные дни моделей одного погребения в едином рабочем пространстве. Всего было создано более 80 ортофотопланов и ЦМР и 18 полигональных трехмерных моделей.

Проведенное компьютерное моделирование дало возможность получить высококачественные трехмерные цифровые модели исследованных погребальных сооружений, каждая из которых обладала размерностью от 78 до 2026 млн полигонов с дискретностью (размером ребра полигона) в диапазоне от 1,7–4,3 до 3,3–11,1 мм (рис. 4).

Этап 3. После проведения реставрации найденных при раскопках археологических предметов и антропологических материалов наступила очередь трехмерного моделирования обнаруженных в погребениях керамических сосудов и черепов погребенных. Их фотосъемка выполнялась ротационным способом с помощью фотокамеры Sony A7RIVA (полнокадровая матрица 9504×6336, 61 мегапиксель), оснащенной объективом Sony 40mm f/2.5 G (SEL40F25G), в полуавтоматическом режиме на поворотной платформе. Каждый череп фотографировался в 3–4 различных положениях; было сделано от 333 до 559 фотографий. Для равномерного освещения объекта использовался накамерный кольцевой осветитель Grifon Witstro AR400.

Фотограмметрическая увязка снимков, задание размеров по масштабному базису и моделирование производились в ПО Reality Capture 1.4.0; редактирование модели выполнялось в ПО Gigamesh, Meshlab и др. С помощью ПО Geomagic WRAP была выполнена виртуальная сборка черепов, от которых отделилась нижнечелюстная кость, она снималась отдельно.

В результате было создано пять моделей черепов размером от 11 до 75 млн полигонов со средним размером полигона от 0,036 до 0,082 мм (рис. 7.-1), которые станут основой будущих реконструкций облика индивидов, погребенных в разных по своему происхождению погребальных конструкциях — подкурганной катакомбе аланской культуры и подкурганной и грунтовой катакомбах культурной группы «Подкумок-Хумара».

Аналогичным способом осуществлялось моделирование целых керамических сосудов и их фрагментов. В результате были получены трехмерные цифровые представления десяти целых или археологически целых сосудов и 18 профилированных их частей (рис. 7.-2). Для небольших фрагментов помимо ротационного применялся револьверный метод документирования (подробнее см.: Ольховский и др., 2025).

Этап 4. Полученные в ходе полевых работ цифровые материалы в дальнейшем были включены в трехмерную ГИС, созданную на основе ПО ArcGIS Pro. Она содержала слои векторной (полигональные модели, облака точек, матрицы высот) и растровой (ортофотопланы памятника и участка раскопок, данные магнитометрии) информации, в том числе трехмерные модели раскопанных объектов, разрезов ровиков курганов и фасов их бровок и т.п. Некоторые материалы представляли разные этапы расчистки и фиксации исследованных объектов.

Дополнительно к основной геоинформационной системе были созданы версии веб-ГИС, которые обеспечивали удаленный доступ к накопленным пространственным данным через Интернет. Для этого применялось два варианта представления цифровой

информации — в виде рендеринга облаков точек, для чего использовалась среда Potree, и в форме рендеринга полигональных моделей, реализованных с помощью браузерного решения 3DНОР. Дополнительно данные объединялись с помощью интерактивного картографического интерфейса на основе QGIS (рис. 8). Помимо трехмерных моделей погребальных сооружений с помощью системы перекрестных ссылок пользователь может получить доступ к цифровым моделям краниологического материала и некоторых находок (целых и фрагментированных керамических сосудов), которые располагались в том или ином захоронении. С созданным нашим коллективом примером подобной ГИС можно познакомиться по ссылке: <https://rssda.su/auxil03/ru-кс-12R-2024s.html>.

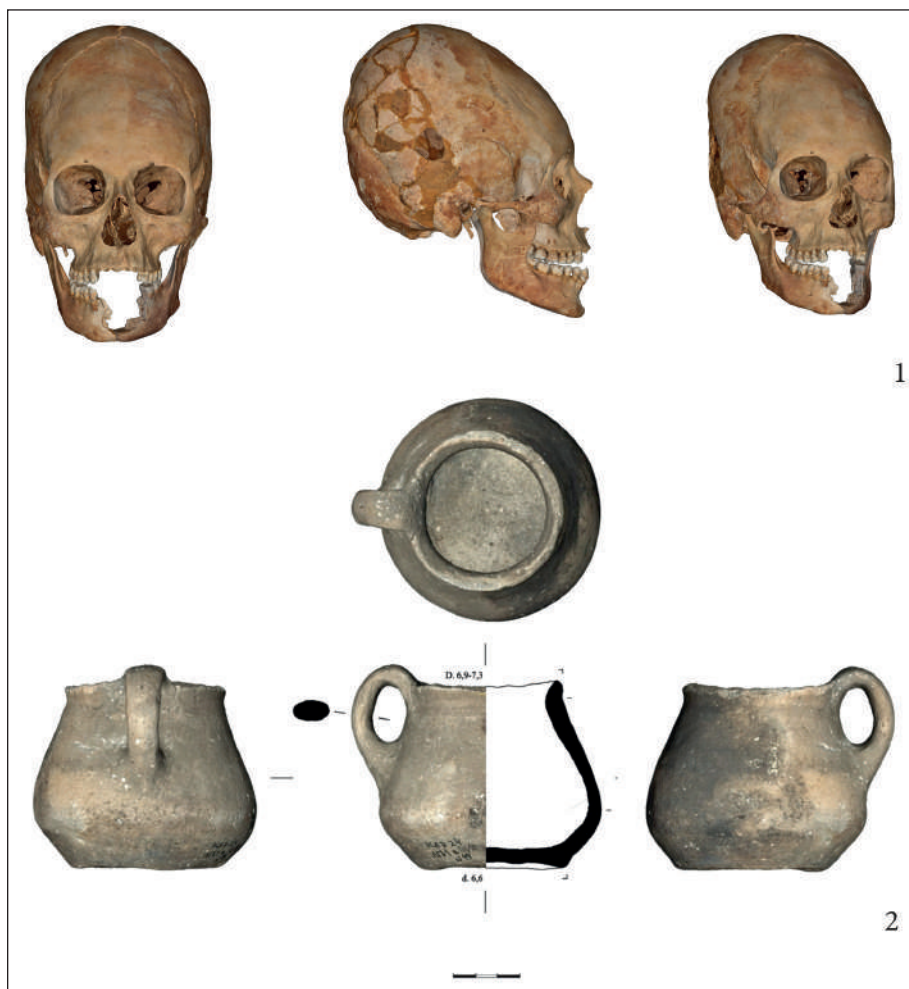

Рис. 7. Примеры цифровых моделей находок из могильника Левоподкумский-1:
1 — череп 2 (Ж) из погр. 1 курган № 1; 2 — кружка из погр. III, камера 2
Fig. 7. Examples of digital models of finds from the Levopodkumsky 1 burial mounds:
1 — skull 2(F) from barrow 1, grave 1; 2 — mug from burial III, chamber 2

Рис. 8. Пример созданной трехмерной ГИС: 1 — в окне программы QGIS в 2D- (слева) и 3D-виде (справа); 2 — погребения в виде облака точек в окне веб-ГИС Potree и полигональные представления находок черепов и керамики в окнах программы 3DHOP. Возможен просмотр 3D-ГИС с помощью QR-кода

Fig. 8. Example of the created 3D GIS: 1 — in the QGIS program window in 2D (left) and 3D (right); 2 — burials in the form of a point cloud in the Potree web GIS window and polygonal representations of finds of skulls and ceramics in the 3DHOP program windows. 3D GIS can be viewed using a QR code

Другим вариантом визуализации стало использование трехмерной веб-ГИС АТОН (рис. 9), разработанной в Институте исследований культурного наследия Национального исследовательского совета Италии (ISPC CNR), по праву считающемся лидером в области цифрового трехмерного моделирования объектов культурного наследия. В данной ГИС существуют обширные возможности трехмерных представлений поли-

гональных 3D-моделей с возможностью «заглянуть» внутрь структур через их полупрозрачные контуры и вывести в отдельные окна через систему перекрестных ссылок моделируемые находки внутри археологических контекстов. Пример такой ГИС представлен по ссылке: <https://rssda.su/auxil08/ru-kc-12R-2024.html>.

Одним из важных преимуществ выбранной архитектуры трехмерной ГИС является возможность визуализации ее компонентов через веб-браузеры, что не предполагает установки пользователем специального программного обеспечения.

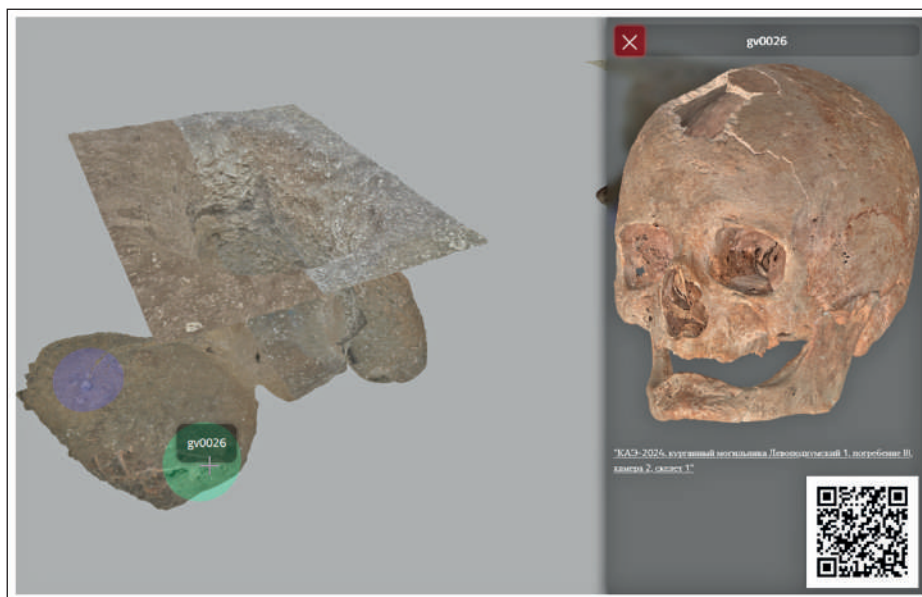

Рис. 9. Фрагмент созданной трехмерной ГИС в окне веб-программы ATON в виде полигональных представлений погребения (слева) и находки черепа (справа). Возможен просмотр 3D-ГИС с помощью QR-кода
 Fig. 9. Fragment of the created 3D GIS in the ATON web programme window in the form of polygonal representations of burials (left) and skull find (right). 3D GIS can be viewed using a QR code

Заключение

Созданная трехмерная ГИС в настоящий момент представляет данные только одного полевого сезона раскопок курганного могильника Леповодкумский-1, и уже поэтому полученные нами результаты могут рассматриваться сугубо как предварительные. Однако даже на настоящем этапе проведенных работ по ее созданию можно сделать несколько основных выводов и дать некоторые методические рекомендации.

Прежде всего, налицо появление новых возможностей по использованию разнообразных видов данных, которые могут быть объединены в трехмерной ГИС. К таковым, помимо привычных растровых и векторных (точка, линия, полигон) данных, относятся:

- полигональные модели;
- матричные цифровые модели рельефа;
- облака точек.

Эти возможности по включению новых видов данных в 3D ГИС могут быть реализованы в различных ПО, в том числе в QGIS и ArcGIS Pro. При этом имеется прин-

ципиальное отличие трехмерной ГИС от локальной ГИС 2D — 2.5D. Это связь разнородных пространственных данных посредством языка HTML, а также использование различных инструментов визуализации в рамках одного ГИС-проекта, в зависимости от характеристик данных, в том числе с привлечением облачных хранилищ и веб-ГИС.

В результате использования этих новых возможностей появляются дополнительные средства визуализации в 3D ГИС, которые позволяют отображать отдельные слои, зафиксированные при археологических раскопках, вертикальное распределение находок, разные стадии ведения раскопа, а также объекты, перекрывающие друг друга в планиграфии и стратиграфии.

Некоторые программные продукты, такие как например, Potree, позволяют выполнять широкий набор измерений по трехмерным цифровым моделям. К ним относятся измерения расстояний, превышения, углов, азимутов, вычисления трехмерных координат заданной точки, площадей и объемов. При необходимости ПО позволяет выполнить построение профиля по любой заданной траектории и осуществить его экспорт в используемых координатах и высотах (в нашем случае — в координатах проекции UTM зоны 38 системы координат WGS-84 и ортометрических высотах).

При сравнении разных средств визуализации трехмерных моделей, имеющихся в использованных веб-ГИС 3DНОР и АТОН, мы пришли к следующим наблюдениям. В первом случае основным преимуществом является хорошая визуализация геометрии находок за счет управления освещением. Во втором случае сильной стороной веб-ГИС является хорошая визуализация цвета и простота демонстрации находок в контексте.

Созданная коллективом трехмерная ГИС может использоваться для удаленной совместной работы участников исследовательского коллектива, служить целям обучения студентов, а также популяризации результатов раскопок. Работа по наполнению трехмерной ГИС новыми раскопанными объектами и обнаруженными находками на курганном могильнике Левоподкумский-1 будет продолжена.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Березина Н.Я., Фризен С.Ю., Коробов Д.С. Антропологические материалы из курганного могильника Левоподкумский-1 (Кисловодская котловина) // Вестник антропологии. 2014. № 1. С. 170–178.

Виртуальная археология (эффективность методов). СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 290 с.

Виртуальная археология (с воздуха, на земле, под водой и в музее). СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. 300 с.

Виртуальная археология. Раскрывая прошлое, обогащая настоящее и формируя будущее [Электронный ресурс]. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2021. 125 с. 1 CD-R.

Грушин С.П., Сосновский И.А. Фотограмметрия в археологии — методика и перспективы // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 1. С. 99–105.

Зайцева О.В. «3D революция» в археологической фиксации в российской перспективе // Сибирские исторические исследования. 2014. № 4. С. 10–20.

Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). Т. 2. Каталог поселений Кисловодской котловины. М.; СПб. : Нестор-История, 2017. 312 с.

Коробов Д.С. Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика. М.; СПб. : Нестор-История, 2019. 156 с.

Коробов Д.С. Цифровая археология сегодня: достижения и проблемы // Историческая информатика. 2023. № 3. С. 107–121.

Коробов Д.С. Курганный могильник Левоподкумский-1 близ Кисловодска: предварительные итоги комплексного исследования 2024 г. // КСИА. 2025. Вып. 278. С. 261–274.

Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Фассбиндер Й. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский-1 близ Кисловодска // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 120–135.

Леонов А.В. 3D-документы в музейной экспозиции: виртуальная реальность и веб-приложения // Виртуальная археология (эффективность методов). СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 240–249.

Лобанов А.Н. Фотограмметрия: учебник для вузов / 2-е изд. М. : Недра, 1984. 552 с.

Малашев В.Ю. Памятники типа «Подкумок-Хумара» // Эпоха всадников на Северном Кавказе: к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской. М. : ИА РАН, 2021. С. 127–144.

Ольховский С.В., Свойский Ю.М., Романенко Е.В., Гирич А.П., Бирюкова Е.Р. Массовое моделирование малоразмерных археологических предметов на примере рыболовного инвентаря римского времени // РА. 2025. № 2. С. 67–81.

Сингатулин Р.А. Фотограмметрические технологии в археологии (краткий исторический очерк) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3. С. 148–152.

Шуберт Х. 3D-фотограмметрия с применением БПЛА в процессе археологического исследования // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2016. № 4. С. 124–127.

Anderson R. Photogrammetry: The pros and cons for archaeology // World Archaeology. 1982. Vol. 14, No. 2. P. 200–205.

Callieri M., Dell'Unto N., Dellepiane M., Scopigno R., Soderberg B., Larsson L. Documentation and Interpretation of an Archaeological Excavation: an experience with Dense Stereo Reconstruction tools // The 12th International Symposium on Virtual Reality, Archaeology and Cultural Heritage, VAST 2011. Prato, Italy, October 18–21, 2011. P. 33–40.

Campana S. 3D modelling in archaeology and cultural heritage — theory and best practice // 3D Recording and Modelling in Archaeology and Cultural Heritage. Theory and best practices, 1st ed. Oxford : Archaeopress, 2014. P. 7–12.

Dell'Unto N. The use of 3D models for intra-site investigation in archaeology // 3D Recording and Modelling in Archaeology and Cultural Heritage. Theory and best practices, 1st ed. Oxford : Archaeopress, 2014. P. 151–158.

Dell'Unto N., Landeschi G. Archaeological 3D GIS. London; New York : Routledge, 2022. 177 p.

De Reu J., Plets G., Verhoeven G., De Smedt P., Bats M., Cherretté B., De Maeyer W., Deconynck J., Herremans D., Laloo P., Van Meirvenne M., De Clercq W. Towards a three-dimensional cost-effective registration of the archaeological heritage // Journal of Archaeological Science. 2013. Vol. 40, No. 2. P. 1108–1121.

De Reu J., De Smedt P., Herremans D., Van Meirvenne M., Laloo P., De Clercq W. On introducing an image-based 3D reconstruction method in archaeological excavation practice // *Journal of Archaeological Science*. 2014. Vol. 41. P. 251–262.

Doneus M., Neubauer W. 3D laser scanners on archaeological excavations // *Proceedings of the XXth International CIPA Symposium, Torino, Italy, 27 September-1 October 2005*.

Doneus M., Verhoeven G., Fera M., Briese C., Kucera M., Neubauer W. From deposit to point cloud — a study of low-cost computer vision approaches for the straightforward documentation of archaeological excavations // *Proceedings of the XXIIIrd International CIPA Symposium, Prague : Czech Technical University, 2011*. P. 81–88.

Fussell A. Terrestrial photogrammetry in archaeology // *World Archaeology*. 1982. Vol. 14, No. 2. P. 157–172.

Gisiger A., Cooper E.S., Yuan Y., Limp W.F. Development and implementation of a rapid low-cost photogrammetric data archival system for artifact and osteological inventory // *Archaeol. Appl. GIS: Proc. Colloq. II, UISPP XIIIth Congr., Forli, Italy, Sept. 1996*. Sydney : Sydney Univ., 1997. 1 CD-R.

Katsianis M., Tshipidis S., Kotsakis K., Kousoulakou A. A 3D digital workflow for archaeological intra-site research using GIS // *Journal of Archaeological Science*. 2008. Vol. 35, No. 3. P. 655–667.

Neubauer W., Doneus M., Studnicka N., Riegl J. Combined High Resolution Laser Scanning and Photogrammetrical Documentation of the Pyramids at Giza // *Proceedings of the XXth International CIPA Symposium, Torino, Italy, 27 September-1 October 2005*.

Sapirstein Ph., Murray S. Establishing Best Practices for Photogrammetric Recording During Archaeological Fieldwork // *Journal of Field Archaeology*. 2017. Vol. 42, No. 4. P. 337–350.

Zubrow E.B.W. *Digital archaeology: a historical context* // *Digital Archaeology. Bridging method and theory*. London; New York : Routledge, 2006. P. 8–26.

REFERENCES

Berezina N.Ya., Frizhen S.Yu., Korobov D.S. Anthropological Materials from the Levopodkumsky 1 Burial Mound (Kislovodskaya Basin). *Vestnik antropologii = Bulletin of Anthropology*. 2014;1:170–178. (In Russ.)

Virtual Archaeology (Effectiveness of Methods). St. Petersburg : Isd-vo Gos. Ermitazha, 2015. 290 p. (In Russ.)

Virtual Archaeology (from the Air, on Land, Under Water, and in Museums). St. Petersburg : Isd-vo Gos. Ermitazha, 2018. 300 p. (In Russ.)

Virtual Archaeology. Revealing the Past, Enriching the Present and Shaping the Future [Online resource]. Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2021. 125 p. 1 CD-R. (In Russ.)

Grushin S.P., Sosnovsky I.A. Photogrammetry in Archaeology: Methods and Prospects. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2018;1:99–105. (In Russ.)

Zaitseva O.V. The “3D Revolution” in Archaeological Recording from a Russian Perspective. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya = Siberian Historical Research*. 2014;4:10–20. (In Russ.)

Korobov D.S. The Settlement System of the Alans in the Central Caucasus in the 1st Millennium AD (Landscape Archaeology of the Kislovodsk Basin). Vol. 2. Catalogue of Settlements in the Kislovodsk Basin. Moscow; St. Petersburg : Nestor-Istoriya, 2017. 312 p. (*In Russ.*)

Korobov D.S. The Alans of the North Caucasus: Ethnicity, Archaeology, Palaeogenetics. Moscow; Saint Petersburg : Nestor-Istoriya, 2019. 156 p. (*In Russ.*)

Korobov D.S. Digital Archaeology Today: Achievements and Problems. *Istoricheskaya informatika = Historical Informatics*. 2023;3:107–121. (*In Russ.*)

Korobov D.S. The Levopodkumsky-1 Burial Mound near Kislovodsk: Preliminary Results of a Comprehensive Study in 2024. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii RAN = Brief Reports from the Institute of Archaeology RAS*. 2025;278:261–274. (*In Russ.*)

Korobov D.S., Malashev V.Yu., Fassbinder J. Preliminary Results of Excavations at the Levopodkumsky 1 Burial Mound near Kislovodsk. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii RAN = Brief Reports from the Institute of Archaeology RAS*. 2014;232:120–135. (*In Russ.*)

Leonov A.V. 3D Documents in Museum Exhibitions: Virtual Reality and web applications. In: *Virtual Archaeology (Effectiveness of Methods)*. St. Petersburg : Isd-vo Gos. Ermitazha, 2015. Pp. 240–249. (*In Russ.*)

Lobanov A.N. Photogrammetry: Textbook for Universities. 2nd ed. Moscow: Nedra, 1984. 552 p. (*In Russ.*)

Malashev V.Yu. Monuments of the Podkumok-Khumara type. In: *The Age of Horsemen in the North Caucasus: on the 90th Anniversary of Vera Borisovna Kovalevskaya*. Moscow : IA RAN, 2021. Pp. 127–144. (*In Russ.*)

Olhovskiy S.V., Svoyskiy Yu.M., Romanenko E.V., Girich A.P., Biryukova E.R. Mass Modeling of Small-Sized Archaeological Objects: the Case of Roman-Period Fishing Gear. *Rossiyskaya Arheologiya = Russian Archaeology*. 2025;2:67–81. (*In Russ.*)

Singatulin R.A. Photogrammetric Technologies in Archaeology (a brief historical overview). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of theory and practice*. 2013;3:148–152. (*In Russ.*)

Schubert H. 3D Photogrammetry Using UAVs in Archaeological Research. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: istoricheskie nauki = Bulletin of Omsk University. Ser.: Historical Sciences*. 2016;4:124–127. (*In Russ.*)

Anderson R. Photogrammetry: The Pros and Cons for Archaeology. *World Archaeology*. 1982;14(2):200–205.

Callieri M., Dell'Unto N., Dellepiane M., Scopigno R., Soderberg B., Larsson L. Documentation and Interpretation of an Archaeological Excavation: an Experience with Dense Stereo Reconstruction Tools. In: *The 12th International Symposium on Virtual Reality, Archaeology and Cultural Heritage, VAST 2011*. Prato, Italy, October 18–21, 2011. Pp. 33–40.

Campana S. 3D Modelling in Archaeology and Cultural Heritage — Theory and Best Practice. In: *3D Recording and Modelling in Archaeology and Cultural Heritage. Theory and Best Practices*, 1st ed. Oxford : Archaeopress, 2014. Pp. 7–12.

Dell'Unto N. The Use of 3D Models for Intra-Site Investigation in Archaeology. In: *3D Recording and Modelling in Archaeology and Cultural Heritage. Theory and Best Practices*, 1st ed. Oxford : Archaeopress, 2014. Pp. 151–158.

Dell'Unto N., Landeschi G. *Archaeological 3D GIS*. London; New York : Routledge, 2022. 177 p.

De Reu J., Plets G., Verhoeven G., De Smedt P., Bats M., Cherretté B., De Maeyer W., Deconynck J., Herremans D., Laloo P., Van Meirvenne M., De Clercq W. Towards a Three-Dimensional Cost-Effective Registration of the Archaeological Heritage. *Journal of Archaeological Science*. 2013;40(2):1108–1121.

De Reu J., De Smedt P., Herremans D., Van Meirvenne M., Laloo P., De Clercq W. On Introducing an Image-Based 3D Reconstruction Method in Archaeological Excavation Practice. *Journal of Archaeological Science*. 2014;41:251–262.

Doneus M., Neubauer W. 3D Laser Scanners on Archaeological Excavations. In: Proceedings of the XXth International CIPA Symposium, Torino, Italy, 27 September-1 October 2005.

Doneus M., Verhoeven G., Fera M., Briese C., Kucera M., Neubauer W. From Deposit to Point Cloud — a Study of Low-Cost Computer Vision Approaches for the Straightforward Documentation of Archaeological Excavations. In: Proceedings of the XXIIIrd International CIPA Symposium. Prague : Czech Technical University, 2011. Pp. 81–88.

Fussell A. Terrestrial Photogrammetry in Archaeology. *World Archaeology*. 1982; 14(2):157–172.

Gisiger A., Cooper E.S., Yuan Y., Limp W.F. Development and Implementation of a Rapid Low-Cost Photogrammetric Data Archival System for Artifact and Osteological Inventory. In: *Archaeol. Appl. GIS: Proc. Colloq. II, UISPP XIIIth Congr., Forli, Italy, Sept. 1996*. Sydney : Sydney Univ., 1997. 1 CD-R.

Katsianis M., Tshipidis S., Kotsakis K., Kousoulakou A. A 3D Digital Workflow for Archaeological Intra-Site Research Using GIS. *Journal of Archaeological Science*. 2008;35(3):655–667.

Neubauer W., Doneus M., Studnicka N., Riegl J. Combined High Resolution Laser Scanning and Photogrammetrical Documentation of the Pyramids at Giza. In: Proceedings of the XXth International CIPA Symposium, Torino, Italy, 27 September-1 October 2005.

Sapirstein Ph., Murray S. Establishing Best Practices for Photogrammetric Recording During Archaeological Fieldwork. *Journal of Field Archaeology*. 2017;42(4):337–350.

Zubrow E.B.W. *Digital Archaeology: a Historical Context*. In: *Digital Archaeology. Bridging Method and Theory*. London; New York : Routledge, 2006. Pp. 8–26.

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Коробов Д.С.: разработка концепции исследования, организация работ по сбору и обработке материала, написание статьи, научное редактирование текста.

D.S. Korobov: development of the research concept, organisation of work on the collection and processing of material, writing of the article, scientific editing of the text.

Романенко Е.В.: разработка концепции исследования, организация работ по обработке материала, цифровое моделирование, написание статьи, научное редактирование текста.

E.V. Romanenko: development of the research concept, organisation of work on the processing of material, digital modelling, writing of the article, scientific editing of the text.

Свойский Ю.М.: разработка концепции исследования, организация работ по обработке материала, цифровое моделирование, написание статьи, научное редактирование текста.

Yu.M. Svoysky: development of the research concept, organisation of work on processing material, digital modelling, writing the article, scientific editing of the text.

Пичугина А.А.: сбор и обработка материала, цифровое моделирование, редактирование текста.

A.A. Pichugina: collection and processing of material, digital modelling, editing of the text.

Уральская А.Н.: обработка материала, цифровое моделирование.

A.N. Uralskaya: processing of material, digital modelling.

Гирич А.П.: обработка материала, цифровое моделирование.

A.P. Girich: processing of material, digital modelling.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Коробов Дмитрий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор РАН, заведующий отделом теории и методики Института археологии РАН, Москва, Россия.

Dmitry S. Korobov, Doctor of Historical Sciences, Professor of RAS, Head of the Department of Theory and Methodology of the Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia.

Романенко Екатерина Васильевна, научный сотрудник Лаборатории RSSDA, Москва, Россия.

Ekaterina V. Romanenko, Scientific Researcher of the RSSDA Laboratory, Moscow, Russia.

Свойский Юрий Михайлович, сотрудник Центра античной и восточной археологии НИУ «Высшая школа экономики», руководитель Лаборатории RSSDA, Москва, Россия.

Yuri M. Svoysky, Engineer of the Centre of Classical and Oriental Archaeology of the HSE University; Head of the RSSDA Laboratory, Moscow, Russia.

Пичугина Анастасия Александровна, лаборант отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, Москва, Россия.

Anastasia A. Pichugina, Laboratory Assistant in the Department of Archaeological Heritage Preservation of the Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia.

Уральская Анастасия Николаевна, студент Государственного академического университета гуманитарных наук, лаборант Лаборатории RSSDA, Москва, Россия.

Anastasia N. Uralskaya, Student of the State Academic University for the Humanities, Laboratory Assistant in the RSSDA Laboratory, Moscow, Russia.

Гирич Анна Павловна, лаборант Лаборатории RSSDA, Москва, Россия.

Anna P. Girich, Laboratory Assistant in the RSSDA Laboratory, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025;

одобрена после рецензирования 24.11.2025;

принята к публикации 04.12.2025.

The article was submitted 11.11.2025;

approved after reviewing 24.11.2025;

accepted for publication 04.12.2025.

Научная статья / Research Article

УДК 902.21:903.5

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-06)

EDN: WBGRWH

НОВЫЕ ДАННЫЕ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ДОЛИНЫ Р. АЛЕЙ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАБОТ 2023–2025 ГГ.)

**Жанна Валерьевна Марченко^{1*}, Сергей Петрович Грушин²,
Артем Евгеньевич Гришин³, Ольга Анатольевна Позднякова⁴,
Дмитрий Александрович Кулешов⁵, Иван Александрович Вальков⁶,
Николай Денисович Евменов⁷**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
afrika_77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4729-8575>

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
gsp142@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5404-6632>

³Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
grishin@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8367-227>

⁴Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
olka.pozdnyakova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8376-0344>

⁵Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, Новосибирск, Россия;
KuleshovDA@ipgg.sbras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9551-305X>

⁶Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия;
valkow92@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2104-5542>

⁷Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, Новосибирск, Россия;
evmennik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0164-8610>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Работа посвящена характеристике результатов, полученных в ходе трехлетних археолого-геофизических разведок в южной части нижнего течения р. Алей (Шипуновский район, Алтайский край). Алей является одним из основных притоков Верхней Оби. В древности ресурсы его широкой долины играли важную роль в жизнеобеспечении мобильных скотоводов, а сама водная магистраль являлась путем для культурных контактов между сибирским и центральноазиатским населением. На основании литературных источников и картирования определено, что памятники эпохи палеометалла (энеолита и бронзы) в долине р. Алей исследованы территориально неравномерно и в разном объеме. Зоны наибольшей концентрации объектов — район Гилевского водохранилища и устье реки. В качестве наиболее перспективного места для поиска новых памятников был определен южный участок нижнего течения Алея, поскольку здесь он соединяется со своим крупнейшим притоком — р. Поперечная, а также максимально сближается с другим крупным обским притоком — р. Чарыш.

В результате комплексного археолого-геофизического подхода к поиску памятников было выявлено семь новых археологических объектов. Из них четыре расположены в левобережной части Алея

(Хлопуново-4, Мякотное-1, Шипуново-3, Нечунаево-3), три — в правобережной (Поперечная-1-3). Шесть памятников представлены разными типами ритуальных сооружений (грунтовые и курганные могильники, ритуальные ямы), один — стоянка. Из семи выявленных объектов пять достоверно относятся к эпохе бронзы. Таким образом, благодаря комплексному подходу к разведке удалось в короткие сроки уменьшить «лакуну» в археологической карте эпохи бронзы долины р. Алей.

Ключевые слова: река Алей, эпоха бронзы, археолого-геофизическая разведка, грунтовые могильники

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 24–28–00745: «Древние скотоводы в долине р. Алей во второй половине III–II тыс. до н.э.: археолого-геофизический поиск»).

Для цитирования: Марченко Ж.В., Грушин С.П., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Кулешов Д.А., Вальков И.А., Евменов Н.Д. Новые данные к археологической карте эпохи бронзы долины р. Алей (по результатам работ 2023–2025 гг.) // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 4. С. 100–117. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-06)

NEW EVIDENCE TO THE BRONZE AGE ARCHAEOLOGICAL MAP OF THE ALEY RIVER VALLEY (BASED ON THE RESULTS OF WORK IN 2023–2025)

**Zhanna V. Marchenko^{1*}, Sergey P. Grushin², Artem E. Grishin³,
Olga A. Pozdnyakova⁴, Dmitriy A. Kuleshov⁵, Ivan A. Valkov⁶,
Nikolay D. Evmenov⁷**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
afrika_77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4729-8575>

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
Altai State University, Barnaul, Russia; gsp142@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5404-6632>

³Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
grishin@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8367-227>

⁴Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
olka.pozdnyakova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8376-0344>

⁵Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS, Novosibirsk, Russia;
KuleshovDA@ipgg.sbras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9551-305X>

⁶Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS, Kemerovo, Russia;
valkow92@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2104-5542>

⁷Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS, Novosibirsk, Russia;
evmennik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0164-8610>

*Corresponding author

Abstract. The article is devoted to results' characteristic which are obtained during last three years archaeological-geophysical expeditions in the southern part of the lower stream of the Aley River (Shipunovo District, Altai Krai). The Aley River is one of a main tributary of the Upper Ob River. Resources of its wide valley played significant role in mobile pastoralist' life supports in the Ancient, whereas waterway was a route for cultural contacts between Siberian population and Central Asia people. On the literature and mapping data was defined that the Palaeometal Period (Eneolithic and

Bronze Age) sites were researched territorially irregularly and in varying size in the Aley Valley. Zones within the most concentration of objects are the Gilevo water reservoir area and the river mouth. The southern part of the lower stream was defined as the most promising area for search new archaeological sites because here the Aley River joins its largest tributary, the Poperechnaya River, and here as the most territorially closeness with another major the Ob tributary, the Charysh River, is found.

In total, seven new sites were found in result of the integrated archaeological and geophysical approach to prospecting of archaeological objects. Among them, four located on the left river bank (Khlopunovo-4, Myakotnoe-1, Shipunovo-3, Nechunaevo-3) and three are situated on the right river bank (Poperechnaya-1–3). Six sites represented by the different type of ritual objects (burial grounds, kurgans and ritual pits) and one is a settlement site. From seven identified sites five are reliably associated to Bronze Age. So, due to the complex approach to survey in a short time reduce the gap in the Bronze Age archaeological map of the Aley Valley.

Keywords: Aley River, Bronze Age, archaeological and geophysical survey, burial grounds

Acknowledgments: the article is prepared by financial support by RSF (project 24–28–00745: “Ancient Pastoralists in the Aley River Valley during the Second Part of 3rd-2nd Mil. BC: Archaeological and Geophysics Research”).

For citation: Marchenko Zh.V., Grushin S.P., Grishin A.E., Pozdnyakova O.A., Kuleshov D.A., Valkov I.A., Evmenov N.D. New Evidence to the Bronze Age Archaeological Map of the Aley River Valley (based on the results of work in 2023–2025). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(4):100–117. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-06)

Введение
Алей является крупнейшим обским притоком в степном Обь-Иртышском междуречье, соединяющим Рудный Алтай и выход на Верхний Иртыш с верхнеобским регионом (Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 16). Поэтому совершенно очевидно, что направление основного вектора культурно-хозяйственных взаимодействий, в том числе на протяжении энеолита — бронзового века, совпадает с ориентировкой его долины в среднем и нижнем течении. Эта закономерность проявилась уже на первых этапах археологического изучения. Если в рамках конца XIX — начала XX в. исследователями фиксировались в первую очередь курганные могильники, подавляющая часть которых, по всей видимости, относится к раннему железному веку — средневековью (Флоринский, 1889, с. 65, 66), древние горные выработки и находки в них (Кирюшин, Иванов, 1996, с. 3–5), то результаты интенсивной разведочной деятельности на Алее А.П. Уманского в 1950–1970-х гг. (Демин, 2018, с. 134, 219; Уманский, 1976, 1995а, б; и др.) и крупных раскопок в 1971–1976 гг. В.А. Могильникова указали на значительный потенциал памятников бассейна этой реки для изучения процессов культуругенеза энеолита — бронзового века Обь-Иртышья (Могильников, 1980; и др.). Непрерывающиеся работы в основном барнаульских специалистов и алтайских краеведов на различных участках Алея и на его притоках в течение 1980–2020-х гг. значительно дополнили археологическую карту эпохи бронзы региона (М.А. Демин, Г.А. Ключкин, Ю.Ф. Кирюшин, Ю.П. Алехин, А.Л. Кунгуров, В.Б. Бородаев, Э.Б. Медникова, Г.Е. Иванов, П.И. Шульга, А.Б. Шамшин, А.А. Тишкин, В.П. Семибратов, А.А. Казаков, А.Н. Телегин, Г.И. Гончарова, Е.В. Григоров, Д.В. Папин, О.А. Позднякова (Ченских), С.П. Грушин, С.М. Ситников, А.С. Федорук, О.А. Федорук (Попова), И.А. Вальков, Д.С. Леонтьева, И.А. Савко и др.) (Демин, Ситников, 2007, с. 3, 4; Кирюшин, Папин, Федорук, 2015, с. 64; и др.).

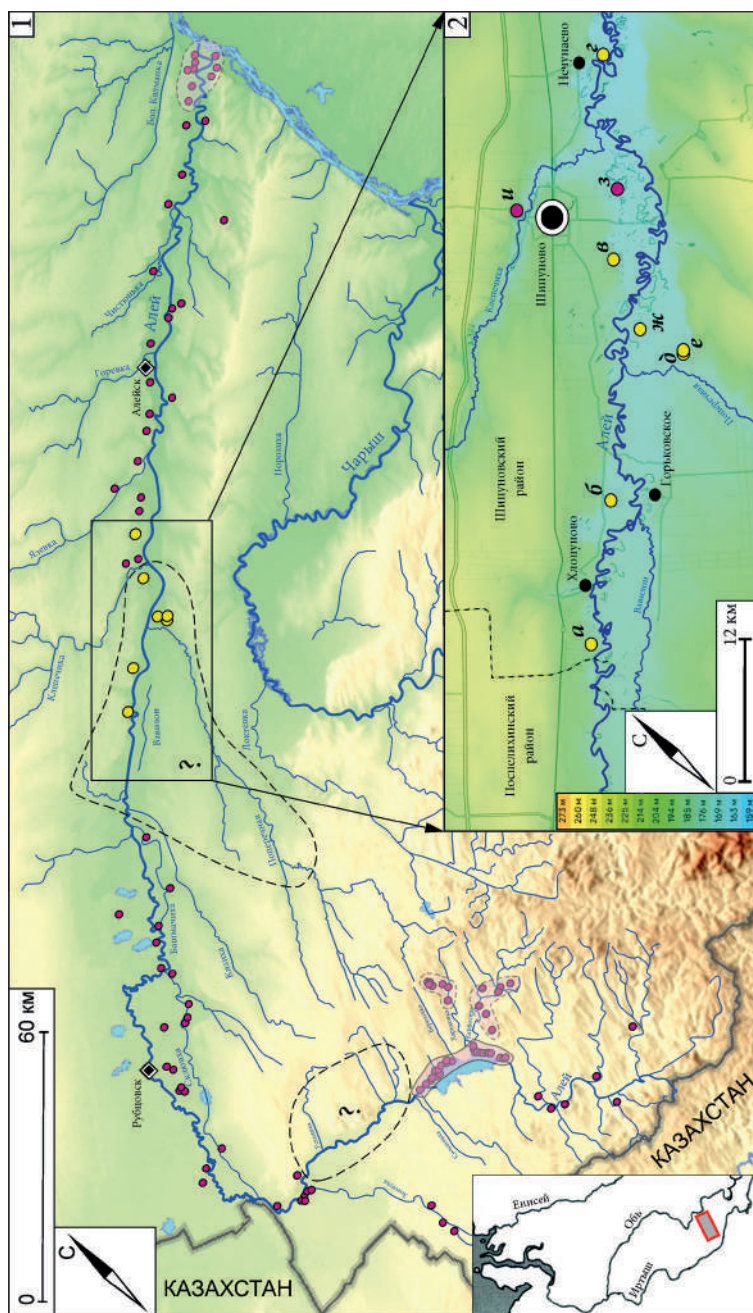

Рис. 1. Расположение археологических памятников периодов энеолита — бронзы, известных ранее (красная метка) и выявленных авторами в ходе разведок (желтая метка): 1 — в бассейне реки Алей; 2 — на участке реки в районе с. Шипуново (а — Хлопуново-4; б — Мякотное-1; в — Шипуново-3; г — Нечунаево-3; д — Попереchnая-1, е — Попереchnая-2; ж — Попереchnая-3; з — Собачий Лог-2 (?); и — «клад» бронзовых топоров (?)). Контуры с заливкой обозначают концентрации памятников, в т.ч. Гилевский АМР. Контуры с «?» обозначают районы, где памятники периодов энеолита — бронзы не были известны на момент разведки авторов

Fig. 1. Location of Eneolithic — Bronze Age archaeological sites which are known previously (red mark) and discovered by authors during surveys (yellow mark): 1 — in the Aley River basin; 2 — in the river section near the Shipunovo district (a — Khloupuново-4; б — Мякотное-1; в — Nechunaеvo-3; г — Poperechnaya-1; д — Poperechnaya-2; е — Poperechnaya-3; ж — Sobachiy Log-2 (?); и — "hoard" of bronze axes (?)). Filled contours indicate concentrations of sites including the Gilevsky Archaeological micro district. Contours marked with "?" indicate areas where Eneolithic — Bronze Age sites were unknown before the time of the authors' exploration

Краткая история изучения памятников эпохи палеометалла в долине Алея, закономерности их размещения и находения

На данный момент памятники, на которых зафиксированы материалы периодов энеолита — бронзы в бассейне Алея, расположены достаточно неравномерно (нами учтено всего 111) (рис. 1.-1). Наибольшая концентрация характерна для участка правого берега в районе Гилевского водохранилища от окрестностей с. Староалейское до с. Гилево (Березовка-1; Гилево-1-6, Гилевское водохранилище-1-2, Чекановский Лог-1-3, 6, 7, 10, Карболиха-1, 2, 8, Андронкина заимка и др.) (Могильников, 1980; Демин, Ситников, 2007; Кирюшин, Папин, Федорук, 2015; Савко, 2019). Первые памятники в районе д. Гилево были открыты Я.А. Шером в 1970 г., дальнейшие разведки и раскопки большинства объектов проведены В.А. Могильниковым в 1971–1976 гг. и М.А. Деминим, С.М. Ситниковым, В.Б. Бородаевым в 1990–2000-х гг. Для этого же участка характерно наибольшее количество раскопанных на Алее памятников, в том числе значительными площадями. На этой источниковой базе был обозначен Гилевский археологический микрорайон (АМР), который, в свою очередь, является хорошим репером для локальной культурно-хронологической шкалы среднего и верхнего течения Алея (см., напр.: Демин, Запрудский, Ситников, 2011; Савко, 2019). Но, на наш взгляд, феномен этого микрорайона характеризуется пока сравнительно высокой интенсивностью его исследования, а не ландшафтно-географическими и культурно-историческими особенностями.

Меньшие по концентрации скопления памятников энеолита — бронзы зафиксированы вблизи Гилевского АМР, в верхнем течении соседних правых притоков Алея — на р. Корболиха, (Карамышевская копь-1, Каменоломня-1, Змеевка, Корболиха, Ото-рванка-1), которые так или иначе связаны с наличием полезных ископаемых в районе Змеиногорска, и на р. Харьковка (Новокузнецовка, Новокузнецовка-9, Раскат-6, Холодный (исток), Пасека-1-3 — разведки А.Л. Кунгурова).

Сравнительно большое количество известных памятников эпохи бронзы зафиксировано также непосредственно перед устьем Алея в районе д. Усть-Алейская (Староалейка-2, 5, Усть-Алейка-2, 3, Усть-Алейка Клуб, Усть-Алейка, Карасево, Нагорное-3, 4).

Остальные участки среднего и нижнего течения Алея, расположенные в одинаковых ландшафтных и геоморфологических условиях (южный край Приобского плато, ложбина древнего стока, степные водораздельные или луговые пойменные ландшафты со старичными и займищными озерами (Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 23–27)) подвергались сравнительно менее интенсивному исследованию, чем памятники Гилевского АМР. Особенно если учесть лишь единичные примеры полномасштабных многолетних раскопок объектов этой эпохи (Березовая Лука, Советский Путь-1). Памятники известны в первую очередь по сборам и разведочным обследованиям разрушающихся комплексов (Демин, 2018, с. 51; Кирюшин, Клюкин, 1985; Тишкин, Кирюшин, Казаков, 1996; Григоров, 1998; и др.). О потенциале этих участков свидетельствуют и случайные находки бронзовых предметов местными жителями (Кирюшин, Иванов, 1996, с. 81; Демин, Ситников, 2002; Федорук и др., 2015; Тишкин, Кирюшин, Казаков, 1996, с. 163, 165).

Верхнее течение Алея проходит в районе Тигирецкого хребта (северная цепь Центрального Алтая) и в предгорных ландшафтах. В предгорной части известны лишь еди-

ничные памятники бронзового века (Гольцовка-1, Усть-Каменка-II, Екатерининский елбан), хотя среди них есть и крупные могильники, в том числе частично раскопанные (Сигнал-1, Аришкин Курган-4, 5) (Кунгуров, Гончаров, 2003; Грушин, Леонтьева, 2020).

Распространение памятников с андроновской (учтено 34, преимущественно могильники) и позднебронзовой атрибуцией (всего учтено 30, преимущественно поселения и стоянки) в целом соответствует описанной выше картине концентрации археологических объектов. Стоит лишь отметить, что на протяжении значительной части участка нижнего течения Алея от с. Поломошное до с. Шипуново достоверно не были известны объекты поздней бронзы, в то время как известные андроновские памятники, хоть и редко, но сравнительно равномерно распределены как на этом, так и на других участках нижнего и среднего течения реки. Также следует отметить, что елунинских (учтено 8) и более ранних памятников (энеолит) (учтено 14) в целом значительно меньше, чем андроновских и позднебронзовых. Это, очевидно, может отражать возросшую интенсивность освоения реки и заселенность ее берегов в более поздние периоды бронзы.

Основные ландшафтные закономерности в расположении памятников андроновской культуры и поздней бронзы сформулировал еще В.А. Могильников по результатам своих интенсивных работ в Гилевском АМР (1983, 1997). Он отметил расположение андроновских поселений на низких, по отношению к современному уровню воды, участках, в то время как позднебронзовые объекты были им обнаружены на более высоких участках коренных террас, в том числе на «елбанах». Различие в расположении памятников автор объяснял в первую очередь особенностями климатической обстановки в эти периоды бронзы и, в частности, организацией скотоводческого андроновского хозяйства (Могильников, 1997, с. 69, 70). Позже С.М. Ситников развил идеи предшественников и предложил обобщенную реконструкцию влияния хозяйственных и климатических факторов на расположение поселений андроновской культуры и периода поздней бронзы (Ситников, 2015, с. 84, 85, 92). Следует также отметить, что типичные места расположения некрополей эпохи энеолита и бронзы на краю высоких береговых террас Алея на некоторых участках могут быть погребены под эоловыми отложениями (Зимица, Адаменко, 1963, с. 54, 55). Специфику археологизации и расположения елунинских поселений в долине Алея помогли вскрыть многолетние раскопки на Березовой Луке (Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 34). Поселенческие слои эпохи бронзы, сформировавшиеся на рыхлых отложениях древней поймы, оказались погребенными под мощными (2,5–3,25 м) аллювиальными наносами. Причины такой стратиграфической ситуации авторы работ видят в особенностях климата (теплая фаза) и хозяйства местного населения (Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 56–66). Закономерности расположения поселений эпохи бронзы, в том числе на Алее, также были сформулированы Ю.Ф. Кирюшиным, М.Т. Абдулганеевым и А.Б. Шамшиным (1983, с. 148–150). Характеризовать же какие-либо другие геоморфологические закономерности местонахождений памятников в рамках среднего и нижнего течения Алея при таком количестве источников представляется нам пока преждевременным.

В результате картирования памятников была отмечена ситуация отсутствия объектов эпохи энеолита — бронзы на 60-километровом отрезке нижнего течения Алея от с. Поломошное до с. Шипуново. Чуть меньшая по размерам лагуна наблюдается на участке сред-

него течения от Гилевского АМР до р. Золотушка, но результаты исследования памятников вокруг Гилевского водохранилища и у с. Советский Путь делают ее изучение пока менее актуальным. Кроме того, выбранный нами участок наиболее близок к излучине долины другого крупного обского притока — р. Чарыш (минимальное расстояние до Алея — 15 км). На этом же отрезке в Алей впадает крупнейший его приток — р. Поперечная. И близость долины Чарыша, и река Поперечная обеспечивают связь долины Алея с месторождениями полезных ископаемых в районе Колыванского хребта. Таким образом, отсутствие сведений о памятниках энеолита — эпохи бронзы на этом выразительном участке одной из самых крупных рек региона стало поводом для начала наших разведочных изысканий.

Очевидно, что большинство объектов бронзового века в регионе располагается на территориях, сильно измененных земледелием начиная с эпохи российского освоения (напр.: Головченко, Телегин, 2022). Если курганные насыпи эпохи раннего железа и средневековья еще сохраняют свой рельеф на водораздельных участках, то следы памятников эпохи бронзы фиксируются исключительно в ходе техногенного (распахивание, формирование карьера) или естественного разрушения памятников в бортах оврагов и берега или расположены в труднодоступных пойменных участках (напр., Поломошное-1). Рельефных признаков эти объекты, как правило, не имеют. Поэтому закономерно, что методическим новшеством в рамках археологических разведок в нижнем течении Алея стало активное применение нами инструментов ГИС технологий при построении археологической карты (рис. 1) и возможностей геомагнитной съемки. Ранее, подобный подход уже доказал свою эффективность при работах на памятниках Алтайского края, в том числе в среднем течении р. Алей (Тишкин, Редников, 2019).

Новые археологические памятники

В результате разведочных работ на р. Алей в 2023–2025 гг. на территории Шипуновского района Алтайского края было обнаружено семь новых памятников, пять из которых достоверно содержат культурный слой эпохи бронзы (рис. 1.-2).

Район исследования охватывал южную часть нижнего течения бассейна р. Алей. Выявленные памятники располагаются на разных элементах рельефа — на останцах (елбанах) в речной долине и на алейских террасах. В левобережной части было выявлено четыре новых памятника (Хлопуново-4, Мякотное-1, Шипуново-3 и Нечунаево-3), в правобережье — три (Поперечная-1–3).

Грунтовый могильник Хлопуново-4 расположен на возвышенном коренном участке террасы, в излучине левого берега р. Алей; в 3,3 км к юго-западу от с. Хлопуново. Край террасы сильно изрезан оврагами, которые интенсивно разрушают культурный слой памятника. Кости человека и керамический сосуд андроновской культуры были извлечены из осыпи края террасы местными жителями и переданы в краеведческий музей Поспелихинского района (рис. 2.-1).

Геомагнитная съемка (общая площадь 9160 кв. м) была проведена на трех участках террасы, обособленных оврагами. В результате были выявлены аномалии, сопоставимые с археологическими объектами, большинство которых приурочено к наиболее возвышенному участку террасы. Параметры и особенности пространственной организации аномалий позволили предположить наличие здесь разнотипных и разновре-

менных погребальных комплексов. Первый тип (наиболее многочисленный) представлен захоронениями, которые образуют ряды, вытянутые по линии СВ–ЮЗ. Результаты археологической проверки показали, что он относится к андроновской культуре. С этой же культурой связан еще один тип погребений, которые проявились на магнитограмме в виде отдельно расположенных аномалий. Исследование одной из них выявило захоронение с кремированными останками. Нельзя исключить, что обособленное расположение данных объектов указывает на наличие над ними насыпи, впоследствии полностью распаханной. Третий тип представляет собой комплекс с центральной могилой, окруженной круглым рвом, с проходом с восточной стороны. По аналогии с другими подобными сооружениями в регионе его можно предварительно отнести к раннему железному веку (Шульга, 2003, с. 188, рис. 46).

В ходе археологических разведок в разных частях памятника было изучено пять захоронений периода средней бронзы (андоновская культура). Из них три содержали остатки кремации, два — ингумированные останки, в одном случае — двух взрослых, во втором — ребенка. Все комплексы имели следы проникновения в яму.

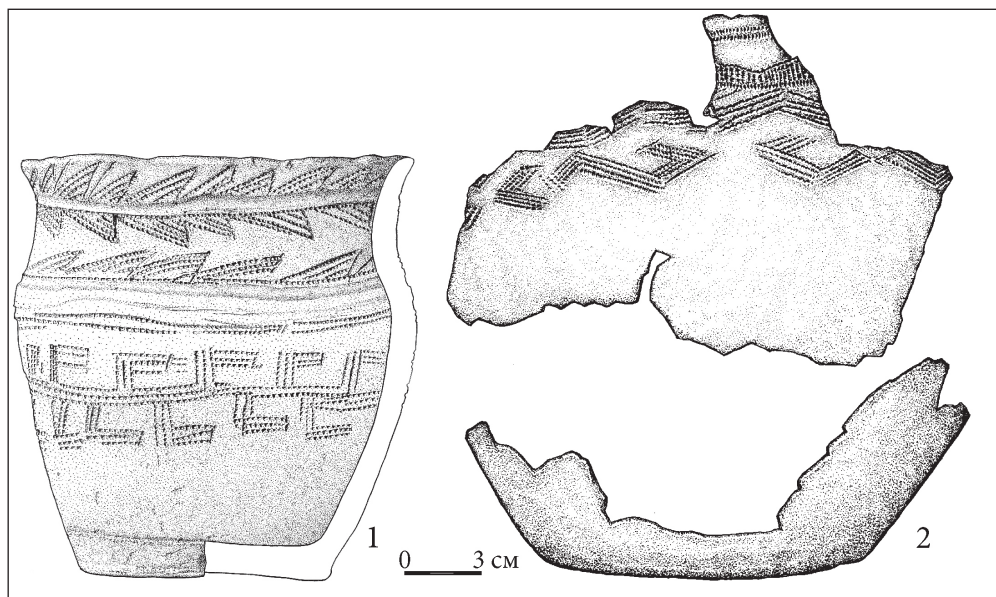

Рис. 2. Керамические сосуды из могильников: 1 — Хлопуново-4; 2 — Попереchnая-3
 Fig. 2. Potteries from burial grounds: 1 — the Khlopunovo-4 site; 2 — the Poperechnaya-3 site

Стоянка Мякотное-1 выявлена в пойме, на останце, расположенном в 1,6 км к югу от болотистого урочища Мякотное и в 5 км к северо-востоку от с. Хлопуново. Елбан имеет овально-вытянутую по линии СЗ–ЮВ форму, размером 600×400 м, высотой 3 м; в северо-восточной части сформирован небольшой мыс размером 100×70 м, высотой 1 м.

В ходе шурфовки мысовой части останца выявлен культурный слой, содержащий неорнаментированные фрагменты керамики и кости животных, предварительно датированный широко: эпоха поздней бронзы — средневековья. Находки периода ран-

ней бронзы представлены развалом части сосуда елунинской культуры, обнаруженном на склоне останца на глубине 0,35–0,4 м от поверхности.

Магнитная съемка (общая площадь 2700 кв. м), проведенная на мысовой части останца, не выявила аномалий, сопоставимых с археологическими объектами. Тем не менее продолжение археолого-геофизических исследований данного памятника представляется перспективным, поскольку центральная, наиболее возвышенная часть останца еще не изучена.

Остатки распаханного *курганного могильника Шипуново-3* первоначально были выявлены по спутниковым снимкам Google Earth в виде двух округлых светлых пятен диаметром около 20 м. Объекты расположены по линии В–З, в 115 м к северу от края коренной террасы. Натурное обследование территории подтвердило гипотезу о наличии здесь курганов, насыпи которых фиксировались в виде небольших всхолмлений и областей желтой супеси (рис. 3.-1). К северу от них, в глубине террасы зафиксировано еще четыре аналогичных объекта.

Участок магнитной съемки (общая площадь 5400 кв. м) включал остатки двух крупных насыпей (объекты 1 и 2) у края террасы и часть прилегающего к ним пространства. По итогам работ под остатками насыпи объекта 2 выявлены две аномалии, сопоставимые с погребальными ямами (рис. 3.-2). Объекты расположены по линии ЮВ–СЗ, расстояние между ними составляет около 4 м. Ров не зафиксирован. Предварительная датировка комплекса широкая: эпоха палеометалла — средневековье.

Под насыпью объекта 1 выявлено пять аномалий, которые также можно интерпретировать как захоронения (рис. 3.-2). Они образуют ряд, вытянутый по линии ЮЗ–СВ. Погребения окружены округлым рвом, восточный сегмент которого, по-видимому, не вошел в границы съемки. Судя по геомагнитным данным, ров имеет четыре прохода, расположенных по линиям ЮВ–СЗ и ЮЗ–СВ. У юго-западного прохода зафиксирована аномалия, которую предварительно можно сопоставить с отдельной ритуальной ямой. Диаметр кургана по внешнему краю рва составляет около 35 м. Линейное расположение могил, а также наличие рва с перемычками позволяют предварительно относить курган к эпохе раннего железа (каменская культура) (Шульга, 2003, с. 188, рис. 46; 2009, с. 307, рис. 107).

У южного края объекта 1 обнаружен еще один, полностью распаханный курган — объект 6. На поверхности он фиксируется в виде округлого пятна желтой супеси диаметром около 19 м (рис. 3.-1). Согласно данным магнитной съемки курган представляет собой захоронение, окруженное округлым рвом (рис. 3.-2). Можно предположить наличие двух проходов, расположенных по линии ЮВ–СЗ. Диаметр рва по внешнему контуру составляет около 15 м. Как и в предыдущем случае, особенности устройства этого сооружения позволяют предварительно датировать его ранним железным веком.

Очевидно, что курганный могильник охватывает значительно большую площадь и установить его границы в условиях тотальной распашки можно будет только геофизическими методами, в том числе с использованием наиболее производительной магнитометрической съемки с БПЛА (Позднякова и др., 2021).

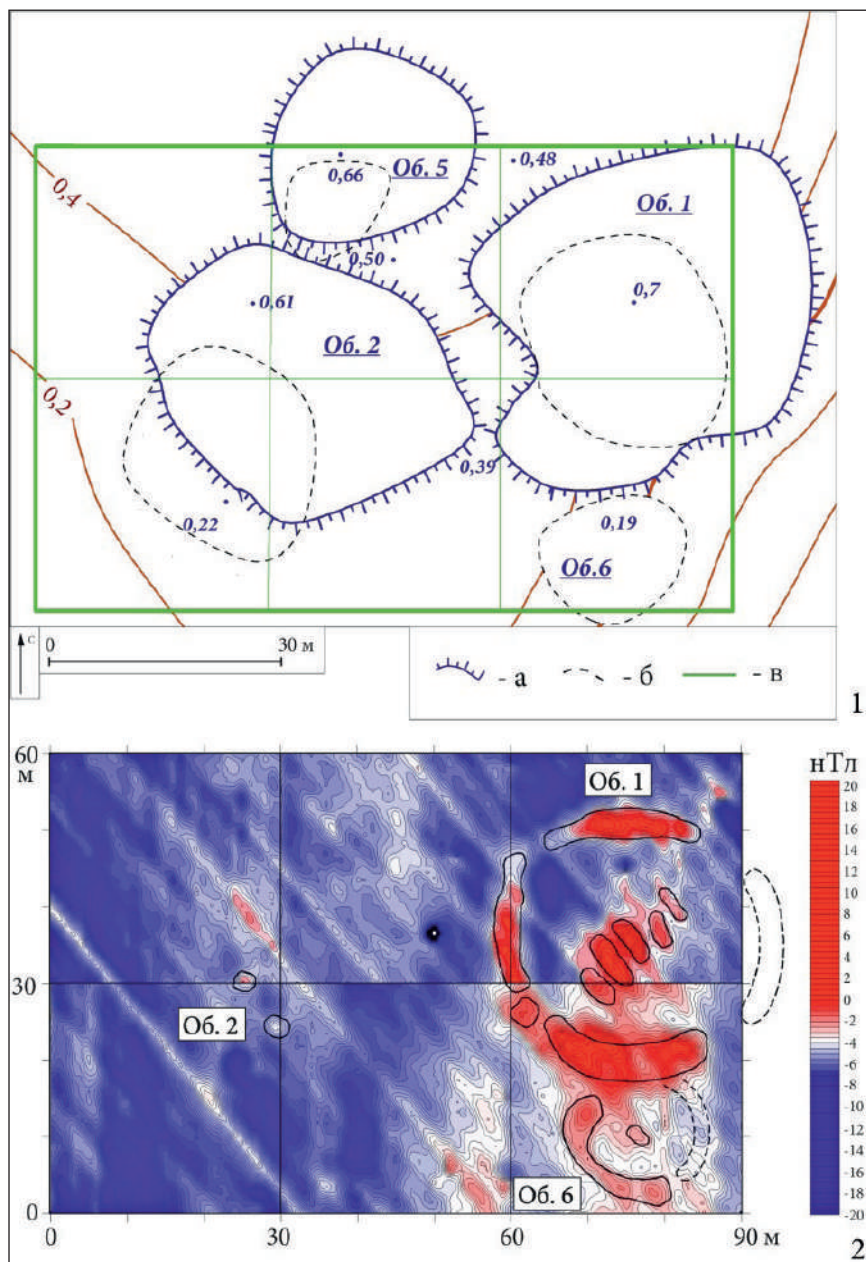

Рис. 3. Курганный могильник Шипуново-3: 1 — часть топографического плана (а — контур насыпи, выраженной в рельефе, б — область желтой супеси, в — участок геомагнитной съемки); 2 — результаты интерпретации данных магнитной съемки (пунктиром показаны участки рвов, реконструированные предположительно)

Fig. 3. The burial mound Shipunovo-3 site: 1 — part of a topographic plan (a — remains of relief mound contour, b — yellow sandy loam area, c — sector of a geomagnetic survey); 2 — results of magnetic survey data interpretation (dotted line is shown ditch parts which are reconstructed presumably)

Грунтовый могильник Нечунаево-3 расположен в пойме, на высоком (6 м) распаханном останце (Марченко и др., 2024). Геофизическая съемка (общая площадь 6300 кв. м), проведенная на южном и западном участках елбана, выявила группу аномалий только в южной, наиболее возвышенной части останца. В результате археологического исследования одной из аномалий было изучено ограбленное парное погребение андроновской культуры и перекрывающая его ритуальная яма с остатками продуктов горения. В ходе поиска культурного слоя и определения его границ также были собраны отдельные находки раннескифского времени (бронзовые детали конской узды), скифского периода (железный трехлопастной наконечник) и Нового времени (русская керамическая посуда).

Группа новых памятников в правобережье Алея расположена достаточно компактно: два на краю алейской террасы в устье р. Поперечная (Поперечная-1 и 2), в 150 м друг от друга, и еще один (Поперечная-3) в пойме на останце, в 3,3 км к северу от грунтового могильника Поперечная-1.

Грунтовый могильник Поперечная-1 находится в устье одноименной реки, на ее правом берегу, в 3,5 км к юго-востоку от русла р. Алей. Памятник первоначально выявлен по аварийному погребению эпохи поздней бронзы, обнаруженному в колее грунтовой дороги. По ряду характеристик это захоронение сопоставимо с традициями ритуальной практики карасукской культуры Южной Сибири. По итогам магнитной съемки (общая площадь 3600 кв. м) в разных частях участка были выявлены аномалии округлой и овальной формы, не образующие какой-либо системы. Проверка части из них показала, что они связаны с ритуальными сооружениями эпохи бронзы (в т.ч. елунинской культуры). Основные находки из этих ям представлены нижними челюстями мелкого и крупного рогатого скота, а также развалами и отдельными фрагментами керамических сосудов.

Одиночный курган Поперечная-2 расположен на краю террасы, имеет овально-вытянутую по линии СВ–ЮЗ форму, его размеры составляют 18,5×13,5 м, высота — 0,6 м. Участок магнитной съемки, общей площадью 1050 кв. м, включал курган и часть пространства, прилегающего к нему с севера. Аномалий, сопоставимых с погребениями, в центре кургана не выявлено. Однако нельзя исключить, что захоронения могли быть совершены на древней поверхности или в ямах, не перерезающих материк. Такая традиция известна по материалам эпохи поздней бронзы и переходного от бронзы к железу времени (напр., Матвеев, 1993, с. 90–92; Папин, 2021, с. 51). Выборочное археологическое исследование некоторых аномалий за пределами кургана подтвердило наличие здесь ям. В одной из них был найден каменный скол со шлифованного оружия. Назначение и возраст этих объектов пока остается неясным.

Грунтовый могильник Поперечная-3 расположен на останце, вытянутом по линии СЗ–ЮВ. В центральной части елбана имеется небольшое понижение, которое фактически разделяет его на западную и восточную части. Поверхность неровная и сильно изменена в результате техногенной деятельности (частично сняты почвенный и подстилающий слои).

Первоначально памятник был обнаружен по выбросу из норы костей человека и фрагментов керамики андроновской культуры (рис. 2.-2). По итогам магнитной съем-

ки, выполненной в западной части елбана (общая площадь 2700 кв. м), выявлены аномалии, сопоставимые по форме и размерам с археологическими объектами. В результате проверки одной из них было полностью исследовано андроновское захоронение.

Для выявления границ памятника перспективным представляется продолжение археолого-геофизических работ как в западной, так и в восточной частях елбана.

Заключение

Картирование памятников археологии выявило, что долина Алея исследована неравномерно. Выделяются несколько скоплений и лакун, что связано со степенью изученности региона. В результате трехгодичных разведок (2023–2025 гг.) на участке долины нижнего течения р. Алей было обнаружено семь новых памятников, в том числе с культурным слоем эпохи бронзы. Целенаправленный поиск проводился с учетом истории археологического изучения долины Алея, а также данных топографии и космоснимков. На этой основе был намечен план полевого обследования перспективных участков с последующей геомагнитной съемкой и выборочной археологической проверкой выявленных аномалий. Проведенные исследования доказали, что такой подход позволяет в короткие сроки выявлять археологические памятники, определять их состав, границы и культурно-хронологическую принадлежность.

Достоверно больше всего выявлено грунтовых погребальных памятников андроновской культуры — Нечунаево-3, Поперечная-3 и Хлопуново-4. При этом, судя по магнитной карте, протяженность и плотность объектов на последнем памятнике наиболее значительная. Культурный слой эпохи ранней бронзы (елунинская культура) выявлен на двух памятниках — Поперечная-1 (ритуальные ямы) и Мякотное-1. Эпоха поздней бронзы представлена захоронением карасукской культуры на грунтовом могильнике Поперечная-1. Таким образом, удалось несколько уменьшить «лакуну» в археологической карте эпохи бронзы в долине Алея.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Состояние курганных захоронений в Усть-Калманском, Локтевском и Шипуновском районах Алтайского края (итоги мониторинга) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Вып. 17. Барнаул : АлтГПУ, 2022. С. 84–88.

Григорьев Е.В. К археологической карте Шипуновского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 85–88.

Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Особенности погребального обряда андроновского населения в контактной зоне Северо-Западного Алтая (по материалам могильника Сигнал-1) // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. 2020. № 64. С. 157–167.

Демин М.А. Алексей Павлович Уманский: путь в науку. Барнаул : АлтГПУ, 2018. 402 с.

Демин М.А., Запрудский С.С., Ситников С.М. Андроновские украшения Гилевско-го археологического микрорайона. Барнаул : АлтГПУ, 2011. 128 с.

Демин М.А., Ситников С.М. Кинжал эпохи поздней бронзы из Третьяковского района Алтайского края // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 27–29.

Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Ч. 1. Барнаул : АлтГПУ, 2007. 274 с.

Зими́на В.М., Адаменко О.М. Новый памятник культуры эпохи бронзы у с. Ново-Александровка // Известия СО АН СССР. 1963. № 9. Сер.: Общественные науки. Вып. 3. С. 53–59.

Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б. К методике поиска археологических памятников эпохи энеолита и бронзы на Алтае // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул : Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, Изд-во Алт. ун-та, 1983. С. 146–152.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е. Новые находки металлических изделий из Шипуновского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 81–88.

Кирюшин Ю.Ф., Ключкин Г.А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 73–117.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. I. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 288 с.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 108 с.

Кунгуров А.Л., Гончаров А.В. К археологической карте Рудного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII. Барнаул : АлтГПУ, 2003. С. 81–86.

Марченко Ж.В., Грушин С.П., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Евменов Н.Д. Археолого-геофизические исследования на новом грунтовом могильнике Нечунаево-3 в Алейской степи // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXX. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. С. 575–581.

Матвеев А.В. Ирменская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : Изд-во Новосиба. ун-та, 1993. 182 с.

Могильников В.А. Памятники андроновской культуры на Верхнем Алее // Древняя история Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 155–159.

Могильников В.А. Локализация памятников эпохи бронзы в Верхнем Алее // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1983. С. 67–70.

Могильников В.А. Андроновские курганы Гилево VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VIII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 104–108.

Папин Д.В. Особенности погребальной практики населения лесостепного Алтая в переходное время от бронзы к железу // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 46–55.

Позднякова О.А., Балков Е.В., Дядьков П.Г., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Евменов Н.Д. Комплексные геофизические исследования курганного могильника Новая Курья 1

(Кулундинская степь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49, вып. 4. С. 69–79.

Савко И.А. История археологических исследований в зоне строительства Гилевского водохранилища в 1970-е гг. // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Барнаул : АлтГПУ, 2019. С. 116–122.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул : АлтГПУ, 2015. 252 с.

Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Памятники археологии Рубцовского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 149–156.

Тишкин А.А., Редников А.А. Археолого-геофизические исследования на территории памятника «Советский Путь-1, поселение и могильник» в Алтайском крае // Археология и геоинформатика. М. : ИА РАН, 2019. С. 96–97.

Уманский А.П. Археологические памятники долины Алея // Проблемам бассейна Алея — комплексное решение. Ч. 1. Барнаул : б.и., 1976. С. 14–17.

Уманский А.П. Андроновская могила на Елбане близ Нечунаево // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. II. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995а. С. 61–65.

Уманский А.П. К вопросу о добыче и использовании золота на Алтае в древности // Золото Алтая: история и современность. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995б. С. 11–19.

Федорук А.С., Слюсаренко И.Ю., Фролов Я.В., Папин Д.В. Случайные находки бронзовых предметов из западных районов Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 203–206.

Флоринский В.М. Топографические сведения о курганах Западной Сибири. Томск : б.и., 1889. 72 с.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

REFERENCES

Golovchenko N.N., Telegin A.N. The State of Barrow Burials in the Ust-Kalmansky, Loktevsky and Shipunovsky Districts of the Altai Territory (monitoring results). In: Field Research in the Upper Ob Region, Priirtyshye and Altai (archaeology, ethnography, oral history and museology). Issue 17. Barnaul : AltGPU, 2022. Pp. 84–88. (*In Russ.*)

Grigorov E.V. On the Archaeological Map of the Shipunovsky District. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Region. Issue IX. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Pp. 85–88. (*In Russ.*)

Grushin S.P., Leont'eva D.S. Features of the Burial Rite of the Andronovo Population in the Contact Zone of the Northwestern Altai (based on materials from the Signal-I cemetery).

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Tomsk State University Journal. History. 2020;64:157–167. (In Russ.)

Demin M.A. Alexey Pavlovich Umansky: the Path into Science. Barnaul : AltGPU, 2018. 402 p. (In Russ.)

Demin M.A., Zaprudsky S.S., Sitnikov S.M. Andronovo Ornaments of the Gilevo Archaeological Microdistrict. Barnaul : AltGPU, 2011. 128 p. (In Russ.)

Demin M.A., Sitnikov S.M. A Dagger of the Late Bronze Age from the Tretyakovsky District of the Altai Territory. In: Northern Eurasia in the Bronze Age: Space, Time, Culture. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. Pp. 27–29. (In Russ.)

Demin M.A., Sitnikov S.M. Materials of the Gilevo Archaeological Expedition. Part 1. Barnaul : AltGPU, 2007. 274 p. (In Russ.)

Zimina V.M., Adamenko O.M. A New Site of Bronze Age Culture near the Village of Novo-Aleksandrovka. *Izvestiya SO AN SSSR. Ser.: Obshchestvennye nauki = Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Social Sciences.* 1963;9(3):53–59. (In Russ.)

Kiryushin Yu.F., Abdulganeev M.T., Shamshin A.B. On the Methodology of Searching for Archaeological Sites of the Eneolithic and Bronze Ages in Altai. In: The Use of Methods of the Natural and Exact Sciences in the Study of the Ancient History of Western Siberia. Barnaul : Izd-vo IIFiF SO AN SSSR, Izd-vo Alt. un-ta, 1983. Pp. 146–152. (In Russ.)

Kiryushin Yu.F., Ivanov G.E. New Finds of Metal Objects from the Shipunovsky District. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue VII. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 81–88. (In Russ.)

Kiryushin Yu.F., Klyukin G.A. Neolithic and Bronze Age sites of the Southwestern Altai. In: Altai in the Stone and Early Metal Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1985. Pp. 73–117. (In Russ.)

Kiryushin Yu.F., Maloletko A.M., Tishkin A.A. Berezovaya Luka — a Bronze Age Settlement in the Aleysk Steppe. Vol. I. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 288 p. (In Russ.)

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk O.A. The Andronovo Culture in Altai (based on burial complexes). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015. 108 p. (In Russ.)

Kungurov A.L., Goncharov A.V. On the Archaeological Map of Rudny Altai. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue XIII. Barnaul : AltGPU, 2003. Pp. 81–86. (In Russ.)

Marchenko Zh.V., Grushin S.P., Grishin A.E., Pozdnyakova O.A., Evmenov N.D. Archaeological and Geophysical Studies at the New Flat Cemetery Nechunaevo-3 in the Aleysk Steppe. In: Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXX. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2024. Pp. 575–581. (In Russ.)

Matveev A.V. Irmens Culture of the Novosibirsk Ob Forest-Steppe. Novosibirsk : Izd-vo Novosib. un-ta, 1993. 182 p. (In Russ.)

Mogilnikov V.A. Sites of the Andronovo Culture in the Upper Aley Region. In: Ancient History of Altai. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1980. Pp. 155–159. (In Russ.)

Mogilnikov V.A. Localization of Bronze Age Sites in the Upper Aley region. In: The Use of Methods of the Natural and Exact Sciences in the Study of the Ancient History of Western Siberia. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1983. Pp. 67–70. (In Russ.)

Mogilnikov V.A. Andronovo Barrows Gilevo VI. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue VIII. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1997. Pp. 104–108. (*In Russ.*)

Papin D.V. Features of burial practice of the Altai forest-steppe people during Transition Period from Bronze to Iron Ages. *Narody i religii Evrazii = Peoples and Religions of Eurasia*. 2021;26(4):46–55. (*In Russ.*)

Pozdnyakova O.A., Balkov E.V., Dyad'kov P.G., Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Evmenov N.D. Complex Geophysical Studies of the Barrow Cemetery Novaya Kurya 1 (Kulunda steppe). *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2021;49(4):69–79. (*In Russ.*)

Savko I.A. The History of Archaeological Research in the Zone of Construction of the Gilevo Reservoir in the 1970s. In: Field Research in the Upper Ob Region, Priirtyshye and Altai (archaeology, ethnography, oral history and museology). Barnaul : AltGPU, 2019. Pp. 116–122. (*In Russ.*)

Sitnikov S.M. The Culture of the Sargary-Alekseevka Population of the Forest-Steppe and Seppe Altai. Barnaul : AltGPU, 2015. 252 p. (*In Russ.*)

Tishkin A.A., Kiryushin Yu.F., Kazakov A.A. Archaeological Sites of the Rubtsovsky District. In: Monuments of History and Culture of the South-Western Districts of the Altai Territory. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 149–156. (*In Russ.*)

Tishkin A.A., Rednikov A.A. Archaeological and Geophysical Studies at the Site “Sovetsky Put’-1, Settlement and Cemetery” in the Altai Territory. In: Archaeology and Geoinformatics. Moscow : IA RAN, 2019. Pp. 96–97. (*In Russ.*)

Umansky A.P. Archaeological Sites of the Aley Valley. In: The Problems of the Aley Basin — a Comprehensive Solution. Part I. Barnaul : b.i., 1976. Pp. 14–17. (*In Russ.*)

Umansky A.P. An Andronovo Grave at Elban near Nechunaevo. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue V. Part II. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1995a. Pp. 61–65. (*In Russ.*)

Umansky A.P. On Gold Mining and Use in Ancient Altai. In: Gold of Altai: History and Modernity. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1995b. Pp. 11–19. (*In Russ.*)

Fedoruk A.S., Slyusarenko I.Yu., Frolov Ya.V., Papin D.V. Accidental Finds of Bronze Items from the Western Districts of the Altai Territory. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue XXI. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015. Pp. 203–206. (*In Russ.*)

Florinsky V.M. Topographical Information about the Barrows of Western Siberia. Tomsk : b.i., 1889. 72 p. (*In Russ.*)

Shulga P.I. The Scythian Period Burial Ground Lokot-4a. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 204 p. (*In Russ.*)

Shulga P.I., Umansky A.P., Mogilnikov V.A. The Novotroitskiy Necropolis. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2009. 329 p. (*In Russ.*)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTIONS OF THE AUTHORS

Марченко Ж.В.: идея проекта и статьи, организация и общее руководство экспедициями, участие в проведении геофизических работ, проведение археологических ра-

бот и обработка археологического материала, написание статьи, научное редактирование текста.

Z.V. Marchenko: idea of project and the article, organization and leadership expeditions, participation in geophysical works, realization of archaeological works and scientific analysis of archeological materials, writing the article, scientific editing of the text.

Грушин С.П.: идея проекта, соруководство экспедициями, участие в проведении археологических и геофизических работ, обработка археологического материала, научное редактирование текста.

S.P. Grushin: idea of project, co-leadership expeditions, participation in archaeological and geophysical works, scientific analysis of archeological materials, scientific editing of the text.

Гришин А.Е.: идея проекта, участие в проведении геофизических работ, организация и проведение археологических работ, обработка археологического материала, написание статьи, научное редактирование текста, подготовка иллюстрации.

A.E. Grishin: idea of project, participation in geophysical works, organization and realization of archaeological works, scientific analysis of archeological materials, writing the article, scientific editing of the text, creating the illustration.

Позднякова О.А.: идея проекта, организация и проведение геофизических работ, интерпретация данных магнитной съемки, написание статьи, научное редактирование текста.

O.A. Pozdnyakova: idea of project, organization and realization geophysical works, interpretation of magnetic survey data, writing the article, scientific editing of the text.

Кулешов Д.А.: сбор и обработка данных магнитной съемки.

D.A. Kuleshov: collection and processing of magnetic survey data.

Вальков И.А.: участие в проведении археологических работ, научное и техническое редактирование текста.

I.A. Valkov: participation in archaeological works, scientific and technical editing of the text.

Евменов Н.Д.: сбор и обработка данных магнитной съемки.

N.D. Evmenov: collection and processing of magnetic survey data.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Марченко Жанна Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Zhanna V. Marchenko, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Palaeometal Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia.

Грушин Сергей Петрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия; старший научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Sergey P. Grushin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of the Altai State University, Barnaul,

Russia; Senior Researcher of the Palaeometal Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia.

Гришин Артем Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Artem E. Grishin, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Palaeometal Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia.

Позднякова Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Olga A. Pozdnyakova, Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Palaeometal Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia.

Кулешов Дмитрий Александрович, научный сотрудник лаборатории естественных геофизических полей Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН, Новосибирск, Россия.

Dmitriy A. Kuleshov, Researcher of the Laboratory of Natural Geophysical Fields of the Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS, Novosibirsk, Russia.

Вальков Иван Александрович, младший научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия; старший инженер лаборатории археологии Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия.

Ivan A. Valkov, Young Researcher of the Palaeometal Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia; Engineer of the Institute of Human Ecology Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS, Kemerovo, Russia.

Евменов Николай Денисович, младший научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия; научный сотрудник лаборатории естественных геофизических полей Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН, Новосибирск, Россия.

Nikolay D. Evmenov, Young Researcher of the Palaeometal Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia; Researcher of the Laboratory of Natural Geophysical Fields of the Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS, Novosibirsk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 10.10.2025;
одобрена после рецензирования 08.11.2025;
принята к публикации 24.11.2025.
The article was submitted 10.10.2025;
approved after reviewing 08.11.2025;
accepted for publication 24.11.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 903.02(571.151):930.24

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-07)

EDN: OCLAYQ

КЕРАМИКА И ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Надежда Федоровна Степанова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
nstepanova10@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>

Резюме. В статье представлены результаты изучения афанасьевской керамики из Горного Алтая и Среднего Енисея, где в общей сложности найдено около 500 сосудов. Исследования проведены в рамках историко-культурного подхода. Все сосуды разделены по форме дна на изделия с острым, круглым и плоским дном. Наиболее многочисленными оказались сосуды яйцевидной формы с острым дном. Сосуды с плоским дном составляют меньшинство и различаются между собой по многим признакам (форме тулова, размерам дна, пропорциям, высоте венчиков, орнаменту). Более 70% из них похожи на обычные афанасьевские, основное отличие — наличие плоского дна. Плоскодонные изделия разделяются на несколько типов и большое число вариантов. Такое разнообразие говорит о появлении у афанасьевского населения новых форм посуды и навыков ее изготовления, которые еще не стали доминирующими. Результаты изучения керамики свидетельствуют об относительно непродолжительном промежутке времени, когда были созданы эти коллекции керамики. Сходство между афанасьевскими керамическими комплексами алтайского и енисейского локальных вариантов афанасьевской культурно-исторической общности ставит вопрос о близком по времени появления этого населения в Горном Алтае и на Енисее.

Ключевые слова: афанасьевская культура, Горный Алтай, Енисей, керамика, сосуд, орнамент, традиция, навыки, хронология

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая», проект № (FZMW-2023–0009) Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации.

Для цитирования: Степанова Н.Ф. Керамика и проблемы хронологии афанасьевской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 4. С. 118–137. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-07)

CERAMICS AND PROBLEMS OF CHRONOLOGY OF THE AFANASIEVO CULTURE

Nadezhda F. Stepanova

Altai State University, Barnaul, Russia;
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
nstepanova10@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>

Abstract. The article presents the results of the study of Afanasievo ceramics from the Altai Mountains and the Middle Yenisei, where a total of about 500 vessels were found. The research was conducted within the framework of the historical and cultural approach. All vessels are divided in the shape of the bottom

into products with a sharp, round and flat bottom. The most numerous were vessels of ovoid shape with a sharp bottom. Flat bottom vessels are a minority and differ among themselves in many features (body shape, bottom size, proportions, crown height, ornament). More than 70% of them are similar to the usual Afanasiev, the main difference is the presence of a flat bottom. Flat-bottom products are divided into several types and a large number of variants. This diversity indicates the emergence of new forms of dishes and skills in its manufacture in the Afanasyevo population, which have not yet become dominant. The results of the study of ceramics indicate a relatively short period of time when these collections of ceramics were created. The similarity between the Afanasiev ceramic complexes of Altai and Yenisei local variants of the Afanasiev cultural and historical community raises the question of the near-time appearance of this population in the Altai Mountains and the Yenisei.

Keywords: Afanasiev culture, the Altai Mountains, Middle Yenisei, ceramics, vessel, ornament, tradition, skills, chronology

Acknowledgments: the research was carried out within the framework of the project “Interdisciplinary Study of Ancient and Medieval Societies of Altai”, Project No. (FZMW-2023–0009) of the State Assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

For citation: Stepanova N.F. Ceramics and Problems of Chronology of the Afanasiev Culture. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(4):118–137. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-07)

Введение
Абсолютная хронология афанасьевской культуры основана на радиоуглеродных датах и в целом определяется с XXXI по XXV в. до н.э. Согласно этим датам енисейский вариант моложе горноалтайского (XXXI–XXIX вв. до н.э. и XXIX–XXV вв. до н.э.), а период сосуществования совпадает в течение одного века, т.е. наиболее поздние горноалтайские памятники оставлены в одно время с ранними енисейскими (Поляков, Святко, Степанова, 2019). В целом 600 лет — это достаточно долгий период и подразумевает развитие культуры и выделение этапов.

Ранее исследователи пытались на материалах афанасьевских памятников Горного Алтая выделить этапы или ранние и поздние памятники. При этом точки зрения на датировку одних и тех же памятников были противоположными (Киселев, 1951; Хлобыстина, 1975; Цыб, 1980, 1984). В настоящее время, несмотря на увеличение количества раскопанных объектов, определить признаки, на основании которых можно было бы выделить этапы в развитии афанасьевской культуры, фактически не удастся. В целом не вызывает дискуссий поздний характер таких черт, как положение погребенных на правом боку, появление курильниц, хотя по поводу датировки плоскодонной керамики мнения расходятся (Цыб, 1980, 1984; Степанова, 20126). Анализ погребального обряда афанасьевских памятников Горного Алтая установил, что положение погребенных на правом боку характерно преимущественно для женщин и детей (Степанова, 2008). В женских и детских захоронениях чаще находят и шаровидные сосуды (Степанова, 2005). Пока сложно сказать, с чем связано совпадение этих черт, но оно не противоречит предположению, что эти погребения могут быть относительно поздними.

В связи с тем, что выделение «поздних» признаков остается сложным, особый интерес представляет керамика, в частности плоскодонная, которая, по мнению ряда исследователей, относится к поздним явлениям в афанасьевской культуре. В частности, наличие разных способов крепления плоского дна у сосудов позволило высказать мнение

о заимствовании этой традиции афанасьевскими гончарами, и о том, что объекты, где найдена плоскодонная керамика, могут быть более поздними (Степанова, 2012б). Чтобы ответить на вопрос, можно ли относить плоскодонную керамику к поздним явлениям для афанасьевской культуры, необходимо провести сравнительный анализ этой группы керамики с остродонной и круглодонной посудой, выявить, относятся ли эти сосуды к гибридным формам, достаточно ли признаков, на основании которых эту группу посуды можно считать поздней для афанасьевской культуры.

Если традиция изготавливать посуду с плоским дном была заимствована или же такая керамика изготовлена не афанасьевскими гончарами, то это должно отразиться на внешнем облике сосудов, в частности, они будут более разнообразны по формам, оформлению разных деталей, орнаменту. Если это афанасьевская традиция, то должны выделиться устойчивые критерии, как для посуды яйцевидной и шаровидной формы с острым и округлым дном, и в целом плоскодонные сосуды по ряду признаков должны иметь большое сходство с обычными афанасьевскими. Подобное предположение основано на особенностях функционирования и распространения систем гончарной технологии (Бобринский, 1978, 1994, 1999, с. 48–74). Механизм адаптации к изменениям в системах технологии предполагает «встраивание» в готовом виде в используемую гончаром систему новых навыков труда. Наиболее частыми вещественными проявлениями «встраивания» являются и гибридные образования форм глиняной посуды (Бобринский, 1999, с. 53). Ранее уже отмечалось, что некоторые плоскодонные афанасьевские сосуды относятся к подобным гибридным формам, объединив типично афанасьевские и новые необычные черты (рис. 2.-1–4). Однако вопрос о том, выделяется ли плоскодонная керамика только формой дна или и по другим признакам, целенаправленно не рассматривался.

Методы и материалы

Исследования керамики выполнены в рамках историко-культурного подхода. Изучение орнамента, включающее отпечатки инструментов и реконструкцию их рабочего края, проведено с учетом разработок И.В. Калининой (Бобринский, 1978, 1999; Цетлин, 2012; Калинина, Устинова, 1990; и др.). Кроме того, использовались и другие методы, в том числе статистический, сравнительного анализа, классификации и типологии и др.

При разработке типологии были учтены результаты эксперимента, проведенного под руководством А.А. Бобринского (1999, с. 53–56). Суть эксперимента заключалась в том, что гончарам предлагалось изготовить горшки по эталону, включая незнакомые для них формы. В результате ни одному гончару не удалось полностью повторить эталон. Подобный эксперимент был проведен и И.Г. Глушковым с аналогичным результатом (Глушков, 1996, с. 322, рис. 174–178). Хотя сосуды и были похожи, но и двух одинаковых не оказалось. Разница была в пропорциях и размерах, различался угол между венчиком и туловом и т.д. В целом между изделиями разница была такой, что археологи в подобных случаях нередко выделяют типы керамики. В связи с этим при разработке типологии керамики необходимо учитывать наиболее устойчивые признаки, характеризующие комплекс. Для афанасьевских сосудов четко выделяются характерные признаки по форме дна (острое, округлое), тулова (яйцевидное, шаровидное), про-

порциям (соотношение расстояния от венчика (шейки) до самой раздутой части тулова к общей высоте сосуда).

Установлено, что ряд признаков, например оформление венчика, имеют второстепенный характер для разработки типологии афанасьевской керамики, несмотря на то что в их оформлении прослеживаются четкие и устойчивые традиции. Срез венчика бывает прямым или скругленным (рис. 1.-28), но одинаково характерен для остродонных и круглодонных, шаровидных и яйцевидных сосудов, не зависит от формы и размеров изделий и одинаков для посуды из погребений и поселений. Особенности в оформлении среза венчиков связаны с устойчивыми навыками их изготовления, которые сохранялись на всей территории Горного Алтая и характерны для большинства изделий с Енисея. Исследователи неоднократно обращали внимание на высоту венчика (Хлобыстина, 1975; Лазаретов, 2017). Значимость этого признака не вызывает сомнений, в частности, это одна из черт, отличающая алтайские и енисейские сосуды. Тем не менее установлено, что высота венчика не зависит от высоты и формы сосуда. У изделий из Горного Алтая она колеблется от 1,2 до 2,5 см, преимущественно 1,2–2,0 см (87%). Сосуды с венчиками выше 3 см или ниже 1 см единичны и, как правило, имеют и другие особенности, связанные с формой или орнаментом (Погожева и др., 2006, с. 131, табл. 5). В связи с тем, что оформление среза венчика одинаково для разных форм афанасьевских сосудов, оно не может быть использовано при разработке типологии и классификации керамики, но является одним из индикаторов культурной принадлежности сосудов. Необычные черты в оформлении венчиков заслуживают особого внимания, поэтому сосуды могут быть указаны в большинстве случаев при выделении типов изделий как отдельные варианты или отмечены как изделия с индивидуальными особенностями. Вопрос о том, с чем связаны различия в оформлении венчиков, включая их высоту, в данной работе не рассматривается, так как это отдельная тема.

В целом учтено более 170 афанасьевских сосудов из погребальных комплексов Горного Алтая и более 320 с Енисея. К сожалению, часть сосудов представлена отдельными фрагментами, о других нет достаточной информации.

Результаты изучения

Из-за специфики форм афанасьевских сосудов при разработке типологии у исследователей нет особых расхождений. Сосуды традиционно подразделяются на остродонные, круглодонные и плоскодонные, на яйцевидные и шаровидные. Как отдельный тип рассматриваются вазочки-курильницы (Цыб, 1984; Степанова, 2023).

Афанасьевские сосуды из Горного Алтая

Данные о формах есть по 122 целым или практически полностью реконструированным сосудам из погребальных комплексов Горного Алтая. Информация о части изделий получена только из публикаций, однако основные признаки учесть оказалось возможным. Предварительный анализ форм показал, что значимыми признаками являются форма дна и тулова в целом, пропорции изделий, в первую очередь расстояние от венчика до самой раздутой части тулова сосуда, которая расположена в пределах от 1/3 до 1/2 общей высоты сосуда (Погожева и др., 2006, табл. 3–5). Отмечено, что у сосудов с яйцевидным туловом дно может быть приостренным, округлым и в отдельных случа-

ях уплощенным (приплюснутым). Шаровидные сосуды различаются по оформлению дна: они имеют не только округлое или уплощенное дно, но приостренное и острое.

Изучение форм и размеров сосудов выявило, что разница между диаметром венчика и тулова у сосудов яйцевидной формы, как правило, составляет 2–3 см. Отклонения достаточно редки, и сосуды с иным соотношением выделяются и выглядят необычными, например те, у которых диаметр венчика и тулова почти одинаков. Для сосудов шаровидной формы разница между диаметрами венчика и тулова варьирует и в большинстве случаев составляет от 5 до 15 см. Нельзя не отметить, что очень крупные изделия из могильника Урускин Лог-1 имеют относительно небольшие диаметры венчика (Погожева и др., 2006, рис. 32; 41). В целом, несмотря на разницу размеров и форм шаровидных и яйцевидных сосудов, между диаметрами венчиков существенной разницы нет.

Как правило, к числу значимых признаков относятся угол между венчиком и плечом сосуда, профиль венчика. Однако у афанасьевских сосудов четких закономерностей или зависимости между вышеотмеченным углом и другими чертами не прослеживается, за исключением корчаг, где угол между венчиком и плечом составляет около 90° и всегда предполагает шаровидную форму изделия. Необходимо подчеркнуть, что форма и пропорции афанасьевских сосудов не зависят от их размеров.

Итак, по форме дна сосуды разделены на остродонные, круглодонные, плоскодонные, по форме тулова — на яйцевидные и шаровидные. Вазочки-курильницы в данной работе не рассматриваются.

Группа 1. Остродонные.

Учтено 87 экземпляров (71%). Выделено два типа.

Тип 1. Яйцевидной формы. 71 экземпляр (58%). Выделяется несколько вариантов.

Вариант 1. Расстояние от венчика до самой раздутой части тулова сосуда находится в пределах от 1/2 до 1/3 общей высоты сосуда. Высота венчика 1,5–2,0 см. 56 экземпляров (Нижний Тюмечин-1, огр. 6, 13, Первый Межелик-1, огр. 6/1 и др.) (рис. 1.-1–8).

Вариант 2. Пропорции сосудов аналогичны изделиям предыдущего варианта, но отличаются высотой венчика — около 4 см. Высота этих сосудов, как правило, выше 23 см, что необычно для изделий из погребальных комплексов. Шесть экземпляров (Ело-1, огр. 4, Бике-II, к. 2, Бойтыгем-1, к. 1 и др.) (рис. 1.-9).

Вариант 3. Наибольший диаметр тулова находится выше, чем у двух предыдущих вариантов сосудов. Расстояние от венчика до самой раздутой части тулова сосуда не более 1/3–1/4 от общей высоты сосуда. Высота венчика 1,2–2,0 см. Три экземпляра (Бертек-33, к. 2, Бойтыгем-2, к. 9, Нижний Тюмечин-1, огр. 7) (рис. 1.-10, 11). Они ближе других к сосудам с Енисея.

Вариант 4. Расстояние от венчика до самой раздутой части тулова сосуда находится в пределах от 1/2 до 1/3 общей высоты сосуда. Высота венчика ок. 2 см. В отличие от изделий предыдущих вариантов имеют более слабо выраженный переход от самой раздутой части тулова к шейке и венчику. Диаметры венчика и тулова близки. Эти сосуды, помимо внешнего сходства, объединяет и то, что у них тонкие стенки. Четыре экземпляра (Усть-Кулом, п. 14, Кара-Коба-1, огр. 7, Первый Межелик-1, огр. 2, Сальдя-1, о. 18) (рис. 1.-12–14).

Вариант 5. От сосудов варианта 4 их отличает низкий венчик (0,5–1,0 см) и приплюснутое или уплощенное дно диаметром около 2,5 см. Два экземпляра (Кара-Коба-1, о. 10, Сальдьяр-1, о. 17) (рис. 1.-15–16).

Сосуд из Кара-Кобы-1 изготовлен следующим способом: дно было вставлено в полое тело изнутри. Дно готового, но еще влажного сосуда намеренно деформировали и превратили из острого в уплощенно-приплюснутое.

Тип 2. Шаровидной формы. 16 экземпляров (Первый Межелик-1, огр. 6/2, 10, Бойтыгем-2, к. 7, 9, Чемал-3, к. 4, Чепош-3, к. 2, Урускин Лог-1, к. 1, Бойтыгем-2, к. 9 и др.) (рис. 1.-17–20).

Группа 2. С круглым дном.

Учтено 23 экземпляра. О двух сосудах известно только, что они были круглодонными (Сальдьяр-1, огр. 30 и Семисерт-7, к. 2).

Тип 1. Шаровидные. Основное их различие состоит в соотношении диаметров венчика и тулова.

Вариант 1. Диаметр венчика значительно меньше диаметра тулова (от 5 до 15 см). 13 экземпляров (Ело-Баши, огр. 1, Урускин Лог-1, огр. 2, к. 1, 3 и др.) (рис. 1.-21–23).

Вариант 2. Разница между диаметром венчика и тулова составляет 3–4 см. Четыре экземпляра (Кара-Коба-1, огр. 10, Сальдьяр-1, о. 34, Первый Межелик-1, огр. 9, Кызык-Глань-1, к. 33) (рис. 1.-24–26).

Вариант 3. По разнице между диаметрами венчика и тулова близки к изделиям варианта 2, но имеют «раздутое», но вытянутое тулово. Два экземпляра (Нижний Тюмечин-1, огр. 10 и Сальдьяр-1, огр. 8) (рис. 1.-27).

Вариант 4. Диаметр тулова близок к диаметру венчика (разница меньше 1,5 см). Два экземпляра (Кара-Коба-1, огр. 1).

Группа 3. Плоскодонные.

Учтено 12 экземпляров (10%), но из них о двух сосудах (Сальдьяр-1, к. 9 и Урускин Лог-2, к. 3) известно только то, что у них было плоское дно. Разделены на три типа, два из которых по своим параметрам в целом могут быть отнесены к горшкам или горшковидным изделиям, а третий — к баночным.

Тип 1. Горшковидной формы. Диаметр дна больше диаметра тулова в месте их соединения. Из-за этой особенности изделия этого типа часто называют сосудами «на поддоне». Три из них происходят из одного микрорайона. Четыре экземпляра (Нижний Тюмечин-1, огр. 10, 14, Кара-Коба-1, огр. 8, Кор-Кобы, к. 9) (рис. 2.-1–4).

Отметим, что сосуд из Кара-Кобы-1, огр. 8 происходит из погребения с признаками куротинского типа.

Тип 2. Горшковидной формы. Место соединения дна и тулова не выражено, заглажено. Два сосуда имеют ушки или ушко (Сальдьяр-1, к. 29 и Урускин Лог-1). У сосуда из Сальдьяра-1, к. 29 обломан венчик. Пять экземпляров (Сальдьяр-1, к. 29,37, Усть-Куюм, о. 18 (раскопки Е.М. Берс), Урускин Лог-1). Близок к ним плоскодонный сосуд с ушками из устья р. Куюм, найденный вне погребения (рис. 2.-5–8).

Тип 3. Баночного типа. С плоским дном, прямыми стенками и наделом-ушком без отверстия. В отличие от обычной банки высота сосуда в 2 раза меньше диаметра дна. Один экземпляр (Ело-Баши, огр. 5) (рис. 2.-13).

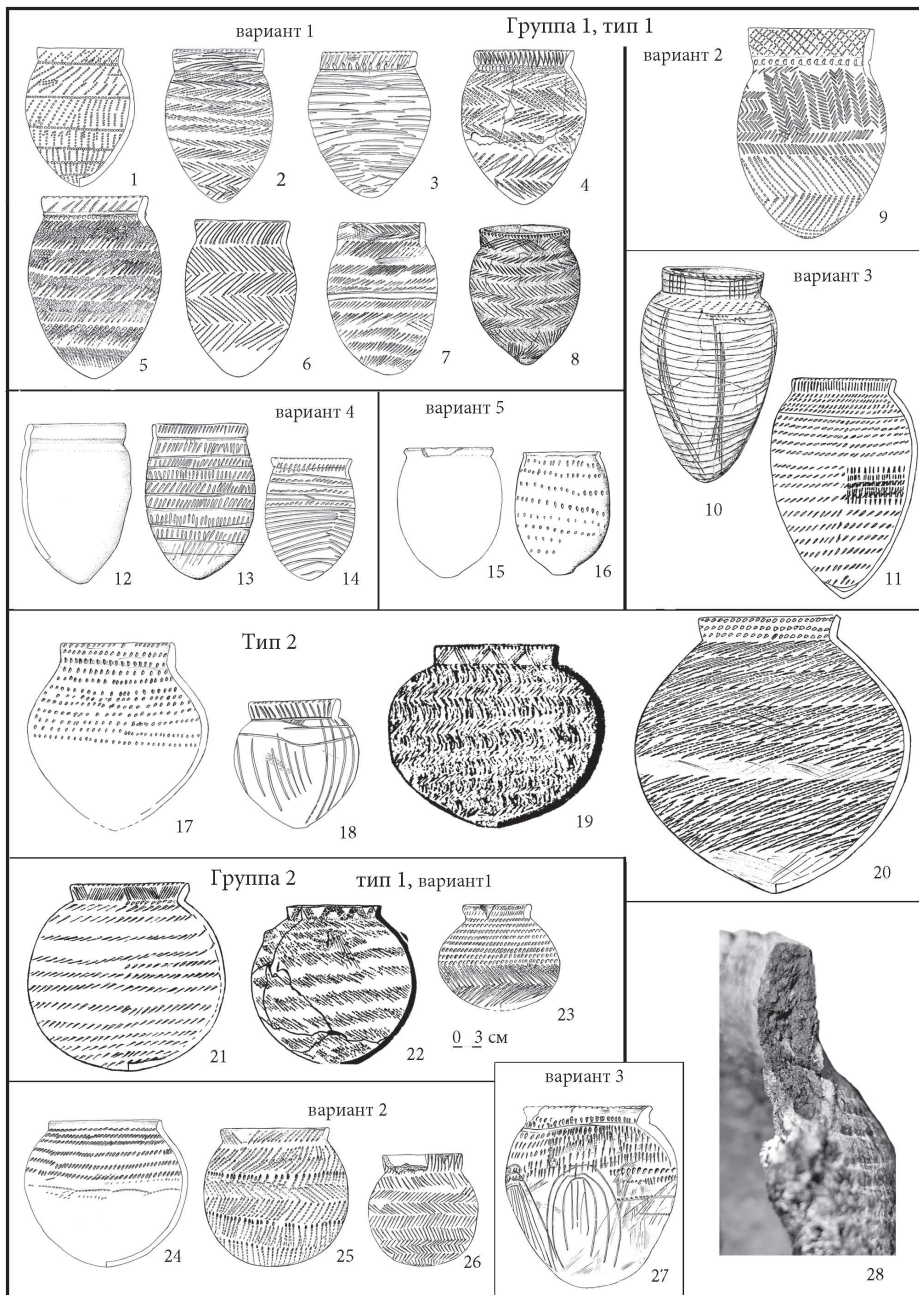

Рис. 1. Афанасьевские сосуды из Горного Алтая: 1–11 — с острым дном яйцевидной формы; 21–23 — с острым дном шаровидной формы; 21–27 — с круглым дном шаровидной формы; 28 — профиль венчика. По: (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014) (1–27)

Fig. 1. Afanasievo vessels from the Altai Mountains: 1–11 — with an egg-shaped pointed bottom; 21–23 — with a spherical pointed bottom; 21–27 — with a spherical round bottom; 28 — profile of the rim. By: (Vadetskaya, Polyakov, Stepanova), 2014 (1–27)

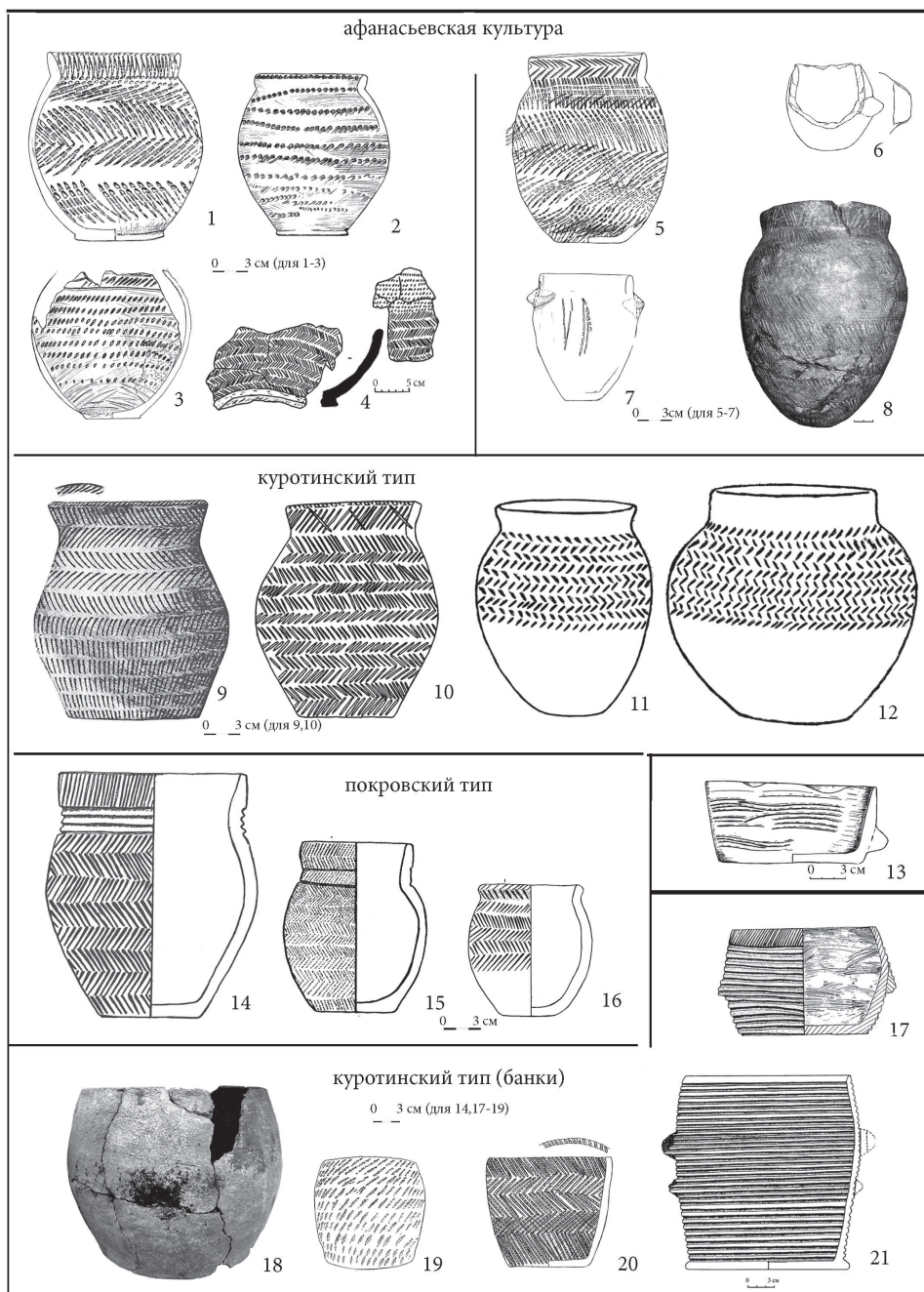

Рис. 2. Плоскодонная керамика из Горного Алтая: 1–8, 13 — афанасьевской культуры; 9–12, 17–21 — куротинского типа; 14–16 — покровского типа. По: (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014)
 Fig. 2. Flat-bottomed ceramics from the Altai Mountains: 1–8, 13 — Afanasievo culture; 9–12, 17–21 — Kurotinsky type, 14–16 — Pokrovsky type. By: (Vadetskaya, Polyakov, Stepanova, 2014)

Несмотря на малочисленность плоскодонных сосудов, они подразделяется на три типа. В первую очередь их различает оформление дна. Здесь можно говорить о разных традициях их изготовления. Вероятнее всего, у гончаров появился образец с плоским дном, которое они пытались воспроизвести. Три сосуда типа 1 различаются между собой высотой венчика, орнаментом, но необычное оформление дна свидетельствует об одной группе гончаров и о попытке изготавливать плоское дно. По обработке поверхности, обжигу три сосуда типа 1 (об одном информация имеется только в публикации) не отличаются от афанасьевских. Один из них, из Н. Тюмечина-1, входит в серию изделий, изготовленных одной группой мастеров (рис. 1.-4; 2.-1). Два других сосуда орнаментированы необычно для афанасьевских.

Дно у изделий второго типа прикреплено иначе, место соединения дна и тулова выровнено и заглажено. Сосуды различаются между собой: два из них украшены качалкой, а два — практически не орнаментированы, но имеют ушки, что необычно для афанасьевской керамики. В целом сосуды 1-го и 2-го типа, наряду с необычными чертами, имеют признаки, характерные для афанасьевской керамики, это не оставляет сомнений, что они изготовлены афанасьевскими гончарами. Сосуды типа 1 и два сосуда типа 2 (рис. 2.-1-5, 8) можно считать классическим вариантом изделий гибридной формы, так как наблюдается совмещение черт типично афанасьевских (оформление большей части изделия, венчика, орнамент, обжиг и др.) и новых — плоское дно.

В Горном Алтае плоскодонная посуда (горшки и банки) обнаружены в погребениях куротинского и покровского типа (рис. 2.-9-12, 14-21). В куротинских найдено четыре горшка (рис. 2.-9-12). Отметим, что, в отличие от афанасьевских, они имеют устойчивое дно, диаметр которого незначительно меньше диаметра самой раздутой части тулова, диаметр венчика близок к диаметру дна. Наиболее раздутая часть сосуда приходится на середину тулова или 1/2 от общей высоты изделия, немного ниже, чем у афанасьевских. От афанасьевских отличает и переход от шейки к тулову. Сосуд из Ело-1 заглажен иначе: нет характерных для афанасьевской керамики следов от предметов, оставляющих параллельные бороздки. Отличает орнамент — елочка, нанесенная инструментом с длиной рабочего края ок. 2 см, который глубоко вдавливали в поверхность изделия при нанесении узора.

В объектах покровского типа найдено три горшка (Шульга, 2006). Между собой они различаются по форме, пропорциям, высоте венчика. С куротинскими их сближает оформление дна. От афанасьевских отличает орнамент, в частности, использовались инструменты для нанесения узора другого типа (рис. 2.-14-16).

Плоскодонные сосуды (афанасьевские, куротинские и покровские) не составляют групп, объединенных устойчивыми признаками, как афанасьевские с острым дном. Выделяются лишь два сосуда (Ело-1, огр. 1 и Пещеркин Лог-1, к. 1), имеющих индивидуальное сходство (рис. 2.-9, 10). Если сравнить все сосуды с плоским дном, то различаются они между собой оформлением и высотой венчика, пропорциями, переходом от шейки к раздутой части тулова и по другим признакам, орнаменту. Орнамент (композиция, размеры рабочего края инструментов) сближает куротинские и покров-

ские сосуды и отличает от афанасьевских. Отсутствие признаков, объединяющих изделия в группы, говорит в пользу отсутствия единых традиций изготовления плоскодонных сосудов у афанасьевцев, в отличие от остродонных сосудов, которые очень похожи между собой.

Афанасьевские сосуды с Енисея

На Енисее найдено более 320 сосудов в погребениях, но для анализа форм оказалось возможным использовать данные о 273 изделиях. Сосуды подразделяются на яйцевидные и шаровидные с острым, округлым и плоским дном.

Группа 1. Остродонные

Учено 155 экземпляров (57%). По форме тулова выделяются два типа.

Тип 1. Яйцевидной формы. 143 экз. (52%).

Вариант 1. Расстояние от венчика до самой раздутой части тулова сосуда находится в пределах от 1/5 до 1/3 от общей высоты сосуда из могильников Карасук-III, Афанасьева Гора, Барсучиха-IV, Красный Яр-I, Сыда, Тесь и др. (рис. 3.-1-12).

Вариант 2. Расстояние от венчика до самой раздутой части тулова сосуда находится в пределах от 1/3 до 1/2 общей высоты сосуда. Четыре экземпляра из могильников Афанасьева Гора, Итколь-II, Барсучиха-IV (рис. 3.-13-16). Наиболее близки самой многочисленной серии афанасьевских сосудов из Горного Алтая.

Кроме того, выделяются сосуды по 1-3 экземпляра с необычными признаками, например с диаметром венчика незначительно меньше диаметра тулова (рис. 3.-10, 11) или с небольшим диаметром венчика по отношению к диаметру тулова (рис. 3.-12), с максимальным диаметром тулова практически сразу под венчиком (рис. 3.-17, 19), без отогнутого венчика или сосуда закрытой формы (рис. 3.-20). Некоторые из них орнаментированы необычно для афанасьевских. Как правило, для таких сосудов отмечено несколько необычных признаков, что свидетельствует также о навыках гончаров, которые не могли изготовить керамику со стандартным набором черт.

Тип 2. Шаровидной формы, Различаются расстоянием от венчика до наиболее раздутой части тулова — 1/2 до 1/4 от общей высоты изделия. Есть различия в соотношении диаметров венчика и тулова (рис. 3.-21-23). 12 экземпляров (могильники Карасук-III, Итколь-II, Сыда и др.).

Группа 2. С круглым дном.

Учен 71 экземпляр (26%) — могильники Афанасьева Гора, Барсучиха-IV, Карасук-III и др.). По форме тулова выделяются два типа.

Тип 1. Шаровидной формы. 66 экземпляров (Афанасьева Гора, Карасук-III, Красный Яр-I, Барсучиха-IV, Малиновый Лог и др.) (рис. 3.-25-31).

Различаются по расстоянию от венчика до самой раздутой части тулова от 1/4 до 1/2 от общей высоты сосуда, по соотношению диаметров венчиков и тулова, оформлению дна и придонной части.

Тип 2. Яйцевидной формы. Расстояние от венчика до самой раздутой части тулова приходится на середину высоты сосуда. Пять экземпляров (Афанасьева Гора, Малые Копены и др.) (рис. 3.-24).

Группа 3. Плоскодонные.

В общей сложности учтено 47 экземпляров (17%). Сосуды с плоским дном выявлены на 13 памятниках. Наиболее многочисленные коллекции получены с могильников Карасук-III (8 экз.) и Летник-VI (12 экз.)¹.

Тип 1. Сосуды яйцевидной формы, близкие по своим параметрам к остродонным (тип 1), включая орнамент. Различаются между собой по диаметру дна, высоте венчика, наличию ушек и другим признакам. 14 экземпляров.

Вариант 1. С вытянутым туловом, но с небольшим плоским дном (диаметром от 2–3 см), которое не могло придать устойчивость сосуду. Семь экземпляров (Итколь-II, Афанасьева Гора, Летник-VI) (рис. 4.-1, 4, 9, 12, 31, 32, 33).

Вариант 2. С вытянутым туловом, но с диаметром дна в 2–3 раза больше, чем у изделий варианта 1, но меньше диаметра венчика. Семь экземпляров (Карасук-III, Маиновый Лог) (рис. 4.-2, 3, 5, 10, 11, 30, 34).

Тип 2. Шаровидной формы, близкие по своим параметрам к афанасьевским круглодонным (тип 1). Различаются соотношением между диаметрами венчика, тулова и дна, высотой венчиков. 16 экземпляров (Карасук III, Красный Яр I, Сыда и др.) (рис. 4.-13–17).

Отметим, что некоторые шаровидные изделия имеют уплощенное дно, почти плоское, однако это следствие технологического процесса, а не целенаправленного изготовления плоского дна.

Тип 3. Горшки. 10 экз.

При визуальном осмотре и частично на рисунках видно, что дно прикреплялось по-разному. В нескольких случаях установлено, что оно изготавливалось отдельно, диаметр его был незначительно больше диаметра придонной части в месте их соединения (рис. 4.-21). В других переход от тулова ко дну не прослеживается, так как произведена дополнительная обработка и, вероятно, крепление дна произведено с внутренней стороны сосуда. Статистических данных по поводу прикрепления дна привести невозможно без дополнительных исследований.

Вариант 1. Близкие по своим параметрам к афанасьевским остродонным, а также плоскодонным типа 1, но, в отличие от них, с укороченным туловом. Три экземпляра (Пистах, Камышта, Барсучиха-IV) (рис. 4.-6–8).

Вариант 2. От предыдущего варианта отличаются соотношением диаметров венчика, тулова и дна. На рисунках дно изображено ровным и утолщенным, стенки толстые. Однако при визуальном обследовании установлено, что дно чаще неровное. Предварительное обследование показало, что у них иначе оформлены венчики, другие традиции в заглаживании. Отличаются от предыдущего варианта и необычным орнаментом. Четыре экземпляра (Карасук-III, Летник-VI, Моисеиха) (рис. 4.-18, 19, 22, 23).

Вариант 3. Диаметр дна в 2 раза меньше диаметра венчика и в 3 раза — диаметра тулова, орнамент нанесен уголкообразно лопаточки. Один экземпляр (Афанасьева Гора) (рис. 4.-20).

¹ Керамика с могильника Летник-VI включена, однако плоскодонные сосуды заметно отличаются от обычных афанасьевских не только по форме, но и обработке поверхности, орнаменту и другим признакам. Вопрос культурной принадлежности ряда погребений должен быть рассмотрен в отдельной работе, но поскольку авторы публикации отнесли их к афанасьевской культуре, сосуды в данном случае учитываются.

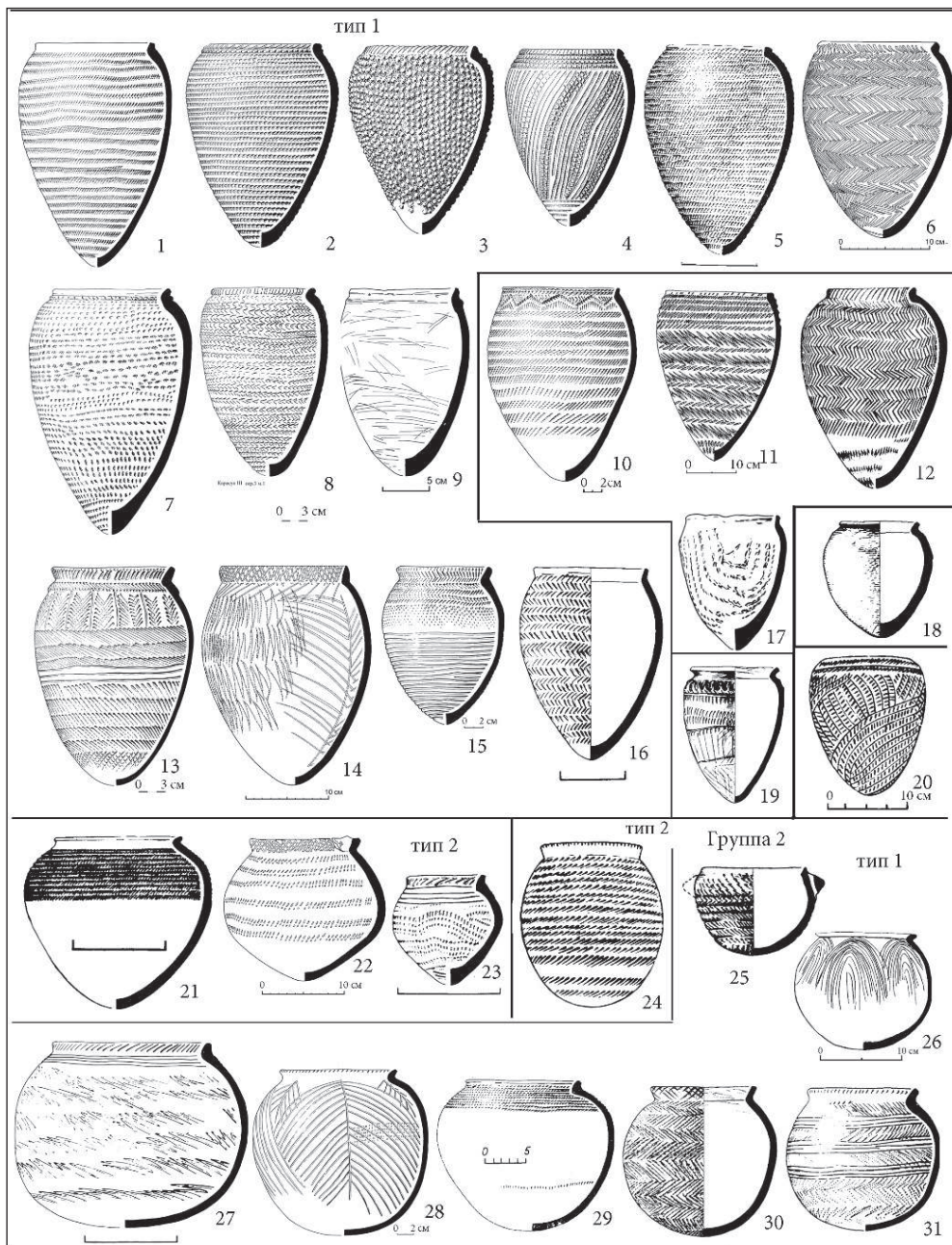

Рис. 3. Афанасьевская керамика со Среднего Енисея: 1–20 — с острым дном яйцевидной формы; 21–23 — с острым дном шаровидной формы; 24 — с круглым дном яйцевидной; 25–31 — с круглым дном шаровидной формы. По: (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014)
 Fig. 3. Afanasevskaya pottery from the Middle Yenisei: 1–20 — with a pointed bottom of an egg-shaped form; 21–23 — with a pointed bottom of a spherical form; 24 — with a round bottom of an egg-shaped; 25–31 — with a round bottom of a spherical form. By: (Vadetskaya, Polyakov, Stepanova, 2014)

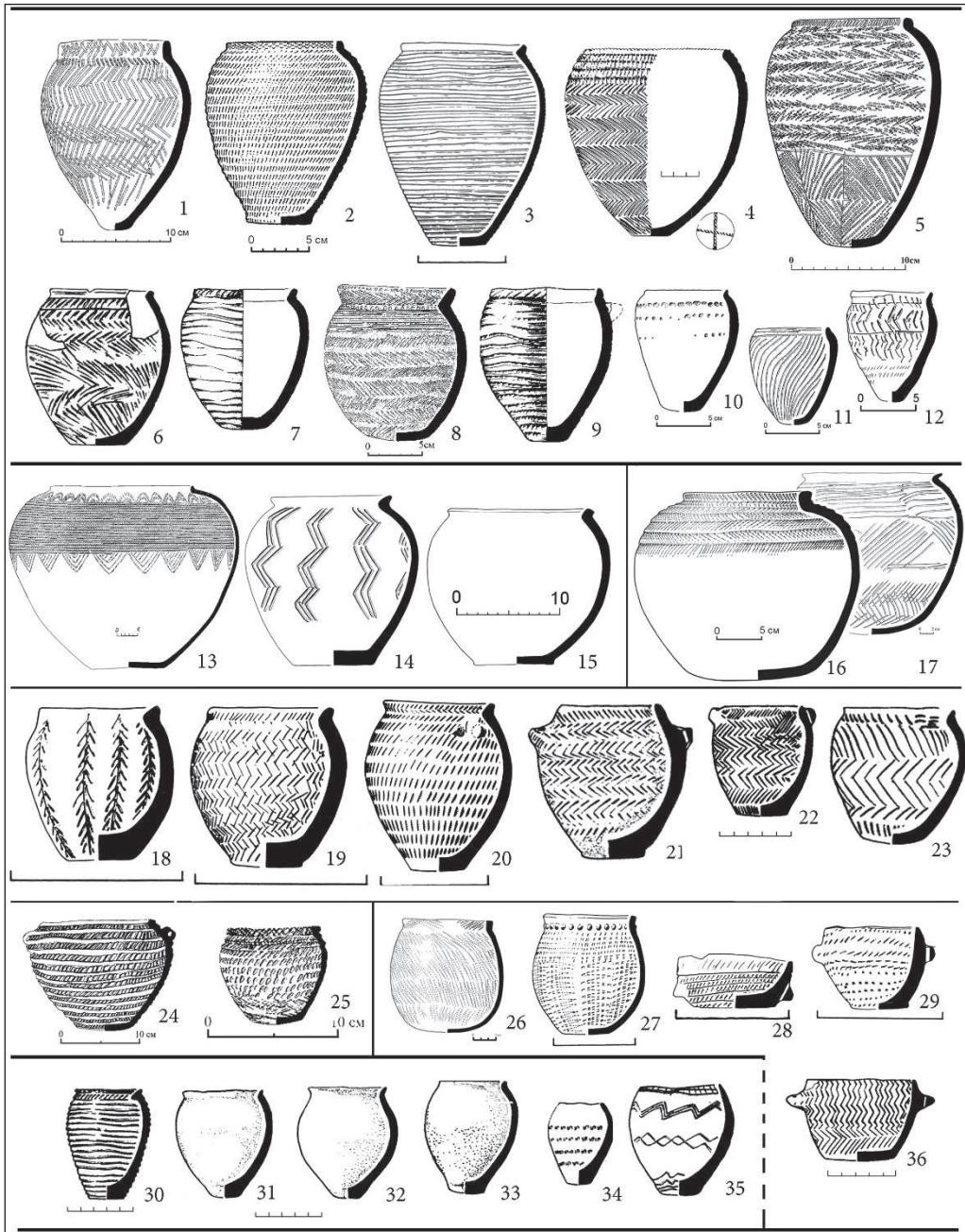

Рис. 4. Афанасьевская керамика с плоским дном со Среднего Енисея.

По: (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014) (1–8, 10–36); (Грязнов, 1990) (9)

Fig. 4. Flat-bottomed Afanasievo pottery from the Middle Yenisei.

By: (Vadetskaya, Polyakov, Stepanova, 2014) (1–8, 10–36); (Gryaznov, 1999) (9)

Вариант 4. Нет значительного различия между диаметрами венчика, тулова и дна. Два экземпляра из могильника Афанасьева Гора, м. 24 (рис. 4.-26, 27).

Тип 4. Банки. Семь экземпляров.

Вариант 1. Банки открытого типа с ушками. Два экземпляра (Карасук-III, Летник-VI) (рис. 4.-29, 36).

Вариант 2. В отличие от обычной банки высота сосуда в 2 раза меньше диаметра дна. С плоским дном, прямыми стенками и с двумя ушками с отверстием. Один экземпляр (Карасук-III) (рис. 4.-28).

Вариант 3. Банка закрытого типа. Один экземпляр (Летник-VI) (рис. 4.-35).

Вариант 4. Сосуд, близок к банкам закрытого типа, с четко выделенным дном небольшого диаметра, с крупными ушками-ручками с отверстиями. Один экземпляр (Летник-VI) (рис. 4.-21).

Вариант 5. Банки (миски) закрытого типа, напоминают афанасьевские сосуды, но с укороченным туловом и невыраженным венчиком. Два экземпляра (Моисеиха) (рис. 4.-24, 25).

Анализ форм изделий этой группы показывает, что более 70% из них близки к обычным афанасьевским, основное отличие — наличие плоского дна. Лишь несколько изделий (баночного типа) относятся к абсолютно новым формам для афанасьевской керамики. В то же время между собой плоскодонные сосуды различаются по многим признакам (форме, длине тулова, размерам дна, орнаменту и т.д.). Некоторые из них имеют ушки.

Обсуждение результатов

Как в Горном Алтае, так и на Енисее преобладают сосуды яйцевидной формы с острым дном (58% и 52%). Основное отличие афанасьевской керамики алтайского и енисейского локальных вариантов состоит в пропорциях изделий и высоте венчика. В частности, расстояние от венчика до наиболее раздутой части тулова алтайских сосудов в пределах от 1/3 до 1/2 общей высоты сосуда, енисейских — ок. 1/5–1/3 от высоты сосуда (Степанова, 2010, с. 182; 2012б, с. 189). Из остродонных яйцевидной формы учтено всего четыре изделия с Енисея, которые имеют похожие характеристики с основной алтайской серией, а в Горном Алтае три сосуда близки по своим показателям основной группе с Енисея. Для сосудов енисейского локального варианта характерны низкие венчики (до 1 см и редко выше) по сравнению с алтайскими афанасьевскими (от 1,2 до 2,5 см).

В каждом регионе большая часть яйцевидных сосудов с острым дном очень похожи между собой, их отличают незначительные детали или орнамент (рис. 1.-1–7; 3.-1–10, 16). Это свидетельствует о высоком уровне навыков гончаров в изготовлении глиняной посуды, которые создавали аналогичные изделия, что не удалось гончарам из экспериментов, проведенных А.А. Бобринским и И.Г. Глушковым (Бобринский, 1999, рис. 10, 11; Глушков, 1996, рис. 174–178). Навыки не могут быть устойчивыми, если гончар лишь от случая к случаю занимается изготовлением посуды, а афанасьевские мастера были умелыми гончарами. В то же время в коллекциях есть необычные сосуды с острым дном, которые отличаются пропорциями, оформлением венчика, орнаментом и другими признаками и явно изготовлены мастерами, не обладающими достаточными навыками в изготовлении посуды подобного типа (рис. 1.-15–16; 3.-17, 19).

На Енисее сосудов с плоским дном найдено больше, чем в Горном Алтае (17% и 10%). В коллекции енисейского варианта имеются сосуды с миниатюрными доньшками (диаметром 2–3 см) и баночного типа, а на Алтае таких изделий нет. Общее проявляется в разных приемах крепления дна сосуда к тулову. На Енисее также зафиксированы случаи, когда днище немного больше придонной части в месте их соединения, хотя это и не так ярко выражено, как на алтайских изделиях. Особое место занимают две необычных укороченных банки с ушками из Ело-Баши, огр. 5 и Карасука-III, огр. 9, сходство которых исключает случайное совпадение (рис. 2.-13; 4.-28).

Сравнительный анализ показывает, что между собой плоскодонные сосуды различаются по многим признакам (форме тулова, размерам дна, пропорциям, высоте венчиков, орнаменту). Изделия из Горного Алтая разделены на три типа, которые включают 1–5 экземпляров, а енисейские — на четыре типа, каждый из которых включает несколько вариантов с количеством 1–7 экземпляров. Это свидетельствует, что среди новых (гибридных) форм посуды не было доминирующих.

В целом плоскодонные изделия могут быть разделены на две группы: 1) афанасьевские, у которых заменено острое дно на плоское (рис. 2.-1–8; 4.-1–16), и 2) горшки и банки, отличающиеся от афанасьевских по форме, оформлению венчика, размерам дна, орнаменту и другим деталям (рис. 2.-9–12; 4.-18–36). Очевидно, что сосуды с плоским дном афанасьевские гончары начали изготавливать после того, как у них появился образец для подражания, вероятнее всего, уже на территории Горного Алтая и Енисея. В то же время сосуды с разной формой дна в некоторых случаях изготовлены одной группой мастеров, например, на могильнике Нижний Тюмечин-1 два сосуда с острым дном и один — с плоским (Степанова, 2012б) (рис. 1.-4; 2.-1).

Обобщая полученные данные, отметим, что результаты изучения плоскодонной посуды свидетельствуют о ее относительно позднем характере. Однако в настоящее время нет данных о том, как быстро появилась подобная посуда у афанасьевского населения после его проникновения в Горный Алтай и на Енисей. В то же время появление этого типа посуды свидетельствует об изменениях в жизни афанасьевского населения. Это могло быть как заимствованием новых форм посуды вследствие контактов с инокультурным населением, так и отражением других процессов, происходивших в жизни этого населения.

Анализ керамических комплексов говорит об аналогичных процессах в изготовлении и орнаментации керамики, происходивших у афанасьевцев в Горном Алтае и на Енисее. Зафиксирована одинаковая традиция в оформлении венчиков, которая, вероятно, сложилась еще до проникновения афанасьевцев в Горный Алтай и на Енисей. Ранее уже было отмечено особое сходство керамики двух регионов по ряду признаков (способы нанесения орнамента, выбор инструментов для его нанесения), баночные сосуды из Ело-Баши и Карасука-III (Степанова, 2010, 2012б). Особое значение имеют инструменты для нанесения орнамента, которые не могли сохраняться столетиями без изменений. На территории обоих регионов найдены отпечатки аналогичных орнаментов, как распространенных, так и редко встречающихся (Степанова, 2010, рис. 5). Непытному мастеру крайне сложно изготовить похожие инструменты, что подтверждено экспериментами (Волкова, 1998). Даже если мастера изготавливали похожие инструменты, а судя по оттискам на керамике, орнаментеры очень похожи (Степанова, 2012а),

то такие инструменты не могли существовать по несколько десятилетий и дольше, так как они со временем утрачивались, приходили в негодность. За длительный срок неизбежно должны накапливаться изменения в оформлении рабочего края орнаментированных, которые можно зафиксировать, а в данном случае это не прослеживается. В то же время мы наблюдаем гибридные формы афанасьевской керамики, новое в ее орнаментации (необычные инструменты, способы, мотивы), что как раз и подтверждает, что изменения в изготовлении и орнаментации керамики происходили.

Все эти общие черты не могли возникнуть случайно и не могут быть простым совпадением. Наиболее вероятное объяснение этому — близкое по времени появление групп родственного населения на территории этих регионов.

Заключение

Подводя итог, необходимо сказать, что результаты изучения афанасьевской керамики свидетельствуют о появлении новых навыков в ее изготовлении и гибридных форм посуды. Выделить этапы в развитии культуры по результатам изучения керамики по-прежнему не удастся. Отметим, что на Енисее более заметно появление новых черт на большинстве памятников. Выделяются могильники Карасук-III и Летник-VI. Сосуды с Карасука-III имеют аналогии на целом ряде памятников, что свидетельствует о связях населения (Степанова, 2013, 2020). Коллекция Летника-VI также имеет аналогии на других могильниках, но выглядит она более необычной, в том числе из-за большего количества сосудов с плоским дном, их оригинальных форм и орнамента (почти нет традиционной афанасьевской качалки) (Пшеницына, 2014). Вероятнее всего, могильник Летник-VI — один из наиболее поздних афанасьевских, исследованных в настоящее время. В Горном Алтае плоскодонная посуда также найдена на большинстве памятников (Нижний Тюмечин-1, Первый Межелик-1, Кара-Коба-1, Сальдяр-1, Усть-Куюмский могильник и др.), хотя по 1–2 сосуда. Тем не менее факт, что на большинстве погребальных комплексов зафиксированы такие сосуды, говорит о широком распространении этого явления.

На сегодняшний день сложнее всего объяснить разницу радиоуглеродных дат енисейского и алтайского вариантов афанасьевской культурно-исторической общности. Зафиксирован ряд аналогичных процессов в особенностях изготовления и орнаментации керамики, которые не могут быть случайным совпадением, но могут быть связаны с одновременным проникновением некоторых групп афанасьевцев в Горный Алтай и на Средний Енисей или с контактами населения. С накоплением новых данных хронологические рамки афанасьевской культуры будут скорректированы, и большинство памятников, с которых сейчас имеются радиоуглеродные даты, будут датированы с минимальным разрывом, так как керамические комплексы свидетельствуют о близком их сооружении, что подтверждается и данными палеогенетиков (Степанова, Поляков, 2019). Дальнейшее изучение керамики, как особого вида источников, перспективно для решения вопросов, связанных с датировкой памятников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Отражение эволюционных и миграционных процессов в особенностях древней гончарной технологии // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 14.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара : Изд-во Самарского пед. ун-та, 1999. С. 5–109.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул : Азбука, 2014. 380 с.

Волкова Е.В. Древняя глиняная посуда, изготовленная одним мастером (методика выделения и анализ) // Тверской археологический сборник. Тверь : ТГОМ, 1998. № 3. С. 135–146.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 136 с.

Калинина И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитическо-энеолитической керамики Уральского региона // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Искусство, Ленинградское 1990. С. 7–19 (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 30)

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.

Лазаретов И.П. К относительной хронологии афанасьевской культуры Среднего Енисея или хорошо забытое старое // Древности Сибири и Центральной Азии. Т. 8 (20). Горно-Алтайск : ГАГУ, 2017. С. 8–34.

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул : Азбука, 2006. 234 с.

Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Проблема радиоуглеродной хронологии афанасьевской культуры и новые данные // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2019. С. 181–187.

Пшеницына М.Н. Памятники афанасьевской культуры в могильнике Летник VI на юге Хакасии // Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул : Азбука, 2014. С. 346–368.

Степанова Н.Ф. Некоторые итоги статистического анализа признаков погребального обряда афанасьевской культуры Горного Алтая // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 121–125.

Степанова Н.Ф. Особенности погребального обряда мужских, женских и детских захоронений афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблемы археологии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIV. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 256–259.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различие) // Афанасьевский сборник. Барнаул : Азбука, 2010. С. 177–187.

Степанова Н.Ф. Первые результаты изучения инструментов для нанесения орнамента по их отпечаткам на афанасьевской керамике (по материалам погребальных

комплексов из Горного Алтая) // Игорь Геннадьевич Глушков. Ханты-Мансийск : Печатный мир, 2012а. С. 43–50.

Степанова Н.Ф. Проблемы хронологии афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник 2. Барнаул : Азбука, 2012б. С. 183–195.

Степанова Н.Ф. К вопросу об относительной хронологии афанасьевских памятников Енисея (по материалам керамических комплексов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск, 2013. с. 323–327.

Степанова Н.Ф. Проблема относительной хронологии афанасьевских памятников Енисея // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара : СГСПУ, 2020. Т. 1. С. 341–343.

Степанова Н.Ф. Курильницы с афанасьевских поселений из Горного Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 4. С. 147–158.

Степанова Н.Ф., Поляков А.В. Могильник афанасьевской культуры Карасук-III: результаты новых исследований // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. II. СПб. : ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 74–77.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // Советская археология. 1975. № 1. С. 17–33.

Шульга П.И. Погребения эпохи энеолита-бронзы в долине Сентелека // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 47–72.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М. : ИА РАН, 2012. 384 с.

Цыб С.В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 38–51.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984. 19 с.

REFERENCES

Bobrinsky A.A. Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study. Moscow : Nauka, 1978. 272 p. (*In Russ.*)

Bobrinskii A.A. Reflection of Evolutionary and Migration Processes in the Features of Ancient Pottery Technology. In: Paleodemography and Migration Processes in Western Siberia in Ancient Times and the Middle Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1994. P. 14. (*In Russ.*)

Bobrinsky A.A. Pottery Technology as an Object of Historical and Cultural Study. In: Actual Problems of Studying Ancient Pottery. Samara : Izd-vo Samarskogo ped. un-ta, 1999. Pp. 5–109. (*In Russ.*)

Vadetskaya E.B., Polyakov A.V., Stepanova N.F. A Set of Sites of the Afanasievo Culture. Barnaul : Azbuka, 2014. 380 p. (*In Russ.*)

Volkova E.V. Ancient Pottery Produced by One and the Same Maker (selection and analysis). In: Tver Archaeological simposium. Tver' : TGOM, 1998. № 3. Pp. 135–146. (*In Russ.*)

Glushkov I.G. Ceramics as an Archaeological Source. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 1996. 328 p. (*In Russ.*)

Gryaznov M.P. The Afanasievo Culture on the Yenisei River. Saint Petersburg : Dmitriy Bulanin, 1999. 136 p. (*In Russ.*)

Kalinina I.V., Ustinova E.A. Technological Classification of Neolithic-Chalcolithic Ceramics Ornaments in the Ural Region. In: The State Hermitage Museum Archaeological Collection. Leningrad : Iskusstvo, 1990. Pp. 7–19 (Materials and Research on the Archaeology of the USSR. Issue 30) (*In Russ.*)

Kiselev S.V. The Ancient History of Southern Siberia. Moscow : Izd-vo AN SSSR, 1951. 642 p. (*In Russ.*)

Lazaretoy I.P. To the Relative Chronology of the Afanasievo Culture of the Middle Yenisei or Well-Forgotten Old. In: Antiquities of Siberia and Central Asia. Vol. 8 (20). Gorno-Altai : GAGU, 2017. Pp. 8–34. (*In Russ.*)

Pogozheva A.P., Rykun M.P., Stepanova N.F., Tur S.S. Age of Eneolithic and Bronze of the Altai Mountains. Part 1. Barnaul : Azbuka, 2006. 234 p. (*In Russ.*)

Polyakov A.V., Svyatko S.V., Stepanova N.F. The Problem of the Radiocarbon Chronology of the Afanasievo Culture and New Data. In: Phenomena of the Cultures of the Early Bronze Age in the Steppe and Forest-Steppe Zones of Eurasia: Ways of Cultural Interaction in the 5th-3rd Millennia BC. Orenburg : Izd-vo OGPU, 2019. Pp. 181–187. (*In Russ.*)

Pshenitsyna M.N. Monuments of the Afanasievo Culture in the Letnik-VI Burial Ground in Southern Khakassia. In: Vadetskaya E.B., Polyakov A.V., Stepanova N.F. A Set of Sites of Afanasievo Culture. Barnaul : Azbuka, 2014. Pp. 346–368. (*In Russ.*)

Stepanova N.F. Some Results of Statistical Analysis of the Signs of the Funeral Rite of the Afanasievo Culture of the Altai Mountains. In: Western and Southern Siberia in Antiquity. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Pp. 121–125. (*In Russ.*)

Stepanova N.F. Features of the Funeral Rite for Male, Female, and Child Burials of the Afanasievo Culture of the Altai Mountains. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Vol. XIV. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2008. Pp. 256–259. (*In Russ.*)

Stepanova N.F. The Afanasievo Culture of the Altai Mountains and the Yenisei River: Funeral Rites and Ceramics (Similarities and Differences). In: The Afanasievo Collection. Barnaul : Azbuka, 2010. Pp. 177–187 (*In Russ.*)

Stepanova N.F. The First Results of Studying the Tools Used to Apply Ornamentation Based on Their Imprints on Afanasievo Pottery (based on the materials of burial complexes from Gorny Altai). In: Igor Gennadievich Glushkov. Khanty-Mansiisk : Pechatnyj mir, 2012a. Pp. 43–50. (*In Russ.*)

Stepanova N.F. Problems with the Chronology of the Afanasievo Culture. In: The Afanasievo Collection 2. Barnaul : Azbuka, 2012b. Pp. 183–195. (*In Russ.*)

Stepanova N.F. On the Relative Chronology of the Afanasievo Sites of the Yenisei River (Based on Ceramic Complexes In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology

of Siberia and Neighboring Territories. Vol. XIX. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2013. Pp. 323–327. (*In Russ.*)

Stepanova N.F. The Problem of the Relative Chronology of the Afanasievo Sites of the Yenisei. In: Proceedings of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara. Samara : SGSPU, 2020. Vol. 1. Pp. 341–343. (*In Russ.*)

Stepanova N.F. Censers from Afanasievo Settlements from the Altai Mountains. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2023;35(4):147–158. (*In Russ.*)

Stepanova N.F., Polyakov A.V. The Karasuk-III Burial Ground of the Afanasiev Culture: Results of New Research. In: Antiquities of Eastern Europe, Central Asia, and Southern Siberia in the Context of Connections and Interactions in the Eurasian Cultural Space (New Data and Concepts). Vol. II. Saint Petersburg : IIMK RAN, Nevskaya Tipografiya, 2019. Pp. 74–77. (*In Russ.*)

Khlobystina M.D. The oldest burial grounds of Gorny Altai. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1975;1:17–33. (*In Russ.*)

Shul'ga P.I. Chalcolithic-Bronze Age Burials in the Sentelek Valley. In: Burial and Settlement Complexes of the Bronze Age in the Altai Mountains. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Pp. 47–72. (*In Russ.*)

Tsetlin Yu.B. Ancient Pottery. Theory and Methods of the Historical and Cultural Approach. Moscow : IA RAN, 2012. 384 p. (*In Russ.*)

Tsyb S.V. The Early Group of Afanasievo Sites and the Origin of the Afanasievo Culture. In: Ancient History of the Altai. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1980. Pp. 38–51. (*In Russ.*)

Tsyb S.V. Afanasievo Culture of Altai: abstract dis. ... Cand. Hist. Sciences. Kemerovo, 1984. 19 p. (*In Russ.*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Степанова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия; старший научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Nadezhda F. Stepanova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Laboratories of Interdisciplinary Study of Archaeology of Western Siberia and Altai, Altai State University, Barnaul, Russia; Senior Researcher of Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 17.11.2025;
одобрена после рецензирования 29.11.2025;
принята к публикации 04.12.2025.
The article was submitted 17.11.2025;
approved after reviewing 29.11.2025;
accepted for publication 04.12.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 903.27:7.031.1

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-08)

EDN: PBQZHW

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ПАЗЫРЫКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК МАРКЕР ПОЛОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЕЕ НОСИТЕЛЕЙ

Андрей Николаевич Телегин¹, Александр Васильевич Бекетов^{2*}

¹Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия;
varvar100@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8430-7148>

²Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия;
sasha.beketov.2004@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3720-1868>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье рассматривается вопрос о возможном использовании образов звериного стиля в изобразительном искусстве (татуированные изображения и украшения предметного комплекса погребений) пазырыкской археологической культуры Алтая в качестве маркеров, отражающих статус, занимаемый их владельцем в обществе носителей этой культуры. Источниковой базой исследования послужили 396 образов изобразительного искусства пазырыкской археологической культуры (татуировки, пластика, текстиль), отобранные в соответствии с возможностью интерпретации их принадлежности к конкретному погребенному. Делается вывод о том, что образы звериного стиля в татуированных изображениях и предметном комплексе украшений носителей пазырыкской археологической культуры могли маркировать принадлежность индивида к определенным социальным группам.

Ключевые слова: звериный стиль, курган, Пазырык, пазырыкская культура, семантика, статусный символ, татуировка, украшение

Для цитирования: Телегин А.Н., Бекетов А.В. Образы животных в изобразительном искусстве пазырыкской археологической культуры как маркер половой принадлежности и социального статуса ее носителей // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 4. С. 138–158. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-08)

ANIMAL IMAGES IN THE VISUAL ARTS OF THE PAZYRYK ARCHAEOLOGICAL CULTURE AS A MARKER OF THE GENDER AND SOCIAL STATUS OF ITS BEARERS

Andrey N. Telegin¹, Alexander V. Beketov^{2*}

¹Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia;
varvar100@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8430-7148>

²Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia;
sasha.beketov.2004@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3720-1868>

*Corresponding Author

Abstract. The article discusses the possible use of animal-style images in the visual arts (tattooed images and jewelry) of the Pazyryk archaeological culture of Altai as status symbols — objects reflecting the status held by its owner in the society of bearers of this culture. The source base of the study was 396 images of fine art of the Pazyryk archaeological culture (tattoos, plastics, textiles), selected in accordance with the possibility of interpreting their belonging to a particular buried person. It is concluded that the images of the animal style in tattooed images and the object complex of jewelry of the bearers of the Pazyryk archaeological culture could mark an individual's belonging to certain social groups.

Keywords: animal style, kurgan, Pazyryk, Pazyryk culture, semantics, status symbol, tattoo, decoration

For citation: Telegin A.N., Beketov A.V. Animal Images in the Visual Arts of the Pazyryk Archaeological Culture as a Marker of the Gender and Social Status of Its Bearers. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(4):138–158. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-08)

Введение

Материалы погребений пазырыкской археологической культуры включают в себя уникальные образцы изобразительного искусства, обладающие колоссальным источниковым потенциалом, благодаря чему они уже более века приковывают неослабное внимание многих исследователей (Грязнов, 1950, с. 3–92; Руденко, 1953, с. 3–9; Полосьмак, 2001, с. 4–9).

Особый интерес в изучении пазырыкской культуры представляют уникальные по стилю исполнения и сохранности художественные образы звериного стиля, дошедшие до нас в виде татуированных изображений, мелкой пластики и образцов декоративно-прикладного искусства. Эти артефакты, без сомнения, принадлежат к числу наиболее информативно насыщенных источников по древней истории Алтая и сопредельных территорий.

Изучением этих образцов скифо-сибирского звериного стиля в разное время занимались С.И. Руденко, Н.В. Полосьмак, П.П. Азбелев, Л.Л. Баркова, С.В. Панкова, В.И. Молодин, А.Н. Телегин, Н.Р. Дьяков, Л.С. Марсадолов и др. (Руденко, 1953, с. 402; Полосьмак, 2001, с. 4–308; Молодин и др., 2003, с. 286; Баркова, Панкова, 2006, с. 31–42; Азбелев, 2017, с. 51–60; Марсадолов, 2021, с. 265–273), но, несмотря на столь пристальное внимание, источниковый потенциал этих артефактов по-прежнему остается весьма внушительным. В полной мере это относится и к вопросам семантики женской и мужской татуировки.

Одним из первых опытов обращения к данной проблематике являются работы С.И. Руденко, в которых он впервые описал стилистические особенности образов животных в изобразительном искусстве пазырыкцев (Руденко, 1952, с. 138–189; 1953, с. 104–146, 272–326; 1960, с. 245–324; 1961, с. 31–39).

Отдельно стоит отметить вклад в изучение пазырыкского изобразительного искусства коллектива ученых Государственного Эрмитажа — С.В. Панковой и Л.Л. Барковой. Именно этими исследователями при обследовании тел мумий из второго и пятого пазырыкских курганов использовались методы инфракрасной съемки, что позволило выявить большое количество татуированных изображений, долгие годы скрытых от глаз исследователей (Баркова, Панкова, 2005, с. 48–59; 2006, с. 31–42).

Большой вклад в изучение образов звериного стиля в изобразительном искусстве пазырыкской археологической культуры внесла Н.В. Полосьмак, которая в своих работах наряду с прочим отметила различия в стилистике татуированных образов животных на телах женских и мужских мумий (Полосьмак, 2000, с. 95–102).

Позже, обращаясь к этой проблематике, П.П. Азбелев в одной из своих работ отметил различия в стилистике, образах и расположении татуированных изображений у мужчин и женщин (Азбелев, 2017, с. 51–60).

Развивая эту тему, А.Н. Телегин и Н.Р. Дьяков выявили различия в локализации татуированных изображений животных на телах мужских и женских мумий. Обнаружив эти различия, они проследили взаимосвязь татуированных изображений животных с половой принадлежностью погребенных людей. В результате этих работ было установлено, что одни образы хорошо коррелируют с останками мужчин (рис. 1.-1–3), другие — с останками женщин (рис. 1.-4–6), а третьи — с останками как мужчин, так и женщин (Телегин, Дьяков, 2018, с. 80–83).

Аналогичная работа была проделана ими и в отношении широкого спектра изображений в предметном наборе кожаных и войлочных аппликаций на покрышках и подвесках седел из погребений носителей пазырыкской археологической культуры, что подтвердило ранее сделанные выводы (Телегин, Дьяков, 2018, с. 80–83).

Указанные исследования затронули лишь один из аспектов семантики образов животных в изобразительном искусстве пазырыкской культуры, а именно вопрос о роли татуированных образов как вероятных маркеров гендерной принадлежности индивида. При этом до сих пор остается не вполне понятным предназначение данных художественных образов в жизни древних кочевников Алтая: соотношение их с социальной стратификацией, горизонтальными и вертикальными социальными связями внутри сообщества носителей пазырыкской археологической культуры, религиозными представлениями и духовной жизнью номадов.

Не исключено, на наш взгляд, что художественные образы звериного стиля могли выполнять в пазырыкском социуме, кроме прочего, роль своеобразных статусных маркеров, т.е. внешних знаков отличия, указывающих на место их обладателей в социальной иерархии пазырыкцев.

Необходимость обращения к этой проблеме актуализируется введением относительно недавно в научный оборот большого корпуса источникового материала из неразграбленных рядовых погребений пазырыкской археологической культуры, обнаруженных в разное время Н.В. Полосьмак, В.И. Молодиным и другими археологами на юго-востоке российской части Горного Алтая (Ак-Алаха-1–5, Верх-Кальджин-1–2 и др.) (Молодин и др., 2003, с. 286).

Целью настоящего исследования является рассмотрение художественных образов животных в изобразительном искусстве пазырыкской археологической культуры в качестве статусных маркеров в обществе ее носителей.

Материалы и методы

Методологической основой данной работы является совокупность традиционных методов анализа археологического материала, а также некоторых искусствоведческих

методов. Для анализа, классификации и типологизации предметов и образов нами использовался в основном типологический метод. Корреляцию образов звериного стиля авторы осуществляли на основе контекстного подхода. Выводы о вероятности использования образов звериного стиля как статусных символов в пазырыкском искусстве формулировались авторами статьи на основании междисциплинарного семантического-технологического подхода.

Источниковой базой исследования послужил предметный комплекс 25 погребений пазырыкской археологической культуры, обладающих контекстом, необходимым для рассмотрения особенностей использования образов звериного стиля в связи с принадлежностью погребенных к различным социальным группам (пол, возраст, род занятий и др.):

- 1) **Пазырык:** курганы № 2 и 5 (Руденко, 1953, с. 272–326);
- 2) **Уландрык-I:** курганы № 3, 7, 8, 12 и 14 (Кубарев, 1987, с. 155–167, 203–233);
- 3) **Уландрык-II:** курганы № 2, 7, 9 и 12 (Кубарев, 1987, с. 168–176, 239–255);
- 4) **Уландрык-III:** курганы № 1, 3 и 4 (Кубарев, 1987, с. 177–181, 258–263);
- 5) **Уландрык-IV:** курганы № 2 и 3 (Кубарев, 1987, с. 186–191, 272–279);
- 6) **Ташанта-I:** курган № 1 (Кубарев, 1987, с. 194–196, 285–287);
- 7) **Ташанта-II:** курганы № 2, 3 и 4 (Кубарев, 1987, с. 189–202, 290–297);
- 8) **Ак-Алаха-I:** курган № 1 (Молодин и др., 2003, с. 17–21);
- 9) **Ак-Алаха-3:** курган № 1 (Молодин и др., 2003, с. 29–32);
- 10) **Ак-Алаха-5:** курган № 1 (Молодин и др., 2003, с. 42–45);
- 11) **Верх-Кальджин-1:** курган № 1 (Молодин и др., 2003, с. 32–33);
- 12) **Верх-Кальджин-2:** курган № 3 (Молодин и др., 2003, с. 33–42).

Всего к настоящему исследованию привлечено около 396 образов звериного стиля, представляющих собой как отдельные изображения животных (около 98%), так и полноценные сцены терзания хищниками копытных животных (около 2%). Из 396 рассмотренных образов 41 (около 11%) представляли собой татуированные изображения на мумифицированных телах из погребений пазырыкской культуры (к.г. Пазырык — курганы № 2 и 5; к.г. Ак-Алаха-3, курган № 1; к.г. Верх-Кальджин-II, курган № 3) (рис. 1) и 355 (около 89%) — изображения на одежде, предметах конской упряжи и погребального инвентаря (табл. 2–3).

Результаты

Татуированные изображения

Татуированные изображения животных на мумифицированных телах носителей пазырыкской археологической культуры представлены 41 образом.

Уже при первом знакомстве с ними нельзя не обратить внимание на очевидную корреляцию местоположения этих изображений на телах погребенных с их половой принадлежностью: у мужчин они встречаются на руках, на груди, на спине, на голених и на ступнях, а у женщин — только на руках (рис. 1) (Телегин, Дьяков, 2018, с. 80–83).

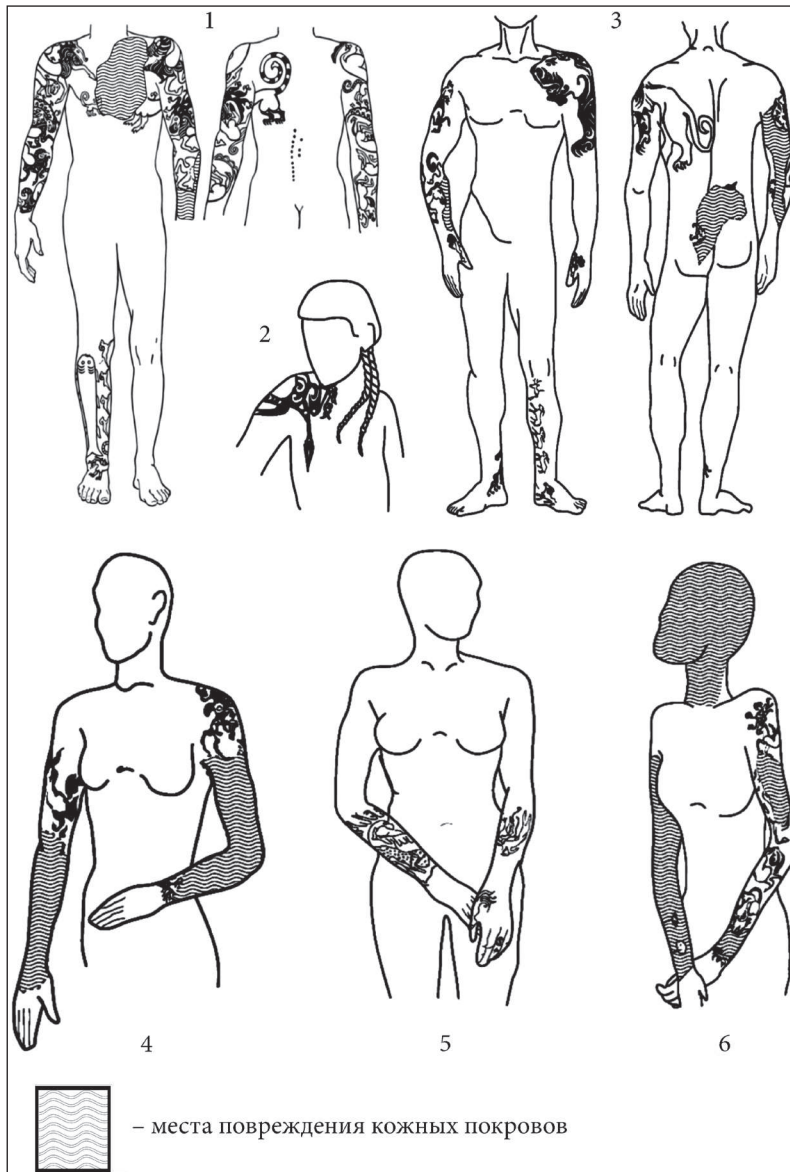

Рис. 1. Татуированные изображения на мумифицированных телах из погребений пазырыкской археологической культуры: 1 — мужская мумия из кургана № 2 курганной группы Пазырык; 2 — мужская мумия из кургана № 3 курганной группы Верх-Кальджин-II; 3 — мужская мумия из кургана № 5 курганной группы Пазырык; 4 — женская мумия из кургана № 2 курганной группы Пазырык; 5 — женская мумия из кургана № 5 курганной группы Пазырык; 6 — женская мумия из кургана № 1 курганного погребения Ак-Алаха-3

Fig. 1. Tattooed images on mummified bodies from the burials of the Pazyryk archaeological culture: 1 — men's mummy from barrow № 2 of the Pazyryk burial group; 2 — men's mummy from barrow № 3 of the Verkh-Kaljin-II barrow group; 3 — men's mummy from barrow № 5 of the Pazyryk barrow group; 4 — woman's mummy from barrow № 2 of the Pazyryk barrow group; 5 — woman's mummy from barrow № 5 The Pazyryk burrial group; 6 — woman's mummy from barrow № 1 of the Ak-Alakha-3 burial mound

Столь заметная разница в покрытии татуированными изображениями мужских и женских тел может быть объяснена более сложной структурой социальной иерархии в мужском сообществе пазырыкцев, чем в женском, что, естественно, требовало и большего количества соответствующих знаков отличия. Во всяком случае, количество и локализация татуированных изображений на телах пазырыкских мумий этому предположению не противоречит. Подобные различия в системах татуирования мужчин и женщин в родоплеменном обществе хорошо прослеживаются в этнографических материалах, как это имело место, например, в традиционной татуировке чукчей (Лбова, Понкратова, Лебедева, 2022, с. 108–117).

Обращает на себя внимание и очевидная связь количества татуированных изображений и их локализации на телах погребенных с возрастной принадлежностью последних.

Особенно хорошо это прослеживается на материалах трех мумий мужчин, которые принадлежат к разным возрастным группам. Первая из них представлена телом юноши 18–20 лет из кургана № 3 погребения Верх-Кальджин-2 (Молодин и др., 2003, с. 33–42) (рис. 1.-2), вторая — телом мужчины зрелого возраста 40–55 лет из кургана № 5 погребения Пазырык (Руденко, 1953, с. 66) (рис. 1.-3), третья — телом старика 50–60 лет из кургана № 2 погребения Пазырык (Руденко, 1953, с. 65) (рис. 1.-1). Трудно не заметить, что количество нанесенных татуировок прямо пропорционально возрасту погребенных: больше всего изображений нанесено на тело старика (рис. 1.-1), их несколько меньше на теле мужчины зрелого возраста (рис. 1.-3) и еще меньше — на теле юноши (рис. 1.-2). Данная корреляция очень красноречиво, на наш взгляд, указывает на то, что по мере взросления и изменения социального статуса индивида увеличивалось и количество изображений на его теле.

Не менее интересна локализация татуированных изображений на телах погребенных: у юноши они нанесены только в области плечевого сустава (рис. 1.-2), а у остальных — еще и на плечах, на предплечьях, на груди, на спине, на голених и на ступнях (рис. 1.-1, 3). Такая взаимосвязь между локализацией изображений и возрастом погребенных, вероятно, показывает, что местом первой татуировки у мужчин была область плечевого сустава. В какой последовательности продолжалось дальнейшее нанесение изображений, в силу скудости источниковой базы установить в настоящее время не представляется возможным.

Совсем иная картина локализации татуированных изображений демонстрируется материалами женских мумий. Судя по ним, у женщин татуировкам подвергались только руки (рис. 1.-4–6), в то время как у мужчин, как отмечалось выше, кроме рук татуировки производились еще и на груди, спине, голених и даже ступнях (рис. 1.-1–3).

Последовательность татуировок у пазырыкских женщин реконструировать еще сложнее, чем у мужчин, поскольку все три имеющиеся в нашем распоряжении мумии принадлежат женщинам зрелого возраста, 28–40 лет (Баркова, Панкова, 2006, с. 31–42; Савелов, Летягин, 2014, с. 116–137), что объективно затрудняет осуществление реконструкции. Усугубляет положение еще и тот факт, что мягкие ткани рук мумий из второго пазырыкского кургана и первого кургана Ак-Алаха-3 частично утрачены (рис. 1.-4, б). Вместе с тем тот факт, что у женской мумии из пятого пазырыкского кургана, кожные покровы которой сохранились относительно хорошо, татуированные изображения

присутствуют только на кистях рук и предплечьях (рис. 1.-5), а у двух других, несмотря на существенные утраты кожного покрова рук, изображения прослеживаются как на кистях и предплечьях рук, так и на плечах и даже плечевом суставе (рис. 1.-4-6), позволяет предположить, что кисти рук являлись исходным местом татуировки у пазырыкских женщин. Последующее нанесение татуированных изображений распространялось, вероятно, в направлении плечевого сустава.

Таким образом, взаимосвязь локализации татуированных изображений, их количества и последовательности нанесения на тело индивида с его социальным статусом в пазырыкском обществе (пол, возраст и т.д.) представляется очевидной.

Выявив различия в расположении татуированных изображений животных на мумифицированных телах мужчин и женщин из захоронений пазырыкской археологической культуры, А.Н. Телегин и Н.Р. Дьяков исследовали эти изображения на предмет наличия взаимосвязи их с половой принадлежностью погребенных. В результате этих работ ими было установлено, что изображения фантастических хищников (грифонов?), козлов, лошадей (кулана?), косуль и рыб хорошо коррелируют с останками мужчин, изображения оленей, лосей, реалистичных кошачьих хищников, креста и цветка — с останками женщин, а изображения баранов, фантастических копытных, хищных птиц (гриф?) и сцен терзания копытных хищными животными (реалистичными и фантастическими) — как с женскими, так и с мужскими останками (Телегин, Дьяков, 2018, с. 80–83).

Нами была предпринята реконструкция одного из татуированных изображений животных, нанесенного на тело женской мумии из кургана № 1 погребения Ак-Алаха-3, в результате которой мы интерпретировали его как художественный образ фантастического хищника (грифона?) с морфологическими признаками кошачьего хищника, хищной птицы и оленя (Бекетов, Телегин, 2024, с. 101–106) (рис. 2).

Полученный результат заставляет нас внести коррективы в выделенные А.Н. Телегиным и Н.Р. Дьяковым группы образов животных, а именно — изъять из группы «мужских» изображения фантастических хищников (грифонов?) и вместе с реконструированным изображением добавить их в группу «общие» (табл. 1) (Телегин, Дьяков, 2018, с. 80–83).

Однако такая корректировка оправдана лишь с формальной точки зрения, и вот почему:

— в подавляющем большинстве случаев (шесть) они зафиксированы на мужских мумиях и только один раз — на женской из кургана № 1 погребения Ак-Алаха-3 (табл. 1);

— данное погребение заметно отличается от остальных двух женских захоронений нашей выборки (курганы № 2 и 5 Пазырыка) рядом других особенностей. Так, женщина из Ак-Алахи была погребена одна, в то время как две других женских мумии были обнаружены в парных захоронениях с мужчинами и, вероятно, лишь сопровождали их;

— само погребение ак-алахинской мумии было осуществлено в кургане, расположенном отчужденно от других курганных погребений и не связанном с ними планиграфически. По мнению автора раскопок Н.В. Полосьмак, такое местоположение кургана могло быть обусловлено особым социальным статусом погребенной (Полосьмак, 2001, с. 274–277);

— комплекс захоронения кургана Ак-Алаха-3, в отличие от других двух женских погребений, включает в себя, наряду с прочими, предметы военного назначения (сопроводительное погребение коней, конская сбруя, нож и т.п.) (Полосьмак, 2001, с. 274–277).

Рис. 2. Графическая реконструкция татуированного изображения на левой руке погребенной в одиночном кургане Ак-Алаха-3

Fig. 2. Graphic reconstruction of the tattooed image on the left arm of a woman buried in a single burial mound Ak-Alakha-3

Одиночный характер захоронения однозначно указывает на принадлежность этого богатого, в том числе воинского, инвентаря именно погребенной здесь женщине. Данное обстоятельство резко контрастирует с двумя другими женскими погребениями (курганы № 2 и 5 группы Пазырык), где не менее богатый сопроводительный инвентарь, вероятнее всего, принадлежит погребенным с ними мужчинам.

Н.В. Полосьмак, объясняя особенности захоронения кургана № 1 Ак-Алаха-3, высказала предположение о возможной принадлежности некоторых женщин пазырыкского общества к особой социальной группе женщин-воинов (Полосьмак, 2001, с. 274–277). Кроме этого, указывая на богатство Ак-Алахинского кургана (просторная погребальная камера, массивный погребальный сруб, редкие благовония, дорогие шелковые ткани и др.), она не исключила, вероятность принадлежности погребенной к среднему слою знати пазырыкского общества (Полосьмак, 2001, с. 278–289).

Если это так, то присутствие на теле погребенной в кургане № 1 захоронения Ак-Алаха-3 женщины татуированного изображения фантастического хищника (грифона?) можно вполне обоснованно рассматривать как атрибут воина (оберег/талисман) или

знак принадлежности усопшей к кругу пазырыкской знати, а вероятнее всего — в качестве того и другого.

Особый интерес вызывает изображение сцены терзания двух оленей двумя тиграми и барсом, татуированное на теле женской мумии из кургана № 5 Пазырыка (рис. 3). С искусствоведческой точки зрения эта композиция стилистически выбивается из всей выборки татуированных изображений по ряду признаков, как то:

- реалистичное изображение животных, а не стилизованное;
- изображение некоторых животных (барс) анфас, а не в профиль;
- визуальная замкнутость композиции в рамках условного прямоугольника, границы которого очерчиваются лапами, ногами и рогами изображаемых животных, а не хаотичное расположение образов, не объединенных в целостную композицию и взаимодействующих в пространство друг друга.

Указанные различия, на наш взгляд, свидетельствуют о вероятной принадлежности этого изображения к иной татуировочной традиции, отличной от традиции носителей пазырыкской археологической культуры. Это может быть отнесено и к татуированным изображениям на безымянном пальце левой руки, изображающим цветок и крест, не характерные для традиционной пазырыкской татуировки в частности и пазырыкского изобразительного искусства вообще.

Рис. 3. Татуированное изображение с правой руки женской мумии из пятого пазырыкского кургана (рисунок Л.Л. Барковой и С.В. Панковой)

Fig. 3. Tattooed image from the right hand of the woman's mummy of the fifth Pazyryk barrow mound (Drawing by L.L. Barkova and S.V. Pankova)

Таблица 1
Корреляция татуированных образов звериного стиля с половой принадлежностью носителей пазырыкской археологической культуры, в погребениях которых они обнаружены

Tab. 1
The correlation of the tattooed images of the animal style of the Pazyryk archaeological culture with the gender characteristics of the buried of the Pazyryk archaeological culture, in whose burials they were found

Образ Погребение	Общие образы							
	Мужские образы	Женские образы	Баран (13 мужских 3 женских)	Птица (гриф?) (2 мужских 2 женских)	Кошачий хищник (лев, тигр, барс) (1 мужской 3 женских)	Фантастический олень (6 мужских 2 женских)	Сцена терзания травоядного хищником (1 мужской 1 женский)	Фантастический хищник (грифон?) (6 мужских 1 женский)
Мужские мумии	Рыба (1 мужской)	Олень (4 женских)	 6 образов	0 образов	0 образов	 5 образов	 1 образ	 5 образов
	Пазырык курган №2	0 образов	 7 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	 1 образ
	Пазырык курган №5	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
Верх-Кальджин-2 курган №3	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	 1 образ

Окончание табл. 1

Образ Погребение	Общие образы							
	Мужские образы	Женские образы	Баран (13 мужских 3 женских)	Птица (гриф?) (2 мужских 2 женских)	Котачий хитчик (лев, тигр, барс) (1 мужской 3 женских)	Фантастический олель (6 мужских 2 женских)	Сцена терзаний Травядного хитником (1 мужской 1 женский)	Фантастический хитчик (грифон?) (6 мужских 1 женский)
Женские мумии	Рыба (1 мужской)	Олель (4 женских)	 1 образ	0 образов	0 образов	 1 образ	0 образов	0 образов
	0 образов	 1 образ	1 образ	0 образов	 2 образа	0 образов	 1 образ	0 образов
	0 образов	 2 образа	0 образов	 2 образа	 2 образа	0 образов	0 образов	0 образов
Ак-Алаха-3 курган №1	0 образов	 1 образ	 2 образа	0 образов	 1 образ	 1 образ	0 образов	 1 образ

- образы не рекомендуемые для рассмотрения

Не противоречат сказанному и некоторые особенности в погребальной обрядности пятого пазырыкского кургана, отличающей его от остальных курганов этой группы. К таковым следует отнести планиграфическую отчужденность пятого пазырыкского кургана от остальных курганов группы Пазырык, объединенных в единую цепочку (Руденко, 1953, с. 15; Марсадоллов, 2019, с. 155–162), а также отсутствие у него аллеи из камней-балбалов к востоку от курганной насыпи (Марсадоллов, 2019, с. 155–162).

Наименьший возраст сооружения пятого кургана, по сравнению с остальными курганами пазырыкской группы (Марсадоллов, 1984, с. 90–98), возможно, является временным индикатором инокультурного влияния на местные традиции.

Таким образом, стилистические особенности татуированной сцены терзания из пятого пазырыкского кургана могут быть объяснены влиянием иной, отличной от пазырыкской, татуировочной традиции.

Таким образом, изображения животных в татуировке носителей пазырыкской археологической культуры могли не только указывать на принадлежность своих обладателей к определенной социальной группе (основанной не только на половой принадлежности, но и на роде занятий индивида), но и обозначать их этнокультурные особенности (Телегин, Дьяков, 2018, с. 80–83). Во всяком случае, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не противоречат этому выводу.

Предметный комплекс украшений. Крайне низкая репрезентативность имеющихся в нашем распоряжении мумий (три женских и три мужских) заставляет рассматривать сделанные выше выводы о предназначении татуированных на их телах образов животных в пазырыкском обществе лишь в качестве предварительных.

Исходя из этого, авторы статьи расширили источниковую базу исследования за счет привлечения предметов из сопроводительного инвентаря погребений пазырыкской археологической культуры с помещенными на нем образами животных.

В первую очередь авторы задействовали изображения животных на элементах конской сбруи (псалии, седельные покрывки, налобники, подвески на седлах и т.п.) и одежде погребенных (украшения гривен, кожаные, войлочные и берестяные аппликации, нашивки, подвески и т.п.), сохранность и контекст расположения которых позволяет с высокой точностью определить видовую принадлежность помещенного на предмете изображения животного (олень, баран, фантастический хищник и т.д.), а также определить принадлежность предмета конкретному погребенному (мужчине или женщине) (Пазырык, Уландрык-I–IV, Ак-Алаха-1–3, Верх-Кальджин-1–2, Ташанта-I–II). Такой подход позволил нам расширить источниковую базу исследования до 396 образов животных (табл. 2, табл. 3).

Таким образом, осуществленное на новой, более широкой источниковой базе сопоставление художественных образов животных с половозрастной принадлежностью погребенных позволило откорректировать результаты, полученные на основе корреляции татуированных образов с половой и статусной принадлежностью носителей пазырыкской археологической культуры.

В результате проделанной работы было установлено, что подавляющее большинство (92,3%) образов животных — оленя, хищной птицы (грифа?), реалистичных кошачьих хищников (львы, барсы, тигры), барана, фантастического копытного (фантастический олень) и сцены терзания копытного хищником (фантастическим/реалистич-

ным) встречаются в равной степени как в женских, так и в мужских захоронениях. Наряду с этим указанные образы примерно в равной степени встречаются в погребениях представителей различных слоев населения.

Оставшиеся 7,7% являют собой образы фантастических хищников (грифонов?) и рыб. Что касается первых, то они в относительно равной степени встречаются как в мужских (13 образов), так и в женских (11 образов) погребениях и на этом основании формально должны быть отнесены к группе «общих».

Однако при внимательном рассмотрении этих материалов бросается в глаза определенная связь изображений грифонов не столько с половозрастной принадлежностью погребенных, сколько с их особым социальным статусом. На это указывают, в частности, особенности погребальной обрядности женских захоронений, не только кургана № 1 к.п. Ак-Алаха-3 (Молодин и др., 2003, с. 29–45), как это было показано выше, но и кургана № 2 к.г. Ташанта-II (Кубарев, 1987, с. 197–202).

Отмечая указанные особенности подобных женских погребений пазырыкской археологической культуры на плато Укок (Кош-Агачский р-н, Республика Алтай), Н.В. Полосьмак высказала предположение о возможной принадлежности погребенных в них женщин к особой социальной группе женщин-воинов. В нее, по мнению исследователя, могли входить женщины моложе 35 лет, не занятые в хозяйственной деятельности ввиду их относительно высокого социального статуса (Полосьмак, 2001, с. 274–287).

Таким образом, изображения фантастических хищников (грифонов?) в предметном комплексе, как и в татуировке носителей пазырыкской археологической культуры, могли указывать на принадлежность своих обладателей к определенной социальной страте, вне зависимости от половой принадлежности индивида. В данном случае речь может идти о принадлежности к социальной прослойке «воинов» (Телегин, Дьяков, 2018, с. 80–83). Во всяком случае, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не противоречат этому выводу (табл. 3).

Образ рыбы, встречающийся только в мужских погребениях, как в виде татуированных изображений, так и в виде украшений предметного комплекса, возможно, обозначал определенный возрастной статус мужчин в пазырыкском обществе. Впрочем, этот сюжет вполне достоин стать предметом специального исследования.

Не исключено, что некоторые образы звериного стиля могли выполнять функции своеобразных оберегов-талисманов, служащих различным целям, как это предполагал П.П. Азбелев, который, указывая на вероятное соответствие содержания татуированных образов местам их нанесения (быстрые копытные животные на ногах для получения их скорости, животные с вывернутым крупом на руках, которыми делались жертвоприношения и т.п.), высказал предположение об использовании татуированных изображений в пазырыкском обществе или в роли оберегов и талисманов, или в качестве своеобразного способа передачи информации о своем владельце (Азбелев, 2017, с. 51–60).

Таблица 2

Образы звериного стиля в изобразительном искусстве пазырыкской археологической культуры, в равной степени встречающиеся в мужских и женских погребениях

Tab. 2

Images of the animal style in the visual art of the Pazyryk archeological culture, equally found in male and female burials

Образ	Общие образы											
	Олень		Птица (гриф?)		Хищник (лев/барс/тигр/волк)		Баран		Фантастический олень		Слепа терзания травоядного хищником	
Погребение	Пол		ЖЕН.		МУЖ.		ЖЕН.		МУЖ.		ЖЕН.	
	Пазырык (курганы №2 и №5)	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.
5 образов		5 образов	6 образов	18 образов	10 образов	3 образа	3 образа	157 образов	3 образа	2 образа	2 образа	1 образ
Уландрык-I (курганы №3, 7, 8, 12, 14)	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.
	1 образ	2 образа	0 образов	0 образов	0 образов	4 образа	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
Уландрык-II (курганы №2, 7, 9, 12)	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.
	1 образ	3 образа	2 образа	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
Уландрык-III (курганы №1, 3, 4)	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.
	2 образа	0 образов	6 образов	0 образов	1 образ	0 образов	0 образов	0 образов	1 образ	0 образов	0 образов	0 образов
Уландрык-IV (курганы №2, 3)	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.
	5 образов	0 образов	13 образов	0 образов	2 образа	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	1 образ	0 образов

Окончание табл. 2

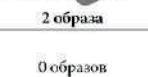

Образ		Общие образы									
		Олень	Птица (триф?)	Хищник (лев/барс/тигр/волк)	Баран	Фантастический	Сцена геральдика трапецидального хитриком				
Погребение	Пол	МУЖ.	МУЖ.	МУЖ.	МУЖ.	МУЖ.	МУЖ.	МУЖ.	МУЖ.	МУЖ.	МУЖ.
	Ташанга-1 (курган №1)	ЖЕН.	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
МУЖ.		4 образа	3 образа	4 образа	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
Ташанга-2 (курганы №2, 3, 4)	ЖЕН.	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
	МУЖ.	10 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
Верх-Кальджин-1 (курган №1)	ЖЕН.	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
	МУЖ.	3 образа	1 образ	2 образа	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
Верх-Кальджин-2 (курган №3)	ЖЕН.	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
	МУЖ.	3 образа	6 образов	2 образа	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
Ак-Алаха-1 (курган №1)	ЖЕН.	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
	МУЖ.	3 образа	6 образов	2 образа	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
Ак-Алаха-3 (курган №1)	ЖЕН.	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
	МУЖ.	0 образов	41 образ	1 образ	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов

Таблица 3

Образы звериного стиля в изобразительном искусстве носителей пазырыкской археологической культуры, выполняющие роль маркеров статусной принадлежности индивида

Tab. 3

Images of the animal stile in the visual art of the bearers of the Pazyryk archaeological culture, acting as markers of an individual status

Образ		Образы - статусные маркеры				
		Фантастический хищник (грифон?) (24 образа: 13 – мужские 11 – женские)		Рыба (3 – мужских образа)		
		Пол		МУЖ.	ЖЕН.	
Погребение	Пазырык (курганы №2 и №5)	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	
			0 образов		0 образов	
		6 образов	1 образ			
			0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
		2 образа				
			0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
		2 образа				
			0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
		1 образ				
			0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
1 образ						
	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов		
2 образа						
	0 образов	0 образов	1 образ	0 образов		
1 образ						
	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов		
8 образов						
	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов		
3 образа						

Заключение

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Наличие у взрослых женщин татуированных изображений только на коже рук, а у мужчин кроме рук — еще и на коже груди, спины, голени и стоп, можно рассматривать в качестве своеобразного маркера половой принадлежности носителей пазырыкской археологической культуры.

2. Можно с большой долей уверенности утверждать, что исходным местом татуировки у мужчин являлся плечевой сустав, а у женщин — кисть руки, по мере взросления индивида и изменения его социального статуса росло и количество нанесенных на его тело татуированных изображений, что, несомненно, маркировало специальный статус носителей пазырыкской культуры.

3. Изображения фантастических хищников (грифонов?) в предметном комплексе и татуировке носителей пазырыкской археологической культуры могли являться маркерами, указывающими на принадлежность своих обладателей к определенной социальной страте, вне зависимости от половой принадлежности индивида.

4. Стилистические особенности татуированной сцены терзания из пятого пазырыкского кургана могут маркировать иную, отличную от пазырыкской, татуировочную традицию.

5. Образы рыб, возможно, маркировали возрастной статус мужчин в пазырыкском обществе.

Несмотря на выявленные закономерности использования образов звериного стиля в изобразительном искусстве пазырыкской археологической культуры, все еще остается открытым вопрос о семантике самих художественных образов. Так, например, не ясно, почему принадлежность к социальной группе воинов обозначалась именно образом фантастического хищника (грифона?). Вероятно, ответ на данный вопрос кроется в мировоззренческих или религиозных представлениях носителей данной культуры.

Можно с большой долей уверенности присоединиться к предположению П.П. Азбелева, который, указывая на вероятное соответствие содержания татуированных образов животных местам их нанесения на тела погребенных, предположил, что они могли использоваться в пазырыкском обществе либо в качестве оберегов и талисманов, либо в качестве своеобразного способа передачи информации о своем владельце (Азбелев, 2017, с. 51–60).

Таким образом, можно с уверенностью говорить о существовании некоторых особенностей использования образов звериного стиля в изобразительном искусстве пазырыкской археологической культуры, связанных с половозрастной принадлежностью их носителей. Кроме этого, авторы пришли к выводу, что различные изображения животных с большой долей вероятности могли играть роль статусных символов в пазырыкском обществе, а также составлять целые статусные образы носителей пазырыкской археологической культуры. Пока мы не можем объяснить, с чем именно связаны различия в использовании тех или иных художественных образов как статусных символов в соответствии с их содержанием и семантикой. Данный вопрос вполне может стать предметом дальнейших исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Азбелев П.П. Пазырыкские татуировки как художественное свидетельство древних войн и бракосочетаний // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 7. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2017. С. 51–60.

Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2. С. 48–59.

Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на мумиях из Пазырыкских курганов в инфракрасных лучах // Вестник истории, литературы, искусства. 2006. Т. III. С. 31–42.

Бекетов А.В., Телегин А.Н. Реконструкция татуированного изображения на мумифицированном теле из кургана № 1 могильника Ак-Алаха-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXX. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2024. С. 101–106.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л. : Гос. Эрмитаж, 1950. 92 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 304 с.

Лбова Л.В., Понкратова И.Ю., Лебедева Л.С. Орнаментальные композиции татуировок у народов Северной пафифики (принципы классификации) // Camera praehistorica. 2022. № 1. С. 108–117.

Марсадоллов Л.С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // Археологический сборник. Вып. 25: Материалы и исследования по археологии СССР. Контакты и взаимодействие культур Евразии. Л. : Искусство, 1984. С. 90–98.

Марсадоллов Л.С. Восточные балбалы и западные поминальники как важные составные части организации сакрального пространства в Пазырыке на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 155–162.

Марсадоллов Л.С. «Зодиакальная» татуировка вождя-жреца из кургана Пазырык-2 на Алтае // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 265–273.

Молодин В.И., Воевода М.И., Чикишева Т.А. [и др.] Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2003. 286 с. (Интеграционные проекты СО РАН; вып. 1).

Полосьмак Н.В. Татуировка у пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4. С. 95–102.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 268 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.

Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. Середина I тысячелетия до н.э. М. : Изд-во восточной литературы, 1961. 68 с.

Савелов А.А., Лятегин А.Ю. Жизнь и смерть «Алтайской принцессы» // Наука из первых рук. 2014. № 3/4. С. 116–137.

Телегин А.Н., Дьяков Н.Р. К вопросу о гендерных сходствах и различиях в татуировках номадов Алтая сакского времени // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). Вып. 13. Горно-Алтайск : Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 2018. С. 80–83.

REFERENCES

Azbelev P.P. Pazyryk Tattoos as Artistic Evidence of Ancient Wars and Marriages. In: Actual Problems of Theory and History of Art. Issue 7. St. Petersburg : Izd-vo Sankt-peterburgskogo gos. un-ta, 2017. Pp. 51–60. (*In Russ.*)

Barkova L.L., Pankova S.V. Tattoos on Mummies from the Large Pazyryk Mounds (new materials). *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2005;2:48–59. (*In Russ.*)

Barkova L.L., Pankova S.V. Tattoos on the Mummies from the Pazyryk Mounds in Infrared Rays. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva = Bulletin of History, Literature, Art*. 2006; III:31–42. (*In Russ.*)

Beketov A.V., Telegin A.N. Reconstruction of a Tattooed Image on a Mummified Body from Burial Mound No. 1 of the Ak-Alakha-3 Burial Ground. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue XXX. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2024. Pp. 101–106. (*In Russ.*)

Gryaznov M.P. The First Pazyryk Kurgan. Leningrad : Gos. Ermitazh, 1950. 92 p. (*In Russ.*)

Kubarev V.D. The Mounds of Ulandryk. Novosibirsk : Nauka, 1987. 304 p. (*In Russ.*)

Lbova L.V., Ponkratova I.Yu., Lebedeva L.S. Ornamental Tattoo Compositions among the Peoples of the Northern Pacific (principles of classification). *Camera praehistorica*. 2022;1:108–117. (*In Russ.*)

Marsadolov L.S. On the Sequence of Construction of Five Large Mounds in Pazyryk in Altai. In: Archaeological Collection. Issue 25: Materials and Research on the Archaeology of the USSR. Contacts and Interaction of Eurasian Cultures. Leningrad : Iskusstvo, 1984. Pp. 90–98. (*In Russ.*)

Marsadolov L.S. Eastern Balbals and Western Commemorations as Important Components of the Organization of the Sacred Space in Pazyryk in Altai. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue XXV. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2019. Pp. 155–163. (*In Russ.*)

Marsadolov L.S. The “Zodiac” Tattoo of the Priest-Leader from the Pazyryk-2 Mound in Altai. In: Archaeology of North and Central Asia: New Discoveries and Results of Interdisciplinary Research. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2021. Pp. 265–273. (*In Russ.*)

Molodin V.I., Voevoda M.I., Chikisheva T.A. [et al.] The Population of Gorny Altai in the Early Iron Age as an Ethnocultural Phenomenon: Origin, Genesis, Historical Destinies (according to archaeology, anthropology, genetics). Novosibirsk : Izd-vo Sibirskogo Otdeleniya

Rossijskoj Akademii Nauk, 2003. 286 p. (Integration projects of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; issue 1) (*In Russ.*)

Polosmak N.V. Tattooing among the Pazyryk People. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2000;4:95–102. (*In Russ.*)

Polosmak N.V. The Horsemen of Ukok. Novosibirsk : INFOLIO-press, 2001. 336 p. (*In Russ.*)

Rudenko S.I. Gornoaltai Finds and Scythians. Moscow; Leningrad : Izd-vo Akademii nauk USSR, 1952. 268 p. (*In Russ.*)

Rudenko S.I. Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian period. Moscow : Izd-vo Akademii nauk USSR, 1953. 402 p. (*In Russ.*)

Rudenko S.I. Culture of the Population of Central Altai in the Scythian Period. Moscow : Izd-vo Akademii nauk USSR, 1960. 360 p. (*In Russ.*)

Rudenko S.I. The Art of Altai and the Near East. The Middle of the First Millennium BC. Moscow : Izd-vo vostochnoj literatury, 1961. 68 p. (*In Russ.*)

Savelov A.A., Letyagin A.Yu. The Life and Death of the “Altai Princess”. *Nauka iz pervyh ruk = Science at First Hand*. 2014; 3/4:116–137. (*In Russ.*)

Telegin A.N., Dyakov N.R. On the Issue of Gender Similarities and Differences in Tattoos of Altai Nomads of the Saka Period. In: Field Research in Altai, Irtysh Region and Upper Ob Region (Archaeology, Ethnography, Oral history). Issue 13. Gorno-Altai : Izd-vo Gorno-Altaioskogo gos. un-ta, 2018. Pp. 80–83. (*In Russ.*)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Телегин А.Н.: идея публикации, описание и анализ материалов, обсуждение результатов, научное редактирование рукописи.

A.N. Telegin: the idea of publication, discussion of the results, scientific editing of the manuscript.

Бекетов А.В.: описание и анализ материалов, формирование основного текста, подготовка иллюстраций, редактирование рукописи.

A.V. Beketov: description and analysis of materials, formation of the main text, preparation of illustrations, editing of the manuscript.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Телегин Андрей Николаевич, старший преподаватель кафедры отечественной истории Института истории, социальных коммуникаций и права Алтайского государственного педагогического университета, ведущий специалист по учебно-методической работе Учебно-научно-исследовательской лаборатории «Историческое краеведение», Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия.

Andrey N. Telegin, Senior lecturer at the Department of National History of the Institute of History, Social Communications and Law of the Altai State Pedagogical University, a leading

specialist in educational and methodological work at the History Research Laboratory “Historical Local Lore”, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

Бекетов Александр Васильевич, лаборант Музея истории образования им. П.П. Костенкова Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул, Россия.

Beketov A. Vasilyevich, laboratory assistant at the P.P. Kostenkov Museum of the History of Education of the Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

*Статья поступила в редакцию 10.07.2025;
одобрена после рецензирования 08.11.2025;
принята к публикации 24.11.2025.
The article was submitted 10.07.2025;
approved after reviewing 08.11.2025;
accepted for publication 24.11.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 903.02

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-09)

EDN: QNAPFB

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА (СЕВЕРНАЯ КУЛУНДА)

Ольга Александровна Федорук^{1*}, Александр Сергеевич Федорук²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
olunka.p@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1861-6781>

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
fedorukas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9825-1822>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье представлены результаты исследования керамики поселения Новоильинка (Северная Кулунда), сопутствующей основному, саргаринско-алексеевскому комплексу. Анализируемая посуда немногочисленна, но разнообразна в культурном плане. Выделены следующие группы сосудов: андроновская, дандыбаевская, ирменская, донгальская, переходного времени от развитой к поздней бронзе, гибридная гребенчатая, круговая, а также лощеные горшки с каннелюрами по шейке. Был проведен комплексный анализ, включающий изучение форм и орнамента, исходного сырья и формовочных масс сосудов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что памятник функционировал на протяжении всего периода от развитого бронзового века до переходного времени от эпохи бронзы к раннему железу. Его керамический комплекс включает серию разнокультурной керамики, ранее отмеченной на ряде синхронных поселений региона. Итоги впервые выполненного технико-технологического анализа образцов керамики поселения Новоильинка свидетельствуют о преобладании рецептов с использованием одного вида минеральной примеси в большинстве групп. Рецепты с шамотом характерны для андроновской посуды, керамики переходного типа от развитой к поздней бронзе (подгруппа 1), ирменской и, видимо, связанных с последней горшков с каннелюрами по шейке, а также донгальской керамики. Дресва зафиксирована в дандыбаевской, гибридной гребенчатой, а также керамике переходного типа от развитой к поздней бронзе (подгруппы 2, 3). Преобладание «чистых» рецептов (только дресва или шамот) является особенностью коллекции поселения. Смешение традиций зафиксировано только в ирменской, гибридно-гребенчатой (подгруппа 2) и дандыбаевской керамике. Незначительная доля сосудов, изготовленных по «смешанным» рецептам, может указывать на слабый процесс взаимодействия и смешения населения на памятнике. Можно предположить, что в эпоху бронзы и переходного времени поселение являлось некоторым «транзитным» пунктом для носителей различных культурных традиций.

Ключевые слова: бронзовый век, степной и лесостепной Алтай, Северная Кулунда, керамика, поселение Новоильинка, орнамент, формы, технико-технологический анализ, исходное сырье, формовочные массы

Для цитирования: Федорук О.А., Федорук А.С. К характеристике керамического комплекса поселения Новоильинка (Северная Кулунда) // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 4. С. 159–176. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-09)

THE CHARACTERISTICS OF THE CERAMIC COMPLEX OF THE NOVOILINKA SETTLEMENT (NORTH KULUNDA)

Olga A. Fedoruk^{1*}, Alexander S. Fedoruk²

¹Altai State University, Barnaul, Russia;
olunka.p@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1861-6781>

²Altai State University, Barnaul, Russia;
Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
fedorukas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9825-1822>

*Corresponding Author

Abstract. The article presents the results of a study on the ceramics from the Novoilinka settlement (Northern Kulunda), associated with the main Sargary-Alekseevsky complex. The analyzed pottery is a few in number, but culturally diverse. The following groups of vessels are identified: Andronovo, Dandybaevskaya, Irmenskaya, Dongalskaya, transitional period from the Late to the Final Bronze Age, hybrid ridge-shaped, ceramic, made with potter wheel, burnished pots with flutes along the neck. A comprehensive analysis was conducted, including the study of vessel forms and ornamentation, raw materials, and modeling pastes. The results indicate that the site was in use throughout the entire period from the mature Bronze Age to the transitional phase from the Bronze Age to the Early Iron Age. Its ceramic complex includes a series of multicultural ceramics, recorded in a number of synchronous settlements of the region. The results of the first technical and technological analysis of ceramic samples from the Novoilinka settlement indicate the prevalence of recipes using one type of mineral admixture in most groups. Recipes with chamotte are typical of the Andronovo ware, ceramics of the transitional type from the developed to the late Bronze Age (subgroup 1), Irmen and, apparently, pots with flutes along the neck associated with the latter, as well as Dongal ceramics. The gruss was recorded in the Dandybaevskaya, hybrid comb, and ceramics of the transitional type from the developed to the late Bronze Age (subgroups 2, 3). The prevalence of “pure” recipes (only gruss or chamotte) is a feature of the settlement collection. A mixture of traditions was recorded only in the Irmen and hybrid comb ceramics (subgroup 2). Thus, the materials from the Novoilinka settlement indicate the existence of a population with different cultural traditions here. A small proportion of vessels made according to “mixed” recipes may indicate a weak process of interaction and mixing of the population at the site. It can be assumed that during the Bronze Age and the transitional period, the settlement was a kind of “transit” point for carriers of various cultural traditions.

Keywords: Bronze Age, steppe and forest-steppe Altai, North Kulunda, ceramics, Novoilinka settlement, ornamentation, forms, technical and technological analysis, raw material, pottery paste

For citation: Fedoruk O.A., Fedoruk A.S. The Characteristics of the Ceramic Complex of the Novoilinka Settlement (North Kulunda). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(4):159–176. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-09)

Введение

Поселение Новоильинка, расположенное в северной части Кулундинской степи, на берегу р. Бурла, близ с. Новоильинка Хабарского района Алтайского края, входит в круг наиболее исследованных памятников эпохи поздней бронзы Алтая. Исследователи неоднократно привлекали его материалы для реконструкции историко-культурного развития региона (Удодов, 1994; Ситников, 2002, 2015; Федорук, 2006). Однако комплексное изучение керамической коллекции, включая технико-

технологические особенности производства посуды (такие как исходное сырье и формовочные массы), не проводилось, что сдерживало раскрытие полного исследовательского потенциала этого комплекса.

Результаты анализа саргаринско-алексеевской керамики из раскопок 1986 г., составляющей основу коллекции поселения, хранящейся в музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ, ранее опубликованы авторами (Федорук О.А., Федорук А.С., 2024). В настоящей статье представлены итоги изучения немногочисленной (совокупно 74 единицы) разнокультурной посуды, сопутствующей саргаринско-алексеевской.

Материалы и методы

Исследование керамики проводилось по апробированной методике, сочетающей традиционный анализ форм и орнамента сосудов и их технико-технологический анализ (Папин и др., 2015, 2016, 2021; Федорук А.С., Иванов, Федорук О.А., 2022, 2023; Федорук, Иванов, Степанова, 2022, 2023). Технико-технологический анализ (изучалось исходное сырье и формовочные массы сосудов) производился в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского (Бобринский, 1978, 1999; Цетлин, 2012). Изучались свежие изломы и поверхности образцов с помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C. Для определения ожелезненности исходного сырья фрагменты образцов нагревались до температуры 850 °С. Всего исследовано 74 фрагмента, технико-технологический анализ произведен для 43 образцов.

Результаты

Андроновская керамика (два фрагмента венчиков от горшков слабо- и среднепрофилированной формы, что составляет 0,2% керамической коллекции памятника) (рис. 1.-1). Толщина стенок 6 мм. Цвет изломов — черный.

Орнамент, выполненный штампованием, расположен на шейке либо шейке и плечиках сосудов. Отмечен ряд мотивов: меандровидные фигуры, параллелограммы, горизонтальные линии из оттисков мелкозубчатого гребенчатого штампа, ромб из оттисков прямого штампа. Узор состоит из одного или трех различных мотивов.

В качестве исходного сырья была использована среднежелезненная среднезапеченная глина (табл. 1). Формовочные массы представлены одним рецептом: глина + шамот + органика. Размеры частиц шамота 1–3 мм, концентрация 1:4. Органика представлена раствором/выжимками: фиксируется беловатый налет в полостях, а также небольшое количество отпечатков растительности.

Керамика переходного этапа от развитой к поздней бронзе (0,5% коллекции памятника).

Особенности фрагментов позволяют разделить их на три подгруппы, по аналогии с ранее изученным комплексом поселения Калиновка-II (Федорук А.С., Иванов, Федорук О.А., 2023).

Подгруппа 1 — фрагмент венчика слабопрофилированного горшка (рис. 1.-2). Толщина по стенке 11 мм, цвет излома светло-красный. Фрагмент включает зону шейки и плечиков, полностью покрыт орнаментом в виде двух горизонтальных елочек из оттисков гребенчатого штампа.

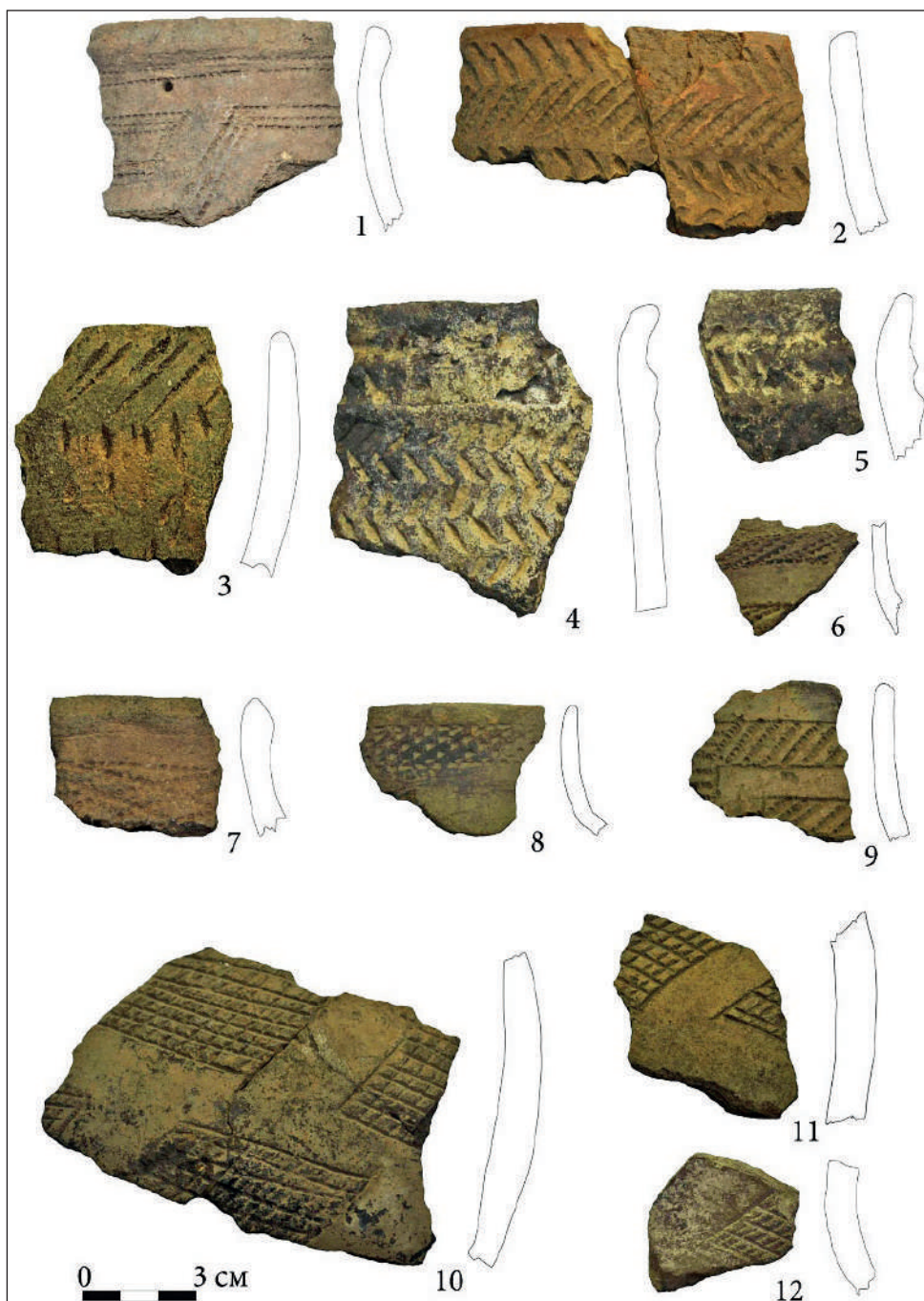

Рис. 1. Андроновская (1), переходного этапа от развитой к поздней бронзе (2–5) и гибридная гребенчатая (6–12) керамика поселения Новоильинка

Fig. 1. Andronovo (1), transitional period from developed to late Bronze (2–5) and hybrid comb (6–12) ceramic of the Settlement Novoilinka

Сосуд изготовлен из среднежелезненной слабозапесоченной глины по рецепту глина + шамот + органика (раствор?). Размеры частиц шамота 1–3 мм, концентрация 1:4.

Подгруппа 2 представлена двумя фрагментами тулова, вероятно, происходящими от одного сосуда (рис. 1.-3). Толщина стенок 7–10 мм, излом черный. Орнаментированы линией из наклонных оттисков среднезубчатого гребенчатого штампа, ниже которой находятся ряды оттисков ногтя.

Для изготовления использована среднежелезненная глина, содержащая слабоокатанные минералы (табл.). Рецепт: глина + дресва + органика (раствор). Дресва имела размеры частиц 1–3 мм, концентрация 1:4.

К подгруппе 3 отнесены два венчика сосудов горшечно-баночной формы (рис. 1.-4, 5). Толщина черепков 7–10 мм, цвет излома — черный. Орнаментированы по плечикам и тулову налепами или отпечатками гладкого прямого штампа. Основные мотивы — неорнаментированные валики, валики с рядами наклонных оттисков или елочки, елочка как самостоятельный мотив. В одном случае орнамент состоит из двух, в другом — из трех разных мотивов.

Исходное сырье — среднежелезненные слабозапесоченные глины. Формовочные массы представлены одним рецептом: глина + дресва + органика (раствор). Дресва кварцевая, добавлялась в концентрации 1:4, имела размеры от 0,5 до 3 мм.

Гибридная гребенчатая керамика. Представлена 16 фрагментами (5 венчиков и 11 тулов) от различных сосудов (1,6% комплекса). Стенки сосудов толщиной 4–12 мм.

Различие в использованных орнаментах, по аналогии с аналогичной серией поселения Бурла-3 (Папин и др., 2021), позволяет выделить две подгруппы.

Подгруппа 1. Фрагменты тулов, орнаментированные мелкозубчатым косым штампом (6 единиц от разных сосудов, 0,6% керамики поселения) (рис. 1.-6–9). Толщина стенок 6–12 мм. Весь декор выполнен штампом, преобладают ряды параллелограммов (58,3%) и ромбов (16,6%), заполненных криволинейной сеточкой. Единично отмечены горизонтальные пояски, ряды косых крестов, треугольники. Малые размеры фрагментов подгруппы не дают возможности судить об орнаментальных композициях.

Технология изготовления изучена по пяти образцам. Один экземпляр имел черный излом, два — серый, один — двухцветный окрас. В качестве исходного сырья использовалась средне- и слабожелезненная глина, средне- и слабозапесоченная (табл. 1). Формовочные массы представлены одним рецептом: глина + дресва + органика (раствор). Дресва добавлялась в пропорции 1:3–1:4, размер частиц от 0,5 до 2 мм.

Подгруппа 2. Керамика, орнаментированная оттисками мелко- и среднезубчатого прямого штампа (рис. 1.-10–12). Представлена 10 фрагментами различных сосудов (5 венчиков и 5 тулов, совокупно 1,0% керамики памятника).

Три фрагмента происходят от сильнопрофилированных горшков, два — от слабопрофилированных. Чаще орнамент расположен на области тулова — 45,4%, реже — шейки и плечиков (по 27,3%). Отмечено использование приемов штампования (80%), налепа и прочерчивания (по 1 ед.). Преобладают пояски, включающие наклонные оттиски (28,6%) либо сеточку (4,8%) из гребенчатого штампа. Трижды встречены горизонтальные прочерченные линии и геометрические фигуры (треугольники, ромбы)

(14,3%), остальные мотивы зафиксированы по одному разу. Узоры состоят только из одного (42,9%) или двух мотивов (28,6%), прочие композиции единичны.

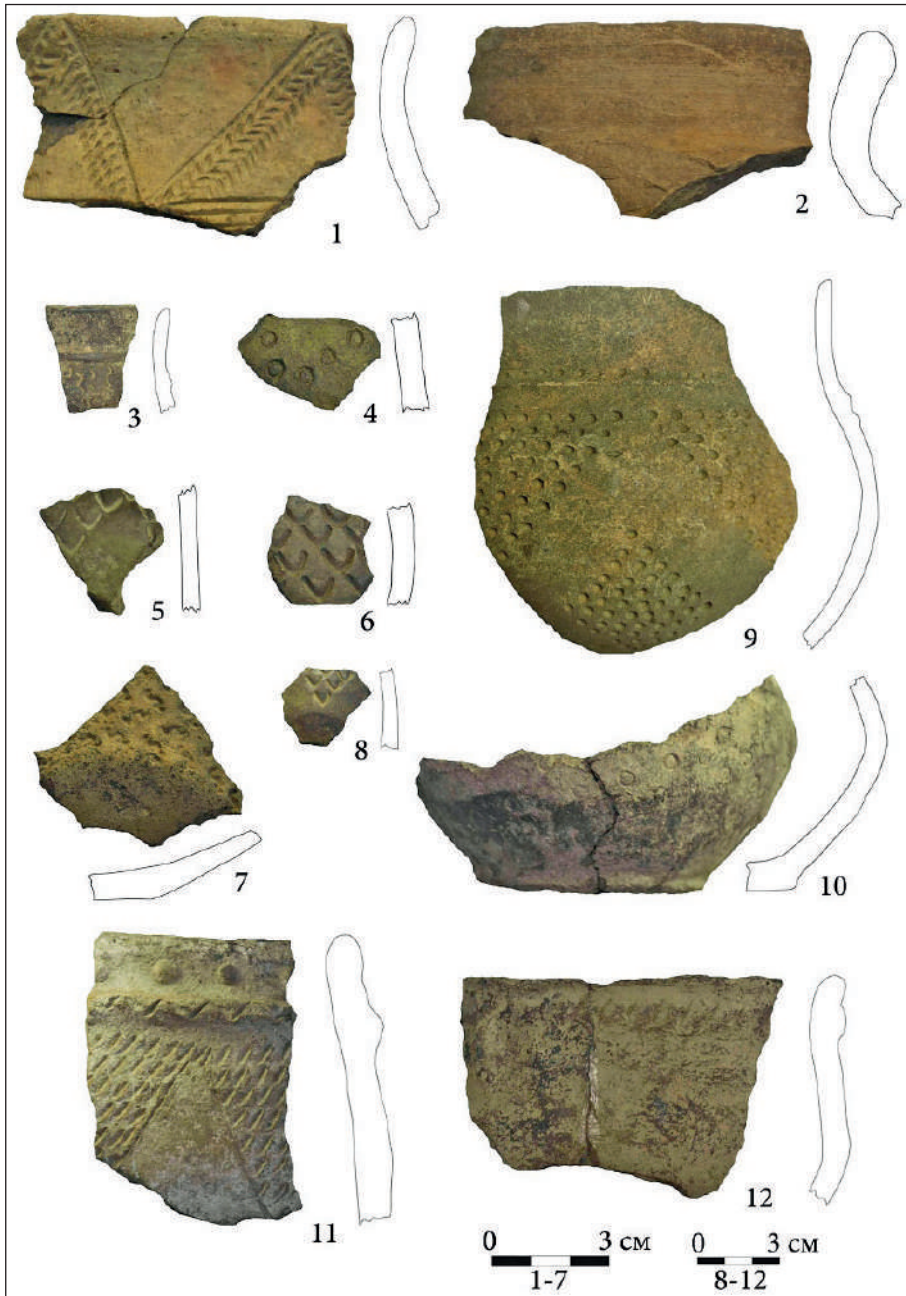

Рис. 2. Дандыбаевская (1, 3–10), круговая (2) и донгальская (11, 12) керамика поселения Новоильинка
 Fig. 2. Dandybaevskaya (1, 3–10), ceramic, made with potter wheel (2), Dongalskaya (11, 12) ceramic of the Settlement Novoilinka

Для технико-технологического анализа отобрано четыре образца. Цвет изломов — черный. В качестве исходного сырья использована среднежелезненная глина, в одном случае среднезапесоченная, в остальных — слабозапесоченная. Зафиксированы следующие рецепты формовочных масс: глина + шамот + органика, глина + дресва + органика, глина + шамот + дресва + органика (табл. 1). Дресва добавлена в концентрации 1:3–1:4, размер частиц — 1–3 мм, шамот в концентрации 1:5, размер частиц 0,5–2 мм.

Дандыбаевская керамика. Представлена 14 фрагментами различных сосудов (3 венчика, 7 тулов, 3 придонные части, развал нижней части сосуда), что составляет около 1,4% коллекции памятника (рис. 2.-1, 3–10).

Четыре фрагмента происходят от горшков среднепрофилированных форм, один — от банки закрытого типа. Стенки сосудов толщиной 5–10 мм.

Фрагменты серии орнаментированы преимущественно по тулову (11 единиц — 61,1%), реже — плечикам (22,2%), придонным частям (11,1%) и шейке (5,6%). Декор выполнен штампованием (77,8%, в т.ч. гладкий фигурный штамп — отпечатки в виде «галочки», «змейки», полой трубочки — 72,2%, гладкий прямой — 5,6%), нарезкой/прочерчиванием (16,7%, в т.ч. резные линии — 11,1%, каннелюры — 5,6%) и налепами (5,6%). Узоры состоят из горизонтальных линий (33,3%), геометрических фигур (свисающие треугольники, ромбы, совокупно 27,8%) из отпечатков фигурного штампа, горизонтальных узких каннелюр (11,1%). Композиции трех фрагментов включают два, четвертого — три разных мотива.

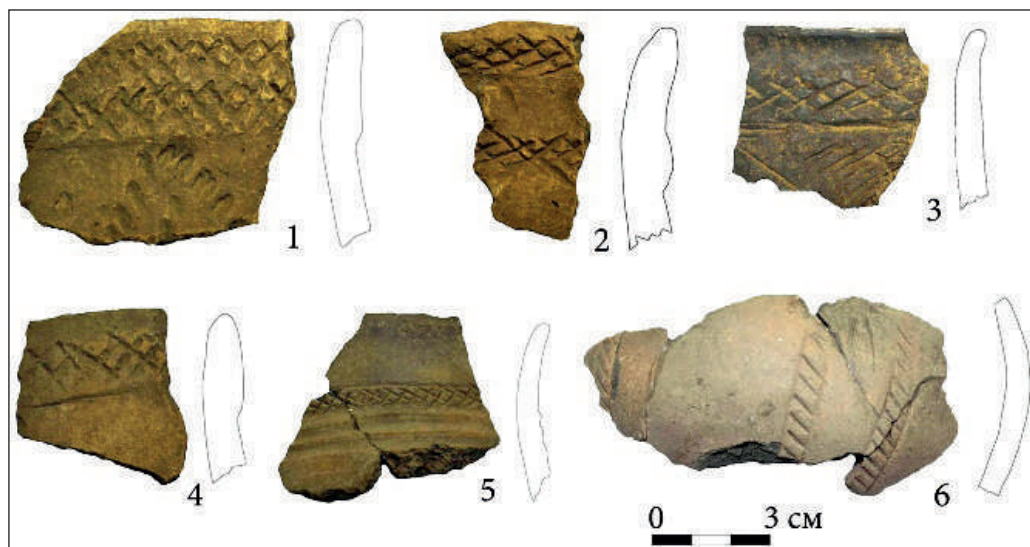

Рис. 3. Ирменская (1–4) керамика и лощеные горшки (5, 6) поселения Новоилынка
Fig. 3. Irmenskaya ceramic (1–4) and burnished pots (5, 6) of the Settlement Novoilinka

Технико-технологический анализ выполнен для девяти образцов. Семь из них в изломе черного цвета, один — серый, один — светло-красноватый. Исходное сырье: шесть образцов изготовлены из среднежелезненных глин, в трех образцах сы-

рье по цвету ближе к сильножелезненному. В большинстве случаев сырье слабозапесоченное (табл.). Выявлено три рецепта: глина + шамот + органика, глина + дресва + органика (раствор), глина + дресва + шамот + органика (навоз). Дресва (в основном кварцевая) добавлялась в концентрации 1:3–1:4, размер частиц 0,5–2 мм. В общей массе выделяется один образец, в котором в качестве дресвы помимо камня была использована руда или шлак (в изломе наряду с остроугольными частицами кварцевых минералов фиксируются темные частицы стекловидной массы и зеленоватый порошкообразный налет) (рис. 4.-3, 4). Шамот имел размеры частиц 0,5–1 мм и концентрацию 1:4.

Круговая (станковая) керамика. Представлена 18 неорнаментированными фрагментами (1,8% коллекции), в том числе одним венчиком сильнопрофилированного горшка (рис. 2.-2). Толщина стенок 5–11 мм.

Технико-технологический анализ проведен для девяти образцов. Излом во всех случаях осветленный. На поверхности четырех фрагментов сохранился ангоб.

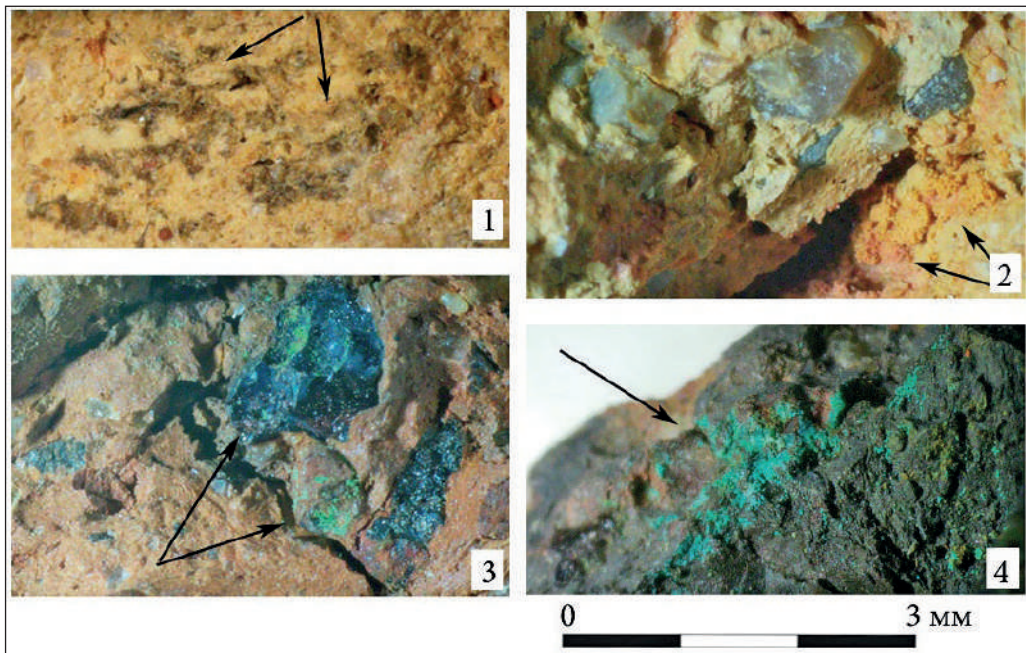

Рис. 4. Микрофотографии образцов керамики поселения Новоильинка
(1 — следы органики, 2 — крупитчатый налет, 3, 4 — шлак/руда)
Fig. 4. Microphotographs of ceramic samples from the Novoilinka settlement
(1 — traces of organic matter, 2 — granular deposits, 3, 4 — slag/ore)

Исходное сырье: в семи случаях отмечена слабожелезненная, в одном — сильножелезненная глина, еще в одном использована смесь двух глин (средне- и слабожелезненной). Сырье содержит большое количество мелкого песка (размер частиц песка от 0,1 до 0,5 мм). Искусственных примесей не зафиксировано, за исклю-

чением одного образца, при изготовлении которого добавлена органика (раствор). Последняя фиксируется по наличию темного налета в полостях и окрасу исходного сырья (рис. 4.-1).

Ирменская керамика (рис. 3.-1-4). Группа насчитывает восемь венчиков (0,8% коллекции).

Четыре фрагмента происходят от слабопрофилированных горшков (57,1%), один — от сильнопрофилированного (14,3%), еще два венчика — от банок закрытого типа (28,6%). Толщина стенок 7–10 мм. Орнамент в равной мере распределен между зонами шейки и плечиков. В орнаментации отмечено использование ряда приемов: штампование (52,2%), выдавливание (17,4%), прочерчивание, налеты (по 13%), вдавления и зацепы пальцами (единично). Основные мотивы: сеточка (35%), ряды жемчужника (20%, в т.ч. прищипнутого пальцами 5%), прочерченные линии и ряды наклонных отпечатков гладкого штампа (по 10%). Композиции состоят из двух (50%) или трех различных мотивов (37,5%), на одном фрагменте использован только один мотив.

Технология изготовления исследована по пяти образцам. Два из них имели черный излом, еще два — двухцветный, один образец имел трехцветный излом (черный в центре и осветленный по краям).

Исходное сырье: использовались сильно- и среднежелезненные глины (табл.), средне- (песок 0,25–0,5 мм) или слабозапесоченное сырье. Выявлено три рецепта составления формовочных масс: глина + шамот + органика (раствор), глина + дресва + органика (раствор), глина + шамот + дресва + органика (раствор). Частицы шамота имели размеры 0,5–3 мм, достигали концентрации 1:3–1:4. Дресва добавлялась в концентрации 1:3, размер частиц — 0,5–1,5 мм.

Лощеные сосуды с каннелюрами по шейке (рис. 3.-5, 6). Представлены одним венчиком горшка среднепрофилированной формы и одним фрагментом тулова (0,2% коллекции). Толщина стенок 4–7 мм, излом черного цвета.

Орнаментированы в зоне перехода от шейки к плечикам и тулову (по 1 случаю). Использован только прием прочерчивания/нарезки: резные линии (57,1%), прочерченные каннелюры (42,9%). Отмечено три мотива: узкие каннелюры, наклонные пояски из резных линий (по 42,9%) и горизонтальная сеточка из резных линий (зафиксирована единично). Немногочисленность и малые размеры черепков не дают возможности установить тип орнаментальных схем сосудов группы.

В качестве исходного сырья использована среднежелезненная глина, средне- (песок 0,5–0,7 мм) или сильнозапесоченная (табл.). Зафиксирован один рецепт: глина + шамот + органика. Концентрация шамота 1:4/5, размер частиц от 0,5 до 1,5–3 мм. Органика представлена растворами (единичные отпечатки растительности, жирный блеск в полостях, углистые пленки).

Донгальская керамика (рис. 2.-11, 12). Включает девять фрагментов различных сосудов (5 венчиков и 4 тулова), что составляет 0,9% коллекции.

Три черепка происходят от горшков (один — от сильнопрофилированного, два — от среднепрофилированных), еще три — от сосудов горшечно-баночной формы. Стенки черепков толщиной 7–11 мм.

Орнамент отмечен в зоне плечиков (54,5%), шеек (27,3%) и тулов (18,2%). Приемы нанесения декора: налепы (40%, в т.ч. горизонтальный валик — 35%, вертикальный валик — 1 ед.), штампование (25%), прочерчивание, выдавливание, насечка (10%), отпечатки пальца (1 ед.). Неоднократно встречены валики с наклонными насечками / оттисками гладкого штампа (21,4%), горизонтальным зигзагом, неорнаментированные валики, ряды жемчужника, ряды свисающих треугольников (по 14,3%). Другие мотивы единичны. Присутствуют схемы из трех различных мотивов (57,1%), одного мотива (28,6%), двух различных мотивов (1 ед.).

Три образца группы подвергнуты технико-технологическому анализу. Цвет излома в двух случаях двухслойный, в одном — трехслойный (осветленный по краям и черный в середине). В качестве исходного сырья в двух случаях использована среднежелезненная глина, в одном — нежелезненная, различной степени запесоченности (табл.). Отмечены рецепты: глина + шамот + органика и глина + дресва + органика. Шамот использован в концентрации 1:5, размер 1–2 мм, дресва — в концентрации 1:3, размер частиц 0,5–3 мм. Органика представлена растворами. В одном случае зафиксирован красновато-охристый крупитчатый налет (рис. 4.-2).

Обсуждение результатов

Анализ орнаментации и морфологии сосудов поселения Новоильинка показал, что на памятнике присутствует керамика, характерная для синхронных комплексов степного Алтая.

Технико-технологическое изучение позволило выделить ряд общих моментов, характерных для гончарных традиций различных этапов эпохи бронзы и переходного времени поселения. Практически во всех группах преобладали среднежелезненные глины, слабо- или среднезапесоченные. Исключение составляет круговая керамика, для изготовления которой использовались в основном слабожелезненные сильнозапесоченные глины (что в целом характерно для керамики, изготовленной с помощью гончарного круга). Что касается формовочных масс, то в большинстве случаев фиксировались рецепты с использованием одной минеральной примеси (дресва/шамот), смешанные рецепты (дресва + шамот) довольно редки.

Сопоставление полученных результатов с однокультурными материалами поселений Алтая позволяет увидеть как общие черты, так и особенности изученного комплекса.

Андроновская керамика Новоильинки, насколько можно судить по исследованным образцам, соответствует общим характеристикам посуды андроновской культуры Алтая, Северного и Восточного Казахстана (Ломан, 1993, с. 20–21, 27–28; Леонтьева, 2016, с. 14–15; Грушин и др., 2021, с. 59).

Керамика переходного этапа от развитой к поздней бронзе весьма немногочисленна, однако предварительно можно отметить, что в подгруппах 2 и 3 встречены рецепты только с добавлением дресвы в качестве минеральной примеси, тогда как

для подобной керамики поселения Калиновка-II такие рецепты редки (Федорук А.С., Иванов, Федорук О.А., 2023, с. 945–950).

Дандыбаевская керамика по составу формовочных масс наиболее близка к однокультурной посуде поселения Бурла-3, также расположенного в северной Кулунде на р. Бурла. Более удаленные поселения Алтая дают иную картину: на Рублево-VI (Южная Кулунда) рецепты только с дресвой или только с шамотом встречаются в равных пропорциях, на Жарково-3 (Центральная Кулунда) выявлены рецепты только с шамотом (Папин и др., 2015, с. 134; 2016, с. 116; 2021, с. 187). Для дандыбаевских сосудов Центрального и Восточного Казахстана характерны рецепты с дресвой, но также отмечены случаи использования шамота и смешения традиций (Ломан, 2015, с. 74; Селин, 2017, с. 102).

Гибридная гребенчатая керамика обеих подгрупп в регионе находит аналогии только в материалах «бурлинского типа памятников» (Бурла-3) (Папин и др., 2021, с. 188). Коллекция изучаемого поселения характеризуется преобладанием рецептов, содержащих дресву, а также наличием небольшого количества смешанных (дресва + шамот) рецептов в подгруппе 2.

Круговая керамика по типу исходного сырья, составу формовочных масс и морфологии аналогична подобной посуде, происходящей с позднебронзовых поселений Кулунды и Центрального Казахстана (Папин и др., 2015, с. 135; 2016, с. 118; Ломан, 2015, с. 73; Ломан, Папин, Федорук, 2017, с. 34; Федорук, Папин, Степанова, 2023, с. 183–184).

Посуда ирменского облика по морфологии и технологии изготовления в целом соответствует ирменской керамике Алтая и Новосибирского Приобья (Кирюшин, Папин, Федорук, 2015, с. 89–90; Мыльникова, 2015, с. 16; Папин и др., 2016, с. 114–115; и др.). Это же можно сказать и о лощенных горшках с каннелюрами, но их немногочисленность не позволяет провести более подробный сравнительный анализ.

Донгальская керамика Новоильинки несколько отлична от подобной керамики региона: в орнаментации встречаются такие редкие элементы, как валик с зигзагом, ряды оттисков пальца, геометрические фигуры. Можно отметить, что на исследуемом памятнике не зафиксировано смешанных (шамот + дресва) рецептов, тогда как на других поселениях Алтая и Казахстана их доля составляет от 32 до 67% (Ломан, 1991, с. 51; Папин и др., 2015, с. 128; 2016, с. 108; Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, с. 61–62; Федорук, Иванов, Степанова, 2022).

Сравнительная характеристика групп керамики поселения Новоилінка (технология)
Comparative characteristics of the group of ceramics from the Novoilinka settlement (technology)

	Исходное сырье, %				Рецепты, %					
	ожелезненность		запасоченность		глина + дресва + органика	глина + шамот + оорганика	глина + дресва + шамот + органика	глина + органика	глина + глина	без добавок
	сильно	средне	слабо	средне						
Андроновская (2 ед.)		100			100	100				
Переходный этап от развитой к поздней бронзе	подгруппа 1 (1 ед.)		100			100				
	подгруппа 2 (1 ед.)		100			100				
	подгруппа 3 (2 ед.)		100			100				
Гибридная гребенчатая	подгруппа 1 (5 ед.)		40	60			100			
	подгруппа 2 (4 ед.)		100				50	25	25	
Дандыбаевская (9 ед.)		33,3	66,7				77,8	11,1	11,1	
Ирменская (5 ед.)		40	60				20	60	20	
Сосуды с каннелюрами по шейке (2 ед.)		100						100		
Донгальская (3 ед.)	33,3	66,7			33,3	33,3	33,3			
Круговая (9 ед.)	11,1		77,8		100				11,1	77,8

Заключение

Изучение керамики поселения Новоильинка показало, что наряду с саргаринско-алексеевской керамикой, составляющей основу комплекса, на памятнике присутствует та же посуда, что и на синхронных поселениях степного Алтая. Эта керамика малочисленна, но достаточно разнообразна в культурном плане и соответствует основным отмеченным для региона археологическим культурам.

Результаты ее технико-технологического изучения свидетельствуют о преобладании рецептов с использованием одного вида минеральной примеси в большинстве групп.

Рецепты с шамотом характерны для андроновской посуды, керамики переходного типа от развитой к поздней бронзе (подгруппа 1), ирменской и, видимо, связанных с последней горшков с каннелюрами по шейке, а также донгальской керамики. Преобладание рецептов с дресвой зафиксировано в дандыбаевской, гибридной гребенчатой, а также керамике переходного типа от развитой к поздней бронзе (подгруппы 2, 3).

К особенностям памятника можно отнести преобладание «чистых» рецептов, в которых использованы только дресва или шамот. На большинстве синхронных поселений Кулунды «смешанные» рецепты в однокультурной керамике встречаются чаще. В саргаринско-алексеевской керамике Новоильинки смешанные рецепты также отмечены, но преобладала традиция добавления шамота (Федорук О.А., Федорук А.С., 2024).

Таким образом, результаты изучения керамического комплекса поселения Новоильинка из раскопок 1986 г. показывают, что памятник существовал на протяжении всего периода от развитой бронзы до переходного времени от бронзы к раннему железу. При этом его материалы свидетельствуют о постоянном притоке в регион нового населения. Немногочисленность изготовленных по «смешанным» рецептам сосудов может указывать на слабый процесс взаимодействия и смешения населения на памятнике. Вероятно, в период своего существования поселение являлось некоторым «транзитным» пунктом для носителей различных культурных традиций производства керамики. Учитывая месторасположение памятника на берегу реки Бурла, можно предположить, что приток нового населения в регион проходил вдоль этой водной артерии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во Самарского пед. ун-та, 1999. С. 5–109.

Варфоломеев В.В., Ломан В.Г., Евдокимов В.В. Кент — город бронзового века в центре казахстанских степей // Материалы и исследования по культурному наследию. Т. XI. Астана: Казак ғылыми-зерттеу мәдениет институтының баспа тобы, 2017. 338 с.

Грушин С.П., Мерц И.В., Мерц В.К., Илюшина В.В., Фрибус А.В. Погребальный комплекс периода средней бронзы могильника Семиярка IV (Восточный Казахстан) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 2 (53). С. 52–65.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А. Техничко-технологический анализ керамического комплекса поселений Цыганкова Сопка-I, III // Известия АлтГУ. 2015. Вып. 4/2. С. 87–92.

Леонтьева Д.С. Керамика андроновской культуры степного и лесостепного Алтая (по материалам поселений): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 24 с.

Ломан В.Г. Особенности гончарной технологии эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана // Краткие сообщения Института археологии. 1991. № 203. С. 47–53.

Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II тысячелетия до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 31 с.

Ломан В.Г. Привозная керамика на поселении Кент // Самарский научный вестник. 2015. Т. 4, № 4. С. 71–80.

Ломан В.Г., Папин Д.В., Федорук А.С. Связи населения юга Западной Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 32–36.

Мыльникова Л.Н. Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Новосибирск, 2015. 43 с.

Папин Д.В., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рублево-VI // Теория и практика археологических исследований. 2015. Т. 12, № 2. С. 115–143.

Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф. Керамический комплекс поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3 // Теория и практика археологических исследований. 2016. Т. 15, № 3. С. 102–125.

Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф. Лепная керамика периода поздней бронзы поселения Бурла-3 // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 2. С. 175–192.

Селин Д.В. Особенности состава формовочных масс керамики бегазы-дандыбаевской культуры памятника Дандыбай (Центральный Казахстан) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2017. Т. 16, № 7. С. 97–105.

Ситников С.М. Саргаринско-алексеевская культура лесостепного и степного Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 21 с.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул : АлтГПУ, 2015. 254 с.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.

Федорук А.С. Этнокультурное взаимодействие древнего населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 23 с.

Федорук А.С., Иванов Г.Е., Степанова Н.Ф. Керамика донгальского типа поселения Калиновка-II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2022. С. 778–786.

Федорук А.С., Иванов Г.Е., Степанова Н.Ф. Саргаринско-алексеевская керамика поздней бронзы поселения Калиновка-II (лесостепной Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 1. С. 160–181.

Федорук А.С., Иванов Г.Е., Федорук О.А. Керамика развитого этапа бронзового века поселения Калиновка-II (Восточная Кулунда) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2022. С. 787–794.

Федорук А.С., Иванов Г.Е., Федорук О.А. Керамика переходного этапа от развитой бронзы к поздней (по материалам поселения Калиновка-II) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIX. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2023. С. 944–952.

Федорук А.С., Папин Д.В., Степанова Н.Ф. Керамика, изготовленная с использованием гончарного круга, из раскопок поселения Бурла-3 в 1987–1988 гг. // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 4. С. 175–192.

Федорук О.А., Федорук А.С. Саргаринско-алексеевская керамика поселения Новоильинка (Северная Кулунда) // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, № 4. С. 178–195.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М. : ИА РАН, 2012. 384 с.

REFERENCES

Bobrinskii A.A. Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study. Moscow : Nauka, 1978. 272 p. (*In Russ.*)

Bobrinskii A.A. Pottery Technology as an Object of Historical and Cultural Study. In: Actual Problems of Studying Ancient Pottery. Samara : Izd-vo Samarskogo ped. un-ta, 1999. Pp. 5–109. (*In Russ.*)

Varfolomeev V.V., Loman V.G., Evdokimov V.V. Kent is a Bronze Age City in the Center of the Kazakh Steppes. Astana : Kazakh gylymi-zertteu madeniet institutynyn baspa toby, 2017. 338 p. (*In Russ.*)

Grushin S.P., Merts I.V., Merts V.K., Ilyushina V.V., Fribus A.V. Semiyarka IV Burial Complex of the Middle Bronze Age (Eastern Kazakhstan). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2021;2(53):52–65. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoryuk O.A. Technical and Technological Analysis of the Ceramic Complex of the Tsygankova Sopka-I, III Settlements. *Izvestiya AltGU = Bulletin of Altai State University*. 2015;4/2:87–92. (*In Russ.*)

Leont'eva D.S. Ceramics of the Andronovo Culture of the Steppe and Forest-Steppe Altai (based on settlement materials): Abstract Dis. ... Cand. of Historical Sciences. Barnaul, 2016. 24 p. (*In Russ.*)

Loman V.G. Features of Pottery Technology of the Late Bronze Age of Central Kazakhstan. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii = Brief Reports of the Institute of Archaeology*. 1991;203:47–53. (*In Russ.*)

Loman V.G. Pottery Technology of the Population of Central Kazakhstan in the Second Half of the 2nd Millennium BC: Abstract Dis. ... Cand. of Historical Sciences. Moscow, 1993. 31 p. (In Russ.)

Loman V.G. Imported Ceramics from the Kent Settlement. *Samarskij nauchnyj vestnik = Samara Journal of Science*. 2015;4(4):71–80. (In Russ.)

Loman V.G., Papin D.V., Fedoruk A.S. Connections between the Population of the South of Western Siberia and Central Asia in the Late Bronze Age (based on materials from ceramic complexes). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Tomsk State University. Story*. 2017;49:32–36. (In Russ.)

Mylnikova L.N. Ceramics of the Transition Period from the Bronze to the Iron Age of the Forest-Steppe Zone of Western Siberia: Dialogue of Cultures: Abstract Dis. ... Doctor of Historical Sciences. Novosibirsk, 2015. 43 p. (In Russ.)

Papin D.V., Loman V.G., Stepanova N.F., Fedoruk A.S. Results of Technical and Technological Analysis of the Ceramic Complex of the Late Bronze Age Settlement Rublevo-VI. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archeological Research*. 2015;12(2):115–143. (In Russ.)

Papin D.V., Fedoruk A.S., Loman V.G., Stepanova N.F. Ceramic Complex of the Late Bronze Age Settlement Zharkovo-3. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2016;15(3):102–125. (In Russ.)

Papin D.V., Fedoruk A.S., Loman V.G., Stepanova N.F. Stuffed Ceramics of the Late Bronze Epoch of the Burla-3 Settlement. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archeological Research*. 2021;33(2):175–192. (In Russ.)

Selin D.V. Features of the Composition of Molding Masses of Ceramics of the Begazy-Dandybai Culture of the Dandybai site (Central Kazakhstan). *Vestnik NGU. Seriya istoriya, filologiya = Bulletin of NSU. Series: History, Philology*. 2017;16(7):97–105. (In Russ.)

Sitnikov S.M. Sargarinsko-Alekseevskaya Culture of Forest-Steppe and Steppe Altai: Abstract Dis. ... Cand. of Historical Sciences. Barnaul, 2002. 21 p. (In Russ.)

Sitnikov S.M. Culture of the Sargarinsko-Alekseevskaya Population of the Forest-Steppe and Steppe Altai. Barnaul : AltGPU, 2015. 254 p. (In Russ.)

Udodov V.S. The Age of Developed and Late Bronze Ages of Kulunda: Abstract Dis. ... Cand. of Historical Sciences. Barnaul, 1994. 21 p. (In Russ.)

Fedoruk A.S. Ethnocultural Interaction of the Ancient Population of the Steppe Ob-Irtysh Region in the Late Bronze Age: Abstract Dis. ... Cand. of Historical Sciences. Barnaul, 2006. 23 p. (In Russ.)

Fedoruk A.S., Ivanov G.E., Stepanova N.F. Dongal Type of Ceramic from the Kalinovka-II Settlement (Forest-steppe Altai). In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXVIII. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2022. Pp. 778–786. (In Russ.)

Fedoruk A.S., Ivanov G.E., Stepanova N.F. Sargarinsko-Alekseevskaya Ceramics of the Late Bronze Age of the Kalinovka-II Settlement (Forest-Steppe Altai). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archeological Research*. 2023;35(1):160–181. (In Russ.)

Fedoruk A.S., Ivanov G.E., Fedoruk O.A. Ceramics of the Developed Stage of the Bronze Age of the Kalinovka-II Settlement (Eastern Kulunda). In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXVIII. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2022. Pp. 787–794. (*In Russ.*)

Fedoruk A.S., Ivanov G.E., Fedoruk O.A. Pottery of the Transitional Stage from the Developed Bronze Age to the Late Bronze Age (Based on the Materials of the Kalinovka-II Settlement). In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXIX. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2023. Pp. 944–952. (*In Russ.*)

Fedoruk A.S., Papin D.V., Stepanova N.F. Ceramics, Made with the Use of the Potter's Wheel from the Excavations of the Burla-3 Settlement in 1987–1988. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archeological Research*. 2023;35(4):175–192. (*In Russ.*)

Fedoruk O.A., Fedoruk A.S. Sargarinsko-Alekseevskaya Ceramics of the Novoilinka Settlement (North Kulunda). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archeological Research*. 2024;36(4):178–195. (*In Russ.*)

Tsetlin Yu.B. Ancient Ceramics. Theory and Methods of Historical-and-Cultural Approach. Moscow : IA RAN, 2012. 384 p. (*In Russ.*)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Федорук О.А.: анализ исходного сырья и формовочных масс сосудов, научное редактирование статьи.

O.A. Fedoruk: analysis of raw material and pottery paste, scientific editing of the article.

Федорук А.С.: идея, сбор и обработка материалов, анализ морфологии и орнаментации сосудов.

A.S. Fedoruk: idea, collection and processing of materials, analysis of morphology and ornamentation of vessels.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Федорук Ольга Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Olga A. Fedoruk, Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Laboratory for Interdisciplinary Study of the Archaeology of Western Siberia and Altai, Altai State University, Barnaul, Russia.

Федорук Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия; научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Alexander S. Fedoruk, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Laboratory for Interdisciplinary Study of the Archaeology of Western Siberia and Altai, Altai State University, Barnaul, Russia; Researcher of Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 16.09.2025;
одобрена после рецензирования 28.10.2025;
принята к публикации 24.11.2025.
The article was submitted 16.09.2025;
approved after reviewing 28.10.2025;
accepted for publication 24.11.2025.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Научная статья / Research Article

УДК 903.5

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-10)

EDN: DBYTHM

МОГИЛЬНИК ТАШТЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТЕСИНСКИЙ ЗАЛИВ-3: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**Юрий Николаевич Гаркуша¹, Олег Андреевич Митько²,
Игорь Юрьевич Слюсаренко^{3*}**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
garkusha_y@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0935-0213>

²Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;
omitis@gf.nsu.ru, <https://orsid.org/000-0002-7741-3167>

³Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
slig1963@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1243-0900>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Представлены результаты исследования погребений таштыкского грунтового могильника Тесинский Залив-3. Памятник расположен в Республике Хакасия в левобережной части Сыдо-Ербинской котловины, на небольшом мысу к югу от устья р. Тесь. Он был открыт в 2012 г., с 2017 г. проводилось его полевое изучение. На момент открытия памятник насчитывал 81 объект. Раскопками вдоль береговой линии выявлены четыре грунтовые могилы, в трех из которых находились бревенчатые срубы, и три объекта ритуального назначения. По особенностям погребального обряда выделяется три группы могил: кремация в срубе, трупоположение в яме, биритуальный обряд (трупосожжение и трупоположение) в срубе. Номенклатура предметов, обнаруженных в погребениях, широко представлена в памятниках таштыкской культуры: сосуды на поддоне, шпильки, бусы различных типов — стеклянные и изготовленные из сердолика, которые находят близкие аналогии с античными бусами. Особый акцент сделан на исследовании деревянных

конструкций методом дендрохронологии с целью относительного датирования могил. Серия из 21 образца была отобрана от всех погребений с древесиной (могилы 1, 2, 9). Для каждой могилы построена обобщенная древесно-кольцевая хронология (ДКХ) разной протяженности: мог. 1 — лиственница, 95 лет; мог. 2 — лиственница, 116 лет; мог. 9 — сосна, 159 лет. Перекрестное датирование ДКХ трех могил между собой и с дендрощкалой Оглахтинского могильника позволило связать все три могилы с относительной оглахтинской хронологией в узком интервале: 178 (могила 1), 176 (могила 2) и 180 (могила 9) гг. по относительной шкале. Эти даты очень близки ранней группе могил Оглахтинского некрополя. Радиоуглеродное датирование позволяет оценить время сооружения погребений на обоих памятниках: 2-я четверть II — 2-я четверть IV в.

Ключевые слова: Хакасско-Минусинские котловины, таштыкская культура, грунтовый могильник, погребальный обряд, дендрохронология

Благодарности: исследование проведено в рамках реализации проектов «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкция историко-культурного прошлого», № FWZG-2025-0001 (Гаркуша Ю.Н.); «Природные условия обитания древнего человека в четвертичном периоде Евразии», № FWZG-2025-0005 (Слюсаренко И.Ю.); государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности, проект № FSUS-2025-0009 (Митько О.А.). Антропологические определения выполнены канд. ист. наук Д.В. Поздняковым (ИАЭТ СО РАН); определения костных останков животных выполнены канд. биол. наук А.М. Клементьевым (ИЗК СО РАН).

Для цитирования: Гаркуша Ю.Н., Митько О.А., Слюсаренко И.Ю. Могильник таштыкской культуры Тесинский Залив-3: археологический контекст и дендрохронологические исследования // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 4. С. 177–200. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\)-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4)-10)

BURIAL GROUND OF THE TASHTYK CULTURE TESINSKIY ZALIV-3: ARCHAEOLOGICAL CONTEXT AND DENDROCHRONOLOGICAL RESEARCH

Yuri N. Garkusha¹, Oleg A. Mitko², Igor Yu. Slyusarenko^{3*}

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
garkusha_y@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0935-0213>

²Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia;
omitis@gf.nsu.ru, <https://orsid.org/000-0002-7741-3167>

³Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
slig1963@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1243-0900>

*Corresponding Author

Abstract. The article presents the results of the study of the Tashtyk culture burial ground Tesinskiy Zaliv-3. The site is located in the Republic of Khakassia in the left-bank part of the Sydo-Yerbinskaya Basin, on a small cape south of the mouth of the Tes' River. It was discovered in 2012, and its field study has been conducted since 2017. At the time of discovery, the burial ground consisted of 81 objects. Excavations along the coastline revealed four ground graves, three of which contained log cabins, and three objects of ritual purpose. According to the features of the burial rite, three groups of graves are distinguished: cremation in a log cabin, burial in a pit, and a bi-ritual rite (burning and burial) in a log cabin. The range of objects found in burials is widely represented in the cemeteries of the Tashtyk culture: vessels on a tray, hairpins, beads of various types—glass and made of carnelian, which find close analogies with antique beads. Particular emphasis is placed on the study of wooden structures using the

dendrochronology method for the purpose of relative dating of the graves. A series of 21 samples was selected from all burials with wood structures (graves 1, 2, 9). For each grave, a generalized tree-ring chronology (TRC) of varying length was constructed: grave 1 — larch, 95 years length; grave 2 — larch, 116 years; grave 9 — pine, 159 years. Cross-dating of the TRC of the three graves with each other and with the dendroscale of the Oglakhty burial ground made it possible to link all three graves with the relative Oglakhty chronology in a narrow interval: 178 (grave 1), 176 (grave 2) and 180 (grave 9) years on the relative scale. These dates are very close to the early group of graves of the Oglakhty necropolis. Radiocarbon dating makes it possible to estimate the time of construction of the burials at both sites: the second quarter of the 2nd — second quarter of the 4th centuries AD.

Keywords: Khakass-Minusinsk basins, Tashtyk culture, burial ground, burial rite, dendrochronology

Acknowledgements: the study was conducted within the framework of the research projects “Siberia and Adjacent Territories: Study and Reconstruction of the Historical and Cultural Past”, No. FWZG-2025–0001 (Garkusha Yu.N.); “Natural Habitat Conditions of Ancient Man in the Quaternary Period of Eurasia”, No. FWZG-2025–0005 (Slyusarenko I.Yu.); the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the field of scientific activity, project No. FSUS-2025–0009 (Mitko O.A.). Anthropological determinations were performed by Cand. Sci. (Hist.) D.V. Pozdnyakov (IAET SB RAS); determinations of the animal bone remains were performed by Cand. Sci. (Biology) A.M. Klementyev (IEC SB RAS).

For citation: Garkusha Yu.N., Mitko O.A., Slyusarenko I.Yu. Burial Ground of the Tashtyk Culture Tesinsky Zaliv-3: Archaeological Context and Dendrochronological Research. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(4):177–200. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-10)

Введение
Могильник Тесинский Залив-3 расположен в Боградском районе Республики Хакасия на левобережной части Сыдо-Ербинской котловины, в 8 км севернее д. Абакано-Перевоз (рис. 1). Он был открыт в 2012 г. археологическим отрядом под руководством старшего научного сотрудника Хакасского отделения ВООПИК, кандидата исторических наук А.И. Готлиба в ходе мониторинга состояния объектов археологического наследия, расположенных вдоль осыпающегося берега Красноярского водохранилища. Памятник был атрибутирован как таштыкский грунтовый могильник. В разные годы, начиная с 2017 г., его полевое изучение проводилось Красноярским археологическим отрядом ЛГИ НГУ (Митько и др., 2017; Митько и др., 2018).

Могильник занимает степной участок к востоку от Боярского хребта, на небольшом мысу к югу от устья р. Тесь. С запада таштыкский могильник фактически смыкается с могильником тагарской культуры, представленным в основном курганами подгорновского и сарагашенского этапов. На противоположном, левом берегу р. Тесь находится Копенский чаатас с примыкающим к нему большим могильником с курганами раннего железного века и расположенными между ними таштыкскими грунтовыми могилами (Митько, 2021).

Погребальный памятник представляет собой компактную группу, насчитывавшую на момент открытия 81 объект. Несмотря на высокий и густой травостой, они визуально хорошо фиксируются на поверхности как ярко выраженные западины округлой и овальной формы, имеющие различные размеры (от 1,5 до 3 м и глубиной от 0,4 до 1 м). Западины наблюдаются на площади около 160×110 м. Они располагаются отдельными

группами, включающими разное количество объектов. Каменные конструкции не прослеживаются (рис. 2).

Рис. 1. Схема расположения могильника Тесинский Залив-3
Fig. 1. Layout of the Tesinskiy Zaliv-3 burial ground

Могильник находится в аварийном состоянии, через его центральную часть проходит хорошо накатанная грунтовая проселочная дорога, однако основные разрушения захоронений фиксируются на его восточной окраине. Часть объектов на краю обрыва обрушилась под воздействием ветровой и водной эрозии, и в последние годы этот процесс приобрел ускоренный характер. По сведениям местных жителей, они периодически находили на берегу реки фрагменты сгнивших бревен срубов из обрушившихся погребений.

Материалы и методы

Описание погребений и сопроводительного инвентаря

За прошедшие годы исследования проводились вдоль береговой линии: по ее краю были заложены две группы последовательно продолжающихся раскопов общей протяженностью около 50 м (раскопы I–V и VIII–X). На их площади было выявлено четыре грунтовые могилы: в раскопе II — могила 1, в раскопе IV — могилы 2 и 2А, в раскопе VIII — могила 9. Кроме того, имеют место ряд объектов ритуального назначения. В раскопе IX выявлен объект 1 (на общем плане могильника отмечен как могила 11), а в раскопе X — объект 1 (на общем плане могильника отмечен как могила 12) и объект 2 (до начала раскопок в рельефе современной поверхности не фиксировался)¹. В раскопах I, III и V археологических объектов не обнаружено (рис. 2.-2).

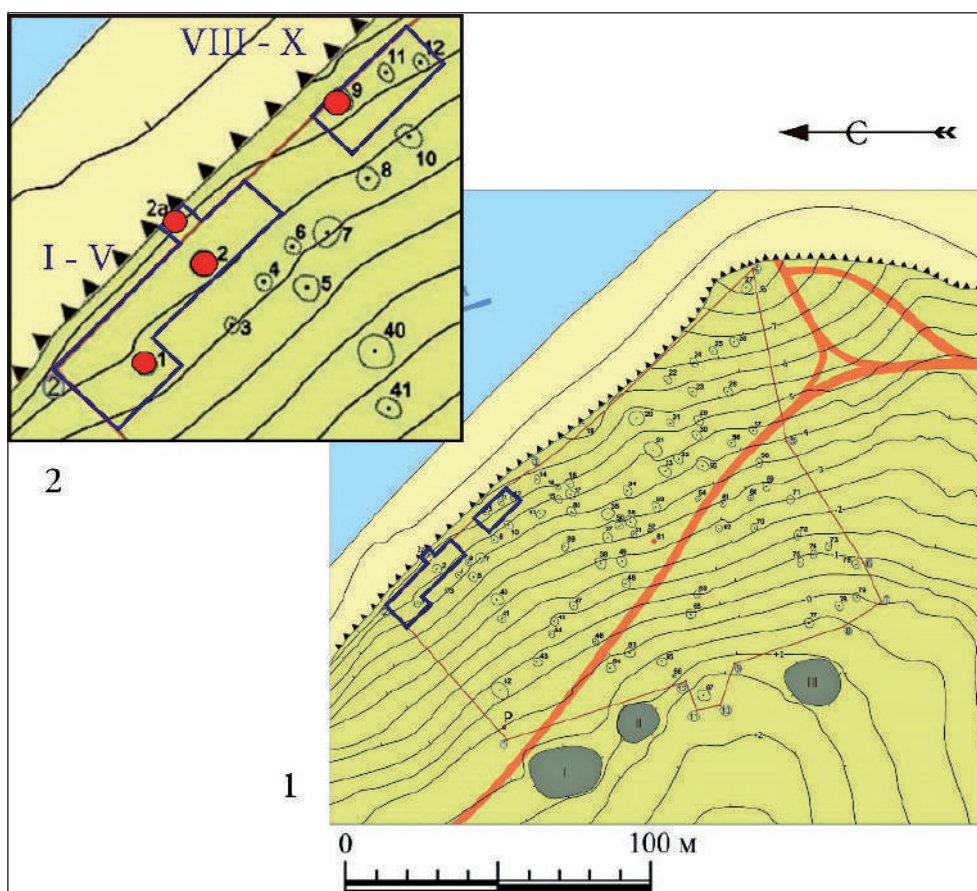

Рис. 2. План могильника Тесинский Залив-3 (1) и схема раскопов (2) с исследованными погребениями (римскими цифрами обозначены номера раскопов)

Fig. 2. Plan of the Tesinskiy Zaliv-3 burial ground (1) and excavation plan (2) with the studied burials (Roman numerals indicate excavation site numbers)

¹ В каждом раскопе применялась своя нумерация объектов.

На современной поверхности погребения имели вид пологих западин размером около 2,5×2 м, вытянутых по линии ЮЗ–СВ, глубиной 0,4–0,5 м. Могильные ямы прослеживались на слое серо-желтого суглинка в виде темных пятен, повторяющих ориентацию западин. Размеры могильных ям составили 3,7–3,8×2,8–3 м; глубина — 1,6–2 м от уровня фиксации пятна. Заполнение состояло из слоев плотной смеси грунта и щебня, супеси и гумусированных включений. В заполнении фиксировались части бересты разных размеров, единичные фрагменты толстостенной керамики, немногочисленные мелкие кальцинированные кости, единичные кости скелета крупного рогатого скота.

В трех могилах (№ 1, 2, 9) на дне ям находились деревянные погребальные срубы прямоугольной формы, собранные «в лапу» из полубревен (рис. 3). Размеры конструкций: 1,8–2,65 м в длину, 1,3–1,75 м в ширину; минимальные размеры имел сруб из мог. 2 — 1,8×1,3 м. Срубы сохранили относительную целостность, но древесина находилась в плохом состоянии. У всех сооружений центральная часть стенок оказалась сплюсненной под тяжестью заполнения. На этих участках высота стен составляла 0,2–0,3 м, в то время, как в лучше сохранившихся углах высота стен двухвенцового сруба достигала 0,5 м (как, например, для мог. 1).

Состояние древесины, вертикальная деформация деталей стен не позволили точно определить — одно- или двухвенцовую конструкцию имел сруб в мог. 2. Наиболее очевидно двухвенцовая конструкция установлена для сруба из мог. 1, одновенцовая — для мог. 9.

По углам верхних венцов отмечены части деталей перекрытия, формируемого из полубревен или толстых досок. По их положению можно сделать вывод, что перекрытие было как продольным (мог. 1), так и поперечным (мог. 2, 9). Поверх перекрытия укладывалось покрытие из нескольких слоев бересты: полотна превышали площадь срубов и спускались вдоль их стен — наиболее четко это прослежено в мог. 9.

В мог. 2 установлено наличие деревянного пола, собранного из четырех плотно подогнанных досок шириной до 0,3 м. В мог. 9 на дно вместо деревянного пола было уложено берестяное покрытие. В мог. 1 наличие пола не установлено.

В каждой из могил 1 и 2 обнаружены останки двух погребенных. Захоронения выполнены по биритуальному обряду: в срубе находилось как трупосожжение, так и трупоположение. Целостность погребений нарушена: трупоположения представлены немногочисленными разрозненными костями скелета. Части черепа обнаружены только в мог. 1 (мужчина 40–50 лет). Кремированные останки представлены рассеянными скоплениями мелких фрагментов костей.

В мог. 9 находились останки одного погребенного по обряду кремации. Вплотную к одной из длинных стен располагалось рассеянное скопление мелких кальцинированных костей.

Определенное отличие от описанных погребений демонстрирует мог. 2А (рис. 3. -4). Ее остатки были выявлены в ходе мониторинга обрыва террасы. От мог. 2 она находилась на расстоянии 1 м к северо-востоку. На поверхности данный объект не имел визуально наблюдаемых признаков. Стенки могильной ямы прослеживались нечетко на фоне вмещающего ее слоя. Погребальный сруб отсутствовал; при этом яма отлича-

ется наименьшей глубиной по сравнению с другими исследованными погребениями (около 1,1 м от современной дневной поверхности). Погребение не было потревожено, но пострадало в процессе разрушения берега. *In situ* сохранилась лишь верхняя часть скелета; другая часть, от таза и ниже, сползла в обрыв. Судя по сохранившимся останкам, тело погребенного подростка женского пола, возрастом около 15 лет, было уложено на спину головой на запад, с вытянутыми вдоль корпуса руками.

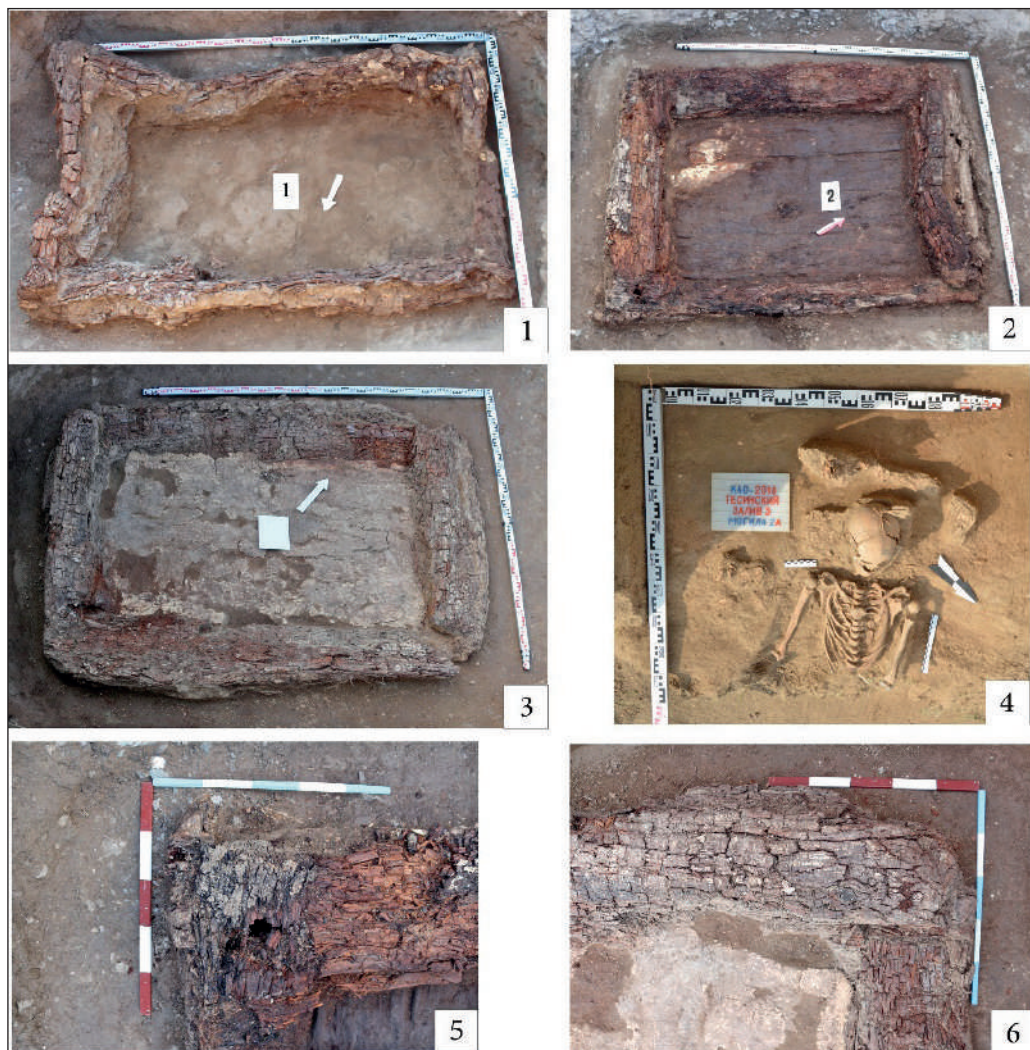

Рис. 3. Могильник Тесинский Залив-3. Погребальные срубы и общий вид могилы 2А: 1 — могила 1; 2 — могила 2; 3 — могила 9; 4 — могила 2А; 5 — могила 2, южный угол сруба; 6 — могила 9, западный угол сруба

Fig. 3. Tesinskiy Zaliv-3 burial ground. Burial log structures and general view of grave 2A: 1 — grave 1; 2 — grave 2; 3 — grave 9; 4 — grave 2A; 5 — grave 2, southern corner of the log cabin; 6 — grave 9, western corner of the log cabin

В свою очередь, на площади исследованных раскопов IX и X обнаружен ряд объектов, вероятно, ритуального назначения. На поверхности они имели вид неглубоких западин, отличающихся, по сравнению с западинами над могилами, меньшими размерами: около 1,4×1,0 м.

Два объекта (объект 1, раскоп IX; объект 2, раскоп X) — ямы размером 1,4–1,6×1,0–1,6 м, глубиной 0,5–0,75 м. Одна яма была пуста, в другой находились отдельные кости скелета особи крупного рогатого скота: бедренная кость в сочленении с большой берцовой, позвонок, лопатка, грифельная кость (рис. 4.-1).

Еще один объект (объект 1, раскоп X) — каменная кладка размером 0,5×0,2 и высотой 0,2 м (рис. 4.-2). Она сформирована из двух небольших плиток песчаника и шести округлых галек красноватого цвета. Среди камней и рядом с ними артефакты не обнаружены.

Рис. 4. Могильник Тесинский Залив-3. Общий вид объектов ритуального назначения:

1 — объект 1, раскоп IX; 2 — объект 1, раскоп X

Fig. 4. Tesinskiy Zaliv-3 burial ground. General view of the objects of ritual purpose:

1 — object 1, excavation site IX; 2 — object 1, excavation site X

Сопроводительный погребальный инвентарь оказался немногочисленным. Все находки были сделаны в погребальных камерах и за их стенками практически не фиксировались.

Бусы. Являются наиболее массовым материалом в рассмотренных погребениях. В разных частях сруба мог. 2 было обнаружено 24 бусины (целых и во фрагментах) различного типа (рис. 5.-1–20). Четыре предмета представлены разноцветными глазчатыми и полосчатыми стеклянными бусами. При промывке грунта из сруба было обнаружено еще 20 мелких пастовых бусин, как целых, так и фрагментированных. Цветовая гамма — оранжевый, серый и синий цвета.

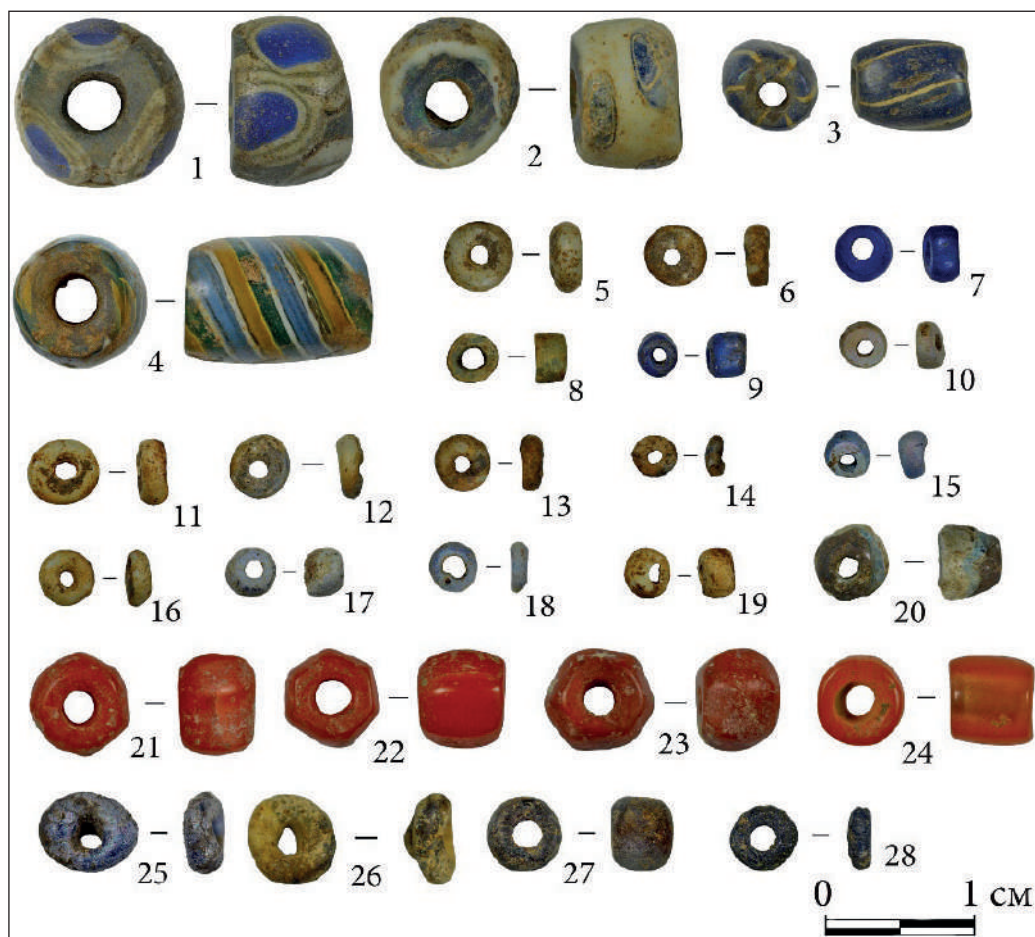

Рис. 5. Могильник Тесинский Залив-3. Бусы из погребений: 1–20 — могила 2; 21–28 — могила 2А
 Fig. 5. Tesinskiy Zaliv-3 cemetery. Beads from burials: 1–20 — grave 2; 21–28 — grave 2A

В мог. 2А обнаружены четыре монохромных бусины, сердоликовых, красных оттенков, и не менее семи пастовых (рис. 5.-21–28). Предметы были рассредоточены среди костей грудной клетки и под черепом.

Керамика. Фрагменты сосудов были обнаружены в мог. 1 и 2, на уровне дна камер — это части небольших кубков на поддоне (по одному в каждой могиле) (рис. 6.-1, 8). Тесто плохого качества, обжиг неровный: очевидно, они были изготовлены специально для погребения. На изделии из могилы 2 сохранилась часть венчика, украшенного двойным рядом скобок.

Два фрагмента, видимо, от одного толстостенного слабообожженного сосуда, обнаружены на дне сруба мог. 9.

Булавки (шпильки). Комплекты из трех предметов обнаружены в мог. 1 и 2А (рис. 6.-2–7). По своему положению они были приурочены к черепам погребенных. В частности, в непо потревоженной мог. 2А предметы находились непосредственно на своде черепа. Каждую группу составляли однотипные предметы из кости и рога. Это хорошо запо-

лированные стержни, диаметр которых 3–4 мм, с молоточковидным навершием. Только один предмет имел уплощенное окончание, верхушка еще одного была повреждена. Различия между ними отмечены, главным образом, в размерах. Комплект из мог. 1 представлен предметами длиной около 6 см; из мог. 2А — около 7,5 см.

Рис. 6. Могильник Тесинский Залив-3. Погребальный инвентарь (1–4 — могила 1; 5–7 — могила 2А; 8 — могила 2); 1, 8 — керамические сосуды; 2–7 — роговые шпильки
 Fig. 6. Tesinskiy Zaliv-3 burial ground. Funeral inventory (1–4 — grave 1; 5–7 — grave 2А; 8 — grave 2); 1, 8 — ceramic vessels; 2–7 — horn pins

Другие предметы

В мог. 2 найден небольшой фрагмент смятой металлической фольги желтого цвета. Размеры 0,5×0,4 см. Возможно, фольгой оборачивали деревянную либо глиняную бусину. Обнаружены также фрагменты бронзового изделия, вероятно, остатки пряжки (часть рамки со шпеньком?). Они плохой сохранности: со следами оплавленности и окислов. Судя по всему, этот предмет относится к кремнированным останкам.

Особенности погребального обряда и сопроводительного инвентаря

Отметим, что, судя по состоянию погребений, все могилы (кроме 2А) имеют признаки нарушения целостности. По особенностям погребального обряда среди исследованных могил выделяется три группы: одиночное захоронение кремнированных останков в срубе, одиночное труположение в яме, погребения по биритуальному обряду, совершенные в срубе. Наличие последнего способа (трупосожжение и труположение, находящиеся в одной погребальной камере) — явление, характерное для таштыкской культуры (Вадецкая, 1999, с. 17–22). Корреляция между размером срубов и количеством погребенных не прослеживается.

Погребальные камеры имеют схожую конструкцию — сруб в 1–2 венца с деревянным перекрытием и уложенным поверх него берестяным полотном, края которого могли свисать вдоль стен. Стены собраны из полубревен, внутренняя поверхность которых плоско отесана; дно камеры могло иметь деревянный настил или берестяное покрытие.

Дополнительным элементом погребального обряда является наличие в заполнении костей животных, встреченных выше уровня перекрытия сруба. В частности, в мог. 1 обнаружена передняя левая нога (от локтевого сустава до второй фаланги) жеребенка первых месяцев жизни. В ходе разборки заполнения мог. 9 были зафиксированы позвонки коровы и нижняя челюсть овцы.

Вся номенклатура предметов, обнаруженных в исследованных погребениях, широко представлена в памятниках таштыкской культуры. К категории массовых находок относятся сосуды на поддоне, шпильки, бусы различных типов. Среди последних выделяется серия разноцветных стеклянных бус и украшений, изготовленных из сердолика. Они происходят с территории за пределами Среднего Енисея и находят многочисленные аналоги среди украшений Северного Причерноморья (Алексеева, 1975), Прикамья и Волги (Голдина, 2010; Валиулина, 2005), Южного Урала (Русланова, 2018), Северного Кавказа (Львова, 2000).

Типология бус из таштыкских памятников была разработана Э.Б. Вадецкой, выделившей на материалах могильника Комаркова семь типов, датируемых I–II вв., и Терский чаатас — шесть типов в пределах II–III вв. (Вадецкая, 1999, с. 67–69). Сравнительный анализ по морфологическим показателям находок из могильников Комаркова и Тесинский Залив-3 показал очень близкие аналогии с античными бусами и позволил выделить для последнего памятника три группы, включающие восемь типов. Для каменных (сердоликовых) бус была определена последовательность технологических операций и инструментарий (Губенко, 2019; Митько, Бурашникова, Губенко, 2024).

На основе существующих типологических схем развития археологического материала рассмотренные комплексы возможно соотнести с хронологическим диапазоном I–IV вв. н.э., охватывающим таштыкские грунтовые могилы (Вадецкая, 1999, с. 67–71).

Характеристика дендробразцов из могильника Тесинский Залив-3
Characteristics of wood specimens from the Tesinsky Zaliv-3 burial ground

№	Код обр.	Вид древесины	Длина ряда, лет*	Средняя ширина кольца, мм	Р	П.к.	S	R**	Относительный интервал по Ор-лахтинской шкале, гг.	Место расположения в конструкции
Могила 1										
1	tz1	LASI	68	1,17	-	-	0,46	0,61	83-150	СЗ стена, венец 1
2	tz2	LASI	38	-	-	-	-	0,80	89-126	ЮЗ стена, венец 1
3	tz3	LASI	32	-	-	-	-	-	Не датирован	СВ стена, венец 1
4	tz4	LASI	94	1,07	-	-	0,41	0,71	85-178	ЮВ стена, венец 1
5	tz5	LASI	61	-	-	-	-	-	Не датирован	СЗ стена, венец 2
6	tz6	LASI	45	-	-	-	-	0,79	94-138	ЮЗ стена, венец 2
7	tz7	LASI	67	1,24	-	-	0,40	0,79	89-155	СВ стена, венец 2
8	tz8	LASI	83	1,20	-	-	0,41	0,61	82-164	ЮВ стена, венец 2
Могила 2										
9	tz9-1	LASI	89	1,37	-	-	0,22	0,66	61-149	СЗ стена
10	tz9-2	LASI	38	0,90	-	-	0,29	0,64	119-156	СЗ стена
11	tz10	PISY	101	1,00	-	-	0,23	-	46-146	СВ стена
12	tz11-1	LASI	88	0,62	-	-	0,26	0,55	89-176	ЮВ стена
13	tz11-2	LASI	97	0,74	-	-	0,24	-	Не датирован	ЮВ стена
14	tz12-1	PISY	90	1,00	-	-	0,26	-	Не датирован	Заполнение ямы, бревно № 13
15	tz12-2	PISY	68	0,83	-	-	0,22	-	Не датирован	Заполнение ямы, бревно № 13
16	tz13	PISY	59	1,24	-	-	0,22	-	Не датирован	Заполнение ямы, бревно № 14
17	tz14	LASI	44	1,12	-	-	0,28	0,78	65-108	Заполнение, фрагмент 1
18	tz15	LASI	76	0,94	-	-	0,26	0,54	99-174	Заполнение, группа фрагментов 2-4
Могила 9										
19	tz16	PISY	104	1,97	-	-	0,29	0,69	22-125	Перекрытие, плаха 1
20	tz17	PISY	85	1,17	-	-	0,28	0,64	25-109	Перекрытие, плаха 6
21	tz18	PISY	73	1,02	-	-	0,35	0,70	67-139	СВ стена
22	tz19	PISY	143	0,94	-	-	0,30	0,75	27-169	ЮВ стена
23	tz20	PISY	159	0,99	-	-	0,26	0,77	22-180	ЮЗ стена
24	tz21	PISY	105	0,79	-	-	0,35	0,75	31-135	СЗ стена

Примечания: * — в таблице представлена длина фактически измеренных рядов. Наличие на спилах поврежденных участков с деформированными годичными кольцами не позволяло получить полную длину ряда на основе наблюдаемых колец. Таким образом, для каждого образца длина полученного ряда прироста в разной степени меньше его фактической длины; ** — значения коэффициента межсерийной корреляции R для каждого ряда указаны по результатам сопоставления в соответствии с их принадлежностью к определенному объекту, согласно их видовой принадлежности.

Коллекция археологической древесины

Наличие в погребениях Тесинского Залива-3 деревянных конструкций позволило использовать для их исследования один из методов современного естественно-научного инструментария, применяемого в археологии, а именно метод древесно-кольцевого анализа. Этот метод, основанный на фиксации погодичной изменчивости древесных колец, позволяет проводить относительное или абсолютное датирование древесных остатков.

Полученный нами ранее положительный опыт работы с древесиной из Оглахтинского могильника (Слюсаренко, Гаркуша, 2023б) поставил вопрос о возможности привлечения для датирования материалов из других таштыкских могильников, в первую очередь наиболее близко расположенных к Оглахтинскому. Первым таким претендентом выступил именно Тесинский Залив-3, являясь территориально наиболее близким к Оглахтинскому могильнику памятником (их разделяет примерно 30 км) из всех, где имеются сборы древесины (рис. 1). Для настоящего исследования была отобрана серия образцов из всех погребений с сохранившейся древесиной (могилы 1, 2, 9). Объем коллекции составил 21 образец.

Мы уже касались ранее особенностей физической сохранности археологической древесины из памятников Хакасско-Минусинской котловины (напр.: Слюсаренко, Гаркуша, 2023а). Этот регион не относится к местам распространения факторов, способствующих естественной консервации древесины (многолетняя мерзлота, очень сухая среда и пр.). Здесь определяющее значение имеет совокупность локальных условий, формируемых на основе топоэкологических особенностей места расположения памятника и обстоятельств археологизации конкретного объекта. В результате локальных различий степень сохранности древесины может заметно отличаться как на разных памятниках, так и в пределах одного некрополя. Ярким примером такого разнообразия является древесина из Оглахтинского могильника. Из трех объектов Тесинского Залива-3, в которых сохранились деревянные конструкции, лучшее состояние демонстрирует материал из мог. 1.

Значительная часть остатков археологизированной в таких условиях древесины обладает той или иной степенью поверхностной и глубинной деградации, характеризующейся следующими особенностями (Слюсаренко, Гаркуша, 2023а, с. 866–867):

1) сжатие годичных колец, особенно в зоне ранней древесины, наблюдаемое на поперечном спиле; такая деформация не только искажает первоначальную ширину прироста, но и затрудняет фиксацию особенно узких колец;

2) сегментация площади спила на несколько разделенных трещинами и смещенных относительно друг друга участков разной площади, с разной степенью деформации колец и нарушенной в ряде случаев их ориентацией относительно радиального направления;

3) разрушение внешних слоев, приводящее к потере не только подкорового кольца, но и до нескольких десятков периферийных колец, что не позволяет с желаемой точностью реконструировать год валки дерева, т.е. момент, после которого оно было использовано в конструкции.

Успех последующего исследования древесины с такими недостатками закладывается уже на стадии отбора образцов в процессе раскопок. Необходимо изымать достаточно крупные фрагменты от элементов деревянных конструкций, чтобы иметь возмож-

ность получить в лабораторных условиях несколько поперечных спилов от одного образца. Это позволяет выбирать наиболее подходящие для проведения измерений радиусы, верифицировать поврежденные участки и получать максимально возможную в таких условиях длину ряда, характеризующего прирост конкретного дерева.

Наличие на отдельных спилах нескольких изолированных участков привело в ряде случаев к необходимости построения для одного образца нескольких индивидуальных древесно-кольцевых рядов, которые оказывались разной протяженности и не показывали однозначной корреляции между собой. Возможными причинами этого рассогласования могут быть: деформация ширины колец, осложняющая проведение измерений; отсутствие области пересечения между древесно-кольцевыми рядами либо недостаточная ее протяженность для уверенного перекрестного датирования. При лабораторной кодировке образцов разным рядам от одного образца дополнительно присваивался порядковый номер (напр.: tz9-1, tz9-2 и т.д.). В основном такая ситуация возникала при работе с древесиной из мог. 2 (см. табл.).

Однако разные ряды прироста, сформированные для одного образца, но не показавшие уверенной корреляции между собой, в ряде случаев приобретали определенную хронологическую позицию при сопоставлении с рядами от других дендробразцов.

В ходе исследования фиксировался возрастной состав строительной древесины. Данный параметр может находиться в определенной связи с локализацией памятника, его типом, социальной значимостью, хронологическим периодом. На основе биологического возраста деревьев выделяют шесть групп древесины: I) возраст до 50 лет; II) 51–100 лет; III) 101–150; IV) 151–200; V) 201–250; VI) свыше 250 лет (Черных, 1996, с. 36–37).

В силу перечисленных физических особенностей образцов древесины протяженность измеренных рядов прироста не всегда была приближена к реальному количеству годовичных колец, наблюдаемых на образце. Например, на обр. tz2, для которого был получен ряд длиной 38 лет, не подлежали измерению около 40 периферийных колец; на обр. tz3 (длина ряда 32 г.) — более 20 периферийных колец; на обр. tz6 (45 лет) было невозможно измерить первые около 30 колец; на обр. tz18 (73 года) исключены из процедуры измерения 45–50 колец и т.д.

С учетом неизмеренных деградированных годовичных колец предложена примерная оценка распределения древесины по возрастным группам. Установлено, что основным строительным материалом были деревья, возраст которых соответствовал II (ближе к ее верхней границе), III группам, т.е. от около 100 до 150 лет. Для стен сруба мог. 9 использовано и более возрастное дерево, принадлежащее IV группе.

При возведении таштыкских деревянных погребальных сооружений нередко одновременно применялась хвойная древесина двух видов: лиственница сибирская (*Larix sibirica* Ledeb.) и сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris* L.). В частности, такая практика имела место в материалах Оглахтинского могильника. При этом соотношение между породами варьирует в разных объектах (Слюсаренко, Гаркуша, 2023б, с. 212, 225, 227). Подобная ситуация выявлена и в срубах Тесинского Залива-3, хотя его материалы отражают определенное единообразие в составе древесного строительного материала. Если в мог. 1 сруб смонтирован исключительно из лиственничных бревен, в мог. 9 — из сосновых, то в мог. 2 только одно из бревен стен выполнено из сосны, а остальные детали

представлены лиственницей. Видовой состав древесины определен на основе анатомических признаков, применяемых для ее идентификации (Бенькова, Швайнгрубер, 2004).

Измерение ширины годичных колец было выполнено на полуавтоматической установке LINTAB-6 (с точностью 1/100 мм), подключенной к компьютеру со специализированной программой TSAP-Win Professional (Rinn, 2013). Измеренные индивидуальные серии погодичного прироста перекрестно датировались в данной программе, которая позволяет осуществлять визуальный контроль сопоставления графиков прироста и рассчитывать серию статистических параметров для каждого варианта их совмещения.

Качество перекрестного датирования древесно-кольцевых рядов оценивалось согласно общепринятой методике на основе стандартных статистических показателей, применяемых в программе TSAP: Glk (коэффициент сходства/изменчивости), ТВР (коэффициент Бейли — Пильчера), CDI (индекс перекрестного датирования). Для дополнительного контроля качества датирования использовалась широко применяемая с этой целью программа COFESHA (Grissino-Mayer, 2001), в которой сходство древесно-кольцевых хронологий (ДКХ) определялось посредством межсерийного (R) и парного (r) коэффициентов корреляции. Кроме того, использовался коэффициент чувствительности, который дает оценку силы воздействия внешних факторов на рост деревьев: чем он выше, тем сильнее годовой прирост реагирует на внешние условия.

Результаты дендрохронологического исследования

Могила 1. Образцы отобраны от каждого бревна двухвенцового сруба.

Индивидуальные ряды прироста продемонстрировали хорошую синхронизацию между собой, обеспечив уверенную относительную хронологическую позицию: Glk — 70–91%; ТВР — 4,1–9,1; CDI — 34–80. Исключением стали ряды по образцам tz3 и tz5 с доминированием деформированных годичных колец (рис. 7; табл.).

С учетом фактического наличия колец максимальная разница между относительными конечными датами индивидуальных рядов составила 43 года². Однако такая разница в отсутствие возможности достоверно оценить количество потерянных периферийных колец имеет случайный характер и не отражает реальной последовательности заготовки деревьев.

Обращает на себя внимание высокий уровень значений статистических параметров, наблюдаемых при сопоставлении tz2 и tz7: Glk — 85%; ТВР — 9,1; CDI — 80. Эти ряды соответствуют деталям 1-го и 2-го венцов из юго-западной и северо-восточной стен. Такой порядок значений даже при области перекрытия в 38 лет между рядами позволяет полагать, что эти детали были изготовлены из одного ствола дерева. Учитывая разницу в датах между последними кольцами этой пары рядов, можем констатировать, что в данном случае в процессе археологизации древесина потеряла не менее 30 периферийных колец.

На основании полученных рядов прироста для объекта «могила 1» была сформирована обобщенная ДКХ по лиственнице протяженностью 95 лет, характеризующаяся высоким средним значением межсерийного коэффициента корреляции R — 0,71.

² В таблице указаны даты окончания измеренных рядов.

Самые длинные ряды — tz4 (94 года) и tz8 (83 года), в наибольшей степени отражающие динамику изменения прироста, также демонстрируют сходство значений по таким параметрам, как средняя ширина кольца и коэффициент чувствительности: 1,07 и 1,24, 0,40 и 0,46 соответственно. Близость значений по каждому параметру позволяет предполагать общность топоэкологических условий, в которых произрастали деревья, послужившие строительным материалом³.

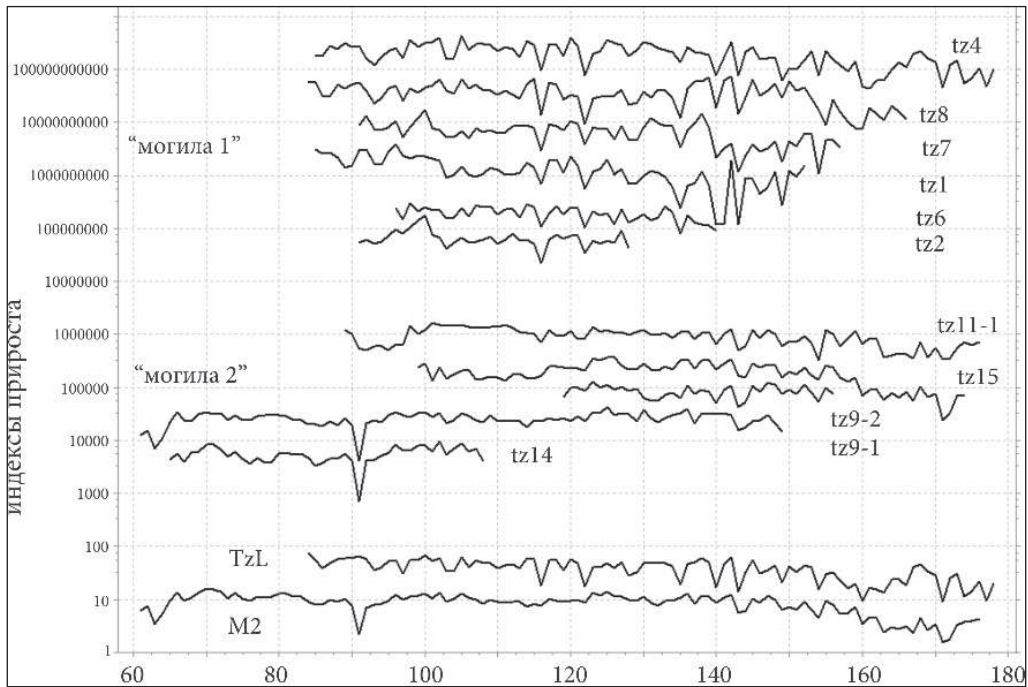

Рис. 7. Перекрестное датирование индивидуальных древесно-кольцевых рядов по лиственнице из объектов «могила 1» и «могила 2» и построенных на их основе обобщенных древесно-кольцевых хронологий TzL и M2

Fig. 7. Cross-dating of individual larch tree-ring series from the objects "grave 1" and "grave 2" and the generalized tree-ring chronologies TzL and M2 constructed on their basis

Могила 2. Образцы были получены от трех стен сруба, двух бревен из заполнения могильной ямы и нескольких мелких фрагментов, россыпью залежавших в заполнении могилы, интерпретированных на месте как части деталей перекрытия. Только один образец (tz10), происходящий от полубревна одной из стен, определен как сосновый; остальные — лиственница (рис. 7; табл.).

Древесина из мог. 2 отличалась существенными деформациями по сравнению с древесиной из других объектов.

³ Для рядов, которые получены лишь на основе ограниченных по площади участков спила, данные параметры в таблице не указаны.

Ряды, полученные по образцам из стен, в целом показали хорошую согласованность между собой: Glk — 71–85%; TBP — 5,4–10,5; CDI — 39–70. Для некоторых из них относительное хронологическое положение было уточнено при сопоставлении с рядами по другим объектам.

По результатам сопоставления образцов из заполнения могильной ямы отмечены два индивидуальных ряда, между которыми отсутствовала синхронизация: tz14 длиной 44 года, tz15 — 76 лет. Однако они показали хорошую согласованность с рядами по деталям из стен, что, по крайней мере, указывает на хронологическую связь этих фрагментов с использованной для строительства древесиной, а не на более позднее и случайное их попадание в заполнение могилы: Glk — 74–75%; TBP — 5,9–10,5; CDI — 39–70.

Максимальная разница между относительными датами последних измеренных колец составила 10 лет; наиболее позднюю дату показал tz11–1 (юго-восточная стена); дата ряда tz15 (по фрагментам из заполнения) отстает на два года.

На основе полученных рядов прироста была сформирована обобщенная лиственничная ДКХ для объекта «могила 2» протяженностью 116 лет. Качество ее подтверждается средним значением коэффициента межсерийной корреляции $R = 0,61$.

Не удалось установить хронологическое положение для tz11–2 (один из рядов по образцу из юго-восточной стены) и tz12–1, tz12–2, tz13 (бревна из заполнения).

Отметим, что tz10, образец от единственного соснового бревна, не показал однозначной синхронизации с другими рядами (лиственница) из мог. 2.

Могила 9. Образцы были взяты от всех стен и двух деталей перекрытия сруба («плаха 1», «плаха 6»). Также в нашем распоряжении имелась группа мелких фрагментов древесины из заполнения могильной ямы, соотнесенных на месте предположительно с разрушенным перекрытием (рис. 8; табл.).

Основная часть индивидуальных рядов при сопоставлении между собой графически и по данным статистики показала хорошую согласованность: Glk — 70–84%; TBP — 4,1–14,8; CDI — 31–89.

В свою очередь, выделяются две группы рядов с более высоким уровнем статистических показателей. Первая представлена деталями перекрытия tz16–2 (одним из рядов, полученных для tz16) и tz17: Glk — 82%; TBP — 14,8; CDI — 106⁴. Вторая — рядами tz19, tz20 и tz21, соответствующими трем стенам сруба: Glk — 81–83%; TBP — 10,2–14,9; CDI — 93–115. Значения статистики такого порядка показывают, что «плаха 1» и «плаха 6» были изготовлены из одного древесного ствола. Такой же вывод правомерен применительно к упомянутым стенам сруба. При этом наблюдаемая в последнем случае разница в датах последних измеренных колец демонстрирует, что в процессе археологизации древесный ствол, послуживший материалом для стен сруба, на разных участках утратил по меньшей мере 45–50 периферийных годовичных колец.

Ряды, полученные по фрагментам из заполнения, оказались достаточно короткими: от 25 до 44 лет. При этом длинные ряды показали уверенную синхронизацию с рядами по «плахам» перекрытия: Glk — 77%; TBP — 7,4; CDI — 56. Тем самым подтвер-

⁴ Сопоставление ряда tz16–1 длиной 42 года показало отсутствие однозначных значений статистики. Его хронологическая позиция была установлена при сравнении с рядами по другим деталям.

дилась их связь со строительной древесиной и исключено позднее и случайное попадание в заполнение могилы.

Сформированная обобщенная сосновая ДКХ «могила 9» обладает протяженностью в 159 лет. Хронология характеризуется высоким средним значением межсерийного коэффициента корреляции $R = 0,70$.

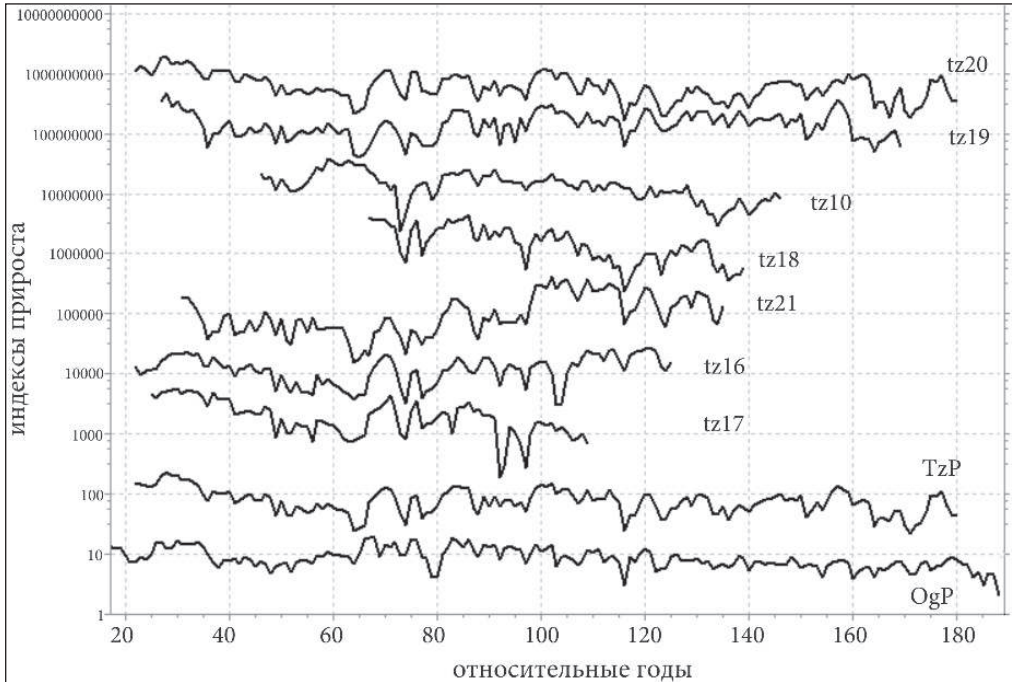

Рис. 8. Перекрестное датирование индивидуальных древесно-кольцевых рядов по сосне из объектов «могила 2» (tz10) и «могила 9» и построенной на их основе обобщенной древесно-кольцевой хронологии TzP с оглахтинской OgP

Fig. 8. Cross-dating of individual pine tree-ring series from the objects "grave 2" (tz10) and "grave 9" and the generalized tree-ring chronology TzP with the Oglakhty TRC OgP constructed on their basis

Обсуждение полученных результатов

Сопоставление обобщенных лиственничных ДКХ для мог. 1 и 2 показало их надежную синхронизацию: Glk — 70%; TBP — 4,8; CDI — 35. Парный коэффициент корреляции r для этих хронологий составил 0,47. Последнее кольцо ДКХ для мог. 2 приходится на 2 года ранее последнего кольца ДКХ для мог. 1 (рис. 7, 9). Сопоставление этих обобщенных рядов с ДКХ по сосне для мог. 9 показало отсутствие однозначных результатов.

В свою очередь, единственный сосновый образец из мог. 2 (tz10) продемонстрировал связь с обобщенной ДКХ по мог. 9 для позиции на 34 года ранее: Glk — 66%; TBP — 5,4; CDI — 33 (рис. 8, 9).

Выше уже говорилось об обнадеживающих результатах, полученных при работе с древесиной из Оглахтинского могильника. Главным итогом этой работы стало по-

строение обобщенных и синхронизированных между собой ДКХ по лиственнице (OgL) и сосне (OgP), которые могут выступать в качестве мастер-хронологий инструментами датирования, на данный момент относительного. Поэтому следующим шагом нашего исследования явилось сопоставление полученных для трех объектов могильника Тесинский Залив-3 обобщенных ДКХ с оглахтинскими древесно-кольцевыми хронологиями.

Перекрестное датирование ДКХ «могила 1» показало убедительную синхронизацию с лиственничной хронологией OgL: Glk — 73%; TBP — 5,8; CDI — 40. Парный коэффициент корреляции r для этих хронологий составил 0,41. Таким образом, в системе относительных дат оглахтинской дендрошкалы хронология «могила 1» заняла интервал 84–178 гг.

Посредством сопоставления ДКХ «могила 1» и «могила 2» последняя также получила хронологическую привязку по относительной оглахтинской хронологии в интервале 61–176 гг. В то же время перекрестное датирование ДКХ «могила 2» непосредственно с оглахтинской хронологией OgL, хотя и показало в качестве приоритетной позиции тот же самый интервал, однако синхронизация сопровождалась совокупностью более низких значений статистических параметров (Glk — 60%; TBP — 4,1; CDI — 23; r — 0,41). Такой порядок значений сам по себе не позволил бы принять полученную дату для могилы 2 без дополнительной верификации.

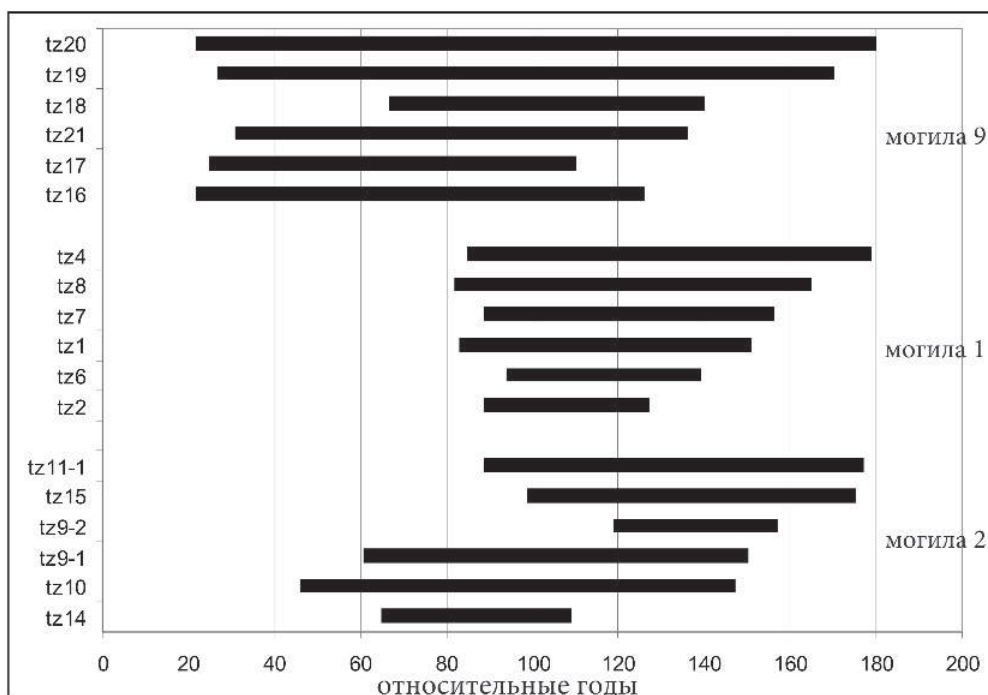

Рис. 9. Диаграмма хронологического распределения дендробразцов из могильника Тесинский Залив-3 (образцы сгруппированы по объектам)

Fig. 9. Diagram of the chronological distribution of dendroscopic specimens from the Tesinskiy Zaliv-3 burial ground (specimens are grouped by objects)

В свою очередь, сопоставление лиственничных ДКХ «могила 1» и «могила 2» с оглахтинской хронологией по сосне OgP показало отсутствие согласованности между ними.

При этом обращает на себя внимание разница в значениях коэффициента чувствительности, наблюдаемая для наиболее протяженных рядов по лиственничным деревьям из мог. 1 и мог. 2 (0,40–0,41 против 0,22–0,26 соответственно). Столь значительное расхождение позволяет предположить, что деревья для сооружения погребальных камер в каждом случае доставлялись из разных мест.

Перекрестное датирование ДКХ по сосне «могила 9» и оглахтинской сосновой ДКХ OgP показало их убедительную синхронизацию на интервале 22–180 гг.: Glk — 72%; TBP — 7,6; CDI — 56; r — 0,57. При этом корреляционная связь с лиственничной хронологией OgL не проявилась. В свою очередь, сопоставление единственного соснового образца из могилы 2 (tz10) как с ДКХ «могила 9», так и с оглахтинской OgP обеспечило ему надежное датирование на интервале 46–146 гг. (CDI — 33 и 42 соответственно).

На основе выборки индивидуальных рядов, полученных по древесине из мог. 1 и 2, обладающих высокими значениями межсерийного коэффициента корреляции, была сформирована обобщенная ДКХ по лиственнице TzL протяженностью 95 лет (среднее значение R — 0,63).

ДКХ «могила 9», дополненная рядом tz10 из мог. 2, послужила основой для обобщенной ДКХ по сосне TzP, протяженностью 159 лет (среднее значение R — 0,66).

Заключение

Древесно-кольцевой анализ древесины из могил 1, 2, 9 памятника Тесинский Залив-3 с привлечением Оглахтинской дендрошкалы позволил не только соотнести три погребения между собой, но и определить для них место в системе относительной оглахтинской хронологии. Попытка использования Оглахтинской дендрошкалы в качестве инструмента датирования материалов из близкорасположенных таштыкских памятников оказалась удачной. Полученные для трех могил **относительные** даты приходятся на 178 (могила 1), 176 (могила 2) и 180 (могила 9) гг., что даже в отсутствие подкоровых колец, фиксирующих год валки деревьев, позволяет утверждать, что деревья для погребальных срубов были заготовлены в относительно узкий временной промежуток и погребения могли появиться в очень близкое время (рис. 9; табл.).

Результаты датирования согласуются с положением объектов на площади могильника: они расположены в полосе длиной всего около 40 м, приуроченной к современному краю береговой террасы. Исходя из данных планиграфии могильника, есть все основания предполагать хронологическую близость погребений с внутримогильными срубами и могилы 2А, где подобные конструкции отсутствовали.

В общем контексте относительной оглахтинской хронологии отметим близость исследованных погребений Тесинского Залива-3 к ранней группе могил Оглахтинского некрополя, относительные даты которых приходятся на период 180–190-е гг., установленный на основе анализа распределения дендродат (Слюсаренко, Гаркуша, 2023б).

В настоящий момент из-за относительного характера древесно-кольцевых хронологий для памятников таштыкской культуры все получаемые даты неизбежно являются относительными, показывающими, насколько раньше или позже сооружены те или

иные объекты. Календарный характер они могут получить пока только посредством радиоуглеродного датирования. Такая работа сейчас интенсивно проводится на материалах целого ряда таштыкских погребальных комплексов. Из последних опубликованных результатов можно сослаться на большую серию ^{14}C -дат, полученных по разнообразным материалам из оглахтинских могил, исследованных А.В. Адриановым в 1903 г. (Pankova et al., 2021). Согласно анализу публикуемых дат для могил 1 и 2 время их сооружения, оцениваемое максимально широко, приходится на интервал 2-я четверть II — 2-я четверть IV в., с большой вероятностью сужения его до отрезка 142–213 гг. (Pankova et al., 2021, с. 49–51).

Принимая во внимание установленное в рамках оглахтинской хронологии положение могил 1 и 2, исследованных А.В. Адриановым, в пределах ранней группы погребений могильника Оглахты⁵ (Слюсаренко, Гаркуша, 2023б, с. 229), можно спроецировать эти ^{14}C -даты на близкие по времени могилы из Тесинского Залива-3. Представленный в данной статье погребальный инвентарь памятника не противоречит предложенной хронологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М. : Наука, 1975. 94 с.
- Бенькова В.Е., Швейнгрубер В.Х. Анатомия древесины растений России. Берн : Хаупт, 2004. 456 с.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. : Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.
- Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань : КГУ, 2005. 280 с.
- Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–X вв.). Ижевск : Ижевская республиканская типография, 2010. 264 с.
- Губенко Е.В. Находки бус в погребениях таштыкского могильника Тесинский Залив-3 // Материалы LIX РАЭСК. Благовещенск : БГПУ, 2019. С. 120–122.
- Львова З.А. Техника изготовления северокавказских бус второй половины I тыс. // В.Б. Ковалевская. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М. : б.и., 2000. С. 257–272.
- Митько О.А. Таштыкские грунтовые могильники в устье р. Тесь // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. СПб. : ИИМК РАН, 2021. С. 110–113.
- Митько О.А., Бурашникова К.С., Губенко Е.В. Экспериментально-трассологическое исследование сверления твердых минералов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 22–33.
- Митько О.А., Скобелев С.Г., Ширин Ю.В., Зубков В.С., Поселянин А.И., Давыдов Р.В., Журавлева Е.А., Половников И.С., Собинов Р.Л. Грунтовый могильник таштыкской культуры Тесинский Залив-3: итоги полевого сезона 2018 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий Т. XXIV. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2018. С. 285–289.

⁵ В рамках относительной оглахтинской хронологии даты могил 1 и 2 приходятся на интервал 192–210 гг.

Митько О.А., Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Поселянин А.И., Половников И.С. Начало изучения таштыкского грунтового могильника Тесинский Залив-3 (Богградский район, Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий Т. XXIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. С. 354–357.

Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа : Башкирская энциклопедия, 2018. 376 с.

Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н. Дендрохронология могильников таштыкской культуры Хакасско-Минусинской котловины: к постановке проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIX. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2023а. С. 777–783.

Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н. Дендрохронологическое исследование древесины из Оглактинского могильника: первые результаты // Сибирские исторические исследования. 2023б. № 3. С. 204–235.

Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. М. : Нох, 1996. 216 с.

Grissino-Mayer H.D. Evaluating Crossdating Accuracy: A Manual and Tutorial for the Computer Program Cofecha // Tree-Ring Research. 2001. Vol. 57. Iss. 2. P. 205–211.

Pankova S.V., Makarov N.P., Simpson St J., Cartwright C.R. New radiocarbon dates and environmental analyses of finds from 1903 excavations in the eastern plot of the Tashtyk cemetery of Oglakhty // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 24–59.

Rinn F. TSAP-Win: time series analysis and presentation for dendrochronology and related applications. Version 4.64. User reference. Heidelberg, Germany: Frank Rinn Distribution, 2013. 100 p.

REFERENCES

Alekseeva E.M. Antique Beads of the Northern Black Sea Region. Moscow : Nauka, 1975. 94 p. (*In Russ.*)

Ben'kova V.E., Shveingruber V.Kh. Anatomy of Russian Woods. Bern : Khaupt, 2004. 456 p.

Vadetskaya E.B. Tashtyk Epoch in the Ancient History of Siberia. St. Petersburg : Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 440 p. (*In Russ.*)

Valiulina S.I. Glass of the Volga Bulgaria. (based on the materials of the Bilyar settlement). Kazan : KGU, 2005. 280 p. (*In Russ.*)

Goldina E.V. Beads of the Burial Grounds of the Nevolinskaya Culture (late 4th-10th centuries). Izhevsk : Izhevskaya respublikanskaya tipografiya, 2010. 264 p. (*In Russ.*)

Gubenko E.V. Finds of Beads in the Burials of the Tashtyk Burial Ground Tesinsky Zaliv-3. In: Materials of the LIX RAESK. Blagoveshchensk : BGPU, 2019. Pp. 120–122. (*In Russ.*)

Lvova Z.A. Technique of Manufacturing North Caucasian Beads of the Second Half of the 1st Millennium. In: V.B. Kovalevskaya. Computer Processing of Mass Archaeological Material from Early Medieval Sites of Eurasia. Moscow : b.i., 2000. Pp. 257–272. (*In Russ.*)

Mitko O.A. Tashtyk Flat-grave Cemeteries in the Mouth of the Tes River. In: Archaeological Sites of Southern Siberia and Central Asia. St. Petersburg : IIMK RAN, 2021. Pp. 110–113. (*In Russ.*)

Mitko O.A., Burashnikova K.S., Gubenko E.V. Experimental Traceological Research on Drilling Solid Minerals. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 2024;23(3): Archaeology and Ethnography:22–33. (In Russ.)

Mitko O.A., Skobelev S.G., Shirin Yu.V., Zubkov V.S., Poselyanin A.I., Davydov R.V., Zhuravleva E.A., Polovnikov I.S., Sobinov R.L. Tesinsky Zaliv-3 Earthen Burial Ground of the Tashtyk Culture: Results of the Field Season 2018. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXIV. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2018. Pp. 285–289. (In Russ.)

Mitko O.A., Khudyakov Yu.S., Skobelev S.G., Poselyanin A.I., Polovnikov I.S. Beginning of Research at the Tashtyk Earthen Burial Ground of Tesinsky Zaliv-3 (Bogradsky District, Republic of Khakassia). In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXIII. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2017. Pp. 354–357. (In Russ.)

Ruslanova R.R. Beads of the Southern Urals Based on the Materials from the Necropolises of the 3rd-8th Centuries. Ufa : Bashkirskaya Enciklopediya, 2018. 376 p. (In Russ.)

Slyusarenko I.Yu., Garkusha Yu.N. Dendrochronology of Burial Grounds of the Tashtyk Culture in the Khakass-Minusinsk Depression: Towards Formulation of the Problem. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXIX. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2023a. Pp. 864–870. (In Russ.)

Slyusarenko I.Yu., Garkusha Yu.N. Dendrochronological Study of Wood from the Oglakhty Burial Ground of the Tashtyk Culture (Republic of Khakassia): First Results. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya = Siberian Historical Research*. 2023b;3:204–235. (In Russ.)

Chernykh N.B. Dendrochronology and Archaeology. Moscow : Nox, 1996. 216 p. (In Russ.)

Grissino-Mayer H.D. Evaluating Crossdating Accuracy: A Manual and Tutorial for the Computer Program Cofecha. *Tree-Ring Research*. 2001;57(2):205–211.

Pankova S.V., Makarov N.P., Simpson St J., Cartwright C.R. New Radiocarbon Dates and Environmental Analyses of Finds from 1903 Excavations in the Eastern Plot of the Tashtyk Cemetery of Oglakhty. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya = Siberian Historical Research*. 2021;3:24–59.

Rinn F. TSAP-Win: Time Series Analysis and Presentation for Dendrochronology and Related Applications. Version 4.64. User reference. Heidelberg, Germany : Frank Rinn Distribution, 2013. 100 p.

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Гаркуша Ю.Н.: проведение дендрохронологического исследования (перекрестное датирование), написание соответствующего раздела статьи, обсуждение результатов, подготовка иллюстраций.

Yu.N. Garkusha: conducting a dendrochronological study (cross-dating), writing the relevant section of the article, discussing the results, preparing illustrations.

Митько О.А.: организация и руководство археологических экспедиций, в ходе которых осуществлялся сбор материала, обработка археологического материала, написание соответствующего раздела статьи, обсуждение результатов.

O.A. Mitko: organizing and leading archaeological expeditions during which the material was collected, processing the archaeological material, writing the relevant section of the article, discussing the results.

Слюсаренко И.Ю.: идея исследования, проведение дендрохронологического исследования (перекрестное датирование, определение пород древесины), написание соответствующего раздела статьи, обсуждение результатов, перевод статьи.

I.Yu. Slyusarenko: idea of the study, conducting a dendrochronological study (cross-dating, determining wood species), writing the relevant section of the article, discussing the results, translating the article.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

Гаркуша Юрий Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Yuri N. Garkusha, Candidate of Historical Sciences, Research Fellow at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia.

Митько Олег Андреевич, кандидат исторических наук, заведующий Лабораторией гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия.

Oleg A. Mitko, Candidate of Sciences (History), Head of the Laboratory for Humanitarian Research at Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Слюсаренко Игорь Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Igor Yu. Slyusarenko, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 15.09.2025;
одобрена после рецензирования 28.10.2025;
принята к публикации 24.11.2025.
The article was submitted 15.09.2025;
approved after reviewing 28.10.2025;
accepted for publication 24.11.2025.*

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL DISCOVERY AND RESEARCH

Научная статья/Research Article
УДК 903.46:339(574.5)
[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-11)
EDN: DJSQAS

РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА И СЕМИРЕЧЬЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Николай Максимович Зиняков

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;
nmzinyakov@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8258-8147>

Резюме. На основе археологических данных характеризуются наиболее значительные направления средневекового ремесленного производства: изготовление керамики, кузнечное дело, обработка меди и ее сплавов, стеклоделие, ювелирное дело. Источниковой базой исследования послужили материалы, полученные при раскопках средневековых городов на территории Южного Казахстана и Семиречья. При изучении артефактов использованы методы естественных наук, которые позволили установить технологические операции отдельных ремесел, состав используемого сырья и производимой продукции. Прогрессивная эволюция ремесленного производства привела к формированию городского рынка и слоя профессиональных торговцев, занимавшихся скупкой и продажей готовой продукции и сырья. Результаты археологических исследований, согласующиеся с информацией письменных источников, позволили конкретизировать направления и номенклатуру товарообмена товарами ремесленного производства на уровнях внутриобластной, межрегиональной и международной торговли.

Ключевые слова: археологические источники, город, городские ремесла, торговля, товары, Средневековье, Южный Казахстан, Семиречье

Для цитирования: Зиняков Н.М. Ремесло и торговля средневековых городов Южного Казахстана и Семиречья по археологическим данным // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 4. С. 201–218. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-11)

CRAFTS AND TRADE IN THE MEDIEVAL TOWNS OF SOUTHERN KAZAKHSTAN AND SEMIRECHYE BASED ON ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE

Nikolay M. Zinyakov

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia;

nmzinyakov@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8258-8147>

Abstract. This article uses archaeological evidence to characterize the most significant areas of medieval craft production including pottery, blacksmithing, copper and alloy processing, glassmaking, and jewellery making. The research is based on materials obtained during excavations of medieval towns in southern Kazakhstan and Semirechye. The study of artifacts employed natural science methods, which allowed the author to determine the technological operations of individual types of crafts, the composition of raw materials used, and the products manufactured. The progressive evolution of craft production led to the formation of an urban market and a stratum of merchants engaged in the purchase and sale of finished goods and raw materials. The results of archaeological research, which are consistent with written sources, clarified the directions and inventory of handicrafts exchange at the levels of intraregional, interregional, and international trade.

Keywords: archaeological sources, town, urban crafts, trade, goods, Middle Ages, Southern Kazakhstan, Semirechye

For citation: Zinyakov N.M. Crafts and Trade in the Medieval Towns of Southern Kazakhstan and Semirechye Based on Archaeological Evidence. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(4):201–218. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-11)

Введение

Эпоха раннего и зрелого средневековья оседло-земледельческих областей Южного Казахстана и Семиречья характеризовалась появлением, развитием городов, превращением их в политические и торгово-ремесленные центры. На территории многих из этих городов произведены археологические исследования.

Возникнув как мелкие торгово-ремесленно-земледельческие поселения или военные крепости, города постепенно приобретали новые функции. Здесь сосредоточивалась административная власть, все более распространенной и специализированной становилась ремесленная деятельность жителей. Города постепенно превращались в центры ремесленного мелкотоварного производства, их жители первоначально выступали и производителями, и потребителями товаров. Со временем число ремесел увеличивалось, основой городской жизни становилось сочетание многих видов материального производства. С развитием ремесел и увеличением спроса на ремесленную продукцию со стороны городского и сельского населения происходило формирование слоя посредников между производством и реализацией продукции — купечества. Таким образом, город приобретал характер торгового центра на уровне местной и транзитной торговли. Изучение археологических образцов ремесленной продукции, анализ материала, из которого она сделана, реконструкция на основе археологических остатков процессов изготовления различных видов изделий позволяет проследить эволюцию материального

производства средневекового общества, уровень его развития в определенных временных рамках, степень взаимодействия с сопредельными и отдаленными территориями.

По проблемам изучения средневековых городов Семиречья и Южного Казахстана на основе археологических источников (с привлечением письменных свидетельств) существует обширная историография. Весомый вклад в археологическое исследование городов данного региона внесли А.Н. Бернштам, Л.Б. Ерзакович, К.А. Акишев, Т.В. Савельева, Е.А. Смагулов и др. Особо следует отметить достижения К.М. Байпакова — автора и соавтора многочисленных работ, в том числе обобщающих (Байпаков, 1986; Байпаков, Савельева, Чанг, 2005; Байпаков, 2013; и др.). Существующие публикации большей частью посвящены реконструкции различных аспектов средневековой урбанизации и комплексной характеристике городской материальной культуры. Специальные исследования производственно-ремесленной сферы городов немногочисленны (Савельева, 1989; Савельева, Зиняков, Воякин, 1998; Зиняков, 2014; и др.).

Целью данной работы является обобщение археологических материалов, свидетельствующих о степени распространения, динамике и уровне развития ремесленных производств и торговли, полученных в результате археологического изучения в XX — начале XXI в. городских поселений периода средневековья (VI–XIII вв.) на территории Южного Казахстана и Семиречья.

Материалы и методы исследований, обсуждение результатов

Источниками в настоящей статье являются археологические материалы — остатки объектов производственной и торговой инфраструктуры, отходы и следы технологических процессов, изделия местного и привозного ремесла, происходящие из средневековых городищ, расположенных на территории Южного Казахстана, юго-западного и северо-восточного Семиречья (Отрар, Куйрыктобе, Культобе, Алтынтобе, Караспантобе, Сидак, Сауран, Тараз, Алматы, Талгар, Антоновское), а также из могильников (Борижары, Куик-Мардан, Сидак, Чага).

В процессе исследования состава и уровня развития ремесел использованы методы идентификации археологических артефактов и следов производств; для реконструкции ремесленных технологий применялись методы металлографического и химического анализов.

Источники свидетельствуют, что среди ремесленных специальностей наиболее распространенными и востребованными населением были ткачество, гончарное, кузнечное, медное, ювелирное производства и стеклоделие. Сообщество ремесленников, занятых в этих сферах, было своего рода градообразующей формацией, мастера названных профилей имелись практически в каждом городе.

О распространенности ткачества свидетельствуют многочисленные находки пряслиц, используемых для производства пряжи. В качестве ткацкого сырья употреблялись в основном овечья шерсть и хлопок, коробочки которого обнаружены в слое VII–VIII вв. Мардан-Куика (История Казахстана, 1996, с. 371).

С производством тканей было тесно связано красильное дело. Окрашивались ткани главным образом растительными красками. Добыча таких красок была весьма сложным делом. Рецепты их производства вырабатывались посредством длительных эксперимен-

тов и наблюдений и держались в тайне. Окрашивание тканей первоначально производилось в домашних условиях, позднее — в специальных мастерских, о чем свидетельствуют находки более позднего времени. Археологические свидетельства использования красителей в регионе получены Л.М. Левиной при раскопках раннесредневековых захоронений Восточного Приаралья. Изучение находок местных шерстяных и хлопчатобумажных тканей показало, что они окрашены в розовый (краситель — софлор), красный (краситель — марена), реже — карминный (краситель — червец) цвета. Растительные краски находили широкое применение и в кожевенном производстве. Кожаные верхние одежды окрашивались в черный и коричневый цвета (Левина, 1996, с. 203, 207, 209).

Наряду с ткачеством было широко распространено и востребовано гончарное производство, поставлявшее на рынок наиболее массовый и качественный для того времени вид продукции (рис. 1.-1, 2).

Рис. 1. Керамические изделия X–XII вв. Городище Куирыктобе:

1, 2 — кружки; 3, 4 — блюда (Байпаков, 2005)

Fig. 1. Ceramic artifacts from the 10th–12th centuries. The fortified settlement of Kuiryktobe:

1, 2 — mugs; 3, 4 — plates (Baipakov, 2005)

По данным археологических исследований уже в эпоху раннего средневековья городскими гончарами использовались прогрессивные технические средства производства — гончарный круг и гончарная печь, изменившие технологию изготовления керамики и обеспечившие высокую эффективность производственных процессов. Рабочий потенциал гончарного круга значительно повышал производительность труда гончаров, позволяя в разы увеличивать объемы и ассортимент выпускаемой продукции и существенно улучшить ее качество (Сайко, 1996, с. 73). Гончарные печи обеспечивали высокотемпературный обжиг большого количества керамики, приобретавшей благодаря этому высокие эксплуатационные качества и товарную стоимость.

Введение в производство гончарного круга и гончарной печи не только вызвало перестройку технологического процесса, но и повлияло на изменение технической организации керамического производства. Отражением этого стало создание специализированных производственных мест — ремесленных мастерских, принципиально изменивших условия труда керамистов. Остатки гончарных мастерских обнаружены при раскопках раннесредневековых городищ Южного Казахстана. Один из таких объектов выявлен на городище Сидак. Здесь, в строительном горизонте VII — 1-й половины VIII в., в отдельном помещении найден ручной гончарный круг, состоящий из каменной основы и керамической вращающейся подставки. Во дворе в непосредственной близости располагалась площадка (2,4×2,8 м) для кострового обжига глиняной посуды, о чем свидетельствует сильно прокаленный слой глиняной обмазки (Смагулов, 2006, с. 306). Гончарная обжигательная печь была открыта в городище Культобе (Туркестан). При расчистке комплекса помещений VI–VIII вв. в помещении № 2 выявлена двухъярусная гончарная печь с обжиговой и топочной камерами, разделенными глиняным подом с отверстиями для прохода раскаленных газов (Смагулов, 2011, с. 143). Аналогичная двухкамерная печь для обжига керамики выявлена на городище Отрар в слое VIII–IX вв. (Байпаков, 1986, с. 90).

Новый этап технического прогресса в керамическом производстве связан с внедрением технологии глазурования поверхности изделий на финальной стадии раннего средневековья, что привело к появлению совершенно новых видов гончарных изделий (рис. 1.-2, 3). Технология производства поливной посуды проникла в Южный Казахстан из Средней Азии, где она была известна уже в VII–VIII вв. (Байпаков, 2013, с. 320; Сайко, 1996, с. 131). Как показали результаты исследований химического состава глазури, он был аналогичен составу стекла. Согласно известной классификации, по химическому составу глазури можно подразделить на щелочные, свинцовые и оловянные, а по внешнему виду — на бесцветные, окрашенные и непрозрачные (глухие). Дальнейшее развитие технологии глазурования было связано с внедрением подглазурного ангоба, монокромной и полихромной росписи поверхности металлическими и минеральными красителями. В качестве красителей чаще всего выступали окиси меди, железа, марганца, сурьмы, хрома, а также белые светлые глины.

Другим направлением силикатного производства являлось стеклоделие. Специфика организации данной отрасли и особенности технологии варки стекла обуславливали неразрывную связь стеклоделия с городскими ремеслами, и по этой причине стеклоделие локализовалось исключительно в городских центрах. Стекло как материал извест-

но на территории Южного Казахстана со времен эпохи бронзы (Абдуразаков, Безбородов, Заднепровский, 1963, с. 74), но собственное производство его зародилось здесь в период раннего средневековья (Байпаков, 2005, с. 58). Судя по археологическим материалам VII–VIII вв., стекло в качестве сырья имело довольно широкое распространение. Из него изготавливали бусы разных форм и цветов, ожерелья, подвески, браслеты. Множество бус из стекла и стекловидной массы происходит из раскопок некрополей Борижары (Ержигитова, 2005, с. 187), Куик-Мардана (Байпаков, Воякин, Смагулов, 2005, с. 18), Чага (Максимова, 1974, с. 101, 105), Сидака (Ержигитова, Смагулов, 2004, с. 84). Кроме того, стекло употреблялось в производстве посуды, что подтверждается находкой части бокала в одном из склепов могильника городища Сидак (Ержигитова, Смагулов, 2004, с. 84). В XI — начале XIII в. стекольное ремесло достигло наивысшего расцвета, а само стекло стало обыденным и повсеместным материалом (рис. 2). На рынках существовало большое разнообразие стеклянных изделий: графины, кувшины, миски, крынкообразные сосуды, бокалы, стаканы, тубеки (гигиенические сосуды), флаконы, сфероконические сосуды, химические реторты, пробирки, аламбики, оконные диски, бусы и др. (Байпаков, 2005, с. 59–60, 13; Байпаков, Савельева, Чанг, 2002, с. 97–98).

Рис. 2. Изделия стеклоделов X–XII вв. Городище Куйрыктобе:

1–4 — бокалы (Байпаков, 2005)

Fig. 2. Glassware from the 10th–12th centuries. The fortified settlement of Kuiryktobe:

1–4 — goblets (Baipakov, 2005)

Технология варки стекла и изготовления стеклянных изделий основывалась на высокотемпературных процессах, что предопределило создание специальных ремесленных мастерских. К настоящему времени такие мастерские не обнаружены, однако косвенные данные позволяют произвести их реконструкцию. Оборудование стеклоделательной мастерской состояло из печи для варки стеклянной массы, стеклоплавильных тиглей, закровов для сырьевых материалов (песка и поташа) и небольшого набора инструментов, используемых в процессах варки и обработки стекла. К ним относились каменные жернова или ступы, необходимые для измельчения исходного сырья, стеклодувная трубка, понтия, ножницы, щипцы или небольшие клещи, каменная плита для раскатывания размягченной стекломассы при выдувании, развертки и лопатки, формы для выдувания серийных изделий (Зиняков, 2014, с. 110).

В перечне городских ремесел особое место занимало кузнечное производство, оказывавшее существенное влияние на экономику региона, поскольку материальную основу всякого производства составляют орудия труда. В изучаемый период все основные виды орудий производства изготавливались из железа и стали и находили широкое применение в сельском хозяйстве, промыслах и ремеслах, добыче полезных ископаемых.

По степени сложности технологии производства, объему необходимых эмпирических знаний и технических навыков средневековое кузнечное ремесло не имеет себе равных. Для успешного функционирования железообрабатывающего производства необходимо специальное помещение — мастерская, снабженная надлежащим оборудованием и инструментами (рис. 3). Обязательной принадлежностью мастерской являлся кузнечный горн с воздуходувными мехами, в котором производился нагрев обрабатываемого металла. Рядом с горном располагалась наковальня, служившая опорой дляковки раскаленного металла. Представленные археологическими находками наковальни — довольно сложной формы (городище Талгар, 2 экз.), имеют гладкую прямоугольную рабочую поверхность, внизу — четыре отогнутых в стороны клина-опоры (Байпаков, Савельева, Чанг, 2002, с. 88). Кузнечная мастерская оборудовалась набором инструментов, используемых при обработке железа и железоуглеродистых сплавов в горячем и холодном состоянии.

Остатки одной из таких мастерских обнаружены в процессе раскопок городища Алтынтобе. В одном из помещений VII–VIII вв. в мощном слое золы найдены железные крицы, обломки железных изделий, аморфные куски железа. На участке пола зафиксирован прокал от предположительно находившегося здесь кузнечного горна с воздуходувными мехами (Байпаков, Воякин, Смагулов, 2006, с. 19). Деталь воздуходувных мехов — керамическое сопло этого же времени — найдена в городище Сидак (Смагулов, 2005, с. 179). Кузнечная мастерская с горном цилиндрической формы, железными крицами и коллекцией готовой продукции выявлена на городище Алматы (Савельева, 1989, с. 47).

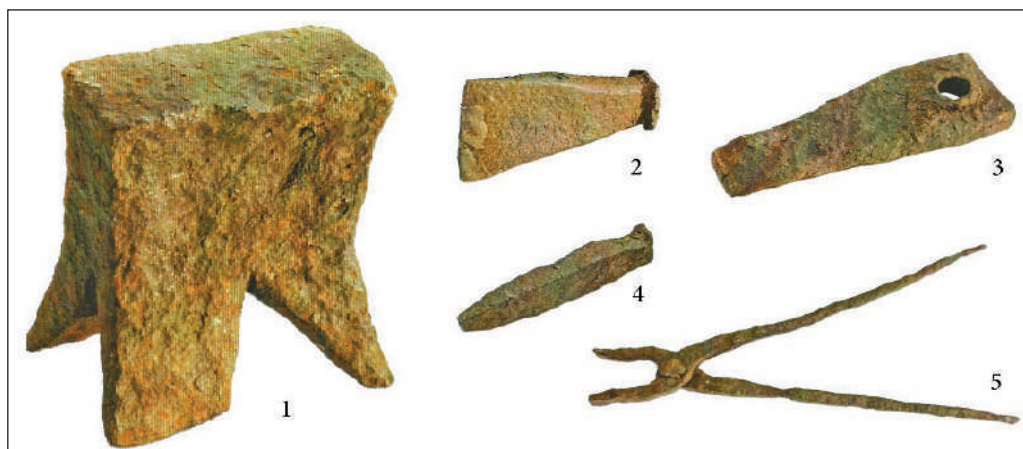

Рис. 3. Кузнечный инструмент IX–XIII вв. Городище Талгар:

1 — наковальня; 2 — зубило; 3 — молоток; 4 — пробойник; 5 — клещи

Fig. 3. Blacksmithing tools from the 9th–13th centuries. The fortified settlement of Talgar: 1 — an anvil; 2 — a chisel; 3 — a hammer; 4 — a punch; 5 — tongs

Обработка меди и сплавов на медной основе являлась еще одним важным сектором металлообрабатывающего производства. Применение меди, бронзы, латуни в производственной деятельности человека известно с глубокой древности. С появлением железа и железуглеродистых сплавов роль и значение меди и ее производных постепенно изменялись. Значительно трансформировалась номенклатура выпускаемой продукции. Судя по археологическим находкам, в эпоху раннего средневековья ассортимент товаров, создаваемых медниками, включал в себя преимущественно украшения: браслеты, кольца, перстни, серьги, шпильки, зеркала, поясные наборы (пряжки, «псевдопряжки», накладки), подвески-амулеты, пряжки и разделители ремней для конской сбруи, колокольчики (Максимова, 1974, с. 106, 113; Байпаков, Воякин, Смагулов, 2006, с. 17; Ержигитова, 2005, с. 187; 2006, с. 317–318; Смагулов, 2009, с. 206). В эпоху развитого средневековья мастера-медники («мисгары») со своей продукцией занимали определенную нишу в экономике городов Казахстана. Значительную долю в ассортименте их ремесленной продукции занимала посуда, в том числе кувшины, котелки, сосуды, тазы, подносы, чаши, ложки.

Из бронзовых поделок широко использовались светильники, состоявшие из резервуара и длинного носика, где размещался фитиль для горения (рис. 4). Особой популярностью среди городских и сельских жителей пользовались бронзовые зеркала, отливавшиеся большей частью на основе привозных китайских или иранских образцов (Байпаков, 1990, с. 143). В числе востребованных бронзовых и латунных изделий были разнообразные украшения — браслеты, кольца, перстни, височные подвески, наконечники, поясные пряжки с фигурными накладками, а также бляхи для конской сбруи (Байпаков, 2013, с. 308–311).

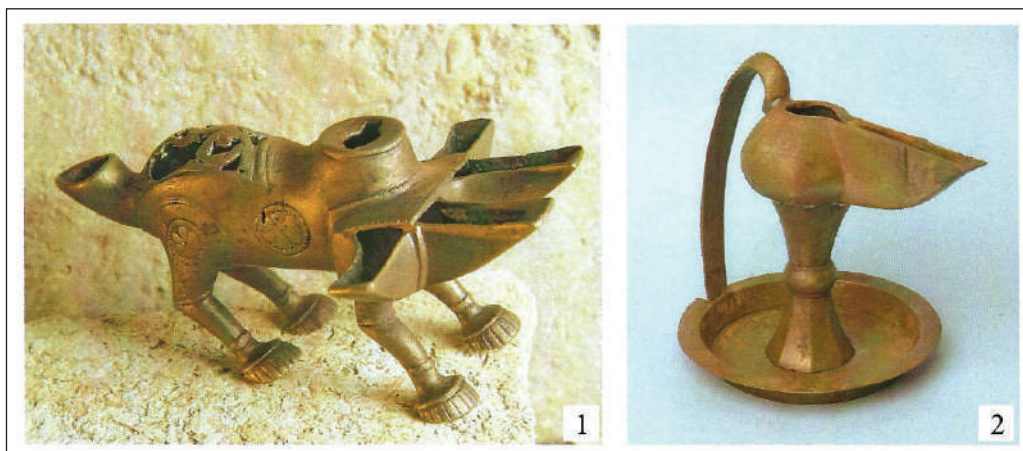

Рис. 4. Изделия медников XI–XIII вв. Городище Талгар: 1, 2 — светильники

Fig. 4. Copper products from the 11th–13th centuries. The fortified settlement of Talgar: 1, 2 — lamps

Сложность технологического процесса обработки меди и медных сплавов, сопряженного с применением открытого огня, с неизбежностью приводила к созданию специализированных мастерских, в которых работали квалифицированные мастера-медники. По всей вероятности, остатки такой мастерской были выявлены на городище Караспантобе. В процессе раскопок городища было обнаружено небольшое помещение VII–IX вв., в котором находились крица железа и миниатюрный тигель — стаканчик из белой огнеупорной каолиновой глины, использовавшийся в процессе литья цветного металла (Шербаев, Дудаков, 2005, с. 170). Деталь оборудования ремесленной мастерской — каменная формочка для литья ювелирных изделий — найдена в помещении VIII–IX вв. Саурана (Смагулов, 2009, с. 209).

Археологические находки, обнаруженные в процессе исследования средневековых городов и городских некрополей, свидетельствуют об активном развитии в регионе ювелирного дела. В качестве исходных материалов для него использовались золото, серебро, медь и сплавы на медной основе, самоцветные камни (чаще всего хрусталь, сердолик, агат). Об использовании ювелирами самоцветных камней свидетельствуют археологические находки на территории Южного Казахстана — поделки с агатом, сердоликом, хрусталем, нефритом, гранатом, янтарем (Байпаков, 2013, с. 307). Все эти минералы, за исключением янтаря, известны в близлежащих горах: Казахском Каратау (цветные халцедоны, агат, опал, горный хрусталь, флюорит, бирюза), горном хребте Каржантау (гранаты и аметисты), Кураминском и Чаткальском хребтах (бирюза), на северных склонах Карамазара (родонит).

О высоком уровне технологии производства ювелирных изделий свидетельствуют археологические находки и научные исследования ювелирного искусства сопредельного Мавераннахра. По мнению известного искусствоведа Д.А. Фахретдиновой, при рабо-

те с металлом средневековые ювелиры использовали разнообразные технологические схемы и технические приемы — литье, штамповку, чеканку, пайку, гравировку, зернь, филигрань, инкрустацию, золочение (Фахретдинова, 1983, с. 49, 50).

Ассортимент продукции ювелиров, судя по археологическим источникам, был достаточно разнообразен. Из золота, серебра, бронзы или латуни изготавливались витые и стержневые браслеты, перстни, серьги, бляшки, подвески-медальоны с зоо- и антропоморфными изображениями, подвески-амулеты в форме повседневных предметов (кувшин, нож, сапог), полые сферические подвески, булавки для головных уборов с навершиями в виде фигурок птиц или животных. Наиболее популярной продукцией из драгоценных и полудрагоценных камней были бусы различных форм и цветовой гаммы. Подтверждением тому являются находки ювелирных изделий в Отраре и его окрестностях, Сауране, Джанкенте, Таразе, Тальхире, Каялыке и других археологических памятниках.

Известные в настоящее время археологические источники позволяют выявить и охарактеризовать лишь наиболее значимые и нашедшие отражение в письменных памятниках отрасли ремесленного производства (Волин, 1939). В реальности спектр ремесел и профессиональный состав занятого в них городского населения был, несомненно, более сложным и разнообразным.

Рост числа городов, увеличение их населения, развитие ремесленного производства и отделение его от сельского хозяйства способствовали формированию городского рынка. В экономической жизни средневековых городов значительную роль играла торговля. По мнению исследователей, в эпоху средневековья производство и продажа (торговля) первоначально осуществлялись преимущественно самим ремесленником, нередко в его собственной мастерской. На определенном этапе общественного развития произошло разделение ремесла и торговли. В археологических материалах это документировано находками торговых лавок, где производилась только продажа товаров. В этом отношении показательны торговые лавки, обнаруженные при раскопках одного из кварталов Кедера. Лавки небольших размеров примыкали к глухой стене жилого дома. Некоторые из них имели закрома и хумы (крупные глиняные сосуды) для хранения товара. Примечательно, что торговые лавки располагались в городе не компактной группой, а на некотором расстоянии друг от друга (Байпаков, 2005, с. 47). Отделение ремесла от торговли стало исторически закономерным явлением. Главной его причиной был рост потребительского спроса и объемов производства, расширение продаж и появление в связи с этим отдельной категории лиц — поставщиков сырья и скупщиков продукции. Так происходило постепенное отчуждение производителя от рынка. Процесс отделения ремесла от торговли стимулировался также географической специализацией, при которой производство отдельных видов ремесленной продукции сосредоточивалось в определенных регионах, что способствовало развитию института посредничества. Профессиональные торговцы занимали особое положение в общественной структуре. Письменные источники подчеркивают наличие в большинстве средневековых городов Южного Казахстана и Семиречья специальных мест для торговли — «базаров».

В средневековых городах сосредоточивалось несколько направлений товарообмена: 1 — внутри своей области между городом и сельскохозяйственной округой; 2 — торговля между соседними регионами; 3 — международная транзитная торговля. На местные городские рынки поступала как продукция промышленного производства (металлические орудия труда, предметы быта и т.п.), так и сельскохозяйственная, необходимая для самих горожан (сырье, продукты питания, прежде всего хлеб и др.).

Археоботанические исследования свидетельствуют, что основу земледелия населения Южного Казахстана и Семиречья составляло возделывание проса, пшеницы и ячменя (Баштанник, Воякин, Буранбаев, 2015, с. 180). В результате археологических и археоботанических исследований засвидетельствовано широкое возделывание в регионе плодово-ягодных культур. На цитадели Тараза в пробах караханидского времени выявлено большое количество косточек винного винограда. Косточки винограда найдены в жилищах шахристана Тараза (в слоях VI–IX и X–XII вв.), в окрестностях городищ Чуль-Тепе и Джикиль (Баштанник, Воякин, Буранбаев, 2015, с. 180–181). Виноград представлял собой не только продукт питания, но и сырье для производства вина, часть которого поставлялась на продажу. Об этом свидетельствуют находки виноделен на городищах Луговое в пойме реки Каракыстак (VII–VIII вв.), Тортколь (Нижний Барсхан) в Таласской долине (X–XII вв.) и двух виноделен в Актобе Степнинском (XI–XII вв.) (Сенигова, 1972, с. 108; История Казахстана, 1996, с. 371–372).

В долине реки Арысь возделывался хлопчатник, его семена выявлены на городище Кок-Мардан в слое V — 1-й половины VIII в., найдены и коробочки хлопка, хранившиеся в одном из хумов в кладовом помещении VII–VIII вв. городища Куик-Мардан (Байпаков, Воякин, Смагулов, 2006, с. 16). Хлопчатник давал сырье для производства хлопчатобумажных тканей, из его семян вырабатывали хлопковое масло.

Состояние земледелия на территории северо-восточного Семиречья изучено по материалам городищ Талгар (VIII–XIII вв.) и Антоновское (Каялык) (VIII–XIV вв.). На городище Талгар установлено местное возделывание ячменя, проса, овса и пшеницы и привозное происхождение риса (Гольева, 2001, с. 73). На возделывание злаков и бобовых было ориентировано и земледельческое хозяйство Каялыка (Баштанник, 2002, с. 127). Наряду с земледелием сельские жители занимались животноводством, имевшим важное значение в обеспечении жизнедеятельности и сел, и городов (Сенигова, 1972, с. 109, 170). В эпоху средневековья основная часть сельскохозяйственной продукции потреблялась производителями в собственном хозяйстве, излишки поступали на рынки ближайших городов. Взамен сельское население приобретало необходимые ремесленные изделия.

Межрегиональная торговля, происходившая между городами Средней Азии, Южного Казахстана и Семиречья, основывалась на давних этнических, экономических и культурных связях населения. Наиболее полные сведения о характере межрегиональной торговли, номенклатуре и ценах реализуемых товаров содержатся в труде арабского географа X в. ал-Макдиси, составившего перечень особо известных товаров, вывозимых из разных городов Средней Азии (Бартольд, 1963, с. 294–295).

Об участии регионов Казахстана, Семиречья в межрегиональной торговле с близлежащими территориями свидетельствуют факты. Так, в Средней Азии изначально раз-

вивалось производство шерстяных и хлопчатобумажных тканей, которые шли по Шелковому пути в различные регионы. В VI в. в Средней Азии появилось шелководство и на этой основе — собственное шелкоткачество. В это же время изделия из среднеазиатского шелка появились на рынках Южного Казахстана. Города Средней Азии славились производством высокотехнологичных бронзовых, серебряных и золотых сосудов. О поступлении этих товаров на рынки юга Казахстана свидетельствуют, например, их находки в составе клада X–XI вв. на городище Будрач (средневековый город Чаганиан) (Ильясов, Хакимов, 2012, с. 222–223). Подтверждением развитой межрегиональной торговли является и наличие в археологических материалах южно-казахстанских городов многочисленных монет, чеканенных в Бухаре, Самарканде, Ходженде, Ахсикете, Шаше, Тункете и других городах.

Археологические источники свидетельствуют, что значимую роль в международной транзитной торговле исследуемого региона играли Иран и Китай. Среди идентифицированных археологических находок, обнаруженных на памятниках Южного Казахстана и Семиречья, встречаются медная и бронзовая посуда из Ирана (Талгар), бронзовые зеркала (Талгар, Красная Речка), бронзовые светильники (Талгар), керамика с росписью и арабской надписью (Каялык), стеклянный сосуд с росписью (Каялык), геммы с изображением конегрифона, VII–VIII вв. (Куйрыктобе, Куик-Мардан, Пшакчитобе) (Байпаков, 2007, с. 127, 129, 132–136), полихромные шелка (Джетыасарские курганы) (Елкина, Левина, 1995, с. 60). В реальной жизни объем товаров из Ирана в караванной торговле был значительно больше. Об этом можно судить по упомянутому выше списку товаров ал-Макдиси.

Отражением активных торговых связей с Китаем служат находки изделий китайского производства, обнаруженные как на изучаемой, так и на сопредельных территориях. Китайские ткани нескольких видов выявлены в процессе раскопок разновременных джетыасарских погребений в Восточном Приаралье, в частности шелковые полихромные ткани сложной структуры, с атласной поверхностью, и многочисленные фрагменты некрученого яркоокрашенного шелка типа тафты (Елкина, Левина, 1995, с. 60; Левина, 1996, с. 206). Определенное представление об ассортименте китайских тканей, провозимых по Великому шелковому пути и также поступающих в исследуемый район, дают археологические находки на южном и западном отрезках пути. Так, в процессе раскопок на горе Муг среди прочего материала VII–VIII вв. обнаружены китайские газовые ткани типа тафты и узорные шелковые ткани (камка и полихромные изделия).

Популярным товаром китайского импорта на территории Южного Казахстана и Семиречья были бронзовые зеркала с китайской символикой. В низовьях Сырдарьи, в джетыасарских памятниках они имели широкое распространение во II в. до н.э. — III в. н.э., а впоследствии в большом количестве представлены в археологических материалах XI–XIII вв. (Левина, Равич, 1995, с. 132). Коллекция зеркал китайского производства собрана на городище Талгар (Северо-Восточное Семиречье) (Байпаков, 2007, с. 137–138).

Среди других предметов китайской торговли зарегистрированы находки стеклянных бус (в джетыасарских памятниках), фарфора (городище Талгар), нефритового ме-

дальона (Отрар), костяных палочек для еды (городище Талгар), чугунного котла (городище Талгар) (Левина, Довгалюк, 1995, с. 211; Байпаков, 2007, с. 129, 135).

Археологические исследования в силу своей специфики выявляют лишь незначительную часть транзитных товаров, имевших хождение в исследуемом регионе. Установить более полный ассортимент товарооборота позволяют письменные источники того времени — персидские, китайские, арабские (Шефер, 1981; Волин, 1939; Бартольд, 1963).

Заключение

Таким образом, период раннего и развитого средневековья на территории Южного Казахстана и Семиречья характеризовался зарождением и развитием оседло-земледельческой и городской культуры. Археологические данные, верифицирующие сведения письменных источников, свидетельствуют о появлении в регионе городских поселений, расширении их территорий, росте числа городов и численности городского населения. Города формировались прежде всего как ремесленные и торговые центры. Реконструкция структуры ремесленных специальностей, бытовавших в городах, позволяет определить основную, так называемую градообразующую группу ремесленников, включавшую ткачей, гончаров, кузнецов, медников, ювелиров, стеклоделов. Дальнейший прогресс ремесленного производства происходил в условиях сложившегося средневекового города: углублялась специализация ремесла, появлялись новые виды ремесленной деятельности, расширялись экономические и обменные связи. Важнейшим фактором поступательного развития ремесленного производства выступала технология. Для развития городского ремесла в регионе имелись необходимые условия: развитое земледельческо-животноводческое производство, наличие разнообразных минеральных источников, существование соответствующей материальной и технической базы и квалифицированных мастеров, накопленный опыт организации труда, становление и совершенствование городского рынка. Расположение большинства городов на трассах Великого шелкового пути являлось дополнительным стимулирующим фактором развития ремесленного производства, продукция которого представляла потенциальный товар не только для местной, но и региональной и международной (транзитной) торговли.

Разрастание ремесленного производства и развитие товарно-денежных отношений способствовали постепенному отделению ремесла от торговли и появлению особой социальной группы — профессиональных торговцев, занимавшихся покупкой и последующей перепродажей товаров. В средневековых городах Казахстана и Семиречья сложилось несколько уровней товарообмена: 1 — между городом и сельскохозяйственной округой; 2 — торговля между сопредельными территориями; 3 — международная транзитная торговля.

Особенности становления и развития городов, ремесла и торговли на территории средневекового Южного Казахстана и Семиречья определялись географическими факторами, спецификой местных ресурсов, историческим разделением труда между соседними регионами, соседством с Великим шелковым путем — караванной дорогой, связывавшей в период средневековья Восточную Азию со Средиземноморьем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Абдуразаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент : Изд-во АН УзССР, 1963. 290 с.
- Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.). Алма-Ата : Наука КазССР, 1986. 256 с.
- Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана. Отрарский оазис. Алма-Ата : Ғылым, 1990. 206 с.
- Байпаков К.М. Городище Куйрыктобе — город Кедер. Алматы : БАУР, 2005. 183 с.
- Байпаков К.М. Великий шелковый путь на территории Казахстана. Алматы : Адамар, 2007. 496 с.
- Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Книга II: Урбанизация Казахстана в IX — начале XIII в. Алматы : б.и., 2013. 514 с.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А., Смагулов Е.А. Городище Куик-Мардан, Алтынтобе и Жалпактобе. Алматы : БАУР, 2006. 88 с.
- Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы : Credo, 2002. 188 с.
- Бартольд В.В. Сочинения. Т. I: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М. : Изд-во вост. лит., 1963. 760 с.
- Баштанник С.В. Археоботанические находки на средневековых городах Семиречья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4(12). С. 122–130.
- Баштанник С.В., Воякин, Д.А., Буранбаев Р.Н. Археоботанические исследования цитадели средневекового городища Тараз в 2014 г. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 178–182.
- Волин С.Л. Извлечения из «Ахсан ат-такасим фи-марифат ал-акалим» ал-Макдиси // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. С. 184–208.
- Гольева А.А. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных археологических объектов. М.; Сыктывкар; Элиста : б.и., 2001. 200 с.
- Елкина А.К., Левина Л.М. Одежда, ткани и кожа из джетысарских могильников // Низовья Сырдарьи в древности. Выпуск V: Джетысарская культура. Ч. 5. М. : Институт этнологии и антропологии, 1995. С. 31–104.
- Ержигитова А.А. Исследования могильника Борижары // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие — 2004». Алматы : Credo, 2005. С. 183–185.
- Ержигитова А.А. Исследование склепов Борижары в 2005 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. Алматы : Ғылым, 2006. С. 316–319.
- Ержигитова А.А., Смагулов Е.А. Погребальные сооружения некрополя городища Сидак // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. общественных наук. 2004. Вып. 1. С. 81–90.

Зиняков Н.М. Технология ремесел средневековых городов Казахстана. Кемерово : КемГУ, 2014. 238 с.

Ильясов Д., Хакимов А. Узбекистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Т. III: Торевтика. Самарканд; Ташкент : МИЦАИ, 2012. С. 216–265.

История Казахстана. Алматы: Атамұра, 1996. 624 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья (I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.). М. : Вост. лит., 1996. 438 с.

Левина Л.М., Довгалюк Н.П. Бусы из джетысарских памятников // Низовья Сырдарьи в древности. Выпуск V: Джетысарская культура. Ч. 5. М. : Институт этнологии и антропологии, 1995. С. 202–228.

Левина Л.М., Равич И.Г. Бронзовые зеркала из джетысарских памятников // Низовья Сырдарьи в древности. Выпуск V: Джетысарская культура. Ч. 5. М. : Институт этнологии и антропологии, 1995. С. 122–146.

Максимова А.Г. Гробницы типа науса у с. Чага (Шага) // В глубь веков. Алма-Ата : Наука КазССР, 1974. С. 96–118.

Савельева Т.В. Кузнечное ремесло жителей Илийской долины в XI–XII вв. // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1989. № 1. С. 44–49.

Савельева Т.В., Зиняков Н.М., Воякин Д.А. Кузнечное ремесло Северо-Восточного Семиречья. Алматы: Гылым, 1998. 228 с.

Сайко Э.В. Древнейший город. Природа и генезис: Ближний Восток, IV–II тыс. до н.э. М. : Наука, 1996. 207 с.

Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата : Наука КазССР, 1972. 217 с.

Смагулов Е.А. Исследования на городище Сидак // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие — 2004». Алматы : Credo, 2005. С. 177–180.

Смагулов Е.А. Исследования доисламского храмового комплекса на городище Сидак // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2005 года. Алматы : Гылым, 2006. С. 304–307.

Смагулов Е.А. Продолжение исследования стратиграфии Древнего Саурана // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2008 году. Алматы : б.и., 2009. С. 204–209.

Смагулов Е.А. Исследования городища Культобе в Туркестане в 2010 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 год. Алматы : Гылым, 2011. С. 141–144.

Шербаяев Р.К., Дудаков С.А. Археологические исследования на городище Караспантобе // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие — 2004». Алматы : Credo, 2005. С. 168–170.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинках в империи Тан. М. : Наука, 1981. 606 с.

Фахретдинова Д.А. Ювелирное искусство Мавераннахра // Художественная культура Средней Азии. Ташкент : Изд-во литературы и искусства, 1983. С. 49–68.

REFERENCES

- Abdurazakov A.A., Bezborodov M.A., Zadneprovsky Yu.A. Glassmaking in Central Asia in Antiquity and the Middle Ages. Tashkent : Izd-vo AN UzSSR, 1963. 290 p. (*In Russ.*)
- Baipakov K.M. Medieval Urban Culture of Southern Kazakhstan and Semirechye (6th — early 13th century). Alma Ata : Nauka KazSSR, 1986. 256 p. (*In Russ.*)
- Baipakov K.M. In the Footsteps of Early Towns of Kazakhstan. Otrar Oasis. Alma Ata : Gylym, 1990. 206 p. (*In Russ.*)
- Baipakov K.M. The Fortified Settlement of Kuiryktobe — the Town of Keder. Almaty : BAUR, 2005. 183 p. (*In Russ.*)
- Baipakov K.M. The Great Silk Road on the Territory of Kazakhstan. Almaty : Adamar, 2007. 496 p. (*In Russ.*)
- Baipakov K.M. Ancient and Medieval Urbanization of Kazakhstan (Based on the Materials of the South Kazakhstan Comprehensive Archaeological Expedition). Book II: Urbanization of Kazakhstan in the 9th — early 13th century. Almaty : b.i., 2013. 514 p. (*In Russ.*)
- Baipakov K.M., Voyakin D.A., Smagulov E.A. The Fortified Settlements of Kuik-Mardan, Altyn-tobe, and Zhalpaktobe. Almaty : BAUR, 2006. 88 p. (*In Russ.*)
- Baipakov K.M., Savelieva T.V., Chang K. Medieval Towns and Settlements of Northeast Zhetysu. Almaty : Credo, 2002. 188 p. (*In Russ.*)
- Bartold V.V. Works. Volum I: Turkestan during the Mongol Invasion. Moscow : Izd-vo vost. lit., 1963. 760 p. (*In Russ.*)
- Bashtannik S.V. Archaeobotanical Findings in the Medieval Towns of Semirechye. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2002;4(12):122–130. (*In Russ.*)
- Bashtannik S.V., Voyakin D.A., Buranbaev R.N. Archaeobotanical Studies of the Citadel of the Medieval Settlement of Taraz in 2014. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology, and Ethnography*. 2015;2(29):178–182. (*In Russ.*)
- Volin S.L. Excerpts from “Ahsan al-Taqasim fi-Ma’rifat al-Aqalim” by al-Maqdisi. In: Materials on the History of Turkmen and Turkmenistan. Vol. II. Moscow; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1939. Pp. 184–208. (*In Russ.*)
- Gol’eva A.A. Phytoliths and Their Informational Role in the Study of Natural Archaeological Objects. Moscow; Syktyvkar; Elista : b.i., 2001. 206 p. (*In Russ.*)
- Yelkina A.K., Levina L.M. Clothing, Fabrics, and Leather from the Jetyasar Burial Mounds. In: The Lower Syr Darya in Antiquity. Issue V: Jetyasar Culture. Part 5. Moscow : Institut etnologii i antropologii, 1995. Pp. 31–104. (*In Russ.*)
- Yerzhigitova A.A. Research of the Borizhara Burial Ground. In: Report on Archaeological Research under the State Programme “Cultural Heritage — 2004”. Almaty : Credo, 2005. Pp. 183–185. (*In Russ.*)
- Yerzhigitova A.A. Study of the Crypts of Borizhara in 2005. In: Report on Archaeological Research under the State Programme “Cultural Heritage” of 2005. Almaty : Gylym, 2006. Pp. 316–319. (*In Russ.*)
- Yerzhigitova A.A., Smagulov E.A. Burial Structures of the Necropolis of the Sidak Fortified Settlement. *Izvestiya Nacional’noj akademii nauk Respubliki Kazahstan. Ser. obshchestvennyh*

nauk = *News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Science Series*. 2004;1:81–90. (*In Russ.*)

Zinyakov N.M. *Technology of Crafts of Medieval Towns of Kazakhstan*. Kemerovo : KemGU, 2014. 238 p. (*In Russ.*)

Ilyasov D., Khakimov A. *Uzbekistan*. In: *Artistic Culture of Central Asia and Azerbaijan in the 9th-15th centuries*. Vol. III: Toreutics. Samarkand; Tashkent : MICAI, 2012. Pp. 216–265. (*In Russ.*)

History of Kazakhstan. Almaty : Atamura, 1996. 624 p. (*In Russ.*)

Levina L.M. *Ethnocultural History of the Eastern Aral Sea Region (1st millennium BC — 1st millennium AD)*. Moscow : Vost. lit., 1996. 438 p. (*In Russ.*)

Levina L.M., Dovgalyuk N.P. *Beads from the Jetyasar Sites*. In: *Lower Syr Darya in Antiquity. Issue V: Jetyasar Culture. Part 5*. Moscow : Institut etnologii i antropologii, 1995. Pp. 202–228. (*In Russ.*)

Levina L.M., Ravich I.G. *Bronze Mirrors from the Jetyasar Sites*. In: *Lower Syr Darya in Antiquity. Issue V: Jetyasar culture. Part 5*. Moscow : Institut etnologii i antropologii, 1995. Pp. 122–146. (*In Russ.*)

Maximova A.G. *Tombs of the Naus Type at the Settlement of Chaga (Shaga)*. In: *Deep into the Ages*. Alma Ata : Nauka KazSSR, 1974. Pp. 96–118. (*In Russ.*)

Savelyeva T.V. *Blacksmithing Craft of the Inhabitants of the Ili Valley in the 11th-12th Centuries*. *Izvestiya AN KazSSR. Ser. obshchestvennyh nauk = News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Science Series*. 1989;1: 44–49. (*In Russ.*)

Savelyeva T.V., Zinyakov N.M., Voyakin D.A. *Blacksmithing Craft of Northeastern Semirechye*. Almaty : Gylym, 1998. 228 p. (*In Russ.*)

Saiko E.V. *The Earliest Town. Nature and Genesis: Middle East, 4th-2nd millennia BC*. Moscow : Nauka, 1996. 207 p. (*In Russ.*)

Senigova T.N. *Medieval Taraz*. Alma Ata : Nauka KazSSR, 1972. 217 p. (*In Russ.*)

Smagulov E.A. *Research at the Sidak Fortified Settlement Site*. In: *Report on Archaeological Research under the State Programme “Cultural Heritage — 2004”*. Almaty : Credo, 2005. Pp. 177–180. (*In Russ.*)

Smagulov E.A. *Research of the Pre-Islamic Temple Complex at the Sidak Fortified Settlement Site*. In: *Report on Archaeological Research under the State Programme “Cultural Heritage”*. 2005. Almaty : Gylym, 2006. Pp. 304–307. (*In Russ.*)

Smagulov E.A. *Continuation of the Study on the Stratigraphy of Ancient Sauran*. In: *Report on Archaeological Research under the State Programme “Cultural Heritage”*. 2008. Almaty : b.i., 2009. Pp. 204–209. (*In Russ.*)

Smagulov E.A. *Studies of the Kultobe Fortified Settlement Site in Turkestan in 2010*. In: *Report on Archaeological Research under the State Programme “Cultural Heritage”*. 2010. Almaty : Gylym, 2011. Pp. 141–144. (*In Russ.*)

Sherbaev R.K., Dudakov S.A. *Archaeological Research at the Karaspantobe Fortified Settlement Site*. In: *Report on Archaeological Research under the State Programme “Cultural Heritage — 2004”*. Almaty : Credo, 2005. Pp. 168–170. (*In Russ.*)

Schaefer E. *Samarkand Golden Peaches. A Book about Foreign Curiosities in the Tang Empire*. Moscow : Nauka, 1981. 606 p. (*In Russ.*)

Fakhretdinova D.A. Jewellery art of Maverannah. In: Artistic Culture of Central Asia. Tashkent : Izd-vo literatury i iskusstva, 1983. Pp. 49–68. (*In Russ.*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Зиняков Николай Максимович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

Nikolai M. Zinyakov, Doctor of History, Professor, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

*Статья поступила в редакцию 31.10.2025;
одобрена после рецензирования 24.11.2025;
принята к публикации 04.12.2025.
The article was submitted 31.10.2025;
approved after reviewing 24.11.2025;
accepted for publication 04.12.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 902.2:069.013(571.151)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-12)

EDN: DQZXUF

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ Н.С. ГУЛЯЕВА В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ ИМ. А.В. АНОХИНА: ИСТОРИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

**Сергей Михайлович Киреев¹, Татьяна Владимировна Тишкина²,
Алексей Алексеевич Тишкин^{3*}**

¹Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия;
kireevsm2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6850-6647>

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
tvfishkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1353-3442>

³Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Среди материалов, послуживших основой для создания фондов нынешнего Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск, Россия), была достаточно представительная и разнообразная в культурно-хронологическом отношении археологическая коллекция барнаульского краеведа и археолога-любителя Николая Степановича Гуляева (1851–1918). В связи с исторически сложившейся военно-политической и экономической ситуацией в стране собрания семьи Гуляевых были проданы Кара-Корумской Алтайской уездной земской управе в 1918 г. В последующее время существенная часть археологической коллекции и практически вся документация оказались утеряны. На основе архивных и опубликованных материалов авторами дается обзор имеющихся сведений о произошедших событиях, о составе и контексте сформировавшегося собрания для понимания истории его поступления в музей. В этом плане важное значение имеет черно-белая фотография из открытых источников, на которой запечатлен Н.С. Гуляев с частью своей археологической коллекции, размещенной на планшетах. В статье кратко проанализирован современный ее состав в фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина, указывается состояние сохранности и уже реализованные

аспекты проделанной работы для дальнейшей публикации выявленных находок. В связи с этим рассматриваются проблемы их происхождения и культурно-хронологической идентификации.

Ключевые слова: Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, Николай Степанович Гуляев, археологическая коллекция, атрибуция, фрагменты керамики, каменные и косяные артефакты, металлические изделия, рентгенофлюоресцентный анализ

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00470-П «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства», <https://rscf.ru/project/22-18-00470/>.

Для цитирования: Киреев С.М., Тишкина Т.В., Тишкин А.А. Археологическая коллекция Н.С. Гуляева в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина: история поступления и современное состояние // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 4. С. 219–237. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-12)

N.S. GULYAEV ARCHAEOLOGICAL COLLECTION AT THE A.V. ANOKHIN NATIONAL MUSEUM OF THE ALTAI REPUBLIC: HISTORY OF ACQUISITION AND CURRENT STATE

Sergey M. Kireev¹, Tatiana V. Tishkina², Alexey A. Tishkin^{3*}

¹Anokhin National Museum of the Altai Republic, Gorno-Altaysk, Russia;
kireevsm2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6850-6647>

²Altai State University, Barnaul, Russia;
tvishkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1353-3442>

³Altai State University, Barnaul, Russia;
tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

*Corresponding author

Abstract. Among the materials that formed the basis for the creation of the collections of the current A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic (Gorno-Altaysk, Russia), there was a sufficiently representative and culturally and chronologically diverse archaeological collection of the Barnaul local historian and amateur archaeologist Nikolai Stepanovich Gulyaev (1851–1918). Due to the historically developed military-political and economic situation in the country, the collections of the Gulyaev family were sold to the Kara-Korum Altai Zemstvo Administration in 1918. In the subsequent period, a significant part of the archaeological collection and almost all the documentation were lost. Based on archival and published materials, the authors provide an overview of the available information about the events that occurred, the composition, and the context of the formed collection to understand the history of its acquisition by the museum. In this regard, a black-and-white photograph from open sources is of great importance, depicting N.S. Gulyaev with part of his archaeological collection displayed on boards. The article briefly analyzes its current composition in the collections of the A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic, indicates its preservation status, and the aspects of the work already carried out for further publication of the identified finds. In this context, the problems of their origin and cultural-chronological identification are considered.

Keywords: A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic, Nikolai Stepanovich Gulyaev, archaeological collection, attribution, pottery fragments, stone and bone artifacts, metal objects, X-ray fluorescence analysis

Acknowledgments: the research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00470-П «The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Research on Material Culture, Sculptures and Economy», <https://rscf.ru/project/22-18-00470/>.

For citation: Kireev S.M., Tishkina T.V., Tishkin A.A. N.S. Gulyaev's Archaeological Collection at the A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic: History of Acquisition and Current State. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(4):219–237. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-12)

Введение

В 1918 г. представители руководства Кара-Корумской Алтайской уездной земской управы (исполнительного органа Алтайской Горной Думы, существовавшей с июля 1917 по декабрь 1919 г.) обратились к барнаульскому исследователю Николаю Степановичу Гуляеву (1851–1918) с предложением уступить библиотеку, архивные материалы и разнообразные коллекции для создания музея в с. Улала (ныне — г. Горно-Алтайск). Эти собрания начал формировать Степан Иванович Гуляев (1806–1888), известный краевед, изучавший историю, фольклор и этнографию Алтая. Им были составлены «...уникальный архив и библиотека, разнообразные коллекции» (Тишкина, 2010б, с. 41). Биография, жизненный путь и творческая деятельность С.И. и Н.С. Гуляевых освещены в трудах М.А. Демина (1978, 1989), а также ряде работ одного из авторов статьи (Тишкина, 2001, 2006, 2007, 2010а; 2010б, с. 15–41, 77–136; и др.) и некоторых других исследователей (Павлушкина, Челябинова, 2007; Гришаев, 2010; и др.).

Николай Степанович продолжил дело своего отца, сосредоточившись преимущественно на коллекционировании и изучении древностей. Археологические находки им собирались в течение длительного времени в результате сборов, раскопок и приобретений у местного населения. В одном из писем Н.С. Гуляев отметил: «Мой музей пополняется, уже недостает на стенах места для картонов с археологическими предметами, пополняется и палеонтологическая коллекция» (ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 38. Л. 115; Тишкина, 2010б, с. 125–126). Материалы из раскопок в окрестностях д. Большая Речка археолог-любитель использовал при подготовке докладов, которые представлял на заседаниях Общества любителей исследования Алтая (1900 г.) и Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (1903 г.) (Тишкина, 2010б, с. 104). С археологическими находками Н.С. Гуляева были знакомы, например, молодые исследователи А.Н. Липский и В.П. Михайлов, а также финский археолог А.-М. Тальгрэн (Кузьминых, Тишкина, 2009, с. 179–180; Тишкина, 2010б, с. 126–128).

В 1914 г. из-за сложного финансового состояния Н.С. Гуляев принял решение о продаже имеющегося собрания. Предпочтение отдавалось научной организации, и он обратился в Алтайский подотдел Императорского Русского географического общества. Однако там достаточных средств не оказалось. Известный сибирский ученый В.В. Сапожников ратовал за приобретение коллекций для Томского университета, но эта идея не была реализована. В 1918 г. Н.С. Гуляев оценил свое наследие в 25 000 рублей. Представители Кара-Корумской Алтайской уездной земской управы предполагали получение всех собраний за счет назначения Николаю Степановичу пособий. Но коллекционер настоял на продаже. В конце концов стороны остановились на выплате суммы частями по два раза каждый год до 31 декабря 1921 г. (КГБУ ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 36. Л. 45).

Окончательная передача книг, а также археологических и минералогических коллекций произошла в январе 1919 г. (ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 36. Л. 1), когда Н.С. Гуляева уже не было в живых. По сохранившемуся акту № 71 от 3 января 1919 г. среди разных мате-

риалов были переданы девять папок с материалами по археологии, коробка и «12 таблиц вещей чудских бугров», которые включали бронзовые топоры и ножи, удила, пряжки, зеркала, обломки изделий из металла, орудия труда, остатки тканей, бусы из камня и бронзы, украшения из бронзы и золота, наконечники копий, каменные, костяные и бронзовые наконечники стрел (ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 36. Л. 36; 41). Книги и коллекции, поступившие в распоряжение Кара-Корумской Алтайской уездной земской управы, первоначально доставили в Улалу. Затем на их основе временные экспозиции были развернуты в Чемале, Алтайском и Кызыл-Озеке. Только 29 мая 1927 г. в Улале открыли Ойротский музей, в фондах которого находились оставшиеся предметы, приобретенные у Н.С. Гуляева (Белекова, 2010, с. 63; Тишкина, 2010б, с. 133).

В связи с различными сложными историческими, политическими и организационными перипетиями к 1926 г. значительная часть наследия семьи Гуляевых и сопроводительной документации оказалась утраченной. События, связанные с судьбой археологических и других материалов, уже достаточно подробно описаны (Белекова, 2008, с. 28; Тишкина, 2007, с. 155; 2010б, с. 132–133). Многочисленные переезды и смена мест хранения (Народный дом, православный храм, сборный военный пункт, амбар и пр.) усугубили состояние перечисленных собраний.

В архиве Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (НМРА) имеется «Книга поступлений Ойротского областного краеведческого музея 1924–1944 гг.»¹, в которой сохранились записи, отражающие рассматриваемую тему. В 1924 г. имелось 60 палеонтологических находок (из коллекции Гуляевых), 19 минералов, этнографические и другие материалы, включая 451 археологический предмет (Белекова, 2010, с. 61). Летом 1926 г. после осмотра имеющегося собрания члены специальной комиссии вынесли заключение, что «...от бывшего музея и библиотеки осталось не более одной трети. Подавляющее большинство... коллекций..., а также отдельные экспонаты были разрушены; описи от них утеряны» (ГААК. Ф.Р-1041. Оп. 1. Д. 9. Л. 8). На 1 октября 1927 г. в инвентарной книге музея было зафиксировано 300 экспонатов, из них предметов археологии — 16, антропологических — 12, палеонтологических — 42 (Белекова, 2010, с. 65). В Книге поступлений, датированной 1932 г., рядом с некоторыми зафиксированными предметами имеются записи: «Происхождение точно не известно — описи потеряны в с. Чемал».

Важность достаточно представительной и разнообразной в тематическом и хронологическом плане археологической коллекции Н.С. Гуляева заключается еще в том, что она послужила основой для создания музея, который в настоящее время называется Национальным музеем Республики Алтай им. А.В. Анохина. Официальной датой его образования считается 29 октября 1918 г. (Еркинова, 2008, с. 6). Именно в тот день был составлен договор о покупке библиотеки и коллекций у Н.С. Гуляева (Белекова, 2010, с. 54). Имеется и другая опубликованная информация: «Годом официального основания музея является 1920 год, когда коллегия Горно-Алтайского отдела народного образования решила "...признать необходимость создания музея в Горном Алтае"» (Календарь памятных..., 2022, с. 211).

¹ Архив НМРА. Оп. 1. Д. 1. Книга поступлений Ойротского областного краеведческого музея 1924–1944 гг.

Цель данной статьи заключается в оценке степени изученности археологической коллекции Н.С. Гуляева, хранящейся в НМРА, и в установлении предметов, реально относящихся к ней, для дальнейшей культурно-хронологической идентификации и выяснения возможного происхождения.

Изучение истории приобретения и состава коллекции

Согласно имеющимся сведениям, археологическое собрание Н.С. Гуляева в силу различных обстоятельств оказалось разделенным на четыре части. Они находятся соответственно в Алтайском государственном краеведческом музее (Барнаул), Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), Государственном историческом музее (Москва) и Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (Горно-Алтайск) (Грязнов, 1956, с. 6; Тишкина, 2007, с. 155). При этом не стоит исключать возможное нахождение находок в других учреждениях (Тишкина, 2010б, с. 135).

К настоящему времени реальное число археологических предметов из коллекции Н.С. Гуляева, хранящихся в НМРА, достоверно не установлено, несмотря на достаточно представительную исследовательскую литературу. В основном это связано с тем, что отсутствует точное описание приобретенных артефактов. Также проблематичным является выявление конкретных памятников и мест происхождения имеющихся предметов. Некоторые исследователи, опираясь на архивные документы, пытались установить численный и качественный состав коллекции (Тишкина, 2007, с. 155; 2010б, с. 134; Белекова, 2010, с. 53; и др.). Среди документов фонда «Гуляев С.И., Гуляев Н.С.» в КГБУ ГААК выявлены перечни археологических предметов, переданных в 1919 г. в распоряжение Кара-Корумской Алтайской уездной земской управе. В «Список 24. Вещи медного периода и позднейшие и др. вещи» вошли следующие предметы: «1. Короб с обработанными кусками пород. 2. Остатки тканей. 3. Тоже. 4. Медные куски от изделий <...> 5. 2 черепа мал. неизвестного зверька — грыз. 6. Камни. 7. Железные обломки. 8. 13 шт. наконечников копий. 9. Удила. 10. Бронзовый топорик. 11. Короб с 12 медными украшениями. 12. Большой короб с медными украшениями...» (ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 36. Л. 36). В «Список 23. Листы» оказались включены такие находки: «№ 1. 2 бронзовых топора, бусы и золотые украшения 27 шт. № 2. Сборная с разных мест (каменное кольцо, 3 каменных топора и 4 стрелки каменных — 14 шт.). № 3. Удела, каменное яйцо и бронзовые стрелы — 55. № 4. 9 зеркал, каменные и бронзовые бусы — 54. № 5. Медальон, удела и гвоздь бронзовый — 27. № 6. Бронзовый браслет, серьги и иголки — 58. № 7. 1 большая бронзовая стрела, 2 костяные пряжки и удела бронзовые — 24. № 8. 3 бронзовых ножа и 3 каменных бруска? — 15. № 9. 1 бронзовые удела, кольцо и 4 бронзовых стрелы — 15. № 10. Большая Речка (костяные стрелы) — 13. № 11. Костяные орудия Большереченского городища, бусы и стрелы — 23. № 12. Костяные орудия Большереченского городища. Стрелы — 18.»² (ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 36. Л. 41).

Как отмечает Э.А. Белекова (2010, с. 57, 72–73), судьба собрания Н.С. Гуляева беспокоила этнографа А.В. Анохина, строителя одной из первых временных экспозиций материалов в бывшей лавке купца Елесина в Чемале (1920 г.), а также сотрудников музея «... в последующие после его смерти годы». В 1927 г. сотрудники секции краеведения, действо-

² В данном цитировании сохранен неотредактированный текст. — Авт.

вавшей при отделе народного образования Ойротской автономной области, запрашивали у В.Н. Гуляева (сына Николая Степановича) копии описи коллекций и библиотеки его отца. В 1928 г. заведующая музеем в Улале Н.Н. Арбузова письменно обратилась к бывшему председателю Алтайской Горной Думы художнику Г.И. Чорос-Гуркину: «По полученным сведениям у Вас имеется опись коллекций, архива и библиотеки, приобретенных у Гуляевых. Если так, то просим выслать их в музей в ближайшее время» (Белекова, 2010, с. 73). Однако обращения оказались безрезультатными. Судя по всему, к середине 1920-х гг. первоначальные документы по передаче собрания Н.С. Гуляева были утрачены.

Анализ происхождения и состав археологической коллекции Н.С. Гуляева

При выяснении происхождения и судьбы археологической коллекции Н.С. Гуляева, оказавшейся в Улале в 1918 г. и ныне хранящейся в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина, исследователи опирались преимущественно на архивные данные, не привлекая имеющиеся в фондах реальные находки. Кроме них еще содержится документация, относящаяся к собранию, его учету, хранению, экспонированию и изучению: книги поступлений (КП), справочные карточки, паспорта. При исследовании состояния и состава оставшейся археологической коллекции Н.С. Гуляева обозначим следующие основные задачи, требующие дальнейшего решения.

1. Установить реальное число находок, сохранившихся до настоящего времени в НМРА.

2. Выполнить культурно-хронологические определения их, учитывая современные научные представления.

3. По возможности выяснить происхождение предметных комплексов и отдельных артефактов с конкретных территорий и памятников.

4. Ввести в научный оборот предметы из археологической коллекции Н.С. Гуляева, находящиеся в НМРА.

Выполнение данной программы потребует существенной затраты времени и соответствующих усилий. И такая работа уже проводится (Тишкин, Киреев, 2024; Киреев, Тишкин, 2025; и др.). В данной статье постараемся рассмотреть имеющиеся в музее неполные и ограниченные документальные материалы, а также в общем виде проанализировать предметный состав коллекции. Изучая КП, отчеты, описи и другие письменные источники, можно выявить точную или опосредованную информацию о происхождении и истории предметов из рассматриваемой коллекции. Они все оказались записаны как происходящие из раскопок Н.С. Гуляева в Горном Алтае в 1912 г. Именно так это отражено в КП 1944 и 1953–1954 гг. в графе «Время, источники и № акта поступления».

Судя по опубликованным и архивным данным, 1912 г. являлся значимым в археологической деятельности Н.С. Гуляева. Им были проведены раскопки, а также осуществлялись сборы подъемного материала на комплексе памятников у с. Большая Речка (Грязнов, 1956, с. 6; Тишкина, 2006; 2010б, с. 115–124). В результате проведенных исследований «...сформировалась археологическая коллекция, которая включала разнородный материал, характеризующий древние и средневековые периоды истории населения Верхнего Приобья» (Тишкина, 2007, с. 155).

Археологические предметы из коллекции Н.С. Гуляева записаны в КП № 1 в качестве экспонатов основного фонда под номерами с 181 до 543 включительно. Но в этот список «вклинились» еще указания поступлений случайных находок за период с 1920 по 1930 г. Обозначены крайние даты сделанных записей: от «17.10.1953 г.» до «19.03.1954 г.». Стоит отметить, что КП № 1 была переписана из более ранней (так называемой старой КП) под названием «Инвентарная книга по археологии», вероятнее всего, созданной в 1944 г. В этой «старой» КП (с самого ее начала) черными чернилами на страницах 1–55 перечислены предметы из коллекции Н.С. Гуляева (рис. 1), а также несколько других экспонатов, поступивших в музей до 1935 г. включительно. На стр. 1 имеется такая запись: «Список музея Н.С. Гуляева, отдел археологии. Приемный акт Ойротского обл. муз. № 9, колл. 4. Инвентарная книга Культурно-Исторического отд. Ойрот. Обл. Муз. № 3.». В графе «Происхождение коллекции (место, способ получения, от кого получено)» имеется такая запись: «Горный Алтай. Раскопки Н.С. Гуляева 1912 г. Курган № 2, у костяка 1^{-го} № 4^{-й}» (рис. 1).

В «старой» КП коллекция Н.С. Гуляева, получившая наименование «Коллекция 1», отражена под номерами 1–586. Пять позиций включают по несколько предметов (например, № 53 — «бусы», 18 единиц), таких всего 36 записей. Из этого перечня нужно исключить два предмета под № 274 и 583. Это случайные находки, не относящиеся к коллекции Н.С. Гуляева. Также 19 предметов из рассматриваемого перечня отмечены как отсутствующие: 1) бляшка поясная бронзовая; 2) обойма из бронзы с округлыми ребрами; 3) бляшка бронзовая с двумя прорезями; 4) то же; 5) то же; 6) то же; 7) шпиль бронзовый литой; 8) бляшка бронзовая полусферическая; 9) зеркало круглое, плоское, из золотистой бронзы, покрыто белой амальгамой, на оборотной стороне полукруглое ушко; 10) костяной наконечник стрелы ромбического сечения; 11) наконечник стрелы из кости; 12) наконечник стрелы из кости лавровидной формы; 13) наконечник стрелы из кости ромбовидного сечения; 14) иголка железная с очень тонким прорезным ушком; 15) фрагмент глиняного сосуда, орнаментированного выпуклыми точками с круглыми ямками; 16) керамический фрагмент; 17) керамический фрагмент; 18) керамический фрагмент; 19) фрагмент большого глиняного сосуда.

Таким образом, на момент составления «старой» КП в археологическом собрании Н.С. Гуляева, по всей видимости, реально числились 568 находок³. В конце коллекционных записей «простым» карандашом отмечены номера предметов, находящихся в экспозиции. Важно указать, что при перенесении списка предметов из Инвентарной книги 1944 г. в КП 1953–1954 гг. обозначались новые номера. Для уточнения авторства и времени составления «Инвентарной книги по археологии» («старой» КП) стоит подробно рассмотреть сделанные записи. Всего в ней отражены девять коллекций: № 1. Коллекция Н.С. Гуляева; № 2. Случайные находки (с указанием места находок и находок неизвестного происхождения); № 3. Материалы из раскопок стоянки «Крутой солонец»; № 4. Материалы раскопок Алферовского могильника; № 5. Материалы раскопок памятника Усть-Куюм; № 6. Материалы раскопок двух курганов около с. Майма-Чергачак; № 7. Материалы раскопок кургана около села Ильбедей; № 8. Случайные находки и материалы сборов со стоянки Кенон в Забайкалье. Материалы раскопок кургана около села Суртайка; № 9. Материалы раскопок Саяно-Алтайской экспедиции 1935 г. около сел Туекта и Быстрянка. Все записи сделаны одним по-

³ Набор бусин учитывался как одна единица.

черком, несомненно, принадлежащим сотруднику музея Георгию Павловичу Сергееву. Это достаточно легко устанавливается, так как в НМРА имеются два его отчета о работах в Горном Алтае: об обследовании пещеры Тарт-Кол и о раскопках памятника Усть-Куном в 1932 г.

	ИЗМЕНЕННЫЕ КОПИИ КОПИИ (ТАКИ ПРОИЗВЕД ОТ КОПИИ)	ПРЕДМЕТЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
1.	Горный Алтай Раскопки Н.С. Гуляева 1932г. Курган № 4 (сост. из 10 НУ)	Бляшка вт. пол. Бронзовая, в виде равнобедренного треугольника с полусферическим концом с лицевой, в середине криволинейной обвертки, с обратной стороны одно плечико (второй обломан), длан. - 1,7 см
2.		Шпоре, с ленточной оберткой, с обратной стороны, в центре - плечико. Длан. - 1,7 см
3.		Шпоре, с полусферическим концом с обратной стороны, в центре - плечико. Длан. - 1,3 см
4.		Шпоре, с округленным в центре, с четырью плечиками на обратной стороне, равнобедренным по концам длан. - 2,3 см
5.		Шпоре, из трех полусферических концов, отходящих от стержня линей, в центре которого выемка на шпоре, с обратной стороны плечико, длан. - 1,5 см
6.		Шпоре, более грубой формы, с обратной стороны плечико отломано, длан. - 1,4 см
7.		Шпоре, в виде перевернутого шпоре, с обратной стороны длан. - 2,8 см, наиб. шир. - 1,7 см
8.		Бляшка из трех полусферических концов, в центре обломана.
9.		Шпоре, в виде седловидной по полусферическим концам, с обратной стороны - два плечика длан. - 2,4 см шир. - 1,4 см
10.		Шпоре, в центре концы сохрани ты не полностью. Длан. - 2,3 см, шир. - 1,4 см

Рис. 1. Копия страницы из «Инвентарной книги по археологии», на которой представлены перечень и описания части предметов из археологической коллекции Н.С. Гуляева
Fig. 1. A page from the "Inventory Book of Archaeology," showing a list and descriptions of a portion of the artifacts from N.S. Gulyaev's archaeological collection

Также для этой цели подспорьем являются документы, подготовленные рукой Г.П. Сергеева, в том числе образец подписи археолога, опубликованные в статье С. Матвеева и А. Пеливана (2020, с. 81, 83, 85). Г.П. Сергеев в Ойротском музее работал с 16 июня по 18 ноября 1932 г., затем с марта 1938 по март 1945 г. (Белекова, 2020, с. 75). В «Инвентарной книге по археологии», полностью составленной Георгием Павловичем, последние предметы записаны из поступлений 1935 г. после раскопок Второго отряда Саяно-Алтайской экспедиции под руководством С.М. Сергеева (Киреев, 2022, с. 234–251).

В конце всего списка из девяти коллекций в «Инвентарной книге по археологии» имеется вертикальная запись «Все поименованные экспонаты, записанные в настоящей инвентарной книге, сданы, кроме № (список из номеров 37 предметов всех коллекций, в том числе 19 — из коллекции Н.С. Гуляева⁴). Там имеются подписи Г.П. Сергеева и принявшей коллекции сотрудницы музея П.А. Голубевой. Согласно сохранившемуся приказу по музею, Голубева Параскева Александровна была принята заведующей фондами и библиотекой 1 сентября 1944 г.⁵ Таким образом, можно с достаточной достоверностью утверждать, что вышеуказанная книга была составлена Г.П. Сергеевым в 1944 г. Зная, что Георгий Павлович являлся высококвалифицированным профессиональным археологом (Нестеренко, 2012; Матвеев, Пеливан, 2020; и др.), хорошо осведомленным об истории музея с первых десятилетий его существования, полагаем, что он не мог сам отразить версию приобретения гуляевской коллекции из «раскопок 1912 г. в Горном Алтае». Возможно, Г.П. Сергеев опирался на существовавшие в то время какие-то письменные документы или устойчивые устные сведения. В этом плане определенное значение представляет один из артефактов — небольшая подпрямоугольная коллекционная этикетка, ограниченная тонкой металлической рамкой (размерами 3,8×2,2 см), на которой с одной стороны черной тушью мелким убористым почерком (предположительно Н.С. Гуляевым) сделана такая пометка: «Раскопка 21/VI 12 г. Кургана № 2^{II}, у Костяка I^o. № 4^{II}». На обороте имеются надписи другим почерком: «Коллекция № I-1» и «ИНВ. 1954 г. № 425». Под инвентарным номером 425 в КП № 1 1953–54 гг. указана следующая информация: «Бляшки бронзовые от пояса...» (всего 25 ед.).

Важное значение для идентификации части предметов из коллекции НМРА имеют сведения М.П. Грязнова. В его известной монографии отмечено, что Н.С. Гуляев с конца XIX в. до 1913 г. проводил сборы подъемного материала, раскопки погребений и курганов на комплексе Ближние Елбаны около с. Большая Речка⁶. Полученные им археологические материалы «...хранятся в Барнаульском и Горноалтайском музеях, в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде и в Государственном Историческом музее в Москве. К сожалению, коллекции эти очень плохо документированы, а отчетов о раскопках не имеется» (Грязнов, 1956, с. 6). В монографии М.П. Грязнова (1956) в приложении в таблице VI под номерами 8, 11 и 12 изображены сосуды и указано в подписи, что они происходят из сборов Н.С. Гуляева. Как считал Михаил Петрович, данные находки могли быть обнаружены в пун-

⁴ Этот перечень представлен выше в данной статье.

⁵ Архив НМРА. Книга приказов.

⁶ Ныне эта территория правого берега Оби относится к Топчихинскому району Алтайского края.

кте Ближние Елбаны-IV, где «...оказалось не менее 2–3 карасукских погребений» (Грязнов, 1956, с. 28). «По всей вероятности, из этих же погребений происходят и три горшка, хранящиеся в Горно-Алтайском музее в составе собрания Н.С. Гуляева без указания их происхождения» (Грязнов, 1956, с. 28). Действительно, сейчас в НМРА имеется один целый сосуд (рис. 3), украшенный под венчиком елочным орнаментом, с характерной трещиной (Грязнов, 1956, табл. VI.-12). Два других указанных горшка (Грязнов, 1956, табл. VI.-8, 11) в настоящее время находятся в разрушенном состоянии. Идентификация данных предметов из коллекции Н.С. Гуляева имеет существенное значение, так как проясняет происхождение нескольких экспонатов из конкретного памятника.

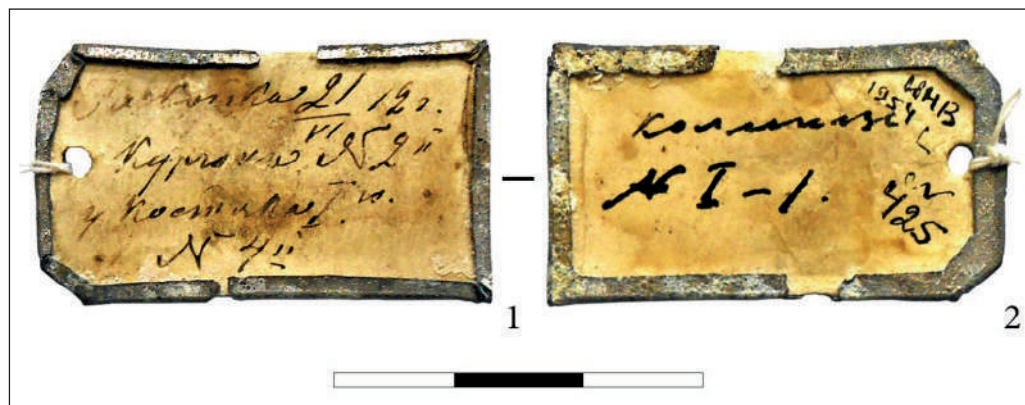

Рис. 2. Коллекционная этикетка Н.С. Гуляева с подписями разных лет (из фондов Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина)

Fig. 2. A collectible label of N.S. Gulyaev bearing signatures from various years (from the holdings of the A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic)

Важным источником является и фотография с запечатленными на ней Н.С. Гуляевым и археологическими предметами (рис. 4), размещенными на картонных планшетах, которые упоминаются в публикациях и в архивных документах. Ракурс данного снимка захватывает почти 200 артефактов из железа, цветного металла, камня и рога. Это позволило нам идентифицировать предметы коллекции, записанные в КП № 1 1953–1954 гг. как «неизвестного происхождения»: огромный каменный топор, бронзовый наконечник копья, часть кинжала, железные стремена и др. Получено подтверждение их принадлежности к коллекции Н.С. Гуляева. К ним также относится еще ряд предметов, в том числе уникальная каменная скульптура кабана (Киреев, Тишкин, 2025), демонстрируемая на снимке (рис. 4), который публикуется впервые в рассматриваемом контексте.

Состав предметов коллекции Н.С. Гуляева в фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина

Анализ имеющихся находок в НМРА, отнесенных к коллекции Н.С. Гуляева, позволяет в настоящее время определить качественный и количественный состав сохранившегося собрания. Больше всего насчитывается фрагментов керамики (231 ед.), сохранились археологически целые горшки (6 шт.). Для примера продемонстрируем графиче-

ческие изображения некоторых имеющихся находок (рис. 5). Судя по всему, основная часть обломков керамической посуды происходит с археологических памятников комплекса Ближние Елбаны (Грязнов, 1956). Они могут быть отнесены к разным периодам, но еще предстоит сделать конкретную культурно-хронологическую атрибуцию находок. Остальные изделия относятся к таким категориям, как вооружение, предметы конского снаряжения, орудия труда, украшения, детали одежды и др. Они сделаны из различных материалов. Для части находок из цветного металла уже осуществлен рентгенофлюоресцентный анализ. В качестве примера приведем опубликованный комплект бабочковидных поясных блях (Тишкин, Киреев, 2024). Изучение других продолжается. Полученные результаты вводятся в научный оборот в зависимости от обозначенной тематики (см., например, Тишкин, Киреев, 2025, с. 284–286, рис. 3 и 4).

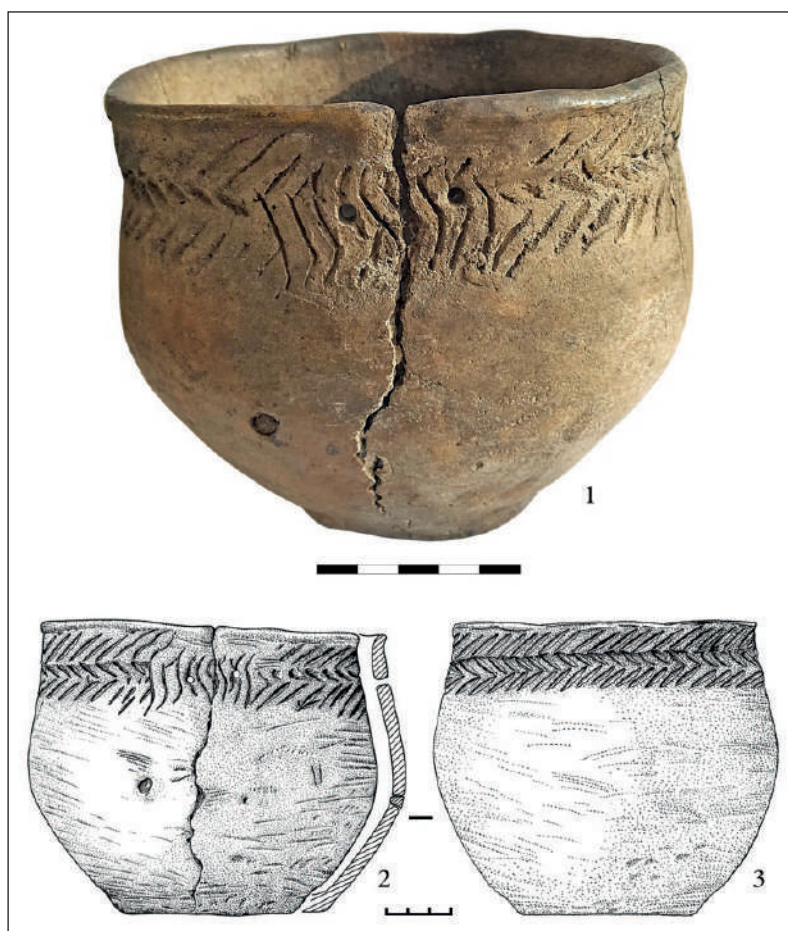

Рис. 3. Орнаментированный керамический горшок из археологической коллекции Н.С. Гуляева (фото сделано С.М. Киреевым, рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)
 Fig. 3. An ornamented ceramic pot from the archaeological collection of N.S. Gulyaev (photo by S.M. Kireev, drawings by A.L. Kungurov)

Рис. 4. Николай Степанович Гуляев на фоне части своей археологической коллекции
Fig. 4. Nikolai Stepanovich Gulyaev against a background of part of his archaeological collection

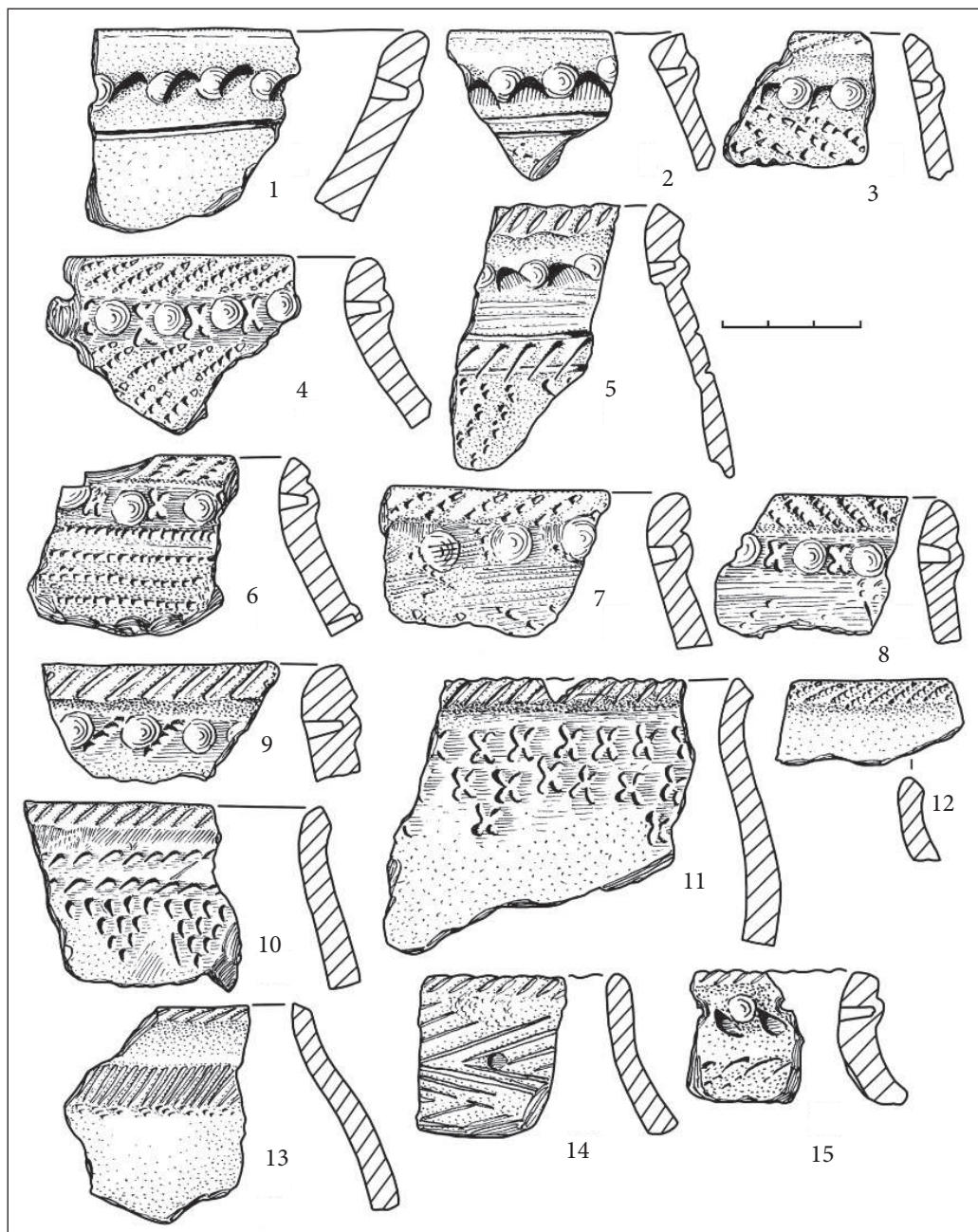

Рис. 5. Фрагменты керамической посуды из собрания Н.С. Гуляева
 Fig. 5. Fragments of ceramic pottery from the N.S. Gulyaev collection

Рис. 6. Бабочковидные поясные бляхи из коллекции Н.С. Гуляева (Тишкин, Киреев, 2024, рис. на с. 277)
 Fig. 6. Butterfly-shaped belt plaques from the collection of N.S. Gulyaev (Tishkin, Kireev, 2024, fig. on p. 277)

По хронологии коллекция Н.С. Гуляева охватывает достаточно большой исторический период: от неолита до монгольского времени включительно. Можно отметить находки, которые относятся к андроновской, ирменской, большереченской, староалейской, каменной, одинцовской, сrostкинской, кармацкой и к некоторым другим известным культурам.

Заключение

В завершение данной статьи необходимо указать, что наиболее привлекательная часть экспонатов из рассмотренной коллекции находится в залах НМРА, где размещена экспозиция «Горный Алтай в древности и средневековье». Степень сохранности у предметов оставшегося собрания различная: от практически целых изделий без серьезных утрат до небольших обломков или неопределимых фрагментов. В КП № 1 археологические находки не всегда четко и правильно записаны, встречаются неверные атрибуции и характеристики, указаны неточные и неполные размеры. Первичные справочные карточки были составлены небрежно, отсутствовали прорисовки и фото большинства экспонатов. В 2011 г. небольшая часть таких карточек была переписана и дополнена Е.А. Константиновой и С.М. Киреевым, а также снабжена необходимыми иллюстрациями. В 2024–2025 гг. А.Л. Кунгуров выполнил графические зарисовки практически всех выявленных артефактов. Частично осуществлено их фотографирование. Большое значение для тщательного изучения экспонатов коллекции Н.С. Гуляева имела работа по подготовке и включению их в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. В настоящее время созданы условия для дальнейшей публикации собрания и формирования общего издания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Белекова Э.А. Из истории Национального музея Республики Алтай имени А.В. Анохина // Анохинские чтения. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2008. С. 27–32.

Белекова Э.А. История музейного дела в Республике Алтай (1918–2009 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул : АлтГУ, 2010. 253 с.

Белекова Э.А. «История и судьбы». Новые данные о первых сотрудниках Национального музея имени А.В. Анохина // Анохинские чтения: материалы VIII научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения А.В. Анохина (2019 г.). Горно-Алтайск : НМРА им. Анохина, 2020. С. 70–80.

Гришаев В.С. Отец и сын Гуляевы. Отец // Алтайские краеведы. Барнаул : Алтайский Дом печати, 2010. С. 102–109.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. 160 с., приложение. (МИА. № 48)

Демин М.А. Археологические исследования Н.С. Гуляева на Алтае // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. 1978. № 6–2. С. 126–130.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1989. 120 с.

Еркинова Р.М. А.В. Анохин и Г.И. Чорос-Гуркин у истоков формирования музейных коллекций // Анохинские чтения. Материалы пятой научной конференции, посвященной 90-летию НМРА (30–31 октября 2008 г.). Горно-Алтайск : Горно-Алтайская типография, 2008. С. 6–21.

Календарь памятных и знаменательных дат Республики Алтай на 2023 год. Горно-Алтайск: Комитет по делам ЗАГС и архивов Республики Алтай; КУ РА ГАРА, 2022. 200 с.

Киреев С.М. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции 1935 г. в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, № 4. С. 234–251.

Киреев С.М., Тишкин А.А. Скульптурное изображение кабана из Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (публикация и интерпретация С.И. Руденко) // Проблемы археологии и этноистории Восточной Европы, Сибири и Северо-Восточной Азии. Уфа: АНО «Евразийский музей кочевых цивилизаций», 2025. С. 118–121.

Кузьминых С.В., Тишкина Т.В. «Вам надо повторить поездку на Алтай» (письмо Н.С. Гуляева А.М. Тальгрону) // Теория и практика археологических исследований. 2009. Вып. 5. С. 178–190.

Матвеев С., Пеливан А. Г.П. Сергеев основатель краеведения МССР // Анохинские чтения: материалы VIII научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения А.В. Анохина (2019 г.). Горно-Алтайск : НМРА им. Анохина, 2020. С. 80–87.

Нестеренко В.В. Археологические исследования Г.П. Сергеева в Забайкалье // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30). С. 41–46.

Павлушкина Е.В., Челяева Е.А. Жизнь и деятельность С.И. Гуляева в трудах исследователей (краткий обзор) // Гуляевские чтения: материалы пятой и шестой историко-архивных конференций. Вып. 2. Барнаул : б.и., 2007. С. 102–109.

Тишкин А.А., Киреев С.М. Рентгенофлюоресцентный анализ бабочковидных поясных блях из коллекции Н.С. Гуляева в фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2024. Вып. XXX. С. 275–280. DOI: 10.14258/2411–1503.2024.30.42

Тишкин А.А., Киреев С.М. Два древних копья из фондов Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина: комплексный анализ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2025. Вып. XXXI. С. 279–288. DOI: 10.14258/2411–1503.2025.31.42

Тишкина Т.В. Николай Степанович Гуляев (1851–1918 гг.) (первая половина жизненного пути) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 134–145.

Тишкина Т.В. Археологические исследования Н.С. Гуляева в окрестностях д. Большая Речка в 1912 г. // Теория и практика археологических исследований. 2006. Вып. 2. С. 124–133.

Тишкина Т.В. Археологические коллекции Н.С. Гуляева в собраниях музеев России // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2007. № 4/2. С. 152–156.

Тишкина Т.В. 160 лет со дня рождения исследователя Алтая, краеведа Н.С. Гуляева (1851–1918) // Алтайский край. 2011: календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул : Алтайская краевая универсальная научная б-ка им. В.Я. Шишкова, 2010а. С. 32–35.

Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул : Азбука, 2010б. 288 с.: ил.

REFERENCES

Belekova E.A. From the History of the A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic Named after A.V. Anokhin. In: Anokhin Readings. Gorno-Altaysk : RIO GAGU, 2008. Pp. 27–32. (*In Russ.*)

Belekova E.A. History of Museum Work in the Altai Republic (1918–2009): Diss. ... Cand. Hist. Sciences. Barnaul : AltGU, 2010. 253 p. (*In Russ.*)

Belekova E.A. “History and Fates”. New Data on the First Employees of the A.V. Anokhin National Museum. In: Anokhin Readings: Materials of the VIII Scientific Conference Dedicated to the 150th Anniversary of A.V. Anokhin’s Birth (2019). Gorno-Altaysk : NMRA im. Anohina, 2020. Pp. 70–80. (*In Russ.*)

Grishaev V.S. The Gulyaevs: Father and Son. Father. In: Altai Regional Historians. Barnaul : Altajskij Dom pečati, 2010. Pp. 102–109. (*In Russ.*)

Gryaznov M.P. History of the Ancient Tribes of the Upper Ob Region Based on Excavations Near the Village of Bolshaya Rechka. Moscow; Leningrad : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956. 160 p., appendix. (MIA. No. 48) (*In Russ.*)

Demin M.A. Archaeological Research by N.S. Gulyaev in Altai. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya obshchestvennyh nauk = Izvestiya of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR. Series of Social Sciences.* 1978;6–2:126–130. (*In Russ.*)

Demin M.A. Discoverers of Antiquities. Barnaul : Alt. kn. izd-vo, 1989. 120 p. (*In Russ.*)

Erkinova R.M. A.V. Anokhin and G.I. Choros-Gyrkin at the Origins of Museum Collection Formation. In: Anokhin Readings. Materials of the Fifth Scientific Conference Dedicated to the 90th Anniversary of the NMRA (October 30–31, 2008). Gorno-Altaysk : Gorno-Altajskaya tipografiya, 2008. Pp. 6–21. (*In Russ.*)

Calendar of Memorable and Significant Dates of the Altai Republic for 2023. Gorno-Altaysk : Komitet po delam ZAGS i arhivov Respubliki Altaj; KU RA GARA, 2022. 200 p. (*In Russ.*)

Kireev S.M. Materials of the Sayan-Altai Archaeological Expedition of 1935 in the A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research.* 2022;34(4):234–251. (*In Russ.*)

Kireev S.M., Tishkin A.A. Sculptural Image of a Boar from the A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic (Publication and Interpretation by S.I. Rudenko). In: Problems of Archaeology and Ethnohistory of Eastern Europe, Siberia, and Northeastern Asia. Ufa : ANO “Evrazijskij muzej kochevyh civilizacij”, 2025. Pp. 118–121. (*In Russ.*)

Kuzminykh S.V., Tishkina T.V. “You Need to Repeat the Trip to Altai” (Letter from N.S. Gulyayev to A.M. Talgreen). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research.* 2009;5:178–190. (*In Russ.*)

Matveev S., Pelivan A. G.P. Sergeev, Founder of Local Lore Studies in the Moldavian SSR. In: Anokhin Readings: Materials of the VIII Scientific Conference Dedicated to the 150th Anniversary of A.V. Anokhin’s Birth (2019). Gorno-Altaysk : NMRA im. Anohina, 2020. Pp. 80–87. (*In Russ.*)

Nesterenko V.V. Archaeological Research by G.P. Sergeev in Transbaikalia. *Gumanitarnyj vector = Humanitarian Vector.* 2012;2(30):41–46. (*In Russ.*)

Pavlushkina E.V., Chelyaeva, E.A. Life and Work of S.I. Gulyaev in the Works of Researchers (a brief overview). In: Gulyaev Readings: Proceedings of the Fifth and Sixth Historical-Archival Conferences. Issue 2. Barnaul : b.i., 2007. Pp. 102–109. (*In Russ.*)

Tishkin A.A., Kireev S.M. X-ray Fluorescence Analysis of Butterfly-Shaped Belt Buckles from the N.S. Gulyaev Collection in the Funds of the National Museum of the Altai Republic Named after A.V. Anokhin. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2024; XXX:275–280. (*In Russ.*). DOI: 10.14258/2411–1503.2024.30.42

Tishkin A.A., Kireev S.M. Two Ancient Spears from the Funds of the A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic: a Comprehensive Analysis. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja = Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*. 2025; XXXI:279–288. (*In Russ.*). DOI: 10.14258/2411–1503.2025.31.42

Tishkina T.V. Nikolai Stepanovich Gulyaev (1851–1918) (The First Half of His Life Path). In: Problems of Studying Ancient and Medieval History. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2001. Pp. 134–145. (*In Russ.*)

Tishkina T.V. Archaeological Investigations of N.S. Gulyaev in the Vicinity of the Village of Bolshaya Rechka in 1912. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2006;2:124–133. (*In Russ.*)

Tishkina T.V. Archaeological Collections of N.S. Gulyaev in Russian Museums. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorija, politologiya = Izvestiya of Altai State University. Series: History, Political Science*. 2007;4/2:152–156. (*In Russ.*)

Tishkina T.V. 160th Anniversary of the Birth of Altai Researcher and Local Historian N.S. Gulyaev (1851–1918). In: Altai Krai. 2011: Calendar of Significant and Memorable Dates. Barnaul : Altajskaya kraevaya universal'naya nauchnaya b-ka im. V.Ya. Shishkova, 2010a. Pp. 32–35. (*In Russ.*)

Tishkina T.V. Archaeological Research in Altai (1860s-1930s). Barnaul : Azbuka, 2010b. 288 p.: ill. (*In Russ.*)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Киреев С.М.: описание и анализ материалов, формирование основного текста, подготовка иллюстраций, редактирование рукописи.

S.M. Kireev: description and analysis of materials, main text formation, preparing illustrations, editing the manuscript.

Тишкина Т.В.: сбор и анализ архивных материалов, формирование списка источников, обсуждение результатов, редактирование рукописи.

T.V. Tishkina: collection and analysis of archival materials, compilation of a list of sources, discussion of results, editing the manuscript.

Тишкин А.А.: идея публикации, подготовка текста, иллюстраций и оформление статьи, обсуждение результатов, редактирование рукописи.

A.A. Tishkin: idea of publication, preparation text, illustrations and design of the article, discussion of results, editing the manuscript.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Киреев Сергей Михайлович, старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия.

Sergey M. Kireev, Senior Researcher A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic, Gorno-Altaysk, Russia.

Тишкина Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Tatiana V. Tishkina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University, Barnaul, Russia.

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Alexey A. Tishkin, Doctor of History, Professor, Honoured Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of the Institute of History and International Relations of Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 28.08.2025;

одобрена после рецензирования 24.11.2025;

принята к публикации 04.12.2025.

The article was submitted 28.08.2025;

approved after reviewing 24.11.2025;

accepted for publication 04.12.2025.

Научная статья / Research article

УДК 902.2(517.3)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-13](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-13)

EDN: FHCWRC

АЛТАНБУЛАГ — СТОЯНКА В СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ

Наталья Владимировна Цыденова

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия;
tsydenova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2469-3510>*

Резюме. Статья посвящена малоизвестным данным и исследованиям, проведенным на севере Монголии в XIX — начале XX в., а именно материалам подъемных сборов на стоянке Алтанбулаг. Цель данной работы — актуализация материалов памятника из фондов музеев, а также новое их описание и интерпретация. Особый интерес представляют историографические данные, указывающие на то, что эти материалы являются одними из первых находок каменного века в Монголии. Сборы материалов относятся к 1894, 1897, 1912 и 1925 гг., а также к 1926 г., выполнены И.И. Стрельбицким, И.Г. Разинцевым, П.С. Михно и В.И. Лисовским соответственно. Сохранившиеся на сегодняшний день коллекции находятся в Государственном Эрмитаже и Кяхтинском краеведческом музее, включают в себя каменные артефакты, фрагменты керамики и отдельные изделия из металлов. В данной статье подробно рассматриваются находки из камня коллекции В.И. Лисовского, на основе технико-типологического анализа дается их характеристика.

Ключевые слова: Северная Монголия, Алтанбулаг, археология, первые экспедиции, XIX в. — начало XX в.

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания (проект № 12103-1000241-1 «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства»). Автор благодарит к.и.н. Н.Н. Николаева из Государственного Эрмитажа, Н.Ю. Васильеву, Э.Н. Райцанову из Кяхтинского краеведческого музея им. академика В.А. Обручева за помощь в работе с коллекциями. А также выражает благодарность М.И. Гантимуровой из Государственного архива Забайкальского края за помощь в поисках архивных документов. Кроме того, автор благодарит рецензентов, чьи комментарии помогли улучшить статью.

Для цитирования: Цыденова Н.В. Алтанбулаг — стоянка в Северной Монголии // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 4. С. 238–251. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-13](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-13)

ALTANBULAG — A SITE IN NORTHERN MONGOLIA

Natalia V. Tsydenova

*The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of SB RAS, Ulan-Ude, Russia;
tsydenova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2469-3510>*

Abstract. The paper is devoted to not well-known data and research conducted in Mongolia in the 19th — early 20th centuries, specifically the materials collected from the Altanbulag site. The main aim of this paper is to update the site's materials from museum collections, as well as to provide a new description and interpretation. Of particular interest is the historiographical evidence indicating that these materials represent some of the first collections of the Stone age artifacts in Mongolia.

The collections date back to 1894, 1897, 1912, 1925, and 1926, and were carried out by I.I. Strelbitsky, I.G. Razintsev, P.S. Mikhno, and V.I. Lisovsky, respectively. The surviving collections are in the State

Hermitage Museum and the Kyakhta Local Museum and include lithic artifacts, ceramic fragments, and a few metal findings. This article examines in detail the stone finds from the V.I. Lisovsky collection, based on a technological and typological analysis, and offers their characteristics.

Keywords: Northern Mongolia, Altanbulag, archaeology, first expeditions, end of XIX — early XX centuries

Acknowledgements: the work was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (project No. 121031000241–1 “The Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States”). The author is grateful for N.N. Nikolaev from the State Hermitage Museum, N.Yu. Vasilyeva and E.N. Raitsanova from the Kyakhta local museum named after academician V.A. Obruchev, for their help in observing of the collections. She also grateful to M.I. Gantimurova from the State Archives of the Transbaikal region for her help in searching for archival documents. The author also thanks the reviewers whose comments helped improve this article.

For citation: Tsydenova N.V. Altanbulag — a Site in Northern Mongolia. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(4):238–251. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-13](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-13)

Введение
Интерес в мире к изучению Азии, в том числе Монголии, особо активизировался в XIX в. Связан он был с общей геополитической ситуацией и перераспределением сфер влияния. Российское правительство также не могло обойти стороной эти процессы, и в Азию снаряжались экспедиции от Императорского Российского Географического Общества В.В. Радлова, Г.Н. и А.В. Потаниных, Г.Е. Грум-Гржимайло, Н.М. Пржевальского, П.К. Козлова и многих других. «Воротами в Азию» для большинства из них стал г. Троицкосавск (ныне г. Кяхта) (Лбова, Хамзина, 1999, с. 22; Малая энциклопедия Забайкалья..., 2011). В XIX — начале XX в. г. Троицкосавск был значимым пунктом международной торговли. Через него шли торговые караваны и пролегал знаменитый «Чайный путь» (Цыденова, 2015), что сделало этот приграничный город в XIX в. экономическим и культурным центром региона. Именно здесь были созданы в 1890 г. первый на территории нынешней Бурятии музей и в 1894 г. — Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества (ТКОПОИРГО) (Гродеков, 1894; Попова, Цыбиктаров, 2015). Не случайно открытие стоянки Алтанбулаг и первые сборы материалов у самой границы были сделаны участниками экспедиций в Азию и местными краеведами.

Первая из коллекций была собрана И.И. Стрельбицким в 1894 г. (Ларичев, Волков, 1964), последующая — И.Г. Разинцевым в 1897 г. (Цэвээндорж и др., 2008). Другие коллекции (1912 и 1925 гг.) были собраны П.С. Михно, сотрудником, а затем директором Троицкосавского музея (ныне Кяхтинский музей). Коллекция 1926 года — В.И. Лисовским, сотрудником Монгольского научного комитета и участником экспедиции П.К. Козлова (Медведева, Чулуун, 2017).

Вместе с тем памятник малоизвестен и в самой Монголии, поскольку расположен у самой государственной границы, в зоне, находящейся под особой охраной (рис. 1). Имеющиеся сведения о стоянке (Цэвээндорж и др., 2008) были почерпнуты монгольскими коллегами из литературы (Абрамова, 1953), новых сборов и исследований на стоянке не производилось. Кроме того, информации о стоянке нет в последнем издании

по Селенгинскому аймаку из серии каталогов памятников культурного наследия Монголии, составленных на основе государственного реестра (Энхбат, Даваацэрэн, 2011).

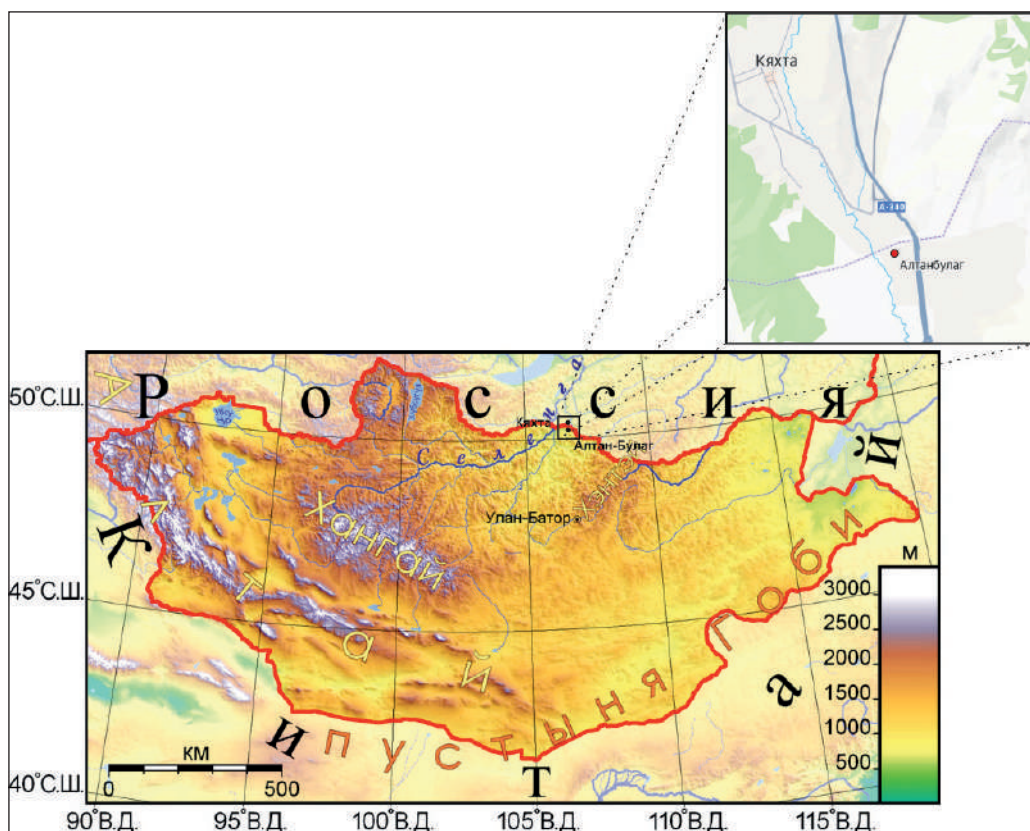

Рис. 1. Карта Монголии с отметкой местонахождения стоянки Алтанбулаг (отмечено красным)
 Fig. 1. Map of Mongolia with a mark of location of the Altanbulag site (red mark)

Материалы и методы

Одним из методов исследования является историографический. Выполнен историографический обзор, собраны как архивные данные по истории изучения памятника, так и литературные — на русском и монгольском языках. Так, первые упоминания о сборах археологических материалов эпохи камня возле границы на территории Монголии связаны с экспедицией в Корею И.И. Стрельбицкого 1894 г. (Ларичев, Волков, 1964). Им по пути следования собирались образцы флоры и фауны, а также археологические материалы. Маршрут, по которому он возвращался из Кореи, лежал через г. Читу, поэтому все коллекции были им сданы в местный музей (ныне Забайкальский краевой краеведческий музей им. А.К. Кузнецова). В Государственном архиве Забайкальского края сохранилась документация о принятии на хранение предметов и письмо И.И. Стрельбицкого директору музея А.К. Кузнецову с кратким упоминанием переданных археологических находок (ГА ЗК. Ф. 115. Оп. 1). На сегодня в Забайкальском краевом кра-

ведческом музее имени А.К. Кузнецова сохранились лишь гербарии и два этнографических предмета (со слов главного хранителя музея С.В. Васильева).

Следующие сборы, 1897 г., связаны с именем краеведа, жителя г. Троицкосавска (ныне г. Кяхта), служащего И.Г. Разинцева (Цэвээндорж и др., 2008). Сборы 1912, 1925 гг. принадлежат одному из инициаторов создания музея, сотруднику, а позже директору Троицкосавского музея (ныне Кяхтинского краеведческого музея) П.С. Михно. Эти коллекции были собраны им на месте торгового города Маймачен. Материалы сборов И.Г. Разинцева и П.С. Михно хранятся в Кяхтинском краеведческом музее им. академика В.А. Обручева.

В 1926 г. на стоянке Алтанбулаг была собрана коллекция артефактов ученым секретарем Ученого комитета Монголии В.И. Лисовским. Коллекция была передана им в Государственный Эрмитаж и хранится там по сей день.

Все вышеуказанные коллекции, собранные со стоянки Алтанбулаг в Северной Монголии, остаются малоизвестными. Есть публикация З.А. Абрамовой (1953), которая была ее первой научной публикацией и результаты которой должны быть уточнены в контексте современного знания.

В настоящей работе рассматривается коллекция из сборов В.И. Лисовского. Она включает 89 артефактов, из которых 68 — каменные изделия, а 21 — фрагменты керамики. Керамический материал представлен фрагментами керамики позднего бронзового века (20 экземпляров) и одним фрагментом сосуда хунну. Каменные изделия были отнесены З.А. Абрамовой (1953) к позднему палеолиту. В связи с новыми данными и материалами по позднему палеолиту — неолиту Западного Забайкалья и Северной Монголии появилась возможность более детально атрибутировать эту коллекцию.

В работе с каменными артефактами был применен технико-типологический анализ, позволяющий реконструировать технологию первичного расщепления камня и соотнести с той или иной индустрией, известной для юга Бурятии и Монголии. Относительное датирование и определение предметов производилось на основе сравнений с материалами территориально близких памятников.

Результаты и обсуждение

Коллекция, собранная И.Г. Разинцевым, насчитывает всего восемь предметов и включает: пять микропризматических (конических) нуклеусов, два торцовых клиновидных нуклеуса и предмет из железа.

Сборы П.С. Михно представляют наиболее многочисленную коллекцию, но на сегодняшний день эти материалы требуют уточнений и в данной работе не использованы.

Коллекция В.И. Лисовского 1926 г. состоит из 89 предметов и хранится в фондах Государственного Эрмитажа под № 1382. Из них 68 каменных артефактов, 21 фрагмент керамики. Керамический материал состоит из фрагментов сосудов позднего бронзового века — 20 экз., фрагмента хуннского сосуда — 1 экз. Коллекция предметов из камня была отнесена З.А. Абрамовой (1953) к позднему палеолиту. Вместе с тем накопленные на сегодняшний день материалы и данные по позднему палеолиту Западного Забайкалья и Северной Монголии позволяют дать более современное описание и характеристику коллекции, а также соотнести ее с теми или иными культурами и периода-

ми. Так, например, в описании З.А. Абрамовой отсутствует определение некоторых артефактов, таких как резец или торцовые клиновидные микронуклеусы.

Каменные артефакты представлены следующими типами изделий:

<i>Изделия</i>	<i>Кол-во</i>
<i>1. Нуклеусы и их заготовки</i>	44
1.1. Торцовые клиновидные микронуклеусы (рис. 2.-1–5)	24
1.2. Заготовки торцового клиновидного нуклеуса (рис. 4.-1)	2
1.3. Микропризматические нуклеусы (конические). Из них 13 экз. выполнены из кремнистых пород, 2 экз. из халцедона и 3 экз. яшмоидов (рис. 3.-1–6)	18
<i>2. Скребки (рис. 5.-1–5)</i>	8
2.1. Концевые скребки на пластинчатых отщепах, оформлены крутой и отвесной краевой ретушью, формирующей округлый рабочий край	7
2.2. Скребок на отщепе с ретушью утилизации (ситуационное орудие)	1
<i>3. Пластины и пластинчатые отщепы (рис. 4.-2–6)</i>	11
3.1. Пластины с пологой краевой ретушью на латералях с дорсальной стороны, ножи	3
3.2. Пластины с ретушью утилизации — ситуационные орудия, ножи	3
3.3. Пластины без ретуши	2
3.4. Пластинчатые отщепы с ретушью утилизации	3
<i>4. Микропластины и мелкие пластины</i>	14
4.1. Микропластины с ретушью	2
4.2. Микропластина с тронкированием и стелющейся ретушью от латералей на вентральной стороне (рис. 2.-6)	1
4.3. Микропластины с ретушью утилизации	6
4.4. Мелкие пластины с ретушью	2
4.5. Мелкие пластины с ретушью утилизации	3
<i>5. Проколка на микропластине (рис. 2.-8)</i>	1
<i>6. Резец срединно-диагональный на пластинчатом сколе с ретушированными латеральями с дорсальной стороны (рис. 2.-10)</i>	1
<i>7. Долотовидные орудия на пластинчатых отщепах. Рабочие края сформированы пологими и полукруглыми снятиями с торцов (рис. 5.-6–7)</i>	2

Основным сырьем для торцовых клиновидных нуклеусов (нуклеусы-скребки по описанию З.А. Абрамовой) и микропризматических нуклеусов из кремня выступали, как и в комплексах «селенгинской» индустрии, речные гальки кремнистого сырья. Клиновидные микронуклеусы объединяет несколько характерных черт. Прежде всего то, что преформами для части из них выступали заготовки, имеющие подготовку как у плоскостного нуклеуса. Вместе с тем случаев переоформления именно плоскостного нуклеуса в торцовый не отмечено, в отличие от комплексов Усть-Кяхты-3 и Усть-Кяхты-17 (Павленок, 2015а, б). Хотя пластины, снятые, видимо, с плоскостных нуклеусов, имеются. И есть одна преформа, подготовка которой выполнена по принципу плоскостного нуклеуса, а именно подготовлены две противоположные скошенные к контрфронт ударные площадки (рис. 4.-1). Принцип использования такой преформы аналогич-

чен принципу переиспользования усть-кяхтинских плоскостных нуклеусов в торцовые клиновидные микронуклеусы (Павленок, 2015a), т.е. также скошенная к контрфронт ударная площадка использовалась как киль при торцовом клиновидном расщеплении. Ударные площадки торцовых клиновидных нуклеусов подживлялись в основном со стороны латералей, причем преимущественно с одной, из-за чего ударная площадка имеет немного вогнутую форму и скошена к противоположной латерали (рис. 2.-2-4). Такое подживление ударной площадки характерно для торцовых клиновидных нуклеусов «селенгинской» индустрии (Ташак, 2005, с. 50). Отсутствие в материалах остроконечников «усть-кяхтинского» типа не может быть безоговорочным признаком отличия, так как коллекция представляет собой подъемные сборы. Проколка на микропластине, рабочее острие которой выполнено формирующей крупной отвесной и крупной краевой ретушью на латералиях (рис. 2.-8), обнаруживает сходство с проколками на микропластинах из комплексов Усть-Кяхты-3 (Павленок, 2015б, с. 278, рис. 121.-7-9).

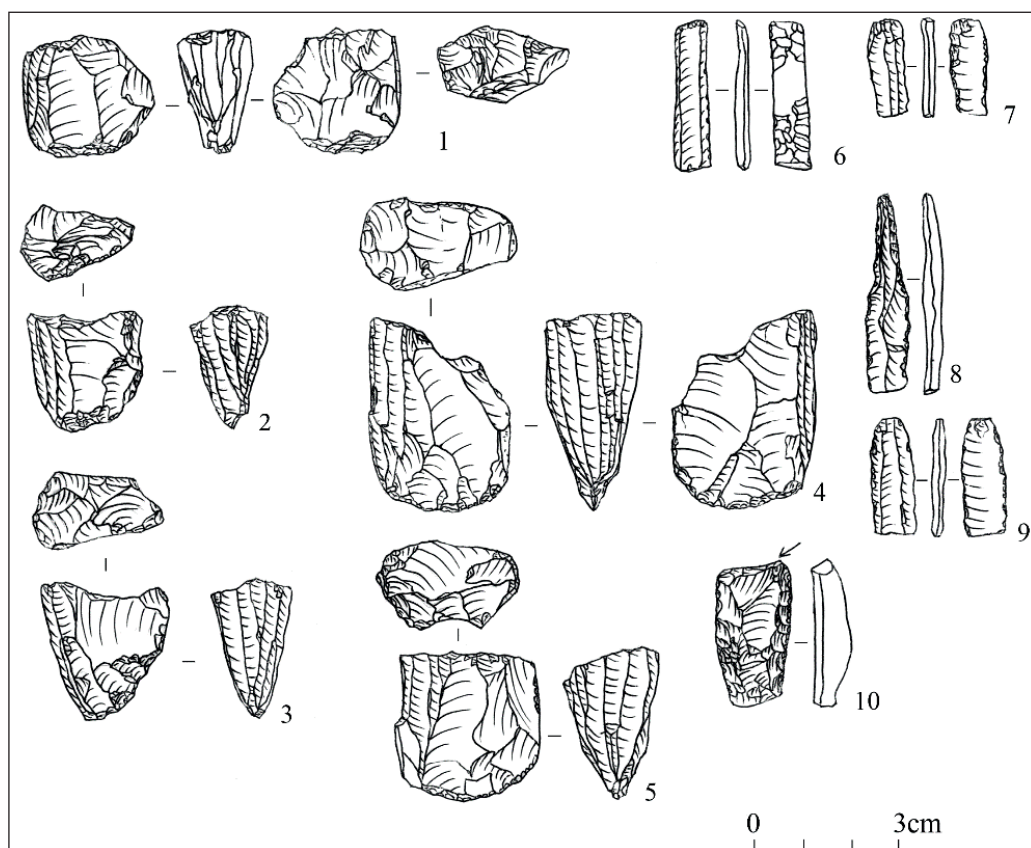

Рис. 2. Артефакты из камня со стоянки Алтанбулаг (сборы В.И. Лисовского): 1-5 — торцовые клиновидные нуклеусы; 6 — тронкированная микропластина; 7, 9 — микропластины; 8 — проколка; 10 — трансверсальный резец

Fig. 2. Lithic artifacts from the Altanbulag site (collected by V.I. Lisovsky): 1-5 – wedge-shaped cores; 6 – truncated microblade; 7, 9 – microblades; 8 – perforator; 10 – transversal burin

Микропризматические («конические») нуклеусы из галечных пород по большей части, вероятно, являются конечным продуктом утилизации торцовых клиновидных нуклеусов, точно так же, как и на севере Байкальского региона (Ветров, 1995; Ташак, 2005, с. 119, рис. 71.-Ж). Об этом свидетельствуют негативы подживления ударных площадок от одной из латералей и подготовки кия и гребня некоторых из этих нуклеусов, которые аналогичны подработке торцовых клиновидных нуклеусов (рис. 3.-1). Кроме того, в одних комплексах могут присутствовать как торцовые клиновидные, так и микропризматические нуклеусы (Ташак, 2005, с. 119; Хаценович и др., 2017).

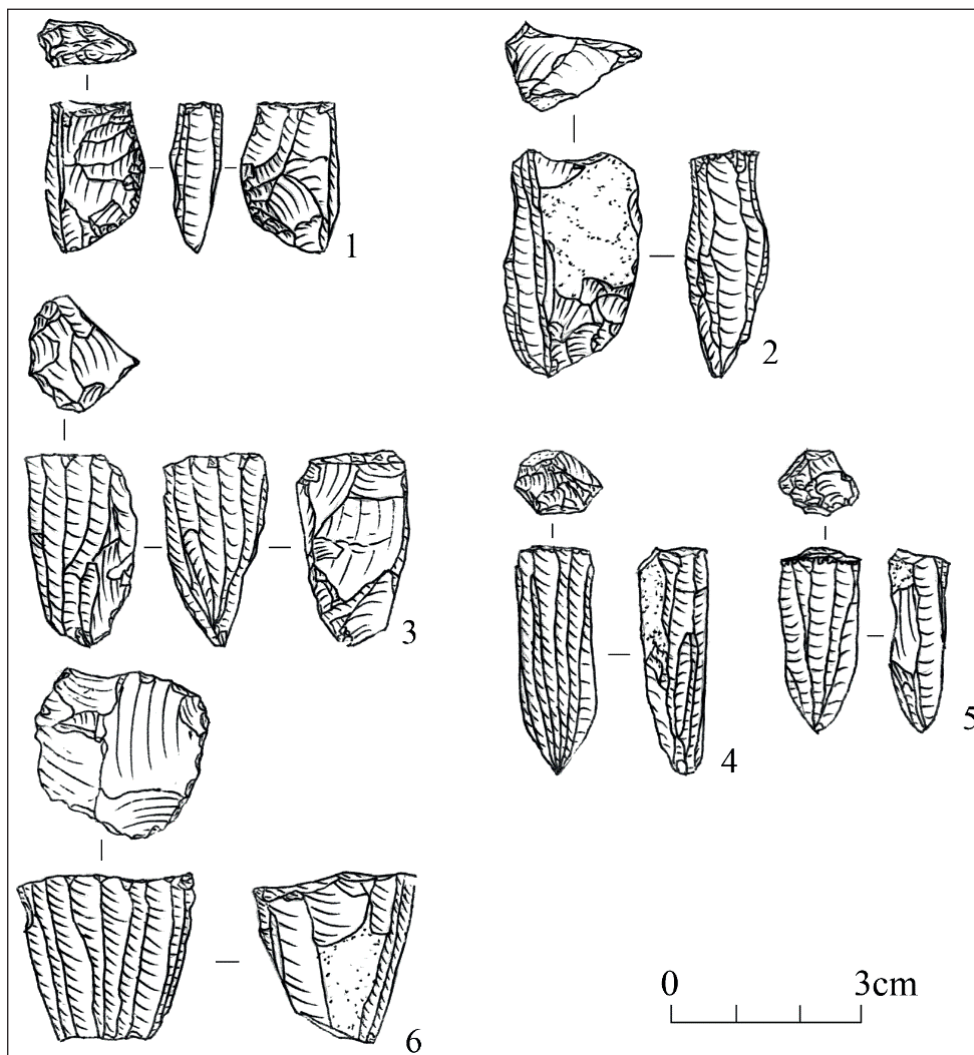

Рис. 3. Артефакты из камня со стоянки Алтанбулаг (сборы В.И. Лисовского):

1–6 — микропризматические (конические) нуклеусы

Fig. 3. Lithic artifacts from the Altanbulag site (collected by V.I. Lisovsky):

1–6 — microprismatic (conical) cores

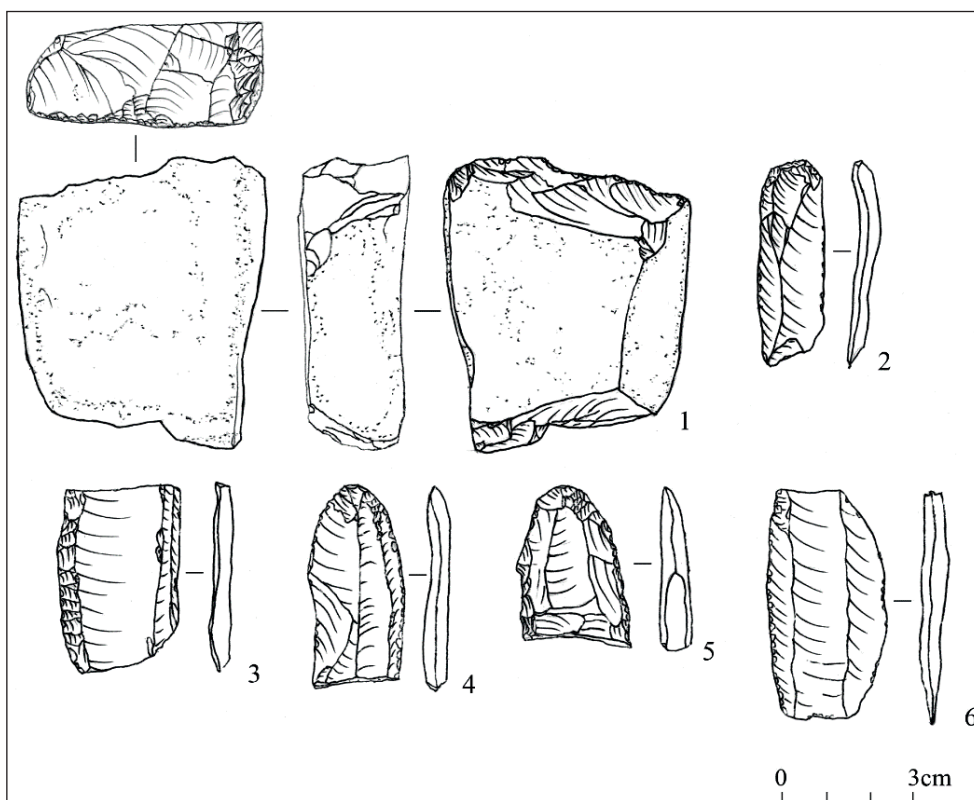

Рис. 4. Артефакты из камня со стоянки Алтанбулаг (сборы В.И. Лисовского):

1 — заготовка торцового клиновидного нуклеуса; 2–6 — пластины

Fig. 4. Lithic artifacts from the Altanbulag site (collected by V.I. Lisovsky):

1 — blank of wedge-shaped core; 2–6 — blades

В контексте имеющихся на сегодняшний день данных большую часть каменных материалов стоянки Алтанбулаг следует отнести к позднепалеолитической «селенгинской» индустрии Западного Забайкалья, выделенной на материалах стоянок Усть-Кяхта-3, Усть-Кяхта-17 и имеющей абсолютные даты около 14 тыс. кал. л. н. (Ташак, 2005; Павленок, 2014, 2015б). Об этом, в частности, свидетельствуют торцовые клиновидные микронуклеусы и технология первичного расщепления камня. Некоторые заготовки нуклеусов изготовлены по типу плоскостных нуклеусов, что отмечено для «селенгинской» индустрии (Павленок, 2015а, б). Сырье, как и в усть-кяхтинских комплексах, представлено преимущественно речными галечниками. К позднему палеолиту также должны быть отнесены скребки, долотовидные орудия, резец, пластины.

Соотнесение с «селенгинской» индустрией описываемых материалов, на наш взгляд, немаловажно. Это дает дополнительный материал для понимания пространственно-территориального распространения данной унифасиальной технологии. Особенно в контексте того, что пока, кроме юга Забайкалья и Северной Монголии, аналогов ей на других территориях нет. Если иметь в виду нуклеусы из слоя 2 стоянки Толбор-15, которые

исследователи соотносят с усть-кяхтинскими (Хаценович и др., 2017, рис. 1. -15, 20). Более широко в Северной и Восточной Азии в финале палеолита распространены технологии, характерные для дюктайской или селемджинской культур, типов хорока, юбецу, тогесита и др. (Окладников, 1974; Васильевский, Лавров, Чан Су Бу, 1982; Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998; *Microblade industries...*, 1999; Мочанов, 2007; Sato, Tsutsumi, 2007; Василевский, 2008; Инешин, Тетенькин, 2010; Yamada, 2006; Хаценович и др., 2017).

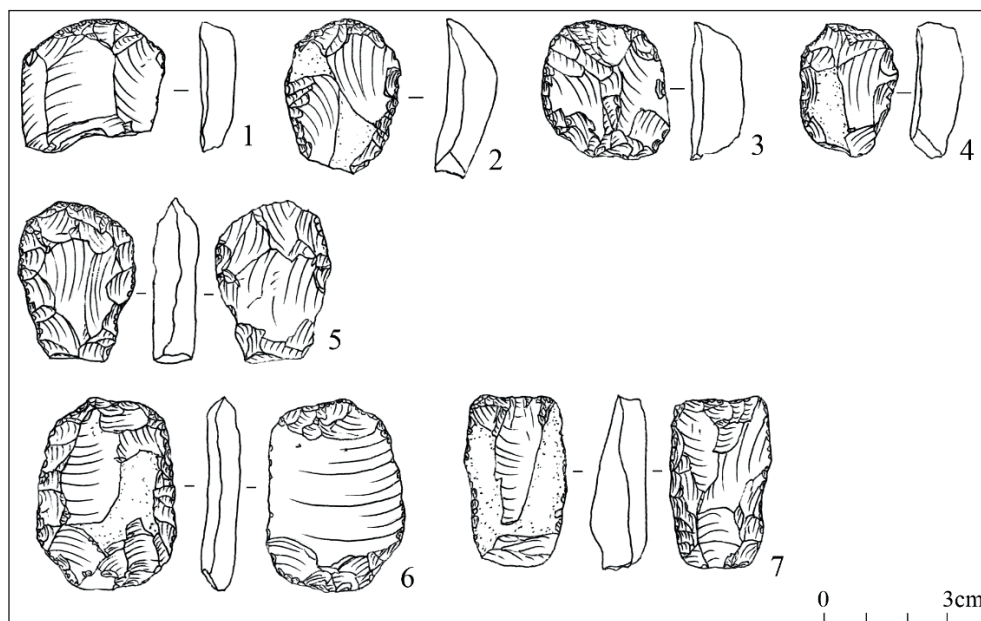

Рис. 5. Артефакты из камня со стоянки Алтанбулаг (сборы В.И. Лисовского):

1–5 — скребки; 6–7 — долотовидные изделия

Fig. 5. Lithic artifacts from the Altanbulag site (collections by V.I. Lisovsky):

1–5 — scrapers; 6–7 — chisel-shaped items

Часть материалов Алтанбулага, а именно микропризматические нуклеусы из халцедона и яшмоидов, ретушированная микропластина с тронкированием, должны быть отнесены к более позднему времени. Диапазон их датирования может быть широким — от раннего неолита до раннего бронзового века.

Заключение

Материалы сборов на стоянке Алтанбулаг, относящиеся к каменному веку, являются первыми сборами материалов этого периода на территории Монголии. Произведены они были раньше сборов экспедиции, проводившейся под руководством Р.Ч. Эндрюса в Гоби (Andrews, 1932; Walter, 1993), или исследований 1923 г. Б.Э. Петри на Хубсугуле (Петри, 1926). Предварительно датировать основную часть каменных артефактов стоянки можно, по аналогии с материалами усть-кяхтинских стоянок, поздним палеолитом, а некоторые артефакты из камня, такие как микропризматические нуклеусы из халцедона и яшмоидов, тронкированная микропластина, должны быть отнесе-

ны к неолиту — раннему бронзовому веку. Керамика же относится преимущественно к культуре плиточных могил, кроме одного сероглиняного фрагмента, относящегося к культуре хунну. Керамическая часть коллекции требует отдельного рассмотрения.

В целом материалы каменного века со стоянки Алтанбулаг имеют не только историографическое значение. Сопоставление их с материалами современных исследований и новое их прочтение позволяют по-новому взглянуть на коллекции и на приграничные территории севера Монголии, как перспективные с точки зрения изучения распространения культур или индустрий каменного века, а также путей возможных миграций популяций древних людей. Кроме того, присутствие отдельных изделий, которые могут быть отнесены к неолиту — раннему бронзовому веку, позволяет надеяться на перспективность памятника для изучения этих периодов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абрамова З.А. Палеолитические находки в районе Кяхты. М. : Изд-во АН СССР, 1953. С. 266–275 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 39)

Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное изд-во, 2008. 412 с.

Васильевский Р.С., Лавров Е.Л., Чан Су Бу. Культуры каменного века Северной Японии. Новосибирск : Наука, 1982. 206 с.

Ветров В.М. Резцы и нуклеусы усть-каренгской археологической культуры // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1995. С. 30–45.

Гродеков Н.И. Об открытии Троицкосавско-Кяхтинского отдела Приамурского отделения Императорского русского географического общества. Иркутск : Типо-литография К.И. Витковской, 1894. 27 с.

Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская позднелитическая культура. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 336 с.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск : Наука, 2010. 270 с.

Ларичев В.Е., Волков В.В. Мустьерские и неолитические памятники Южной Гоби (Солонкер-сомон, Сулат Хэрэ-обо). Новосибирск : Изд-во АН СССР, 1964. С. 147–189 (Археология и этнография Дальнего Востока. Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь; Вып. 1).

Лбова Л.В., Хамзина Е.А. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 241 с.

Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск : Наука, 2011. 368 с.

Медведева М.В., Чулуун С. Монголы и Монголия. Улаанбаатар; СПб. : Изд-во ИИМК РАН, 2017. 271 с.

Мочанов Ю.А. Дюктайская бифасиальная традиция палеолита Северной Азии (история ее выделения и изучения). Якутск : б. и., 2007. 200 с.

Окладников А.П. Поселение Хере-Уул (Восточная Монголия) и докерамические культуры Японии // Историко-филологические исследования: Сборник памяти академика Н.И. Конрада. М. : Наука, 1974. С. 322–338.

Павленок Г.Д. Микропластинчатое расщепление в пред- и раннеголоценовых индустриях Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта-3) // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. С. 109–113.

Павленок Г.Д. Технология изготовления клиновидных нуклеусов в селенгинской культуре Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта-3) // Известия Алтайского государственного университета. 2015а. Т. 2, № 3. С. 178–184.

Павленок Г.Д. Технология обработки камня в селенгинской культуре Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта 3): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2015б. 295 с.

Переписка Читинского отделения Русского географического общества о пополнении музея новыми экспонатами и коллекциями. Устав публичного музея в городе Нерчинске // Государственный архив Забайкальского края. Ф. 115. Оп. 1. Д. 36. 268 с.

Петри Б. Древности озера Косогола (Монголия). Иркутск : б. и., 1926. С. 92–100 (Отдельный оттиск из Бюллетеня № 1 Всесоюзной научной ассоциации востоковедения, Иркутский филиал).

Попова Е.Е., Цыбиктаров А.Д. Основание Кяхтинского краеведческого музея им. академика В.А. Обручева и Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО // Труды Кяхтинского краеведческого музея имени академика В.А. Обручева, Бурятского республиканского и Кяхтинского отделений Русского географического общества. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 10–13.

Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 130 с.

Хаценович А.М., Павленок Г.Д., Рыбин Е.П., Гунчинсүрэн Б., Болорбат Ц., Одсүрэн Д., Маргад-Эрдэнэ Г. Мелко- и микропластинчатые индустрии позднего верхнего палеолита Северной Монголии // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. Вып. 6. С. 144–153.

Цыденова Л.Б. Кяхтинский краеведческий музей — хранитель Великого Чайного пути // Труды Кяхтинского краеведческого музея имени академика В.А. Обручева, Бурятского республиканского и Кяхтинского отделений Русского географического общества. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 90–94.

Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Улан-Батор : б. и., 2008. 240 с.

Энхбат Г., Даваацэрэн Б. Монгол нутаг дахь түүх, соёлын үл хөдлөх дурсгал. IV дэвтэр. Сэлэнгэ аймаг. Улаанбаатар : Соёлын өвийн төв, 2011. 96 р. (на монг. яз.)

Andrews R.C. The New Conquest of Central Asia: a Narrative of the Explorations of the Central Asiatic Expeditions in Mongolia and China (1921–1930). New York : The American Museum of Natural History, 1932. 880 p.

Microblade industries in Siberia (シベリアの細石刃石器群 Siberia no saisekkijin sekki-gun) / ed. Kimura H. Sapporo: クライアント, 1999. 220 p. (на япон. яз.)

Sato H., Tsutsumi T. Japanese Microblade Industries: Technology, Raw materials Procurement and Adaptations // Origin and spread of microblade technology in Northern Asia and North America. Barnaby: Simon Fraser University Press, 2007. Chapter 4. P. 53–78.

Walter A. Fairservis Jr. *Archaeology of the Southern Gobi of Mongolia*. Durham : Carolina Academic Press, 1993. 253 p.

Yamada S. *A Study of Microblade Assemblages in Hokkaido, Japan (北海道における細石刃石器群の研究 Hokkaidō ni okeru saisekijin sekki-gun no kenkyū)*. Tokyo : Rokuichi Shobo Co. Ltd, 2006. 245 p. (на япон. яз.)

REFERENCES

Abramova Z.A. *Paleolithic Finds in the Kyakhta Region*. Moscow : Izd-vo AN SSSR, 1953. Pp. 266–275 (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR; No. 39) (*In Russ.*)

Vasilevskij A.A. *Stone Age of the Sakhalin Island*. Yuzhno-Sahalinsk : Sahalinskoe knizhnoe izd-vo, 2008. 412 p. (*In Russ.*)

Vasilevskij R.S., Lavrov E.L., Chan Su Bu. *Stone Age Cultures of Northern Japan*. Novosibirsk : Nauka, 1982. 206 p. (*In Russ.*)

Vetrov V.M. *Burins and Cores of the Ust'-Karengskaya Archaeological Culture*. In: *Baikal Siberia in ancient times*. Irkutsk : Izd-vo IGU, 1995. Pp. 30–45. (*In Russ.*)

Grodekov N.I. *About Opening of the Troitskosavsk-Kyakhtinskii Department of the Priamurskii Branch of the Imperial Russian Geographic Society*. Irkutsk : Tipo-litografiya K.I. Vitkovskoj, 1894. 27 p. (*In Russ.*)

Derevyanko A.P., Volkov P.V., Li Khondzhon. *Selemdzhinskaya Late Paleolithic Culture*. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 1998. 336 p. (*In Russ.*)

Ineshin E.M., Teten'kin A.V. *Human and the Environment of the North of Baikalian Siberia in Late Pleistocene. The site Bol'shoj Yakor' I*. Novosibirsk : Nauka, 2010. 270 p. (*In Russ.*)

Larichev V.E., Volkov V.V. *Mousterian and Neolithic Sites of Southern Gobi (Solonker-somon, Sulat Here-obo)*. Novosibirsk : Izd-vo AN SSSR, 1964. Pp. 147–189 (*Archaeology and Ethnography of Far East. Materials of History of Siberia. Ancient Siberia; Issue 1*) (*In Russ.*)

Lbova L.V., Khamzina Y.A. *Antiquity of Buryatia. Map of the archaeological sites*. Ulan-Ude : Izd-vo BNC SO RAN, 1999. 241 p. (*In Russ.*)

Small Encyclopedia of Transbaikalia: Archaeology. Novosibirsk : Nauka, 2011. 368 p. (*In Russ.*)

Medvedeva M.V., Chuluun S. *Mongols and Mongolia*. Ulaanbaatar; Saint-Petersburg : Izd-vo IIMK RAN, 2017. 271 p. (*In Russ.*)

Mochanov Yu.A. *Dyuktai Bifacial Tradition of the Northern Asian Paleolithic (History of Discovery and Study)*. Yakutsk : b. i., 2007. 200 p. (*In Russ.*)

Okladnikov A.P. *The Here-Uul site (Eastren Mongolia) and Pre-ceramic Cultures of Japan*. In: *Historical-philological Studies. Proceeding for Memory of Academician N.I. Konrad*. Moscow : Nauka, 1974. Pp. 322–338. (*In Russ.*)

Pavlenok G.D. *Microblade Reduction in the Pre- and Early Holocene Industries of Western Transbaikalia (Based on the Materials of the Ust'-Kyahta-3 site)*. In: *Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan'*. Kazan' : Otechestvo, 2014. Pp. 109–113. (*In Russ.*)

Pavlenok G.D. *The Technology of Wedge-Shaped Core Reduction in the Selenga Culture of Western Transbaikalia (Based on Materials from the Ust-Kyakhata-3 Site)*. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Altai State University*. 2015a;2(3):178–184. (*In Russ.*)

Pavlenok G.D. Lithic Reduction Technology in the Selenga Culture of Western Transbaikalia (Based on Materials from the Ust-Kyakhata 3 Site): Dis. ... Cand. Hist. Sciences. Novosibirsk, 2015b. 295 p. (*In Russ.*)

Correspondence of the Chita Branch of the Russian Geographical Society Regarding the Replenishment of the Museum with New Exhibits and Collections. Charter of the Public Museum in the City of Nerchinsk. In: State Archive of the Transbaikal Region. Fund 115, Inventory List 1, File Unit 36. 268 p. (*In Russ.*)

Petri B. Antiquities of the Lake Kosogol (Mongolia). Irkutsk: b.i., 1926. Pp. 92–100 (Separate Print from Bulletin № 1 of the All-Russian Scientific Association of the Eastern Studies of the Irkutsk Branch) (*In Russ.*)

Popova E.E., Tsybiktarov A.D. Founding of the Kyakhta Local Museum Named after Academician V.A. Obruchev and of the Troitskosavsk-Kyakhtinskii Department of the Priamurskii Branch of the Imperial Russian Geographic Society. In: Proceeding of the Kyakhta Local Museum Named after Academician V.A. Obruchev, Buryatian Republic and Kyakhta Branch of the Russian Geographic Society. Ulan-Ude : Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2015. Pp. 10–13. (*In Russ.*)

Tashak V.I. Paleolithic and Mesolithic Sites of Ust'-Kyakhta. Ulan-Ude : Izd-vo BNC SO RAN, 2005. 130 p. (*In Russ.*)

Khatsenovich A.M., Pavlenok G.D., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Bolorbat Ts., Odsuren D., Margad-Erdene G. Small- and Microblade Industries of the Late Upper Paleolithic of North Mongolia. *Evrasiya v kajnozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury = Eurasia in Cainozoic. Stratigraphy. Paleoecology, culture.* 2017;6:144–153. (*In Russ.*)

Tsydenova L.B. Kyakhtinskii Local Museum — Keeper of the Great Tea Road. In: Proceeding of the Kyakhta Local Museum Named after Academician V.A. Obruchev, Buryatian Republic and Kyakhta Branch of the Russian Geographic Society. Ulan-Ude : Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2015. Pp. 90–94. (*In Russ.*)

Tseveendorzh D., Bayar L., Tserendagva Ya., Ochirkhuyag Ts. Archaeology of Mongolia. Ulaanbaatar : b.i., 2008. 240 p. (*In Russ.*)

Enkhbat G., Davaatseren B. Objects of History, Culture and Immovable Heritage of Mongolia. IV notebook. Selenge aimag. Ulaanbaatar : Soyoliin uviin tuv, 2011. 96 p. (*In Mongolian*)

Andrews R.C. The New Conquest of Central Asia: a Narrative of the Explorations of the Central Asiatic Expeditions in Mongolia and China (1921–1930). New York : The American Museum of Natural History, 1932. 880 p.

Microblade industries in Siberia (シベリアの細石刃石器群 Siberia no saisekkijin sekki-gun) / ed. Kimura H. Sapporo : Kurai Anto, 1999. 220 p. (*In Japanese*)

Sato H., Tsutsumi T. Japanese Microblade Industries: Technology, Raw Materials Procurement and Adaptations. In: Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North America. Barnaby : Simon Fraser University Press, 2007. Chapter 4. Pp. 53–78.

Walter A. Fairservis Jr. Archaeology of the Southern Gobi of Mongolia. Durham : Carolina Academic Press, 1993. 253 p.

Yamada S. A Study of Microblade Assemblages in Hokkaido, Japan (北海道における細石刃石器群の研究 Hokkaidō ni okeru saisekijin sekki-gun no kenkyū). Tokyo : Rokuichi Shobo Co. Ltd, 2006. 245 p. (*In Japanese*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Цыденова Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

Natalia V. Tsydenova, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow of the Department of History and Culture of Central Asia of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS, Ulan-Ude, Russia.

*Статья поступила в редакцию 13.10.2025;
одобрена после рецензирования 24.11.2025;
принята к публикации 04.12.2025.
The article was submitted 13.10.2025;
approved after reviewing 24.11.2025;
accepted for publication 04.12.2025.*

ПЕРСОНАЛИИ

PERSONNEL

Персоналии / Biographical Article

УДК 902:94(571.150)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-14](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-14)

EDN: WVTGUJ

Ю.Ф. КИРЮШИН КАК ОРГАНИЗАТОР И ЛИДЕР БАРНАУЛЬСКОЙ НАУЧНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Владимир Юрьевич Ганенок

*Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;
vladimir.ganenok@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1760-1593>*

Резюме. Профессор Ю.Ф. Кирюшин оказал большое влияние на развитие в Барнауле высшего образования в целом и археологических исследований в частности. Многогранная деятельность ученого, его томский опыт и поддержка со стороны руководства вуза привели к созданию в стенах Алтайского государственного университета (АлтГУ) конкурентоспособного коллектива археологов, признанного научной школой. Автором прослеживается эволюция научно-организационных форм деятельности археологов АлтГУ (хоздоговорная лаборатория — музей — кафедра) начиная с последней трети 1970-х гг. Отмечается важная роль сотрудничества с Институтом археологии и этнографии СО РАН в деле дальнейшей интенсификации археологических исследований в АлтГУ. Характеризуются деловые качества Ю.Ф. Кирюшина как лидера научной школы, его стиль взаимодействия с учениками и коллегами. В статье приводятся неопубликованные архивные материалы, позволяющие пролить свет на отдельные вопросы становления барнаульской научной археологической школы.

Ключевые слова: Ю.Ф. Кирюшин, научная археологическая школа, Алтайский государственный университет

Для цитирования: Ганенок В.Ю. Ю.Ф. Кирюшин как организатор и лидер барнаульской научной археологической школы // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 4. С. 252–267. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-14](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-14)

YU.F. KIRYUSHIN AS THE FOUNDER AND LEADER OF THE BARNAUL SCIENTIFIC ARCHAEOLOGICAL SCHOOL

Vladimir Yu. Ganenok

*Kemerovo State University, Kemerovo, Russia;
vladimir.ganenok@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1760-1593>*

Abstract. Professor Yu.F. Kiryushin exerted a significant influence on the development of higher education in Barnaul in general and archaeological research in particular. His multifaceted work resting on his research experience in Tomsk and the support of the university management resulted in the creation of a competitive team of archaeologists at Altai State University (AltSU), recognized as a scientific school. The author traces the evolution of the scientific and organizational forms of archaeology at Altai State University (laboratory-museum-department) since the late 1970s. The article stresses the role of collaboration with the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in further intensifying archaeological research at AltSU. The author characterizes Yu.F. Kiryushin's professional qualities as a leader of the scientific school and his style of interaction with students and colleagues. The article presents unpublished archival materials that shed light on certain aspects of the development of the Barnaul scientific archaeological school.

Keywords: Yu.F. Kiryushin, scientific archaeological school, Altai State University

For citation: Ganenok V.Yu. Yu.F. Kiryushin as the Founder and Leader of the Barnaul Scientific Archaeological School. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(4):252–267. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-14](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-14)

Введение

Одним из показателей успешности развития науки в современном обществе является наличие в той или иной области знаний такой организационной формы исследовательских коллективов, как научная школа. Следует отметить, что само понятие «научная школа» не имеет общепринятого определения (Храмов, 1987, с. 10–11). Зачастую признание научного коллектива школой исходит от коллег из других исследовательских центров, а с 1990-х гг. и через специальные гранты государственных научных фондов для соответствующих требованиям объединений ученых. Тем самым обозначается большой вклад данного коллектива в изучение определенных научных проблем и подготовку кадров. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2021 г. № 261 «О внесении изменений в Правила предоставления грантов...» «научной школой считается сложившийся коллектив исследователей численностью не менее 10 человек, связанных с проведением научных исследований по общему научному направлению и объединенных совместной научной деятельностью. Такой коллектив должен осуществлять подготовку научных кадров по образовательным программам по направлению научных исследований и иметь в своем составе: руководителя..., исследователей, в том числе молодых, не достигших 35 лет...» (О внесении изменений..., 2021, с. 6008). Однако данное определение применимо не для всех коллективов исследователей, традиционно относимых к научным школам.

Историками науки приводятся разнообразные признаки, характерные для наличия научной школы (Мельникова, 2014, с. 538–539). В качестве одного из ключевых факторов признается присутствие в научной школе лидера (лидеров), который определяет основные векторы развития организованного им коллектива ученых. При этом, в отличие от других вариантов коммуникации исследователей (научные направления, течения и др.), понятие «научная школа» включает и педагогический аспект (Хайтун, 1973, с. 191, 197). По мнению И.А. Аршавского, «говоря о школе и ее создателе, естественно считать, что он должен обладать не только способностью творить научные идеи, намечающие существенно новые пути для уже сложившегося направления, но, что не менее важно, и дан-

ными педагога» (Аршавский, 1971, с. 5). В то же время авторитет лидера научной школы «есть результат его научной компетентности, его преданности науке, его талантливости и смелости, с какой он не только сам выдвигает новые проблемы, но и всячески способствует тому, чтобы его ученики «перегоняли» его самого» (Кедров, 1977, с. 310).

Применительно к археологии Западной Сибири одним из динамично развивающихся коллективов является барнаульская научная археологическая школа, созданная в Алтайском государственном университете (АлтГУ) профессором Юрием Федоровичем Кирюшиным (Дашковский, 2015, с. 19, 21). Научная школа археологов АлтГУ признана научным сообществом (В Барнауле обсудили археологию..., 2021, с. 3), неоднократно поддерживалась специальными грантами Президента РФ (Тишкин, 2016, с. 20). В данной статье предпринята попытка рассмотреть организационную деятельность Ю.Ф. Кирюшина по развитию археологических исследований в АлтГУ, его стиль руководства научной школой.

Результаты исследования

На становление и развитие барнаульской научной археологической школы повлиял целый ряд обстоятельств (Ганенко, 2022, с. 26–28). Это открытие классического университета в Барнауле в 1973 г., археологические изыскания А.П. Уманского, В.А. Посредникова, А.С. Шемякиной и В.Д. Славина в первые годы работы вуза, функционирование студенческого археологического кружка, направление в Новосибирский государственный университет для целевой подготовки в области археологии перспективных студентов, таких как С.В. Неверов и С.В. Цыб (Кирюшин, Тишкин, Шамшин, 2006, с. 29–30). Тем не менее с появлением в 1977 г. в Алтайском государственном университете молодого кандидата наук Ю.Ф. Кирюшина связан переход археологических изысканий на новый научно-организационный уровень. Необходимо подчеркнуть, что к тому времени Юрий Федорович был уже сложившимся исследователем-полевиком. Он участвовал в экспедициях В.И. Матющенко и Л.А. Чиндиной, проводил собственные изыскания на труднодоступных памятниках Васюганья, с 1969 по 1970 гг. занимал ответственный пост директора музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, работал в научно-исследовательской лаборатории. Особенно значимым событием в плане научного становления Ю.Ф. Кирюшина стала стажировка в конце 1969 г. — начале 1970 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (Васильев, 2021, с. 13–17). В итоге полученные в Томске знания и опыт Ю.Ф. Кирюшин в полной мере реализовал на Алтае.

По воспоминаниям Ю.Ф. Кирюшина, одной из причин переезда в Барнаул стал квартирный вопрос (Скаредова, 2016, с. 4). Однако не в меньшей степени переход в АлтГУ давал перспективу развернуть археологические работы на недостаточно обследованной тогда территории Алтайского края. Первый ректор АлтГУ В.И. Неверов так вспоминал знакомство с Ю.Ф. Кирюшиным: «На мой прямой вопрос: “Что Вас привело в АГУ, а не в другой вуз, надежда на получение жилья?” Юрий Федорович ответил: “Жилье рано или поздно все равно дадите. Главное же в том, что Алтай — уникальный мировой полигон для археологов. Ученые многих стран мира проявляют к нему интерес, а на месте планомерных масштабных исследований пока не ведется. Этот пробел надо восполнять.

Думаю, что настала пора создавать алтайскую школу археологии». — Ничего себе, — подумал я, — а впрочем, почему бы и нет? Человек получил хорошее образование, поставил перед собой большую цель, пусть дерзает» (Неверов, 2003, с. 76-77). И действительно, руководство вуза предоставило большие возможности для развития научной деятельности. В первые годы работы в АлтГУ Ю.Ф. Кирюшину даже выделялось финансирование на проведение исследований как на Алтае, так и в Васюганье. Это позволило быстро накопить материал для докторской диссертации (Скаредова, 2016, с. 4).

В декабре 1978 г. при АлтГУ создается неуставная лаборатория археологии, этнографии и истории Алтая (ЛАЭиИА) (ГААК. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 1771. Л. 19), официальное утверждение ректором и назначение заведующим Ю.Ф. Кирюшина произошло в январе 1979 г. (ГААК. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 761. Л. 6). В научном и организационном плане в деятельность лаборатории были заложены те принципы, по которым шло дальнейшее становление научной школы. ЛАЭиИА почти полностью комплектовалась из выпускников первых наборов историков АлтГУ. Сотрудники имели свои плановые темы, что позволяло охватить многие хронологические периоды древней и средневековой истории Алтая, готовить диссертации (рис. 1). Отдельное внимание Ю.Ф. Кирюшиным уделялось публикации научных материалов и проведению научных форумов. Вместе с тем сотрудники лаборатории активно включались и в образовательный процесс, организуя археологические практики и работу студенческого кружка, проводя учебные занятия (Сасковец, 2003, с. 4). На одном из заседаний ученого совета исторического факультета АлтГУ середины 1980-х гг. д.и.н. А.П. Бородавкин отметил следующее: «Лаборатория работает плодотворно во многом потому, что зав. лабораторией Ю.Ф. Кирюшин много работает в научном отношении. Мне нравится современный состав сотрудников лаборатории, сложившийся после отсева случайных лиц» (ГААК. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 1771. Л. 15). На 1985 г. сотрудниками ЛАЭиИА были опубликованы пять межвузовских сборников статей, из печати вышли 65 статей, тезисов и сообщений, проведена совместная с ИИФиФ СО АН СССР конференция (ГААК. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 1771. Л. 20).

В практической плоскости деятельность лаборатории была ориентирована на проведение хозяйственных работ, связанных в 1970–1980-х гг. с масштабными стройками в Алтайском крае (гидроузлы, мелиоративные системы, дороги и др.). Осуществлялось сплошное археологическое изучение территории региона (Шамшин, 1998, с. 24). Как отмечает М.А. Демин, на финансовой основе хозяйственных исследований «во многом строилась археологическая школа Алтайского государственного университета во главе с Ю.Ф. Кирюшиным» (Демин, 2018, с. 144). Нанесенные на археологические карты многочисленные древние и средневековые объекты издавались в рамках свода памятников истории и культуры отдельных административных районов и региона в целом (Бородаев, Кирюшин, Кунгуров, 1983; Памятники истории и культуры..., 1990; Памятники истории и культуры..., 1996). Особенно большими масштабами отличались совместные работы археологов АлтГУ и ИИФиФ СО АН СССР в зоне предполагаемого возведения Катунской гидроэлектростанции в 1983 — начале 1990-х гг. По подсчетам Ю.Ф. Кирюшина, «за все годы работ на Средней Катуни было раскопано ок. 430 курганов, оградок и поминальников, вскрыто большими площадями ряд разновременных поселений и стоянок» (Кирюшин, 1990, с. 172). В результате был накоплен колоссаль-

ный материал, и возникла острая необходимость в помещениях для его хранения, изучения и экспонирования (ГААК. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 1771. Л. 22).

Рис. 1. Сотрудники Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая (2-я половина 1980-х гг.)¹

Fig. 1. Staff of the Laboratory of Archaeology, Ethnography, and History of Altai (second half of the 1980s)

В 1985 г. по инициативе Ю.Ф. Кирюшина при АлтГУ был создан музей археологии и этнографии Алтая. Через год его функционирование официально утвердили на министерском уровне. Музей стал учебно-научным подразделением при историческом факультете АлтГУ (Горбунов, 2009, с. 28). Как писала Т.Н. Троицкая, «это по-настоящему хороший музей. В нем очень хорошо экспонирован археологический материал. Безусловно, в его создании определенную роль сыграл ректор этого университета археолог Юрий Федорович Кирюшин. Когда я впервые ознакомилась с музеем, то сразу же вспомнила Томск и совсем юного Юру Кирюшина, только что окончившего университет, и то, как он мне рассказывал о своих планах работы в музее Томского университета. Мне кажется, что он многое из этих планов воплотил в музее Алтайского университета» (Троицкая, 2013, с. 27–28). Положительный отзыв о только что созданном му-

¹ Все опубликованные в статье фотографии предоставлены А.А. Тишкиным из личного архива.

зее и проводившем экскурсию Ю.Ф. Кирюшине дал и такой высокопоставленный гость, как Г.А. Алиев (Неверов, 2003, с. 78-79) (рис. 2).

Рис. 2. Ю.Ф. Кирюшин проводит в музее археологии и этнографии Алтая экскурсию для члена Политбюро ЦК КПСС Г.А. Алиева (1985 г.)

Fig. 2. Yu.F. Kiryushin conducting a guided tour of the Altai Museum of Archaeology and Ethnography for the member of the Politburo of the CPSU's Central Committee G.A. Aliyev (1985)

Защита Ю.Ф. Кирюшиным докторской диссертации (1987 г.), получение ученых степеней сотрудниками ЛАЭиИА (С.В. Цыб, В.Н. Владимиров, А.Б. Шамшин, С.В. Неверов, А.Л. Кунгуров) открывали новые перспективы для развития археологических исследований в АлтГУ. В октябре 1988 г. из состава кафедры дореволюционной отечественной истории была образована кафедра археологии, этнографии и источниковедения, заведующим которой стал Ю.Ф. Кирюшин (Ганенко, 2022, с. 28). В качестве обоснования подобного шага указывалось следующее: взаимосвязь археологических и этнографических изысканий, необходимость внедрения математических методов в исторические исследования, качественное улучшение специализации в рамках отдельной кафедры, важность «создания полноценной научной школы» (ГААК. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 1673. Л. 31-32). При этом подобные структурные изменения встретили понимание у коллег-историков, в частности, у профессора А.П. Бородавкина. Под руководством Ю.Ф. Кирюшина коллектив новой кафедры продолжил реализовывать задан-

ные еще в рамках ЛАЭиИА направления деятельности: вовлечение студентов в научно-исследовательскую работу, активное издание печатной продукции, подготовка конференций различного уровня и квалифицированных научных кадров (Лихачева, 2008, с. 4). А.А. Тишкин отметил, что «с самого начала Юрий Федорович Кирюшин занимался преимущественно эпохой бронзы. Однако после защиты докторской диссертации он радикально поменял стратегию формирования научного коллектива. Были подготовлены специалисты не только узкого профиля, но и изучавшие все бесписьменные периоды... Именно эти тенденции отражены в многочисленных изданиях, являющихся своего рода визитной карточкой нашей научной школы» (В Барнауле обсудили археологию..., 2021, с. 3).

С 1990-х гг. благодаря дальнейшему карьерному росту Ю. Ф. Кирюшина в АлтГУ возникли новые организационные структуры археологов. В 1991 г. ученый стал проректором по научной работе, и в том же году состоялось открытие Научно-исследовательского института гуманитарных исследований (НИИ Ги), в котором объединились усилия специалистов исторического, юридического, социологического и филологического профиля. Ю.Ф. Кирюшин стал научным руководителем института, а исполнительным директором — А.Р. Ким (с 1993 г. — А.Б. Шамшин). Особенно плодотворно в НИИ Ги действовал отдел археологии, антропологии и этнографии, куда на правах хоздоговорного сектора вошла ЛАЭиИА. Велась разработка перспективных научных тем, например об историческом опыте освоения юго-западной Сибири (Клименко, 1994, с. 2). Наличие давних контактов с А.П. Деревянко и В.И. Молодиным позволило Ю.Ф. Кирюшину в 1993 г. создать совместную с новосибирским Институтом археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН Барнаульскую лабораторию археологии и этнографии Южной Сибири, где Юрий Федорович также стал заведующим (Тишкин, 2016, с. 17). Сотрудники лаборатории проводили исследования преимущественно в рамках темы «Изучение этнокультурной истории населения Сибири в эпоху бронзы и железа», работали по программе «Картографирование археологических памятников Алтая» (Институт археологии и этнографии, 2006, с. 120). Функционирование с 1994 г. на историческом факультете АлтГУ совета по защитах кандидатских диссертаций по историческим специальностям (председатель — Ю.Ф. Кирюшин) дало возможность наращивать острепенность научных кадров, в том числе археологов. Так, в период с 1994 по 2004 г. под научным руководством Ю.Ф. Кирюшина в данном диссертационном совете состоялись 18 успешных защит (Диссертационному совету..., 2004, с. 3–26; Доктор исторических наук..., 2016, с. 155–157). Юрий Федорович считает, что «...чем раньше человек защитил кандидатскую, тем лучше. Пока у ученого есть энтузиазм, пока не иссяк интерес и стремление к исследованиям, ему нужно писать докторскую» (Скаредова, 2016, с. 4).

Отдельным научно-организационным периодом в деятельности Ю.Ф. Кирюшина является время его нахождения на посту ректора (1997–2011 гг.) и президента (2011–2016 гг.) Алтайского государственного университета. Ввиду успешной деятельности при историческом факультете диссертационного совета его в 2005 г. преобразовали в совет по защитах докторских диссертаций (Тишкин, 2016, с. 17). Благодаря этому уже в 2006 г. состоялось знаковое для археологии АлтГУ событие: защиты докторских диссертаций А.А. Тишкиным и В.В. Горбуновым, учениками Ю.Ф. Кирюшина. Присутствовавшие на защите члены совета и коллеги, в частности Л.М. Плетнева из Томска,

констатировали факт оформления барнаульской (алтайской) научной археологической школы (А.А. Тишкин и В.В. Горбунов защитили докторские, 2006, с. 1). В 2013 г. археологам АлтГУ удалось получить значительную финансовую поддержку дальнейших исследований благодаря победе в конкурсе грантов Правительства РФ. Общее руководство работами по мегагранту «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии» осуществлял академик А.П. Деревянко, от АлтГУ — Ю.Ф. Кирюшин и А.А. Тишкин (Артемова, 2014, с. 2) (рис. 3). Итогом реализации мегагранта в 2014–2017 гг. стало создание в Алтайском государственном университете Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, приобретение дорогостоящего оборудования для исследований, плотное сотрудничество вузовских и академических ученых (Лавыгина, 2017, с. 5).

Рис. 3. Ю.Ф. Кирюшин с академиками В.И. Молодиным (слева) и А.П. Деревянко (справа) на V (XXI) Всероссийском археологическом съезде в Барнауле (2017 г.)
Fig. 3. Yu.F. Kiryushin with Academicians V.I. Molodin (left) and A.P. Derevyanko (right) at the 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul (2017)

Говоря о Ю.Ф. Кирюшине как о лидере барнаульской научной археологической школы, следует отметить широту его исследовательских интересов. Ю.Ф. Кирюшин является признанным специалистом по археологии Западной Сибири от эпохи неолита до раннего железного века включительно, исследователем эталонных разновременных комплексов памятников на р. Тыткескень, у с. Елунино, на оз. Иткуль и др. (рис. 4). Основные результаты проведенных полевых работ были отражены в двух десятках книг, среди которых можно назвать монографии «Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири» (2002), «Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири» (2004), «Скифская эпоха Горного Алтая» (Ч. 1, 1997; Ч. 2, 2003; Ч. 3, 2004). Ученый стал одним из первых в Сибири активно привлекать данные естественных и технических наук для анализа археологических материалов. Классическим примером является написанная в соавторстве с географом А.М. Малолетко монография «Бронзовый век Васюганья», в которой использовалась целая группа естественно-научных методов (Кирюшин, 1979, с. 6) (рис. 5). Сотрудничество с А.М. Малолетко продолжилось и дальше, что привело к созданию обобщающего труда по известному поселению эпохи бронзы Березовая Лука (Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005). В целом именно Ю.Ф. Кирюшин сделал междисциплинарность характерной чертой проводимых археологами АлтГУ исследований (В Барнауле обсудили археологию..., 2021, с. 3).

Рис. 4. А.А. Тишкин, Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин и Д.В. Папин на памятнике Староалейка (2002 г.)
Fig. 4. A.A. Tishkin, Yu.F. Kiryushin, A.B. Shamshin, and D.V. Papin at the Staroaleyka site (2002)

Рис. 5. Ю.Ф. Кирюшин и А.М. Малолетко во время раскопок на озере Иткуль (1980 г.)
Fig. 5. Yu.F. Kiryushin and A.M. Maloletko during excavations on Lake Itkul (1980)

Учениками, коллегами и друзьями Ю.Ф. Кирюшина отмечается его профессиональный подход к научно-исследовательской и педагогической работе, огромный запас энергии и умение добиваться поставленных целей (Глушков, 2005, с. 14; Дашковский, 2015, с. 19–21). На вопрос журналиста о том, чем Ю.Ф. Кирюшин гордится больше всего, ученый ответил: «Учениками. У меня их много, и это очень талантливые ребята» (Ильина, 2006, с. 2) (рис. 6). Многолетний декан исторического факультета АлтГУ В.Н. Владимиров отметил, что «...едва ли не главная заслуга Юрия Федоровича перед факультетом заключается в том, что он привил многим из нас навыки научно-организационной работы, в т.ч. по поиску финансирования для научных исследований, составлению проектов, планов работ, организации этих работ» (Слово о юбиляре, 2006, с. 4).

На развитие археологии в Алтайском государственном университете повлияли и обширные научные и дружеские контакты Ю.Ф. Кирюшина с коллегами из других исследовательских центров (Санкт-Петербург, Новосибирск, Томск, Омск, Кемерово и др.). Юрий Федорович приглашал для чтения лекций и проведения спецкурсов таких известных специалистов, как М.Ф. Косарев, А.Д. Столяр, Я.А. Шер, В.В. Бобров и др. (Лихачева, 2008, с. 4). Благодаря дружбе с томским антропологом А.Р. Кимом Ю.Ф. Кирюшину удалось уговорить его переехать в Барнаул на работу в АлтГУ, где Аркадий Романович развернул широкую деятельность, создал в 1988 г. кабинет антропологии. Как отметил академик В.И. Молодин, «роль Юрия Федоровича в создании и укреплении Алтайского государственного университета очень велика. Он много сделал для того, чтобы университет, и в частности историки, археологи, работали на самом высоком уровне» (В Барнауле обсудили археологию..., 2021, с. 3).

Рис. 6. Коллектив кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (2010 г.)
Fig. 6. The staff of the Department of Archaeology, Ethnography, and Museology at Altai State University (2010)

Под научным руководством Ю.Ф. Кирюшина защищены 29 кандидатских и семь докторских диссертаций (Доктор исторических наук..., 2016, с. 155–158). В частности, можно отметить таких диссертантов Ю.Ф. Кирюшина, как В.В. Горбунов, С.П. Грушин, П.К. Дашковский, А.А. Тишкин, А.Б. Шамшин и др. Не все ученики Юрия Федоровича стали последовательными проводниками идей барнаульской научной археологической школы. Тем не менее коллектив археологов АлтГУ продолжает устойчивый качественный и количественный рост. У учеников Ю.Ф. Кирюшина появились свои остепененные ученики, и это показатель развития научной школы. Так, под научным руководством А.А. Тишкина были защищены 19 кандидатских (С.П. Грушин, П.К. Дашковский, С.С. Матренин, Н.Н. Серегин и др.) и докторская (Н.Н. Серегин) диссертации, А.Б. Шамшина — три кандидатские диссертации (Д.В. Папин, А.С. Федорук, О.И. Чекрыжова), С.П. Грушина — две кандидатские диссертации (Д.С. Леонтьева, В.О. Сайберт) и др. (Кунгуров, Папин, Тишкин, 2016, с. 141; Дашковский, 2023, с. 17). Однако современная история барнаульской научной археологической школы является темой дальнейших публикаций.

Заключение

Таким образом, научно-организационная деятельность Ю.Ф. Кирюшина в Алтайском государственном университете на протяжении последней трети 1970-х — 2010-х

гг. привела к созданию в вузе комплексной структуры археологических исследований, включающих кафедру археологии, этнографии и музеологии (источниковедения), музей археологии и этнографии Алтая, кабинет антропологии, научно-исследовательский институт гуманитарных исследований, совместные лаборатории с новосибирским Институтом археологии и этнографии СО РАН. Заложенные Ю.Ф. Кирюшиным принципы подготовки научных кадров, организации полевых археологических исследований, проведения научных форумов и публикации научных материалов послужили основой для создания барнаульской научной археологической школы. Деловые качества Ю.Ф. Кирюшина, его круг интересов и знакомства также стали залогом устойчивого развития археологии в АлтГУ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- А.А. Тишкин и В.В. Горбунов защитили докторские // За науку. 2006. № 40. С. 1.
- Артемова А. Мегaproект археологов — победитель конкурса! // За науку. 2014. № 1. С. 2.
- Аршавский И.А. Роль А.А. Ухтомского — ученого и личности в создании физиологической школы Ленинградского университета. М.: Наука, 1971. 13 с.
- Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1983. С. 8–30.
- В Барнауле обсудили археологию Северной и Центральной Азии // Наука в Сибири. 2021. № 2. С. 3.
- Васильев Е.А. Юрий Федорович Кирюшин: томские страницы биографии // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 10–24.
- Ганенок В.Ю. Факторы формирования барнаульской научной археологической школы // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 26–28.
- Глушков И.Г. Добрый человек // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 10–14.
- Горбунов В.В. 25 лет со времени основания музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета // Алтайский край: календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул : ПринтЭкспресс, 2009. С. 28–30.
- Дашковский П.К. Слово о научном руководителе // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 19–21.
- Дашковский П.К. Ученый, педагог, наставник: к 60-летию юбилею Алексея Алексеевича Тишкина // Народы и религии Евразии. 2023. № 3. С. 7–41.
- Демин М.А. Алексей Павлович Уманский: путь в науку. Барнаул : АлтГПУ, 2018. 404 с.
- Диссертационному совету исторического факультета — 10 лет. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 26 с.
- Доктор исторических наук, профессор Юрий Федорович Кирюшин: биобиблиография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 160 с.

- Ильина Т. Юрий Кирюшин: Везет тем, кто везет // Алтайская правда. 2006. № 9. С. 2. Институт археологии и этнографии. Новосибирск : ИНФОЛИО, 2006. 144 с.
- Кедров Б.М. Научная школа и ее руководитель // Школы в науке. М. : Наука, 1977. С. 300-310.
- Кирюшин Ю.Ф. Археологические работы на Средней Катуні // Катунский проект: проблемы экспертизы. Новосибирск : СО АН СССР, 1990. Ч. II. С. 170-172.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. 183 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. Т. 1. 288 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Шамшин А.Б. Опыт подготовки археологов в Алтайском государственном университете // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография. С. 29-39.
- Клименко В. Нынешняя российская наука сильна не только академиями // За науку. 1994. № 10. С. 2.
- Кунгуров А.Л., Папин Д.В., Тишкин А.А. Александру Борисовичу Шамшину — 60 лет // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 2 (14). С. 137-145.
- Лавыгина О. Через тернии — к артефактам // За науку. 2017. № 7. С. 5.
- Лихачева А. Еще раз о юбиляре — кафедре археологии, этнографии и музеологии (источниковедения) // За науку. 2008. № 42-43. С. 4.
- Мельникова О.М. Школа научная // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М. : Аквилон, 2014. С. 538-539.
- Неверов В.И. Университет — моя любовь! Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 198 с.
- О внесении изменений в Правила предоставления грантов в форме субсидий в области науки из федерального бюджета для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук и докторов наук в целях реализации Указа Президента Российской Федерации от 9 февраля 2009 г. № 146 «О мерах по усилению государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов и докторов наук» (гранты Президента Российской Федерации), а также ведущих научных школ Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2021 г. № 261 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 10. С. 6006-6017.
- Памятники истории и культуры северо-западного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. 132 с.
- Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. 256 с.
- Приказы ректора университета по производственным вопросам с № 1 по № 88 // ГААК. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 761.
- Протокол заседания ученого совета университета и документы к нему от 19 октября 1988 г. № 7 // ГААК. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 1673.
- Протоколы заседаний совета факультета с № 1 по № 9 // ГААК. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 1771.

Сасковец Е. А.Б. Шамшин: Археология — это не просто профессия, это образ жизни // *За науку*. 2003. № 21-22. С. 4.

Скареева Е. Ю.Ф. Кирюшин: «И я заболел археологией на всю жизнь» // *За науку*. 2016. № 2. С. 4.

Слово о юбиларе // *За науку*. 2006. № 1 (940). С. 4.

Тишкин А.А. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности Юрия Федоровича Кирюшина // *Доктор исторических наук, профессор Юрий Федорович Кирюшин: библиография*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 5-21.

Троицкая Т.Н. Музей глазами археолога. Новосибирск : Ярус, 2013. 60 с.

Хайтун С.Д. О предпосылках возникновения научной школы // *Социально-психологические проблемы науки: ученый и научный коллектив*. М. : Наука, 1973. С. 190-201.

Храмов Ю.А. Научные школы в физике. Киев : Наукова думка, 1987. 400 с.

Шамшин А.Б. Археология Алтая в университете: четверть века // *Известия Алтайского государственного университета*. 1998. № 6. С. 23-26.

REFERENCES

A.A. Tishkin and V.V. Gorbunov Defended His Doctoral Theses. *Za nauku = For Science*. 2006;40:1. (In Russ.)

Artemova A. Archaeologists' Megaproject — the Winner of the Competition! *Za nauku = For Science*. 2014;1:2. (In Russ.)

Arshavsky I.A. The role of A.A. Ukhtomsky, a Scientist and Personality, in the Creation of the Physiological School of Leningrad University. Moscow : Nauka, 1971. 13 p. (In Russ.)

Borodaev V.B., Kiryushin Yu.F., Kungurov A.L. Archaeological Sites on the Territory of Barnaul. In: *Historical and Cultural Sites of Barnaul*. Barnaul : Alt. kn. izd-vo, 1983. Pp. 8-30. (In Russ.)

Archaeology of Northern and Central Asia Was the Focus of Discussion in Barnaul. *Nauka v Sibiri = Science in Siberia*. 2021;2:3. (In Russ.)

Vasiliev E.A. Yuri Fedorovich Kiryushin: Tomsk Chapter of His Biography. In: *Archaeology of Northern and Central Asia: New Discoveries and Results of Interdisciplinary Research*. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2021. Pp. 10-24. (In Russ.)

Ganenk V.Yu. Factors in the Formation of the Barnaul Scientific Archaeological School. In: *Study of the Ancient History of Northern and Central Asia: from Origins to Modernity*. Novosibirsk : IAET SO RAN, 2022. Pp. 26-28. (In Russ.)

Glushkov I.G. A Good Man. In: *Western and Southern Siberia in Antiquity*. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Pp. 10-14. (In Russ.)

Gorbunov V.V. 25 Years since the Foundation of the Museum of Archaeology and Ethnography of Altai, Altai State University. In: *Altai Krai: Calendar of Significant and Memorable Dates*. Barnaul : PrintEkspress, 2009. Pp. 28-30. (In Russ.)

Dashkovsky P.K. A Word about the Scientific Counsellor. In: *Archaeology of Western Siberia and Altai: Experience of Interdisciplinary Research*. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015. Pp. 19-21. (In Russ.)

Dashkovsky P.K. Scientist, Teacher, Mentor: on the 60th Anniversary of Alexey Alekseevich Tishkin. *Narody i religii Evrazii = Peoples and Religions of Eurasia*. 2023;3:7–41. (In Russ.)

Demin M.A. Aleksey Pavlovich Umansky: The Path to Science. Barnaul: AltGPU, 2018. 404 p. (In Russ.)

Ten years of the Dissertation Board at the Faculty. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. 26 p. (In Russ.)

Doctor of History Professor Yuri F. Kiryushin: Biobibliography. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016. 160 p. (In Russ.)

Ilyina T. Yuri Kiryushin: Lucky are Those Who Do the Job. *Altajskaya pravda = Altai Pravda*. 2006;9:2. (In Russ.)

Institute of Archaeology and Ethnography. Novosibirsk : INFOLIO, 2006. 144 p. (In Russ.)

Kedrov B.M. Scientific School and Its Leader. In: Schools in Science. Moscow : Nauka, 1977. Pp. 300–310. (In Russ.)

Kiryushin Yu.F. Archaeological Works on the Middle Katun. In: Katun Project: Problems of Examination. Novosibirsk : SO AN SSSR, 1990. Pt. 2. Pp. 170–172. (In Russ.)

Kiryushin Yu.F., Maloletko A.M. Bronze Age of Vasyugan. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1979. 183 p. (In Russ.)

Kiryushin Yu.F., Maloletko A.M., Tishkin A.A. Berezovaya Luka is a Bronze Age Settlement in the Alei Steppe. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Vol. 1. 288 p. (In Russ.)

Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A., Shamshin A.B. Experience of Training Archaeologists at Altai State University. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2006;5(3):29–39. (In Russ.)

Klimenko V. Current Russian Science is Strong not only because of its Academies. *Za nauku = For Science*. 1994;10:2. (In Russ.)

Kungurov A.L., Papin D.V., Tishkin A.A. Alexander Borisovich Shamshin is 60 Years Old. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2016;2(14):137–145. (In Russ.)

Lavygina O. Through Thorns — to Artifacts. *Za nauku = For Science*. 2017;7:5. (In Russ.)

Likhacheva A. Once Again About the Anniversary Celebrant — the Department of Archaeology, Ethnography and Museology (Source Studies). *Za nauku = For Science*. 2008;42–43:4. (In Russ.)

Melnikova O.M. Scientific school. In: Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary. Moscow : Akvilon, 2014. Pp. 538–539. (In Russ.)

Neverov V.I. University is my Love! Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 198 p. (In Russ.)

On Amending the Rules for the Provision of Grants in the Form of Subsidies in the Field of Science from the Federal Budget for State Support of Young Russian Scientists — Candidates of Sciences and Doctors of Sciences in Order to Implement the Decree of the President of the Russian Federation dated February 9, 2009 No. 146 “On Measures to Strengthen State Support for Young Russian Scientists — Candidates and Doctors of Sciences” (grants from the President of the Russian Federation), as well as Leading Scientific Schools of the Russian Federation. Resolution of the Government of the Russian Federation Dated February 26, 2021

No. 261. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii = Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2021;10:6006-6017. (In Russ.)

Historical and Cultural Sites of Northwestern Altai. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1990. 132 p. (In Russ.)

Historical and Cultural Sites of the Southwestern Regions of Altai Krai. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. 256 p. (In Russ.)

Orders of the Rector of the University on Production Issues No. 1 to No. 88. In: GAAK. F. R-1595. Op. 1. D. 761. (In Russ.)

Minutes of the Meeting of the Academic Council of the University and Documents to it No. 7 of October 19, 1988. In: GAAK. F. R-1595. Op. 1. D. 1673. (In Russ.)

Minutes of the Faculty Council Meetings No. 1 Through No. 9. In: GAAK. F. R-1595. Op. 1. D. 1771. (In Russ.)

Saskovets E. A.B. Shamshin: Archaeology is not Just a Profession, it is a Way of Life. *Za nauku = For science*. 2003;21-22:4. (In Russ.)

Skaredova E. Y.F. Kiryushin: "And I Became Hooked on Archaeology for All My Life". *Za nauku = For Science*. 2016;2:4. (In Russ.)

A Word About the Hero of the Day. *Za nauku = For Science*. 2006;1:4. (In Russ.)

Tishkin A.A. Brief Review on the Scientific, Pedagogical and Social Activities of Yuri Fedorovich Kiryushin. In: Doctor of History Professor Yuri F. Kiryushin: references. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016. Pp. 5-21. (In Russ.)

Troitskaya T.N. Museum Through the Eyes of an Archaeologist. Novosibirsk: Yarus, 60 p. (In Russ.)

Khaitun S.D. On the Prerequisites for the Emergence of a Scientific School. In: Social and Psychological Problems of Science: Scientist and Research Team. Moscow : Nauka, 1973. Pp. 190-201. (In Russ.)

Khramov Yu.A. Scientific Schools in Physics. Kyiv : Naukova Dumka, 1987. 400 p. (In Russ.)

Shamshin A.B. Altai Archaeology at the University: A Quarter of a Century. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Altai State University*. 1998;6:23-26. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ганенок Владимир Юрьевич, старший преподаватель кафедры археологии Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

Vladimir Yu. Ganenok, Senior Lecturer, Department of Archaeology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

*Статья поступила в редакцию 27.10.2025;
одобрена после рецензирования 24.11.2025;
принята к публикации 04.12.2025.
The article was submitted 27.10.2025;
approved after reviewing 24.11.2025;
accepted for publication 04.12.2025.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АККМ — Алтайский краевой краеведческий музей.
АлтГПУ — Алтайский государственный педагогический университет.
АлтГУ (АГУ) — Алтайский государственный университет.
АМР — археологический микрорайон.
АН — Академия наук.
АН РТ — Академия наук Республики Татарстан.
АНО — Автономная некоммерческая организация.
АРЗ — микрорайон Томска, названный так в честь бывшего авторемонтного завода.
Б. и. — Без издательства.
БашГУ — Башкирский государственный университет.
БГПУ — Благовещенский государственный педагогический университет.
БНЦ — Башкирский научный центр.
БПЛА — Беспилотный летательный аппарат.
ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.
ВШЭ — Высшая школа экономики (г. Москва).
ГАГУ — Горно-Алтайский государственный университет.
ГИС — геоинформационные технологии.
Д. — дело.
ДКХ — древесно-кольцевая хронология.
ЗАГС — запись актов гражданского состояния.
ЗАТО — закрытое административно-территориальное образование.
ИА — Институт археологии.
ИАЭТ — Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск).
ИГУ — Иркутский государственный университет.
ИЗК — Институт земной коры (г. Иркутск).
ИИМК — Институт истории материальной культуры Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
ИИФиФ — Институт истории, филологии и философии.
ИРГО — Императорское Русское географическое общество.
ИТСО — инженерно-технические средства охраны.
КазССР — Казахская Советская Социалистическая Республика.
КАЭЭ ПГПУ — Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного педагогического университета.
КГБУ ГААК — Краевое государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Алтайского края».
КГУ — Казанский государственный университет.
КП — Книга поступлений.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН (г. Москва).

- КузГТУ — Кузбасский государственный технический университет.
КУ РА ГАРА — Казенное учреждение Республики Алтай «Государственный архив Республики Алтай».
Л. — лист.
ЛГИ — Лаборатория гуманитарных исследований.
ЛНИАО — Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение.
ЛО — Ленинградское отделение.
МАЭА АГУ — Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственно-го университета.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИЦАИ — Международный институт центральноазиатских исследований.
МССР — Молдавская Советская Социалистическая Республика.
НГУ — Новосибирский государственный университет.
НИИ — Научно-исследовательский институт.
НИУ — Национальный исследовательский университет.
НМРА — Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина.
ОГПУ — Оренбургский государственный педагогический университет.
ООО — общество с ограниченной ответственностью.
Оп. — опись.
ОФ — основной фонд.
РА — Российская археология (журнал).
РАН — Российская академия наук.
РАЭСК — Российская археолого-этнографическая конференция.
РИО — Редакционно-издательский отдел.
РНФ — Российский научный фонд.
СА — Советская археология.
СГСПУ — Самарский государственный социально-педагогический университет.
СО — Сибирское отделение.
СССР — Союз Советских Социалистических Республик.
ТГОМ — Тверской государственный объединенный музей.
УзССР — Узбекская Советская Социалистическая Республика.
УФИЦ — Уфимский федеральный исследовательский центр.
Ф. — фонд.
ФГБОУ ВО — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования.
ЧелГУ — Челябинский государственный университет.
BSPU — Blagoveshchensk State Pedagogical University.
IAET SB RAS — Institute of Archaeology and Ethnography.
IEC—Institute of the Earth's Crust.
RSSDA — Remote Sensing and Spatial Data Analysis (дистанционное зондирование и анализ пространственных данных).
SB RAS — Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Научное издание

**Журнал
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Том 37 № 4 2025

Редактор: Н.Ю. Ляшко
Перевод и редактирование текстов на английском языке,
References: Е.А. Россинская
Подготовка оригинал-макета: Д.А. Басманова

Журнал распространяется по подписке через каталог «Урал Пресс»,
индекс ВН018441
Цена свободная

Подписано в печать 23.12.2025. Печать офсетная
Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Гарнитура Minion Pro
Усл. печ. л. 21,93. Тираж 500 экз. Заказ №819.

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета
Адрес типографии: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66
Дата выхода 29.12.2025.